

ORIENTAL STUDIES

(Вестник КИГИ РАН)

Основан в 1963 г.

Издается в формате журнала с 2008 г.

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 27 сентября 2017 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Рег. номер ПИ № ФС77-71236

2018. № 5 (39)

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

канд. филол. наук *В. В. Куканова*

Заместитель главного редактора:

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),
акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *Вэй Цзянь* (КНР),
д-р ист. наук *В. В. Грайворонский* (Россия, г. Москва), чл.-корр. РАН *А. В. Дыбо* (Россия, г. Москва),
д-р филол. наук *В. Л. Кляус* (Россия, г. Москва), д-р филол. наук *И. В. Кульганек* (Россия, г. Санкт-Петербург),
д-р филол. наук *О. А. Мудрак* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р филол. наук *А. Д. Цендина* (Россия, г. Москва),
акад. *Чао Геджин* (КНР), д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), д-р ист. наук *Ц. П. Ванчикова* (г. Улан-Удэ),
д-р филол. наук *Л. С. Дамтилова* (г. Улан-Удэ), д-р филол. наук *Б. С. Дугаров* (г. Улан-Удэ),
д-р соц. наук *Н. В. Дулина* (г. Волгоград), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),
д-р филол. наук *С. А. Крылов* (г. Москва), д-р соц. наук *Д. А. Лушиников* (г. Ставрополь),
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *С.-Х. Д. Сыртыпова* (г. Москва),
д-р ист. наук *А. Г. Ситдииков* (г. Казань), д-р филол. наук *Е. К. Скрибник* (Германия),
д-р филол. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва), д-р филол. наук *Чао Гету* (КНР)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева*, д-р филол. наук *Т. Г. Басангова*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*,
д-р филол. наук *В. Н. Мушаев*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,
д-р ист. наук *М. А. Очир-Горяева* (Россия, г. Элиста)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, учредителя и издателя:
Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8.
Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15; факс: (84722) 3-55-06.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Отечественная история	<i>Самдан А. А.</i> Усиление российского политического влияния и административная реформа в Туве	2
	<i>Башкуев В. Ю.</i> Традиционный быт и проблемы здоровья монгольского аратства в 1920–1930-х гг. (по архивным материалам Наркомздрава РСФСР).	14
	<i>Оциров У. Б.</i> Жители Калмыкии — кавалеры «полководческих» орденов.	27
Источниковедение	<i>Гречкина-Погребнякова (Хворова) И. Е.</i> Документы по истории взаимоотношений народов Сибири в XX веке (по материалам Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Красноярского края)	48
	<i>Козинцев М. А., Почакаев Р. Ю.</i> К истории среднеазиатской таможенной политики России во второй половине XIX в. (докладная записка В. П. Череванского 1872 г.)	58
Этнология	<i>Батомункуев С. Д.</i> Национальная идентичность и феномен гражданской религии	79
	<i>Баязитова Р. Р.</i> Знаковые функции народной одежды в традиционной культуре башкир	89
	<i>Жуковская Н. Л.</i> Шаманы и шаманки Бурятии: их мистический опыт и мои экспедиционные исследования. Часть 1	97

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Языкознание	<i>Хонинов В. Н.</i> К изучению омонимии калмыцкого языка и проблеме составления словаря омонимов	110
	<i>Муратова Р. Т.</i> Генезис, развитие и лексическая семантика цветообозначения <i>кызыл</i> ‘красный’ в башкирском языке	120
	<i>Бембеев Е. В.</i> К проблеме семантики некоторых лексических единиц, обозначающих «плеть» (на материале эпоса «Джангар»)	132
	<i>Гедеева Д. Б.</i> О слове <i>bičiq</i> в языке калмыцкой деловой письменности XVIII–XIX вв.	145
	<i>Гёрёчин Г.</i> Частотность и применение некоторых терминообразующих суффиксов монгольского языка	152

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Фольклористика	<i>Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Чулуун З.</i> Топоним <i>Алтай</i> в мотиве пути в эпосе монгольских народов	166
	<i>Манджиева Б. Б.</i> Синоптический анализ прологов «Джангара» (Багацохуровский цикл 1857–1862 гг.)	174



Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 39, Is. 5, pp. 2–13, 2018
DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-2-13
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 9 (93/94)

Усиление российского политического влияния и административная реформа в Туве

Аяна Анай-ооловна Самдан¹

¹ кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (667000, Россия, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4). ORCID: 0000-0002-7785-7497. E-mail: camayana@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье освещается процесс включения тувинцев в российское политическое пространство путем установления протектората России над Урянхайским краем. Царская власть разрабатывала различные планы по распространению своего влияния, в том числе и военный захват края. Эти проблемы обсуждались на разных уровнях российских властей. Одним из самых дискуссионных вопросов стала задача администрирования как местного, так и русского населения. Результатом совещаний стала выработка умеренной политики — постепенного укрепления своего влияния в крае путем переселения русских крестьян в Туву.

Цель. Изучить вопросы административно-территориального управления в Туву после установления российского протектората в 1914 г.

Методы и материалы. При написании статьи были использованы эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации, системного анализа; теоретические методы историзма, формальной и диалектической логики. Материалом послужили архивные документы Государственного архива Республики Тыва, а также Научного архива Тувинского института гуманитарно-прикладных исследований, которые впервые вводятся в оборот.

Результаты. Архивные документы свидетельствуют, что политическая ситуация требовала коррекции системы управления в крае, в частности, организации российских органов власти, их компетенции, порядка взаимодействия комиссариата и переселенческого управления, взаимоотношения этих органов с местным, а также с русским и тувинским населением. Представителями русских властей назначались опытные, инициативные чиновники (А. П. Церерин, В. К. Габаев, В. Ю. Григорьев), и во многом благодаря их усилиям, энергичным действиям стали возможны принятие протектората и дальнейшие административно-территориальные реформы в крае. Порой текущие важные вопросы (строительство Усинского тракта, конфликты между местным и пришлым населением) требовали вмешательства Иркутского генерал-губернатора.

Выводы. Автор считает, что на волне Синьхайской революции в Китае усилились позиции России в Туву. Русские чиновники избрали путь косвенного управления, устанавливая тесные контакты с правителями хошунов или же ставя правителями лояльных к ним людей. Такой подход способствовал формированию новых политических элит в Туву. Благодаря этим

усилиям удалось отстранить от власти монголов, и всеми тувинскими хошунами и сумонами стали править тувинцы. Так, правителем одного из многочисленных хошунов был избран лама К. Чымба, а из четырех сумонов образовали 2 новых хошуна.

Тувинская политическая элита не смогла выработать единого мнения в вопросе самоопределения страны. Это можно объяснить их некоторым индифферентным отношением к будущей судьбе страны и опять же тяготением к старым порядкам управления.

Ключевые слова: Урянхайский край, русские власти, Комбу-Доржу, протекторат, совещания, иркутский генерал-губернатор, административная реформа, Синьхайская революция

Введение

С самого начала XX в. в разных провинциях Китая вспыхивали народные восстания. По всему Китаю распространялись антицинские настроения. В 1910 г. российский посланник в Пекине И. Я. Коростовец писал: «В сущности все население Китая охвачено духом протеста против существующего строя и готово при первом удобном случае прибегнуть к насилию. В стране почти повсеместно замечается антиправительственное брожение, проявляющееся в восстаниях, бунтах, погромах и военных мятежах» [Белов 2001: 25]

Такие же мятежные настроения были и у тувинцев. Обеспокоенный активизацией заселения страны китайцами, правитель Тувы Комбу-Доржу, а также предчувствуя скорое падение маньчжурской власти, стал предпринимать меры по отделению страны от Китая.

В России царская дипломатия путем пересмотра пограничных договоров и соглашений «пыталась создать общественное мнение, что северная часть Урянхайского края испокон веков была в составе России» [Моллеров, Март-оол 2013: 146]. Русским властям было приказано «... уклоняться от проверки северной границы по Саянскому хребту и перенести границу на наших картах на хребет Танну-Ола» [Колониальная политика... б/г: 172].

Совещания российских властей по «урянхайскому вопросу»

28 февраля 1911 г. иркутский генерал-губернатор, егермейстер Л. М. Князев провел совещание, в котором, кроме чиновников генерал-губернаторства, приняли участие и военные чины, где они обсудили вопросы укрепления юридического положения русской власти в Туве. Участники совещания признали, что Усинское пограничное управление, созданное 1885 г. и состоявшее из начальника, его помощника, переводчика

и 6 казаков, совершенно «не отвечает современному положению интересов края» [Собрание архивных документов... 2014: 53], поэтому возложенные на него обязанности должны быть расширены функциями уездной полиции, крестьянского начальника и, возможно, дипломатического агента. Было решено расширить штат и выработать инструкцию для Усинского пограничного начальника. Кроме того, были приняты решения военного характера, в частности о выдаче Усинскому пограничному начальнику 1 000 винтовок Бердана и патронов к ним. Ему поручалось сформировать дружину из ополченцев Усинской волости и Урянхайского края и организовать 1–2-недельные курсы обучения. Из Минусинска и Красноярска были направлены в с. Усинск два взвода, а также было разрешено казакам Иркутской и Енисейской губерний переселяться в Урянхайский край с «пособием от казны».

Таким образом, иркутские власти допускали возможный военный конфликт с Китаем. При малейшем осложнении ситуации с Китаем, не говоря уже о войне, русские власти планировали ввести свои войска в Туву. Штаб Иркутского военного округа выработал план занятий Урянхайского края. Согласно этому плану, из Иркутска и Красноярска должны были выдвинуться две сотни. Вместе с тем встал вопрос об увеличении численности Иркутского и Красноярского казачеств, предполагалось провести мобилизацию «казаков второй и третьей очередей». Кроме того, совещание постановило создать в крае переселенческое ведомство.

Русские власти планировали реализовать в Туве уже проверенную на опыте процедуру присоединения Мерва¹: проведение общего собрания облеченных властью лиц,

¹ Мерв — государство в Средней Азии, пограничное с Афганистаном, которое вошло в состав России в 1885 г.

где заявляют о принятии русского подданства и «просят прислать русского начальника», затем принесение присяги на верность русскому царю, а русские в свою очередь дают гарантию сохранения религии и оставления ханов «полными властелинами в своих владениях». Для проведения переговоров с амбын-нойоном был направлен Усинский пограничный начальник А. Х. Чакиров, которого снабдили «инструкцией, средствами и конвоем» [Собрание архивных документов... 2014: 54].

8 ноября 1911 г. на особом совещании Совета Министров под председательством В. Н. Коковцева обсудили не только решения, принятые в Иркутске, но и определили дальнейшие меры по укреплению российских политических, культурно-экономических мер в крае.

Посланник царского двора в Пекине, действительный статский советник И. Я. Коростовец в своей депеше поддержал Л. М. Князева в вопросе усиления военных сил в прилегающих к Урянхайскому краю русских районах. Именно в ней Николай II собственноручно начертил: «Нужно отправить в Усинск нашу воинскую часть» [Колониальная политика... б/г: 213].

Противоположной точки зрения придерживался камергер царского двора А. А. Нератов. Он в своем выступлении подчеркнул: «С нашей стороны попытка перейти к более активным действиям в урянхайском вопросе была бы истолкована, как беззастенчивое намерение воспользоваться вспыхнувшей в Китае революцией для сведения своих с ним счетов и для завладения сопредельною частью его земель» [Собрание архивных документов... 2014: 60]. Кроме того, А. А. Нератов предостерегал свои власти о том, что активная колонизация может также вызвать ответные меры со стороны китайцев.

Участники совещания понимали, что в любом случае Китай из-за революционных событий будет ослабленным и «едва ли способным вести в ближайшем времени наступательную политику на своих окраинах» [Собрание архивных документов... 2014: 60]. Поэтому мирная колонизация, т. е. заселение края русскими «засельщиками», по их мнению, в дальнейшем станет основанием «для постепенного склонения нашей политики на путь протектората, а в далеком будущем, может статься, и прямого присоединения Урянхайского края» [Собрание архивных документов... 2014: 61].

Правительство решило поддержать русское население в крае путем организации строительства школ, больниц и оказания ветпомощи. Оно составляло 5000 человек, или «10 % всего населения края; в нем имеется 80 русских торгово-промышленных предприятий, 120 русских хуторов, 12 деревень и 50 золотопромышленных предприятий и приисков» [Собрание архивных документов... 2014: 60].

Таким образом, в царских кругах отсутствовало единство мнений. В достижении поставленных целей они по-разному видели разрешение данного вопроса. Министерство иностранных дел выступало за дипломатический подход, тогда как Министерство внутренних дел настаивало на военном захвате края. Кроме того, имелись разногласия в действиях и суждениях между центральной и местной властями. В результате Совет Министров определил умеренную политику — постепенного подчинения края мирными средствами.

Распад Цинской империи и объявление независимой Монголии побудили вновь вернуться к вопросу укрепления русского влияния в Туве на высоком уровне. Межведомственная комиссия при Министерстве внутренних дел, которая заседала с 14 по 18 августа 1912 г., обсудила два основных вопроса: 1) порядок заведования пограничными делами в Урянхайском крае и 2) администрирование проживавшего в крае русского населения. Наиболее острая дискуссия развернулась вокруг вопроса о пограничном комиссаре. В должностные обязанности пограничного комиссара входили взаимодействие с иностранными представителями, регулирование пограничных конфликтов, в отдельных случаях они исполняли консульские функции.

Члены комиссии полагали, что сложился наиболее благоприятный момент для укрепления в крае русского влияния, «как в целях политических, так и в целях защиты интересов населяющего край русского населения» [Колониальная политика... б/г: 234], обсуждали вопрос перевода пограничного комиссара Н. Д. Кузьмина¹ из Амурской

¹ Кузьмин Н. Д. — в 1900–1912 г. пограничный комиссар Амурской области. Из-за конфликта с первым вице-консулом В. К. Никитиным пограничному комиссару Н. Д. Кузьмину искали новое место работы, но в августе 1912 г. он был переведен в Приморскую область.

области как наиболее опытного человека, в с. Усинское. Но данное предложение было отвергнуто.

Из-за закрытия законодательной сессии Государственной Думы ввести новую должность не представлялось возможным. Поэтому иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев высказал мнение о командировании особо уполномоченного должностного лица, хорошо знавшего край, которое будет обладать «более широкими полномочиями и правами в сравнении с правами пограничных комиссаров» [Колониальная политика... б/г: 234]. Предполагалось, что он должен «действовать в качестве административно-полицейского органа внутреннего управления, а в отношении дел русского населения Урянхайского края — на правах консула» [Собрание архивных документов... 2014: 68]. Кроме прямых прав и обязанностей пограничного комиссара, он был частично наделен и правами дипломатического агента.

В связи с началом процедуры установления протектората России 16 мая 1914 г. Совет Министров обсудил вопрос об «объединении русской власти в крае». По представленным докладом Министерства иностранных дел и Министерства юстиции, он принял документ «Об устройстве управления и судебной части в Урянхайском крае», где было указано на необходимость разработки законопроекта об административном устройстве Урянхайского края, а также предоставления на утверждение Высочайшему Его Императорскому Величеству проекта «Инструкции должностным лицам управления Усинского пограничного округа и Урянхайского края». Последний был утвержден Николаем II 29 июня 1914 г. Условия протектората не позволяли принимать какие-либо законы об административном устройстве Тувы, и поэтому была разработана инструкция, которая «подчинила бы всех должностных лиц местного управления единой власти в лице комиссара по пограничным делам» [Собрание архивных документов ... 2014: 97].

Согласно инструкции, комиссар по делам Урянхайского края как представитель Правительства Российской империи осуществлял «общее руководство и надзор за деятельностью всех лиц, входящих в состав управления данной местности» (п. 2) и наделен широким кругом полномочий. Он «наблюдал» за недопущением контрабанды

(пп. 3–6), исполнял обязанности полиции и судебные решения (п. 11) и т. д. [Собрание архивных документов... 2014: 123–124].

Амбын-нойон Комбу-Доржу

В декабре 1911 г. в хошунах, возглавляемых амбын-нойоном Комбу-Доржу, началась национально-освободительная борьба против китайцев. Был разгромлен филиал китайской фирмы «Бо Яньбоу» в Эрзине и его окрестностях. Через месяц большая часть этих хошунов была полностью освобождена от китайских торговцев. Это движение достаточно быстро охватило почти всю Туву. После изгнания китайцев из Тувы перед тувинскими нойонами встал вопрос о дальнейшей судьбе страны. «"Вакуум власти" заставил представителей тувинской элиты искать новые формы государственности» [Дацышен, Ондар 2003: 37].

В январе 1912 г. Комбу-Доржу провел совещание с участием тувинских нойонов и влиятельных лам с тем, чтобы определиться по дальнейшей судьбе своего народа. Комбу-Доржу планировал реализовать довольно амбициозный план — образование ханства, в котором он видел себя ханом.

Амбын-нойон осознанно шел на сближение с Россией с целью объединения под своим началом всех тувинских хошунов, прежде всего Салчакского и Тоджинского. И, как правильно заметили В. Г. Дацышен и Г. А. Ондар, тувинская элита боролась «за сохранение и развитие основ национальной государственности» [Дацышен, Ондар 2003: 37].

Участники совещания не смогли выработать единого мнения, интересы нойонов разделились. Амбын-нойон настаивал на отправке делегации во главе со своим сыном в Петербург с просьбой «оказать покровительство и защиту русского царя». Правители хошунов (Салчакского — Балжиням и Тоджинского — Тогмид) выступили за присоединение к Монголии. Тогда Комбу-Доржу пригрозил им, что «совместно с русскими разграбит и выгонит ... из кочевий» [НА ТИГПИ. Р/ф. Д. 1192. Л. 4]. В действительности русские снабдили Комбу-Доржу небольшим отрядом казаков. Но, несмотря на угрозы, все же Балжиням и Тогмид тайно выехали в Монголию, где они попросили: «Прежде и до сего времени мы имели и имеем тесную связь с Чжалханца-хутухтой и считаемся шабинарами и далее желая находиться под защи-

той и покровительством Банди-Вачирдара Чжалханца-хутухты и нести по силе возможности все повинности, почтительнейше постановили: единогласно и решительно ... просить принять наши два хошуна ... с их кочевьями под покровительство Богдо-хана» [НА ТИГПИ. Д. 1065. Л. 9].

Позже к ним подключился и правитель Хемчикского хошуна Буян-Бадырғы. Население вышеперечисленных трех хошунов стали данниками Джалханза-хутухты¹, правителям тувинских хошунов были пожалованы княжеские титулы *гуна* и вручены печати, что свидетельствовало о независимом положении от амбын-нойона Тувы.

Комбу-Доржу периодически встречался с Усинским пограничным начальником А. Х. Чакировым. На одной из таких встреч «амбын-нойону Комбу-Доржу был пожалован орден Станислава второй степени» [Василенко 2014: 128].

15 (24?) февраля 1912 г. чиновники, придерживавшиеся русской ориентации во главе с Иргитом Агван-Шырапом, смогли передать А. Х. Чакирову прошение об установлении протектората над Тувой, которое было подписано мелкими чиновниками Салчакского, Оюннарского и Тоджинского хошунов. Ни сам амбын-нойон, ни правители этих хошунов не поставили свои подписи под этим документом.

Оставшись в меньшинстве, Комбу-Доржу, считая себя не обремененным никакими обязательствами, также обратился к ургинскому хутухте с просьбой принять его хошун в состав Монголии и «вновь подчинить ему тувинские хошуны Салчак и Тоджа» [История Тувы 2001: 314]. После получения согласия со стороны Богдо-хана Комбу-Доржу сразу ходатайствовал о подчинении ему еще двух хошунов — Хубсугульского и Хемчикского, — которые получили самостоятельность в 1878 и 1908 гг. соответственно. Все действия Комбу-Доржу были направлены на реставрацию прежнего административно-территориального устройства Тувы. Но отсутствие опыта государственного строительства, «цепляние» за старую традиционную систему управления помешали ему реализовать свои далеко идущие планы. Фактически получилось, что «тувинцы боролись за сохранение своих

прежних социально-экономических устоев и формально политического статуса» [Дацышен, Ондар 2003: 60].

Заведующий пограничными делами Усинского края

На первых порах в обязанности заведующего входили, в первую очередь, удержание правителей отдельных тувинских хошунов от вхождения в состав Монголии и проведение среди их населения разъяснительной работы о пользе и выгоде «самостоятельного ... существования вне зависимости от Китая или Монголии» [Дацышен, Ондар 2003: 235]. Затем, во вторую очередь, администрирование русских, проживавших в крае.

Первым заведующим пограничными делами был назначен А. П. Церерин, особый чиновник IV класса Иркутского генерал-губернаторства, деятельный, инициативный человек. Во многом благодаря его грамотным действиям в 1914 г. в Туве был установлен российский протекторат. Он приступил к своим прямым обязанностям 22 марта 1913 г. и стал активно знакомиться с внутренними делами Тувы. Особо теплые отношения у него сложились с Комбу-Доржу. А. П. Церерин поддержал его в вопросе образования ханства. Как он потом увлеченно рассказывал В. К. Габаеву, «он, Церерин, поставит одного из пяти урянхайских правителей ханом, а сам будет руководить всеми делами ханства» [Колониальная политика... б/г: 282].

А. П. Церерин выступал против беспорядочного заселения русских крестьян в Туву, в частности остановил движение переселенцев по Чуйскому тракту [Колониальная политика... б/г: 289]. Отвод тувинских земель происходил «по свободному соглашению с урянхами», а любое возмущение местного населения могло привести к повторению событий 1908 г. Тогда правитель Хемчикского хошуна М. Хайдып решил выселить русских торговцев, не имеющих разрешения (свидетельства) на нахождение на территории Тувы. Для регулирования данной проблемы с российской стороны были задействованы Усинский пограничный начальник, иркутский генерал-губернатор, дипломатический корпус в Пекине и Улясутае, агенты, а также военные круги. Заведующий считал, что, пока не откроется Усинская дорога, в случае возникновения конфликта оказать какую-либо защиту

¹ Джалханза-хутухта VIII Дамдинбазар — монгольский религиозный и политический деятель. Дважды занимал пост первого министра Монголии.

русским «засельщикам» не представляется возможным. Кроме того, русские сторожилы видели в новых «засельщиках» конкуренцию, и, как свидетельствует чиновник особых поручений С. Р. Минцлов, «купцы, пользующиеся среди сойотского (тувинского) чиновничества большим влиянием, ... позволяют себе враждебно настраивать нойонов против русских» [Колониальная политика... б/г: 301].

Отдельные русские чиновники, в частности красноярский губернатор, судьи, чиновники Казенной палаты, Усинский пограничный начальник, считали территорию Тувы русским уездом, округом и соответственно творили здесь самоуправство, что в скором времени могло привести к нежелательным последствиям для российских властей. Как докладывал А. П. Церерин в своем донесении иркутскому генерал-губернатору: «Хаос и неразбериха во взгляде на урянхайский вопрос ... создались благодаря самостоятельному политиканству относительно Урянхайского края отдельных должностных лиц и учреждений в Красноярске и с. Усинском» [Колониальная политика... б/г: 255].

А. П. Церерин все свои усилия направил на установление дружеских связей с нойонами двух хемчикских хошунов, поскольку их население составляло больше половины коренных жителей всей Тувы, и в них имелось сильное монгольское влияние. Для того чтобы его нейтрализовать, он приказал казакам вылавливать монголов, и, если при них обнаружат агитационные листки, то их следует уничтожать. Он, как его инструктировали, обращали внимание на то, что монголы установили непомерные налоги, и даже были зафиксированы случаи «самовольного захвата и увода скота», а русские власти «не позволят никому другим брать с них (тувинцев) дань и [будут] защищать от притеснений, чинимых со стороны под видом повинностей» [История Тувы 2001: 356], убедил правителей и дзайсанов¹ двух хемчикских хошунов написать прошение на имя российского императора.

Переселенческий чиновник

Поскольку русские власти не отказались от идеи активного заселения Тувы новыми засельщиками, кроме заведующего, было предложено назначить и отправить в Туву переселенческого чиновника на правах кре-

¹ Дзайсан — правитель рода.

стьянского начальника. Согласно инструкции, утвержденной 10 мая 1913 г., переселенческий чиновник должен был ведать «русским населением Урянхайского края и всемерно поддерживать его в культурно-хозяйственной работе», т. е. заниматься строительством школ, церквей, молитвенных домов, магазинов, содействовать открытию потребительских обществ, промышленных артелей и товариществ. Он был подотчетен в своей деятельности заведующему пограничными делами Усинского округа.

Переселенческим чиновником был назначен В. К. Габаев, также энергичный и предприимчивый человек, который прибыл в с. Усинское 2 июня 1913 г. Он, в отличие от А. П. Церерина, сразу поселился в Туве и в своих действиях зачастую допускал превышение своих полномочий, тем самым нарушая инструкцию. «Переселенческий чиновник фактически сосредоточил в своих руках всю полноту русской власти в Туве, так как в его руках были деньги, и ему подчинялась местная полиция» [Дацышен, Ондар 2003: 46].

Между А. П. Церериным и В. К. Габаевым не сложились отношения. Они по-разному видели решение задач, поставленных центральной властью. А. П. Церерин видел переселенческого чиновника лишь как исполнителя своих отдельных поручений, тогда как В. К. Габаев, невзирая на недовольство местного населения, устраивал на новом месте ежедневно прибывавших переселенцев. Корень конфликта состоял в том, что А. П. Церерин, как уже было сказано выше, проводил осторожную политику, обустроивая новых «засельщиков» только после согласования с тувинскими нойонами, тогда как В. К. Габаев во главу угла ставил интересы русских. Несогласованность действий двух представителей русской власти в крае, своего рода двоевластие, привело к некоторому замешательству среди тувинской политической элиты. А. П. Церерин проигнорировал самый главный проект В. К. Габаева — строительство Белоцарска, даже ни разу не посетив его.

Приезд иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева в Усинск и Туву

Для разрешения сложившейся непростой ситуации 10 августа 1913 г. в Усинск прибыл иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев. Его сопровождали прокурор

Красноярского окружного суда Иванов, дипломатический чиновник Эльтеков, инженер Усинской дороги и адъютант Струве. 12 августа Л. М. Князев провел совещание, где выступил с инициативой выработать положение об управлении Урянхайским краем, а затем провести его в Государственной Думе. Но поскольку ни одно из действовавших положений в других областях не подходило для Тувы, а участники совещания не смогли так быстро выработать его самостоятельно, то его предложение так и не было реализовано [Колониальная политика... б/г: 284]. Л. М. Князев понимал, что несогласованность действий двух должностных лиц может загубить все планы Совета Министров, поэтому он выступил за единоначалие в крае и поддержал заведующего пограничными делами А. П. Церерина.

В результате Л. М. Князев только внес изменения в инструкцию заведующего пограничными делами, а инструкцию переселенческого чиновника вовсе отменил. Кроме того, он расформировал Усинское пограничное управление, тем самым передав управление краем Усинскому пограничному комиссару. Таким образом, В. К. Габаева лишили прав крестьянского начальника, полицейские обязанности с него также сняли, и в результате его юридическое нахождение в крае становилось неясным.

За переселенческого чиновника заступился министр внутренних дел Н. Маклаков. Он напомнил Л. М. Князеву о том, что внешняя и внутренняя российская политика направлена на закрепление Урянхайского края за Российской империей, поэтому его мирная колонизация и создание в нем русских интересов «представляется основным мероприятием. А инструкции никоим образом не может быть признаваемы взаимно противоречивыми или несогласованными и приостановлений действия какой-либо из них ни в коем случае не может быть допущено» [Колониальная политика... б/г: 290].

Известно, что Л. М. Князев посещал Туву и встречался с представителями двух хемчикских хошунов. Подробности данной встречи ждут своих исследователей.

5 июля 1915 г. второй раз в Усинск прибыл иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев. На этот раз его сопровождали те же дипломатический чиновник Эльтеков и прокурор Красноярского окружного суда Иванов, а также офицер Римский-Корсаков, архитектор Миталь. На совещаниях, кроме

докладов В. Ю. Григорьева и В. М. Шкунова, он выслушал вопрос об открытии зимней дороги по Усинскому тракту. Строительство дороги Усинское — Белоцарск началось в 1915 г. и тогда составляло 135 верст¹.

В Туве Л. М. Князев совершил ознакомительные поездки по русским селениям Малого Енисея — Щербаковке, Федоровке, Бояровке, Шан и Знаменке, где имел возможность беседовать с людьми и призывал всех мирно решать разногласия с местным населением. Дальнейшая поездка до Чаа-Холя не состоялась из-за травмы ноги.

Административная реформа до и после объявления российского протектората

Удалив монгольского даргу, который управлял Бейсе-хошуном, А. П. Церерин временно назначил трех тувинских дзайсанов поочередно заведовать хошуном, а затем созвал совещание с участием 17 представителей родов (отоков), из которых состоит хошун и «духовенства для обсуждения вопроса о желательной для них формы управления хошуном» [Колониальная политика... б/г: 338]. В результате 4-дневного обсуждения правителем хошуна был избран в то время лояльный к русским властям, энергичный, образованный лама Куулар Чымба и четыре его помощника.

Аналогичную процедуру он провел в сомонах Маады и Чооду, которые ранее были данниками монгольского вана Намхайжанцана. Хотя изначально А. П. Церерин хотел присоединить их к управе амбын-нойона, но поскольку чиновники были против, то во главе управления был поставлен чиновник в должности «главный дзайсан» (*тэргуун дзайсан*) с двумя помощниками. Таким образом, был искусственно образован новый хошун, получивший название Да-ван. Позднее из сомонов Сартул и Шалык, которые также ранее входили в Дзасакту-хановский аймак Монголии, по аналогичному сценарию учрежден новый Нибазы хошун.

Таким образом, благодаря усилиям А. П. Церерина всеми тувинскими хошунами и сомонами стали править тувинские нойоны, но разрозненность между управлениями не удалось преодолеть.

В июне 1914 г. при объявлении о принятии российского протектората в м. Булук

¹ Верста — старинная русская единица измерения расстояния, равная 1 066,8 м.

А. П. Церерин сообщил Комбу-Доржу, что он «принят с подчиненными ему урянхами Оюннарского, Салчжакского и Тоджинского хошунов» [Собрание архивных документов ... 2014: 160]. При этом А. П. Церерин понимал, что вернуть чиновников последних двух хошунов под русское влияние довольно сложно, все его попытки встречи с нойонами Салчакского и Тоджинского хошунов были безрезультатными. Поэтому он намеревался назначить новых нойонов, более лояльных к русским. Но данную процедуру он хотел провести руками Комбу-Доржу. В своем письме А. П. Церерин писал: «...Действия Салчжакского и Тоджинского нойонов как незаконные поистине заслуживают всякого порицания ... прошу вас немедленно восстановить свою законную власть над Салчжакским и Тоджинским нойонами, и если они окажут вам в этом хотя бы малейшее сопротивление, то вы должны их сместить и избрать вместо их других нойонов» [Колониальная политика... б/г: 344].

При этом с тувинских чиновников было взято обязательство не иметь никаких сношений с иностранцами, «иначе как через посредство лица, представляющего на месте Российского правительства» [НА ТИГПИ. Д. 1065. Л. 16]. В свою очередь тувинские правители, каждый в отдельности, выдвинули следующие требования: ограничить наплыв русского населения, не заселяться самовольно, без разрешения местных властей не возводить постройки на пастбищах и священных местах, сохранить традиционное вероисповедание, самоуправление, уклад жизни и родовые кочевья.

В начале августа 1914 г. умер Балжиням и, соответственно, встал вопрос о новом правителе хошуна. А. П. Церерин предложил Комбу-Доржу воспользоваться удобной ситуацией и назначить своего человека. Но последний не пошел у него на поводу и, следуя традициям, предложил приемного сына Балжиняма — 17-летнего Идам-Суруна¹. Комбу-Доржу потребовал от наследника явиться к нему и А. П. Церерину для обсуждения насущных вопросов, в том числе о несении повинности.

¹ Идам-Сурун — приемный сын правителя Салчакского хошуна Балжиняма. Его родным отцом был брат Балжиняма — Дамдын, Да-лама хошуна. Он сам также буддийский монах, получил прекрасное домашнее образование.

Все усилия, направленные на объединение хошунов под началом амбын-нойона Тувы, были напрасны, поскольку даже правитель сомона Соян Ванчук активно стал продвигать идею выделения сомона в самостоятельное управление и обратился к монголам. В результате он наравне с правителями хошунов получил печать и был награжден титулом «гуна». Затем его сын Талха-Сурун обратился с ходатайством о предоставлении ему отдельного управления.

Комиссар по делам Урянхайского края

21 июня 1914 г. Государственная Дума утвердила закон об учреждении должности комиссара по делам Урянхайского края. Им был назначен статский советник В. Ю. Григорьев, который прибыл в Туву в начале 1915 г. Ему также ставилась задача мирного слияния Тувы с Российской империей. Заведующим переселенческого управления был назначен В. М. Шкунов.

После установления российского протектората актуальным стал вопрос упорядочения административного устройства края. Решение данного вопроса полностью предоставлялось местным русским властям. Кроме вопросов административного управления отдельными тувинскими хошунами, В. Ю. Григорьев хотел взять под контроль выезды тувинских чиновников всех рангов в Монголию, выдавая собственноручно билеты, а простой народ должен был ездить «с разрешения управляющего хошуном» [НА ТИГПИ. Д. 1065. Л. 4]. Комиссар установил налог, «необходимый для покрытия расходов по хошунному управлению», что, естественно, сразу же вызвало недоумение у местных чиновников, поскольку одним из аргументов, на которое обращал свое внимание А. П. Церерин, было то, что «урянхи ... не будут платить русским никаких податей» [НА ТИГПИ. Д. 1065. Л. 9об.–10].

В отличие от своего предшественника В. Ю. Григорьев встал на путь конфронтации с амбын-нойоном Комбу-Доржу. Последний, в свою очередь разочаровавшись в русских, стал открыто игнорировать комиссара, не реагируя на его просьбы о встрече, и, несмотря на запреты, использовал маньчжурскую печать при переписке с монголами. В. Ю. Григорьев в мае 1915 г., в одну из поездок к амбын-нойону, отстра-

нил Комбу-Доржу от власти, но «в воздаяние прежних заслуг ...оставил ему почетное звание амбая» [НА ТИГПИ. Д. 1065. Л. 4об.]. Он обещал посодействовать в получении ежегодной пенсии. Но опять же, видя «непослушание» со стороны амбая, он отказался от своих слов. Затем комиссар, отправив русских казаков, обманном путем отобрал печать амбын-нойона — символ власти. Как он потом сообщал, маньчжурскую печать «во избежание дальнейших с нею злоупотреблений, уже отобранную мною от амбая, я буду бережно хранить у себя, так как хотя она и утратила теперь свое деловое значение, но имеет для каждого урянха дорогое историческое значение, как воспоминание о былой истории народа, как это имеет место у других народов, любящих свою родину и ее прошлое» [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 24. Л. 5].

На совещании чиновников Оюннарского хошуна был избран Соднам-Балчыр, сын Комбу-Доржу. Но промонгольски настроенный, он, ссылаясь на болезни, молодость и неопытность, отказался. Прекрасно понимая привязанность тувинцев к своим родовым правителям, а прерывание власти «наследственных амбаян» может привести «к дальнейшим враждебным нам выступлениям» [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 24. Л. 143], В. Ю. Григорьев назначил его исполняющим обязанности правителя Оюннарского хошуна, и ему в помощь были назначены два дзахирокчи¹ — Оюн Ажыкай и Иргит Агван-Шырап. Последнего охарактеризовали как «искреннего русофила, умного, просвещенного и влиятельного человека» [История Тувы 2001: 34].

Соднам-Балчыр также избрал тактику игнорирования В. Ю. Григорьева, продолжая ездить в Монголию и вести переписку с монголами. Эти факты раздражали русского комиссара, и он в августе 1915 г. лишил власти Соднам-Балчыра, объявив его «нечиновным урянхом, которому не представлено и не будет представлено никакой власти» [ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 24. Л. 4об.]. Комиссар не стал проводить повторные выборы и назначил правителем Оюннарского хошуна дзахирокчи Иргита Агван-Шырапа, а его помощником — Оюна Ажыкай.

¹ Дзахирокчи — чиновник при правителе хошуна, ведающий гражданскими делами.

Обострение ситуации после объявления протектората. Приезд А. И. Пильца в Туву

Монголы, воспользовавшись вступлением России в Первую мировую войну, активизировали действия в попытке распространить свою власть в Туве. Они в своем письме просили встречу с Комбу-Доржу для выяснения вопроса о его ранее подданном прошении, а Буян-Бадырғы, дзайсанам 17 отоков, хамбу-ламе Чамзы и правителям Дзасакту-хановского и Сайн-нойоновского аймаков Монголии приказали восстановить прежнюю власть. Некоторые тувинские чиновники, придерживающиеся монгольской ориентации, возобновили агитацию против русских и даже открыто выражали угрозы «разгромить всех русских, выгнать их из Урянхая, перебить их и т. д.» [Колониальная политика... б/г: 386]. Только весной 1915 г. заведующему устройством русского населения в крае пришлось разрешать 259 спорных случаев между местным и русским населением [Моллеров, Март-оол 2013: 155].

Когда ситуация стала выходить из-под контроля, в мае 1915 г. комиссар В. Ю. Григорьев вызвал из Усинска местную воинскую команду в количестве 45 человек и 50 казаков из Кобдинского консульского конвоя. Последних, за исключением 7 человек, которых оставили на Хемчике, сосредоточили в Оюннарском хошуне для поимки гуна Ванчика, а Усинскую команду разместили в Салчакском хошуне, чтобы следить за развитием событий при выборе правителя хошуна.

Иркутский генерал-губернатор А. И. Пильц, назначенный «для восстановления престижа власти, поколебленной мягкостью Князева» [Адамов 2007: 41], посчитал недостаточным количество военных сил в крае и приказал в срочном порядке произвести мобилизацию порядка 600 человек с запаса и ополчения [Адамов 2007: 40]. Таким образом, в Туве вводилось военное положение.

По оценке царских дипломатов в Монголии, русские власти в Туве преувеличивали роль монголов в тувинско-русском противостоянии в вышеуказанных двух хошунах.

Видя обострение ситуации, А. И. Пильц решил сам вмешаться и в августе 1916 г. выехал в Туву, решив побывать «в наиболее важных туземных центрах» [Адамов 2007: 40]. Он сообщал: «В случае нужды буду применять самые решительные меры,

даже не предусмотренные законами, ибо союты, видя нашу слабость и одновременно настойчивость монгольского правительства ... совершенно перестают признавать» русскую власть [Адамов 2007: 40–41]. Иркутский генерал-губернатор, убедившись в сильном тяготении южных тувинцев к монголам, «объявил урянхам ... бесповоротную принадлежность края России» (подчеркнуто Е. Адамовым. — А. С.), обязанность подчиняться местным властям..., предупредив, что ослушников подвергну строгим карам и высылке в отдаленные местности Сибири» [Адамов 2007: 41]. При этом А. И. Пильц прекрасно понимал, что каких-либо юридических оснований для реализации своих угроз у него нет, поскольку условия протектората не позволяли полностью ввести российскую юрисдикцию.

Летом 1916 г. в результате устроенной засады сторонниками Соднам-Балчыра назначенец В. Ю. Григорьева Агван-Шырап был ранен и вскоре умер. Поэтому вновь встал вопрос о правителе хошуна.

Перед самым приездом А. И. Пильца 30 июля 1916 г. состоялся съезд Оюннарского хошуна, где вновь правителем хошуна был избран Соднам-Балчыр. Последний попытался вернуть утраченную власть и явился на аудиенцию к генерал-губернатору, выразив «раскаяние в противодействии русским и обещал в будущем быть верным слугой государя императора» [Адамов 2007: 42]. Иркутский генерал-губернатор вновь назначил Соднам-Балчыра правителем хошуна с условием, что он будет пресекать «распространение монгольской агитации» [Адамов 2007: 41].

Пожалуй, главным результатом поездки генерал-губернатора стало то, что южная граница стала считаться не по Танну-Ола, как это долгое время разрабатывали в русских дипломатических кругах, а по «течению реки Теси, что необходимо было по этнографическим, военным и экономическим соображениям» [Адамов 2007: 42]. Это необходимо, считал он, что «долина между хребтом и рекой составляет необходимые зимние кочевья наших урянхов» [Адамов 2007: 42].

Выводы

Волна революции, вспыхнувшей в Китае, привела к глубоким преобразованиям и в Туве. Русские и монголы, каждый со своей стороны, активизировали свои действия

в борьбе за владение Тувой. Тувинские нойоны пытались сохранить свою автономию, но «уровни развития экономических, политических институтов ... были явно недостаточны для формирования полностью независимого и достаточного сильного государства» [Дацышен, Ондар 2003: 234].

Российский протекторат, установленный в 1914 г. и не закрепленный международными договорами, привел к обострению ситуации не только на внешнем (с китайцами и монголами) уровне, но и внутреннем — среди тувинской элиты и русских представителей. Но благодаря грамотным действиям последних удалось закрепить условия протектората.

В результате грамотных действий русских властей удалось отстранить от власти монголов и поставить своих людей.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- ГАРТ — Государственный архив Республики Тыва. [*Gosudarstbennyu arkhiv Respubliki Tyva* [State Archive of the Tyva Republic].]
- Колониальная политика... — Колониальная политика русского царизма в Туве. Сб. документов. [Б. и., б. г.]. 472 с. [*Kolonial'naya politika russkogo tsarizma v Tuve* [Colonial policy of the Russian Tsarist regime in Tuva]. Collected documents. 472 p. (In Rus.)]
- НА ТИПИИ — Научный архив Тувинского института гуманитарно-прикладных исследований. [*Nauchnyu arkhiv Tuvinskogo instituta gumanitarno-prikladnykh issledovaniy* [Scientific Archive of the Tuvan Institute for Humanities and Applied Socio-Economic Research].]
- Собрание архивных документов ... 2014 — Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем (Тувой) (К 100-летию исторического события). Кызыл: [б. и.], 2014. 479 с. [*Sobranie arkhivnykh dokumentov o protektorate Rossii nad Uryankhayskim kraem (Tuvoy) (K 100-letiyu istoricheskogo sobytiya)* [Collected archival documents about Russia's protectorate over Tannu Uriankhai (Tuva) (celebrating the 100th anniversary of the historical event)]. Kyzyl, 2014. 479 p. (In Rus.)]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Адамов 2007 — Адамов Е. А. Урянхайский вопрос при царском и Временном правительствах. Кызыл: КЦО Аньяк, 2007. 71 с. [Adamov E. A. *Uryankhayskiy vopros pri tsarskom i Vremennom pravitel'stvakh* [The 'Uriankhai issue' as viewed by the Tsarist and Russian Pro-

- visional Governments]. Kyzyl: Anyyak, 2008. 71 p. (In Rus.)]
- Белов 2001 — *Белов Е. А.* Краткая история Синьхайской революции. 1911–1913. Уч. пособие. М.: Вост. лит., 2001. 160 с. [Belov E. A. *Kratkaya istoriya Sin'khayskoy revolyutsii. 1911–1913* [A brief history of the Xinhai Revolution: 1911–1913]. A study book. Moscow: Vost. Lit., 2001. 160 p. (In Rus.)]
- Василенко 2014 — *Василенко В. А.* На пути к протекторату (Отношения правительства имперской России с Китаем и Монголией по вопросам установления политического влияния в Туве во второй половине XIX в. – 1914 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 223 с. [Vasilenko V. A. *Na puti k protektoratu. (Otnosheniya pravitel'stva imperskoy Rossii s Kitaeom i Mongoliey po voprosam ustanovleniya politicheskogo vliyaniya v Tuve vo vtoroy polovine XIX v. – 1914 g.)* [On the way towards a protectorate (Imperial Russia's relations with China and Mongolia concerning its political protectorate over Tuva in the 1950s up to 1914)]. Irkutsk: Irkutsk State Univ., 2014. 223 p. (In Rus.)]
- Дацышен, Ондар 2003 — *Дацышен В. Г., Ондар Г. А.* Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: республиканская типография, 2003. 284 с. [Datsyshen V. G., Ondar G. A. *Sayanskiy uzel: Usinsko-Uryankhayskiy kray i rossiysko-tuvinskie otnosheniya v 1911–1921 gg.* [The Sayan imbroglio: Usinsk–Uriankhai Region and Russia-Tuva relations in 1911–1921]. Kyzyl: Republic Publ., 2003. 284 p. (In Rus.)]
- История Тувы 2001 — *История Тувы*. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2001. 364 с. [Istoriya Tuvy [A history of Tuva]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 2001. 364 p. (In Rus.)]
- Моллеров, Март-оол 2013 — *Моллеров Н. М., Март-оол В.Д. С.* Урянхайский вопрос в политической истории России: возникновение и долговременная актуальность. Кызыл, 2013. 244 с. [Mollerov N. M., Mart-ool V.D. S. *Uryankhayskiy vopros v politicheskoy istorii Rossii: vzniknovenie i dolgovremennaya aktual'nost'* [The 'Uriankhai issue' in Russia's political history: emergence and long-lived relevance]. Kyzyl, 2013. 244 p. (In Rus.)]

UDC 9 (с 18 тув)

The Increasing Political Influence of Russia and Administrative Reform in Tuva

*Ayana A. Samdan*¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Tuvan Institute for Humanities and Applied Socio-Economic Research (4, Khochetov Str., Kyzyl, 667000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7785-7497. E-mail: camayana@mail.ru

Abstract

Introduction: The article studies a number of archival materials — some of the latter being newly introduced into scientific discourse — and examines the incorporation of Tuvans into Russia's political space through the establishment of its protectorate over Tannu Uriankhai. The Tsarist Government would elaborate different plans to spread its influence, including somewhat military annexation of the territory. The problems were negotiated at multiple levels of the Russian power structures. A most debating point proved the task of administering both the native and Russian populations. The consultations resulted in shaping a moderate policy aimed to strengthen their positions through inflows of ethnic Russian peasants into Tuva.

Goals: The paper aims to investigate some issues of administrative and territorial management in Tuva after the establishment of Russia's protectorate in 1914.

Methods: The applied empirical methods included comparisons, descriptions, interpretations, and system analysis; the theoretical ones comprised historicism patterns and those of formal and dialectical logic.

Results: The actual political situation required that certain corrections be introduced into the regional management system, namely: Russian administrative bodies were to be organized, their competences to be delineated, protocols for liaison between the Commissariat, Migration Department, and their relations to local authorities, Russian and Tuvan populations to be clarified. Representatives of the Russian Government employed experienced, initiative officials (A. Tsererin, V. Gabaev, V. Grigoriev) whose efficient and active efforts largely contributed to the establishment of the protectorate and facilitated the subsequent implementation of administrative and territorial reforms in the region. A number of important tasks (e.g., construction of the Usinsky Tract, conflicts between natives and newly arrived groups) required the involvement of the Governor-General of Irkutsk.

Conclusions: The Xinhai Revolution gave Russia an opportunity to strengthen its positions in Tuva. The Russian officials chose the path of indirect governance through establishing close contacts with *khoshun* (Tuv. *kozhuun* 'district') rulers or appointing loyal individuals. The approach facilitated the formation of new political elites in Tuva. As a result, the Mongols were removed from power, and all Tuvan *khoshuns* and *sumons* (Tuv. *sumon* 'township') were governed by natives. So, Lama K. Chymba was elected as head of one of the multiple *khoshuns*, and four *sumons* were transformed into two new *khoshuns*.

The then Tuvan political elites failed to come to a consensus about national self-determination, which partly stemmed from somewhat indifferent attitudes of theirs towards Tuva's future and the still lingering inclinations to former administrative procedures.

Keywords: Tannu Uriankhai, Russian authorities, Kombu Dorzhu, protectorate, consultations, Governor-General of Irkutsk, administrative reform, Xinhai Revolution



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 39, Is. 5, pp. 14–26, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-14-26
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(571.5)

Традиционный быт и проблемы здоровья монгольского аратства в 1920–1930-х гг. (по архивным материалам Наркомздрава РСФСР)

Всеволод Юрьевич Башкуев¹

¹доктор исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6). ORCID: 0000-0003-4300-9403. E-mail: vbashkuev@gmail.com

Аннотация

В национальных автономиях РСФСР советские специалисты разработали методы и алгоритмы строительства социалистического здравоохранения, которые к концу 1920-х гг. были перенесены в Монгольскую Народную Республику. Врачи Наркомздрава РСФСР, работавшие в составе медико-санитарных экспедиций и по контракту с Министерством здравоохранения МНР, создали большой пласт медицинских нарративов о традиционном быте аратов. Цель статьи состоит в выделении этих нарративов из массива архивных материалов о медико-санитарной помощи СССР Монголии и в их современной научной интерпретации. Автор ставит задачу определить, как воспринимался традиционный кочевой быт сквозь профессиональную врачебную призму и какие из его аспектов представлялись причинными факторами высокой заболеваемости и смертности аратского населения МНР. Исследовательский подход базируется на принципах новой истории медицины: внедрение европейской медицины в Монголии рассматривается как сложное и многоаспектное взаимодействие научной медицины с традиционным кочевым бытом, религиозной ментальностью и альтернативными медицинскими системами. Медицинские репрезентации традиционного аратского быта анализируются как отражения профессиональных установок на гигиеническую норму, заложенных европейской системой университетской подготовки врачей.

В результате исследования установлено, что медико-санитарная помощь Монголии была важным инструментом внешнеполитического влияния СССР. Восприятие культурных реалий МНР обученными в европейской медицинской традиции специалистами происходило сложно: в традиционном образе жизни монголов большинство советских докторов видело источник антисанитарии. К середине 1930-х гг. ситуация несколько изменилась, появились критики этой позиции, отстаивавшие необходимость объективного анализа кочевого образа жизни и продуманного внедрения европейской медицины в монгольскую повседневность. Тем не менее отрицательное отношение к монгольским бытовым традициям и каждодневным практикам осталось лейтмотивом медицинских нарративов 1920–1930-х гг., сигнализируя о необходимости более глубокого изучения врачами культурного контекста страны.

Ключевые слова: Монголия, медико-санитарные экспедиции, традиционный быт, венерические болезни, гигиена, чистота

В начале и середине 1920-х гг., работая над улучшением медицинского обслуживания национальных автономий РСФСР, советские специалисты создали базовые алгоритмы и методологический инструментарий организации социалистического здравоохранения у так называемых «малокультурных народов». Практически сразу же ими пришлось воспользоваться на территории ближайшего соседа и идеологического союзника: недавно образованная Монгольская Народная Республика остро нуждалась в медико-санитарной помощи [Башкуев 2016: 238–256]. Сначала, без лишнего давления, через Наркомздрав РСФСР монгольскому правительству оказали помощь в найме опытных врачей. Советское руководство стремилось сохранить дореволюционную традицию русского врачебного присутствия в Монголии.

В 1923 г. для содействия в организации здравоохранения в Ургу был командирован иркутский врач Павел Николаевич Шастин (1872–1953) — первый официально приглашенный монгольским правительством советский медик [Филин 2017: 57]. К тому моменту П. Н. Шастин был опытным хирургом с 27-летним врачебным стажем. В 1921 г. ему даже довелось лечить Сухэ-Батора, следовавшего во главе монгольской делегации через Иркутск в Москву. Начав работу в госпитале Народно-революционной армии, П. Н. Шастин быстро завоевал доверие и авторитет среди монголов. В 1925 г. он организовал и возглавил первую в стране гражданскую больницу с амбулаторией. П. Н. Шастин был в Монголии легендарной личностью, символом советской медицинской помощи МНР: долгое время всех русских медиков монголы называли «Шастин-доктор». Сегодня имя Павла Николаевича Шастина носит III городская клиническая больница Улан-Батора; на ее территории установлен мемориальный бюст врача [Ибрагимов, Дэмбэрэл 1977: 61–62].

С 1926 г. в действие вступил важный компонент медицинского сотрудничества — в МНР отправилась первая медико-санитарная экспедиция Наркомздрава РСФСР под руководством доктора Францева. И хотя, подобно многим первопроездческим предприятиям, с точки зрения планирования и организации она оказалась провальной, в стратегической перспективе ее роль трудно переоценить. Экспедиция стала генеральной рекогносцировкой сани-

тарно-эпидемиологической обстановки в стране, выявила проблемы во взаимодействии экспедиционных медиков с членами правительства МНР и русскими врачами на монгольской службе. На ее опыте организаторы советского здравоохранения учились «с нуля» строить медицину в особых культурных условиях традиционного монгольского общества.

Алгоритм работы экспедиций Наркомздрава РСФСР в Монголии мало чем отличался от Бурятии и Тувы. Едва обустроившись на месте, врачи приступали к работе и создавали вокруг медицинскую инфраструктуру, начинавшуюся со скромной амбулатории в доме «на семи ветрах» или в наспех отремонтированном подсобном помещении. Вскоре после открытия медучреждения заводили собственную документацию, в которой отражалось сформированное врачами знание: медико-топографические описания регионов, этнографические наблюдения о быте традиционных сообществ, социально-медицинские характеристики изучаемого населения, демографические сведения, структура заболеваемости, данные медицинской статистики. Материалы вобрали в себя тонкие нюансы восприятия окружающей действительности, что позволяет из медицинского нарратива понять, как реагировал врач на инокультурную среду, как воспринимал реалии чужого общества, как поступал в сложных жизненных и профессиональных ситуациях.

В фонде Наркомздрава РСФСР в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) сведения о первой медико-санитарной экспедиции в МНР даже не выделены в отдельное дело, а разбросаны по материалам последующих экспедиций. Наш основной источник — доклад терапевта Георгия Васильевича Ивицкого (1880–1962), в котором врач горько сетовал на бездарное с его точки зрения использование экспедиционного потенциала. Действительно, в Монголии, где на тот момент европейская медицина пребывала в зачаточном состоянии, семь специалистов-врачей (окулист, терапевт-фтизиатр, венеролог, педолог, санитарный врач, акушер-гинеколог и начальник экспедиции), фельдшер, две медсестры, акушерка и несколько санитаров могли бы найти достойное применение. Вместо этого общим решением монгольского правительства, советского полпреда П. М. Никифорова и улан-баторских врачей экспедицию

спешно отослали в Цэцэрлэг, административный центр отдаленного западного хошуна Дзаин-Шаби [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 105].

По мнению Г. В. Ивицкого, отрицательную роль сыграла глубокая неосведомленность о реалиях монгольской жизни, кочевом быте, медико-санитарной обстановке в стране. «Когда посылалась первая медико-санитарная экспедиция, ни Наркомздрав, ни тем более сами участники экспедиции не имели ни малейшего понятия о характере заболеваемости в Монголии, — писал он в докладе. — Правда некоторые данные говорили за то, что там сильно развиты венерические болезни, но и только <...> каких-либо сведений о состоянии здоровья монгольского населения русские врачи, находящиеся по несколько лет в Монголии, не удосужились опубликовать...» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 105]. В самом начале работы, вспоминая Георгий Васильевич, экспедиционные врачи считали, что зимой араты-кочевники переходят жить в города, и надеялись, что придется работать с компактными массами населения. Это было глубоким заблуждением: в западно-монгольских степях на обследования пришлось выезжать за десятки километров. Ничего не знали врачи и о географии страны, о чем Ивицкий горько сожалел: «...Отсюда случилась непоправимая ошибка — ургинские врачи уговорили нас забраться в Заин-Шаби...» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 105].

В результате, вместо того, чтобы развернуть в столице современную амбулаторию, вести массовые обследования в школах, государственных учреждениях, казармах цириков и ургинских монастырях-хурэ, экспедиция с трудом открыла крошечный медпункт в Цэцэрлэге, разместившийся в отремонтированном сарае. Пока экспедиционный венеролог изнемогал от бесконечного потока больных, окулист, фтизиатр, акушер-гинеколог и другие узкие специалисты оставались без работы и занимались исключительно научными исследованиями. Без толковых переводчиков и собственного транспорта врачи были вынуждены платить астрономические суммы местным извозчикам и обследовать худоны на свой страх и риск [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 106]. Эффект от такой работы был несоизмеримо мал.

Вторая медико-санитарная экспедиция отправилась в МНР 10 сентября 1927 г. Наркомздрав РСФСР учел поступившую критику. Ключевое изменение произошло в кадрах: начальником был назначен Г. В. Ивицкий. Венерологический отряд возглавил С. Т. Ильин, закаленный работой в обследовательских отрядах Государственного венерологического института (ГВИ) им. В. М. Броннера в Бурят-Монгольской АССР. В состав экспедиции входили еще два венеролога, хирург, акушер-педиатр и санитарный врач. Знание хотя бы частью экспедиционных врачей реалий монгольской жизни, особенностей традиционного кочевого общества и структуры заболеваемости у кочевников давало надежду на успех.

В положении о второй экспедиции Наркомздрав РСФСР четко фиксировал ее цель: «Экспедиция в своей деятельности и каждый ее работник в отдельности в процессе всей своей работы, заключающейся в оказании медико-санитарной помощи монгольскому населению, руководствуется основным принципом — укреплением доверия монгольского населения к культурным учреждениям. Каждый шаг и начинание экспедиции и ее отдельных работников, прежде всего, проверяются под этим углом» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 164]. Таким образом, с самого начала советская медико-санитарная помощь позиционировалась как фактор культурной трансформации, ведь речь шла об организуемых европейских амбулаториях и больницах. Г. В. Ивицкий трактовал задачи следующим образом: «Прежде всего, квалифицированным лечением добиться укрепления авторитета научной медицины настолько, чтобы для монгольского населения окончательно был выяснен вопрос о преимуществе европейской медицины <...> При развитии лечебных мероприятий шаг за шагом можно добиться, что авторитет русской амбулатории должен сильно и заслуженно укрепиться — а это главная, основная задача экспедиции, на которую все сотрудники экспедиции призваны смотреть в высшей степени серьезно и относиться к выполнению такой задачи со всей добросовестностью и энергией» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 109–110].

Доверие монголов должно было возникнуть буквально на глазах под непосредственным воздействием от проводимого

лечения. Большая надежда возлагалась на психологический эффект. «Этого возможно достигнуть, — писал Г. В. Ивицкий, — особенно при развитии хирургической деятельности, когда монголы воочию могут убедиться, как сильна европейская наука врачевания; много поможет и рационально поставленная родильная помощь» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 110]. Деятельность первой экспедиции показала, что колоссальное психологическое воздействие оказывало применение неосальварсана¹. «Надо откровенно сказать, — отмечал Г. В. Ивицкий — что успех экспедиции покоился, главным образом, если не исключительно, на лечении венериков. Здесь бывал такой положительный, блестящий эффект, против которого бессильны все предостережения ламских целителей...» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 108].

При этом медработникам категорически запрещалось оказывать медицинские услуги на возмездной основе, даже если компенсация являлась сугубо добровольной [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 165]. Запрет соблюдался неукоснительно — одним из основополагающих принципов советской медицины в Монголии была ее абсолютная бесплатность.

Вторая медико-санитарная экспедиция состояла из трех независимо функционирующих подразделений: центральной амбулатории в Улан-Баторе, являвшейся головным филиалом; экспедиционного отряда в Дзаин-Шаби на базе амбулаторного пункта в Цэцэрлэге (врач Н. А. Сидоркин и фельдшерница-акушерка А. С. Попова); специализированного венерологического отряда под руководством С. Т. Ильина в Сан-Бэйсэ (совр. Чойбалсан). Центральная амбулатория располагалась в здании, ранее занимаемом Полпредством СССР в Монголии. Это была усадьба № 15 в китайском квартале Улан-Батора: два бревенчатых дома, ряд хашанных и дощатых хозяйственных построек [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 158].

22 декабря 1927 г. в столице МНР начала работу больница второй экспедиции Наркомздрава РСФСР. Она была всего на 10 коек, но с первых же дней наплыв пациентов заставил превысить нормы и принять 15 больных. Центральная амбулатория также была перегружена: по сравнению с

¹ Неосальварсан — химиотерапевтическое лекарственное средство, применяемое при лечении сифилиса.

ноябрем, в декабре 1927 г. прием увеличился почти втрое. В связи с этим начальник экспедиции писал: «Врачи перегружены: кроме амбулатории им приходится проводить много работы общественного характера — лекции, беседы, обследования и т. д. <...> Низы, что называется, „прут“, и напор их сказывается на изменении отношения к нам со стороны русофобской верхушки ЦК МНРП и правительства» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 135об.].

Похожая ситуация сложилась и в худонах. В ноябре 1927 г. было зарегистрировано 1 069 посещений врачебной амбулатории в Дзаин-Шаби; сотрудники осмотрели 122 больных на дому и в юртах [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 135, 135об.]. Активная работа шла у венерологического отряда в Сан-Бэйсэ. В его отчетах содержатся наиболее детальные репрезентации традиционного быта монголов и санитарных проблем кочевого общества.

Предыдущий опыт работы в Бурят-Монгольской АССР позволил начальнику отряда С. Т. Ильину сравнить условия в Восточной Монголии и Бурятии. В мае 1928 г. он писал в ОБЗСИ: «Работа сама по себе мало отличается от работы в Бурятии, но условия проведения в жизнь мероприятий значительно труднее. Монголы менее податливы, а главное, так сильна религиозная закабаленность, что приходится действовать очень осторожно. Ламы зорко следят за каждым шагом нашей работы, чувствуют возрастающий авторитет европейской медицины, что показывают увеличивающиеся ежедневно посещения амбулатории. Число приемов в день в мае месяце перешагнуло уже за сто, и всячески запугивают население, пустив даже агитацию, что с отъездом отряда они не будут лечить никого, кто ранее лечился у русского врача. Правда, нам помогают местные власти и общественные организации, так что это не заставляет нас особо унывать» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 242. Л. 46–46об.].

Судя по описаниям окружающей природной и социальной среды, Сергей Тихонович был художественно одаренным, наблюдательным и проницательным человеком, сумевшим совместить образные репрезентации монгольских пейзажей с точными этнографическими зарисовками быта и психологическими портретами своих пациентов. В докладе на состоявшемся 28 августа 1928 г. в Улан-Баторе совещании

врачей второй медико-санитарной экспедиции он дал собственную интерпретацию влияния природных факторов на характер монголов: «На многие сотни верст кругом раскинулись степи Монголии, зимой снежные, летом сожженные солнцем. Суровый климат, жестокие морозы зимой и сильный зной летом, страшные ветры (шургэн), когда закрутит все кругом и смешает небо с землей, бедная однообразная природа, вот обстановка, в которой веками протекает жизнь монгола. Сознание ничтожества своих сил в борьбе с силами природы, глубокий религиозный фанатизм развили полную покорность судьбе, откуда дальше развивается лень и пассивность. Это главные отличительные черты монгольского характера. Но в то же время дикий простор степей развил в них чувство независимости и самостоятельности. Все они прекрасные наездники и растут в седле. Когда видишь фигуру монгола, бешено несущегося вскачь по степи, навстречу солнцу и ветру, в нем чувствуешь первобытную силу и мощь, но, больше половины этой силы теряет он, сойдя с коня на землю, где каждый его шаг связан или законом религии, или законом приличия. Все они буддисты. Сила религиозного фанатизма и закабаленности жутко велика» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 3–4].

С. Т. Ильин отмечал, что большинство монголов не грамотны, темны и первобытны, чем с успехом пользовался единственный образованный класс этого общества — ламы. Описания традиционного монгольского жилища, его внутреннего убранства и национальной одежды соответствуют общему критическому настрою наблюдателя: «Обстановка жизни монгол также неприглядна, как и окружающая их природа. Жилище монгола — войлочная юрта. Внутреннее убранство ее незатейливо. На первом месте изображение бога бурхана, кругом по стенам постели из потника, у входа по одну сторону принадлежности хозяйства — кадки с молоком, посуда, по другую — сбруя и одежда. Здесь же ютятся и ягнята, телята и прочий молодняк скота. Посредине очаг. Все грязно, закопчено, засалено. Вообще монголы живут очень грязно. По религиозным предрассудкам грязь — символ счастья. Поэтому монголы никогда не моют совсем тело и белье. От грязи и пота заводится масса паразитов, которые прямо кишат в одежде, монголы искусно их вылавливают и бросают на землю, не убивая, так

как убивать вошь тоже грех. Одежда монгол проста и одинакова, как у мужчин, так и у женщин. Сверху халат, преимущественно яркого цвета, снизу штаны и рубашка. На ногах гутулы — особый вид сапог с загнутым кверху носом. Мужчины и женщины носят длинные косы» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 5].

Повседневный уклад жизни монголов в восприятии С. Т. Ильина представлялся проводником антисанитарии. «Монголы не отличаются большой брезгливостью, — констатировал он, — общая трубка, общая чашка, причем чашка никогда не моется; хозяйка после употребления оботрет полый своего халата и чашка считается чистой. Этой же полый она вытирает свои руки и нос, и вообще пола служит ей вместо полотенца. Отсутствием брезгливости и простотой нравов можно объяснить привычку монгол отправлять свои естественные потребности, не стесняясь местом и присутствием посторонних. Наоборот, часто они усаживаются группами посреди улицы, и, чтобы не терять времени, продолжают начатые разговоры» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 6].

Критический натурализм в описании традиционного быта местного населения был свойственен многим советским медикам, трудившимся в этот период в Азии. Проработавший три года (1935–1938) участковым врачом в Хэнтэйском аймаке МНР И. А. Охотников в похожей манере описывал традиционную одежду и быт монголов: «Монгольский халат <...> служит не только поверхностной одеждой, но и заменяет им спальные принадлежности. Монгол никогда не станет укрываться во время сна одеялом, а обязательно „делей“¹. У многих служащих можно встретить железную кровать, матрац, простынь и шерстяное одеяло, но во время сна он все же будет укрываться „делей“. Худонские монголы никогда не моют своего тела, умываются очень редко, а одежда их, пропитанная дымом, издает своеобразный запах коптильни» [ГА РФ. Ф. Р-8009. Д. 77. Л. 22–23].

Подобно многим советским медикам, И. А. Охотников считал, что грязь для степняков предпочтительнее чистоты. Привычка использовать нижнее белье до полного изнашивания, отсутствие стирки и самых возможностей для нее удивляли его.

¹ Речь идет о монгольской одежде распашного типа дээл (дэли). — *Прим. ред.*

И. А. Охотников отмечал, что даже в культурных монгольских семьях белье было принято стирать не чаще одного раза в месяц. Врач приходил в ужас от того, что меховые штаны носятся как мужчинами, так и женщинами в любую погоду, даже летом, до тех пор, пока совсем не развалятся [ГА РФ. Ф. Р-8009. Д. 77. Л. 22–23].

Отметим, что основной разницей между этими описаниями является присутствие в материале И. А. Охотникова «культурных семей» — несомненный признак времени, так как очерк датирован серединой 1930-х гг., а советское влияние тогда было уже заметным. Во времена же С. Т. Ильина русские врачи были единственными носителями европейских гигиенических практик в Баинтумэнханульском хошуне. Речи о влиянии европейской культуры в повседневности пока еще не шло.

Подобно врачам в Бурят-Монголии, С. Т. Ильин обращал внимание на обычные у монголов ранние браки (16–17 лет) и чрезвычайно раннее начало половой жизни (13–14 лет). Он писал: «Нередки случаи, что, выходя замуж, невеста уже имеет детей. Внебрачные дети в монгольской семье не позор для женщины. Бывает так, что при выходе замуж между родителями и дочерью возникает спор, у кого останется ребенок на воспитании. Вообще монголы очень любят детей, и ребенок в семье большая радость. Один вид ребенка, даже русского, вызывает на лице добродушную улыбку. Если в семье долго нет своих детей, берут на воспитание чужих, а если позднее появляются свои, то приемные растут наравне с родными» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 6–7].

Описывая отношения между мужчинами и женщинами в быту, С. Т. Ильин отмечал, что все хозяйственные заботы лежат на женщине. Монгольских мужчин он считал праздными. «С утра до позднего вечера они ездят верхом по соседям, пьют чай, собирают новости и поздно возвращаются домой, чтобы завтра с утра снова ехать в гости. Монголы любопытны и, чтобы узнать какую-нибудь новость, они могут скакать десятки верст [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 6]». При этом главой семьи у монголов считался муж, который, по мнению С. Т. Ильина, «часто бывает очень груб с женой, даже бьет ее». Он отмечал, что в Монголии расторгнутые браки не являются редкостью, и видел в этом определенную свободу женщины, которая может вернуть-

ся к своим родственникам, если жизнь с мужем тяжела [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 7].

Основным заболеванием, с которым столкнулись советские венерологи в Сан-Бэйсэ, был сифилис. Из 1 599 первичных больных, прошедших через амбулаторный прием, монголов и бурят было 1 159 чел., русских — 410 чел., а китайцев — 304 чел. Из 1 159 монголов и бурят больных сифилисом оказалось 593, что составило 51,1 %. Из них открытой формой страдали 59,2 %, скрытой — 40,8 %; свежего люэса было 26,9 %, гуммозного — 73,9 % [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 9–10].

Больных гонореей было намного меньше — всего 177 чел., но С. Т. Ильин считал эту цифру далекой от действительности, так как монголы внимания на гонорею не обращали. В условиях поюрточного обследования было невозможно получить данные о распространенности гонореи среди женщин и детей [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 12].

Для лечения сифилиса использовалась смешанная ртутно-сальварсанная и висмута-сальварсанная терапия, результаты которой Сергей Тихонович называл прекрасными. Всего врачи сделали 1 750 вливаний советского новарсенола¹ в сумме 872,15 единиц. Быстрый заживляющий эффект и отсутствие побочных действий вызвали среди монголов немедленное уважение. Ильин отмечал удивительную для «малокультурного народа» аккуратность монгольских пациентов в лечении. Ни общежития, ни стационарных коек у венотряда не имелось, и с наступлением тепла у амбулатории образовалось целое кочевье из двух десятков юрт. Реализовывался простой и наглядный сценарий: кочевники потянулись к русской амбулатории вместе с домочадцами, чтобы решить угрожавшую им всем проблему [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 11].

Актуальной задачей второй экспедиции Наркомздрава РСФСР являлось создание службы охраны материнства и младенчества (Охматмлад). Тесно связанная с проблемой воспроизводства населения, область Охматмлада имела ключевое значение для развития монгольского народа в будущем. Организационной деятельностью в этом направлении занимались акушер-педиатр А. И. Гурина и другие участники экспедиции. Деятельность не ограничи-

¹ Неосальварсан.

валась Улан-Батором; в ходе работы экспедиции специальный исследовательский отряд был послан в Ундэрхан (Восточная Монголия).

Детальная врачебная репрезентация женских проблем дана в статье «К вопросу об охране материнства и младенчества в Монголии» по материалам Центральной амбулатории и Ундэрханского исследовательского отряда (автор — А. И. Гурина). Наблюдавшиеся в амбулатории 484 женщины имели 682 благополучно окончившихся родов на момент обследования. Таким образом, в среднем одна женщина родила менее двух раз [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 94].

На основе опросов 216 женщин был сделан вывод об очень раннем начале половой жизни (до 15 лет) и средней длительности половой жизни в 30 лет (15–45 лет). За это время каждая женщина в среднем родила менее двух раз. Врачи пришли к выводу о чрезвычайно малой плодовитости монголок. Главную причину видели в венерических и гинекологических заболеваниях.

Из 484 осмотренных женщин 166 (36 %) были больны сифилисом и гонореей, а 67 (13 %) женщин страдали женскими болезнями. Врачи характеризовали эти показатели как заниженные, потому что венерические болезни определялись лишь в наиболее явных для врача случаях. Многие из осмотренных женщин поведали о ранее перенесенных венерических заболеваниях.

В итоге женщины оставались бесплодными. Бесплодием страдали 153 (31 %) из 484 пациенток. Гонореей оказались больны 29 обследованных. Именно ее врачи видели причиной бесплодия монголок. Сифилис же передавался младенцу внутриутробно или был причиной выкидышей и мертворождений. За период до обследования у 484 монгольских женщин произошло 123 выкидыша. Недоношенными родились 46, а мертворожденными — 37 детей. В общей сложности 266 беременностей закончились гибелью плода. В пропорции к 682 благополучно разрешившимся родам это составляло 31 % [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 96].

А. И. Гурина описывала традиционный процесс родов, который неоднократно наблюдала в Ундэрхане. К моменту родов в юрте отделялся особый угол, завешиваемый кошмой или материей. На землю или пол насыпали песок или аргал, поверх которого

клали 1–2 войлочных подстилки, чаще всего старые и грязные; иногда вместо войлочных подстилок употреблялись овчины. Женщина садилась на корточки, руками опираясь во время схваток на постель, и рожала в таком положении. Роды вела имевшая повивальный опыт бабка или старшая женщина в семье. Если роды затягивались, на помощь призывали ламу [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 96].

С современной точки зрения вмешательство ламы напоминает средневековую пытку. А. И. Гурина описала весь процесс с профессиональной невозмутимостью. В Ундэрхане врачам пришлось наблюдать, как для того, чтобы ускорить роды, к роженице были привязаны две доски, одна сзади в области поясницы, другая к подошвам ног. Сильным ударом по доске у ног вызывалось сотрясение всего тела роженицы. Это встряхивание, как говорил лама, ускоряет появление ребенка. После родов женщина продолжала сидеть на корточках в течение трех дней, причем в это время ей запрещалось ложиться даже для сна, так что в некоторых случаях под голову и спину клались специальные подставки для возможности спать в сидячем положении [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 97].

Детская смертность являлась серьезной проблемой. Обследованные монголки родили 2 160 живых детей, из которых 965 умерло в возрасте до трех лет. Сифилис и его осложнения врачи видели основной причиной младенческой смертности. А. И. Гурина по этому поводу писала, что если больная сифилисом беременная не лечилась, то результатом мог быть или выкидыш, или преждевременные роды, или мертворождение. В лучшем случае, на свет появлялся мало жизнеспособный младенец с врожденным сифилисом. Больные дети в основном умирали в первые месяцы жизни. Своевременная диагностика болезни у матери или ребенка и ее своевременная терапия сохранили бы много жизней [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 98–99].

К счастью, большинство приезжавших к осмотровым юртам монголок были расположены к контакту с врачами. А. И. Гурина описывала, как постепенно завоевывалось доверие монгольских женщин. Одна из двух осмотровых юрт в Ундэрхане работала в качестве популярной у местного населения выставки по Охматмладу. Особенно монголкам нравился муляж младенца (*хухэн*).

Рядом с выставкой поселилась группа женщин, которые сами аккуратно посещали все мероприятия и приводили других.

Однажды к врачам пришла монголка, попросившая принять у нее роды. А. И. Гурина согласилась с условием, что роды будут приняты по европейским правилам. На следующий день женщина прикочевала к ним и начала ходить на консультации. Наконец наступило время родов. А. И. Гурина описывала дело так: «Монголки обыкновенно рожают на корточках. Для родов отводится угол юрты, где стелется кошма; этот угол завешивается кошмой, и в нем женщина родит. <...> Сначала я захожу к ней в юрту — смотрю — она приготовила угол. Я сказала, что если она опять будет устраивать угол, то я уйду. Эта женщина имела уже детей, ей 44 года, она большой промежуток не родила. Когда она стала рожать, в соседней юрте лама служил молебен, ей принесли маслица, но она отказалась его принять. Она родила по всем нашим правилам. Родившегося ребенка она назвала нашим именем Ангур. У них такой порядок, что кто принимает ребенка, тот и дает ему свое имя. Второго ребенка назвали Магри в честь доктора Макаренко. Она спрашивала нас, можно ли позвать ламу для молебна после родов. Мы сказали, что если нужно, то мы не возражаем. Она делала все, что мы ей указывали, так что мы совершенно ни к чему не могли придраться» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 53].

Описанный случай иллюстрирует доверие монгольских женщин к врачам. Имена родившейся двойни — возможно первое из упоминаний о маленьких монголах, названных в честь советских медиков (Ангур — Анна Гурина, Магри — Макаренко). Впоследствии это переросло в традицию.

Отсутствие навыков правильного ухода за младенцами врачи считали второй основной причиной детской смертности. В первые дни или недели жизни новорожденные особо подвержены инфицированию через пупок или кожу, и их частая гибель в этом периоде объяснялась отсутствием дезинфекции, детского белья и неправильным уходом. А. И. Гурина отмечала, что детское белье врачи встречали только у семей с высоким уровнем культуры. Традиционный же уход выглядел следующим образом: «Пуповина перевязывается веревкой или первой попавшейся грязной тряпицей и заворачивается в тряпку чаще всего синего

цвета; затем ребенок, невымытый, голый, заворачивается в тряпку и сверх того в баранью или овечью шкурку, часто шитую в виде конвертика, так что им покрывается голова и все тельце, лицо остается открытым. Ребенок, таким образом завернутый в шкурку, очень туго перетягивается ремнями в два перехвата. Часто кроме шкурки под ребенка подкладывают войлочную подстилку, очевидно для впитывания мочи и кала. Эта подстилка меняется очень редко, и вообще ребенок в течение дня очень редко разворачивается, так что он почти все время находится в слишком теплой и влажной среде собственной мочи и испражнений. В качестве детской присыпки употребляется чай, грубо измельченный и вызывающий сильное раздражение кожи.купают ребенка только один раз, по рассказам, на третий день его жизни, когда совершается обряд наречения именем. купание производится в бараньем супе, между прочим, обычай не плохой, так как жирная кипяченая вода здесь до некоторой степени заменяет масло, которым мы смазываем новорожденных тотчас после рождения» [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 100].

Врачи однозначно критиковали подобный уход. По их мнению, кожа ребенка подвергалась постоянной опрелости и загрязнению, младенец перегревался и, как следствие, был подвержен различным, часто смертельным, заболеваниям.

Врачи находили причины повышенной младенческой смертности и в традиционных обычаях прикармливания грудных детей. У монголов были очень распространены различные импровизированные соски, например, жеваный изюм в тряпке или специально обрезанный кусок бараньего сала. Такая «эрзац-соска» давалась ребенку с первых дней жизни и, по мнению врачей, была чрезвычайно опасна [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 239. Л. 101].

Пищевые традиции монголов вообще, а детское питание в особенности, казались врачам однообразными и вредными. А. И. Гурина сетовала, что монголы не знают необходимых грудному ребенку питательных веществ; не имеют никакого представления о кашах и киселях; не умеют их готовить, а в монгольском языке нет обозначений этих блюд.

Близкого мнения придерживался И. А. Охотников, наблюдавший за пищевыми традициями жителей Хэнтэйского

аймака в середине 1930-х гг. При описании основной диеты монголов он замечал, что те едят огромное количество мяса и кисломолочных продуктов. Летом пьют кумыс, особенно в южных районах. В рационе культурных семей были сахар и конфеты. Чай пили в основном зеленый с молоком. Овощей монголы совсем не ели, хотя на юге Хэнтэйского аймака Охотников видел, как для приправы в лапшу клали маньчжурский чеснок. Фрукты если и считались излюбленным блюдом, то только в сушеном виде и среди городского населения [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 77. Л. 16].

По мнению советских врачей, однообразие диеты кочевников пагубно действовало на их здоровье. «Нуждается ли житель монгольской степи в овощах и фруктах?» — вопрошал И. А. Охотников. И тут же отвечал, что растительная пища им крайне необходима. О дефиците витаминов в рационе монгола можно было судить по целому ряду заболеваний не только в худонской, но и в больничной обстановке. Так, врач упоминал известные ему факты, когда после перенесенного гриппа на десятый день появлялась цинга [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 77. Л. 17].

Отсутствие растительной пищи в диете монголов И. А. Охотников связывал с буддийскими религиозными запретами. Однако при сравнении монголов с живущими рядом единоверцами-бурятами он отмечал гораздо более разнообразный рацион и, как следствие, лучшее состояние здоровья последних. Отличия врач видел в том, что летом буряты ели грибы, ягоды и рыбу. Большинство употребляло кисломолочные продукты, изготавливаемые европейским методом. И. А. Охотников писал, что сметану, творог и сливки в Монголии можно было купить только у бурятского населения, где эти продукты изготавливали машинно-сепараторным способом. Зимой буряты питались маринованными лесными яблоками и брусникой, заготовленными осенью [ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 10. Д. 77. Л. 19].

Из приведенных наблюдений следует, что пищевые традиции бурят во врачебном восприятии выглядели гораздо более приемлемыми. Это вполне объяснимо — хэнтэйские буряты были в Монголии недавними иммигрантами, бежавшими от кровавого хаоса русской революции. С собой они принесли опосредованные вековым русским влиянием способы хозяйствования и соот-

ветствующую диету. Кроме того, ощущалось воздействие разных сред обитания: буряты, как более северный народ, много времени проводили в лесах и горах, где пользовались основными дарами природы. Жизнь монголов определялась экологической системой маловодных степей, где естественной проблемой был недостаток воды даже для кочевого скотоводства, не говоря уже об огородничестве. Даже стократно заклеянная врачами антисанитария отчасти была результатом дефицита воды в повседневной жизни монголов.

Реалии традиционного монгольского быта влияли и на формирование базовых медико-социальных концепций. Монголовед из Германии И. Штольпе проанализировала этимологию монгольского термина «гигиена» (*ariun tsever*) и определила, что в нем, в обычной для монгольского языка эмфатической конструкции, соединились семантически разные единицы. Оба слова по отдельности обозначают чистоту, но их коннотативные значения различаются. Понятие *ariun* относилось к чистоте духовной и имело религиозную коннотацию. Оно могло обозначать «чистоту души» или «честность», подразумевая восхищение духовными качествами человека.

Понятие же *tsever* ('чистый', 'чистота') использовалось исключительно в светском контексте, обозначая «свободу от загрязнения»: *tsever agaa* — 'чистый воздух', *tsever alt* — 'чистое золото'. В широком смысле новое словосочетание также могло означать 'честность'. Это была желательная коннотация для «новых» монголов — людей эпохи гигиены. Монгольский историк Цэндодо даже характеризовал конечную цель — коммунизм — как «режим гигиены» (*ariun tseveriin deglem*) [Stolpe 2008: 68].

При этом традиционные практики очищения у монголов имели мало общего с европейским понятием телесной чистоты, ассоциировавшейся с водой и моющими средствами. В монгольском понимании очищающей силой обладал огонь, а вода, напротив, имела отрицательное значение, относясь к хтоническому миру и обозначая черный, плохой цвет [Stolpe 2008: 66–67]. С ней было связано множество табу: от запрета наливать воду в молоко и брызгать ей в огонь до табу на хождение за водой в ночное время (растревоженные водные духи нашьют болезнь) [Sodnompilova, Bashkuev 2015].

Знать этого в конце 1920-х гг. советские врачи не могли, так как монгольский термин *ariun tsever* (гигиена) появился лишь в начале 1930-х гг. В методике первых экспедиций царила прямолинейность и наглядность. Так, отряд Г. В. Макаренкова пропагандировал в Ундэрхане чистоту и личную гигиену просто: выдавая каждую дозу медицинского препарата, врачи непременно добавляли «в нагрузку» кусок зеленого или простого мыла. Временами пациента приходилось заставить сначала пойти и вымыться, а уже потом прийти на осмотр. Монголы повиновались указаниям советских докторов, отмывались и затем приходили на лечение [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 35. Д. 244. Л. 45].

К середине 1930-х гг. среди советских врачей появились критики позиции, априори воспринимавшей традиционный быт монголов как антисанитарный. Отчасти это было связано с необходимостью фиксировать в медицинских нарративах социокультурные изменения периода революционных преобразований. Чувствовалось также, что до начала эпохи Большого террора оставалось совсем недолго: полемика из области медицины и социальной гигиены переводилась в идеологическую плоскость, а ее уровень достигал опасных значений, за которыми маячили реальные политические обвинения.

Например, начальник четвертой (научно-исследовательской) экспедиции Наркомздрава РСФСР доцент Семен Юльевич Беленький в статье «Проблемы здравоохранения в МНР» (1935) обрушился на своих предшественников и коллег, уличив их в «крайне ошибочных и вредных выводах, льющих воду на мельницу носителей вредных контрреволюционных расовых теорий». В частности, он обвинил И. М. Майского в «извращенном освещении характера монгольского населения» в книге «Современная Монголия», потому что тот не отметил изменений в жизни монгольского народа, произошедших за период социалистического строительства [Беленький 1935: 48].

Досталось врачам Т. Г. Таубкину, П. А. Полетаеву, профессору А. И. Ильину и начальнику третьей медико-санитарной экспедиции доктору Юдину. О последнем С. Ю. Беленький писал, что тот, ища причину высокой распространенности венерических заболеваний у монголов, видел ее не в социальных условиях и не в связи с остатками феодализма и наследием хищнически

эксплуатировавшего аратство китайского торгового капитала, а в биологической сущности населения. Тем самым, отмечал С. Ю. Беленький, Юдин объективно подтверждал мнение руководителя американской антропологической экспедиции Роя Чэпмэна Эндрюса и других о том, что большая распространенность среди монгольского населения венерических болезней привела к вырождению [Беленький 1935: 49].

Однако если вынести за скобки политическую подоплеку критики (заслуживающую отдельного научного исследования), в сухом остатке просматриваются вполне рациональные доводы в пользу объективной оценки традиционного кочевого быта с точки зрения гигиены с учетом множества переменных: от территориальных и племенных особенностей населения до социального состава и уже произошедших в обществе культурных сдвигов [Беленький 1935: 62]. Конечно, с точки зрения С. Ю. Беленького у монголов, особенно бедных, сохранялось много элементов антисанитарии, однако они не являлись единственными, характеризующими гигиену быта арата [Беленький 1935: 63].

Разбирая типичные случаи врачебного шока от проявлений антисанитарии в повседневной жизни монголов, доцент Беленький отмечал, что монгольское население имеет в быту целый ряд полезных традиций и привычек, непосредственно связанных с охраной здоровья. В качестве примеров он приводил обычай, запрещающий гостям садиться на постель хозяев, отсутствие в жизни монголов поцелуев, привычку всегда возить с собой собственную чашку для чая, употребление только кипяченой воды в виде чая, жевание древесной смолы для очищения и укрепления зубов [Беленький 1935: 63].

В своей критике начальник четвертой научно-исследовательской экспедиции Наркомздрава призывал коллег учитывать культурные особенности повседневной жизни кочевника и проводить релевантные сопоставления с бытовыми реалиями дореволюционной жизни в России. Такой подход позволял ему, например, провести наглядное сравнение крестьянских домов с юртой арата-средняка, в результате чего выявился ряд преимуществ последней: хорошая вентиляция; мобильность как предохранение от отсыревания; возможность выбора максимально освещенного солнцем

места, заложенная традиционной ориентированностью дверей юрты на юг. О главной же проблеме Беленький писал: «При констатации минусов юрты, ее нездоровых сторон и т. д., мы все же, до сих пор, ничего пока не можем ей противопоставить. Совершенно не разработан вопрос улучшения, рационализации самой юрты. Вопрос жилища до настоящего времени до сих пор еще не изучен, несмотря на то, что по своей значимости он должен стоять в центре изучения быта страны» [Беленький 1935: 65].

Укоренившееся среди советских врачей мнение о том, что худонское монгольское население не имеет представления о гигиене, С. Ю. Беленький считал недостаточно обоснованным. Объяснение шокирующих взор европейского врача повседневных привычек монголов отсутствием у них чувства стыда называл в «лучшем случае несерьезным подходом к вопросу». Свою довольно острую критику Семен Юльевич резюмировал так: «Наоборот, мы находим данные, говорящие о наличии среди них целого ряда полезных гигиенических навыков. С этими данными мы должны серьезно считаться при внедрении в массу монгольского населения новых для нее гигиенических навыков, и ни в коем случае не переносить механически традиции европейской гигиены на монгольскую почву; также не отбрасывать механически весь монгольский многолетний опыт по этой линии, накопленный самим населением» [Беленький 1935: 65].

Таким образом, в ходе внедрения социалистической медицины в Монголии у советских медиков сложился богатый спектр восприятия традиционного кочевого быта. Не все они считали, что сам образ жизни монголов потворствовал проблемам со здоровьем. Тем не менее, преобладал сформированный европейской социальной гигиеной критический медицинский взгляд. Большинство врачей уже прибывало с установкой на несоответствие кочевого быта санитарной норме. Они профессионально брали на карандаш все, что не укладывалось в европейское понятие о гигиеничном образе жизни, и по этому критерию относили тот или иной бытовой аспект к причинным факторам заболеваний. Советские врачи клеймили антисанитарию традиционного быта, архаичные, несовместимые с европейским пониманием нуклеарной семьи особенности половой жизни монголов, социальную и религиозную закабаленность аратства, в об-

щем, и монгольской женщины, в частности.

Во врачебном понимании все это представляло границу между гигиенической нормой модерна и антисанитарным рудиментом традиционализма. Свою главную задачу медики видели в скорейшем преодолении этого рубежа. В большинстве случаев они были правы как врачи, но без специального знания культурного контекста не всегда могли верно оценить глубину и масштаб того, с чем им предстояло бороться.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00630.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации [*Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]]:

Ф. А-482 — Министерство здравоохранения РСФСР (Минздрав РСФСР). Оп. 1. Общесоюзное бюро зарубежной санитарной информации. Д. 239, 242, 244. [Fund A-482 — Ministry of Healthcare of the RSFSR. Ser. 1. All-Union Bureau of Foreign Sanitary Information. Files 239, 242, 244. (In Rus.)]

Ф. Р-8009 — Министерство здравоохранения СССР. Оп. 10. Общесоюзное бюро зарубежной санитарной информации (группа по международным и санитарным конвенциям) 1929–1940 гг. Д. 77. [Fund P-8009 — Ministry of Healthcare of the RSFSR. Ser. 10. All-Union Bureau of Foreign Sanitary Information (a group to deal with international and sanitary conventions): 1929–1940. File 77. (In Rus.)]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Башкуев 2016 — Башкуев В. Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.). Иркутск: Оттиск, 2016. 436 с. [Bashkuev V. Yu. *Rossiyskaya meditsina i mongol'skiy mir: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya (konets XIX – pervaya polovina XX vv.)* [Russian medical science and the Mongol world: historical experience of cooperation (late 19th – early 20th cc.)]. Irkutsk: Ottisk, 2016. 436 p. (In Rus.)]
- Беленький 1935 — Беленький С. Ю. Проблемы здравоохранения в МНР // Современная Монголия. 1935. № 2 (9). С. 48–75. [Belenky S. Yu. Healthcare problems in the Mongolian People's Republic. *Sovremennaya Mongoliya*. 1935. No. 2 (9). Pp. 48–75. (In Rus.)]

- Ибрагимов, Дэмбэрэл 1977 — *Ибрагимов М. А., Дэмбэрэл Б.* Очерки по истории развития здравоохранения Монгольской Народной Республики. М.: Медицина, 1977. 262 с. [Ibragimov M. A., Demberel B. *Ocherki po istorii razvitiya zdravookhraneniya Mongol'skoy Narodnoy Respubliki* [Healthcare in the Mongolian People's Republic: essays on the history of its development]. Moscow: Meditsina, 1977. 262 p. (In Rus.)]
- Филин 2017 — *Филин С. А.* Формирование европейских систем здравоохранения и ветеринарии в Монголии в XIX–XX веках // *История медицины*. 2017. Т. 14. № 1. С. 52–61. [Filin S. A. The formation of the European healthcare systems and veterinary medicine in Mongolia in the 19th – 20th centuries. *Istoriya meditsiny*. 2017. Vol. 14. No. 1. Pp. 52–61. (In Rus.)]
- Sodnompilova, Bashkuev 2015 — *Sodnompilova M., Bashkuev V.* Diseases and their origins in the traditional worldview of Buryats: folk medicine methods [электронный ресурс] // *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 2015. No. 46. URL: <http://emscat.revues.org/2510> (дата обращения: 21.04.2018); DOI : 10.4000/emscat.2510. [As aforesaid. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 21 April 2018). (In Eng.)]
- Stolpe 2008 — *Stolpe I.* Display and Performance in Mongolian Cultural Campaigns. *Conflict and Social Order in Tibet and Inner Asia*. Fernanda Pirie, Toni Huber (eds.). Brill, 2008. Pp. 59–84. (In Eng.)

UDC 94(571.5)

Mongolian Livestock Breeders in the 1920s – 1930s: Traditional Lifestyles and Health Problems (a Case Study of Archived Records of the RSFSR People's Commissariat for Health)

*Vsevolod Yu. Bashkuev*¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4300-9403. E-mail: vbashkuev@gmail.com

Abstract

Introduction: Soon after the launch of new Socialist healthcare policies in national autonomies (including Buryat-Mongolia), the algorithms and methods developed thereby were required for the similar transformations in Outer Mongolia. Soviet medical assistance to Mongolia followed two ways: employment of Russian doctors for them to join the public Mongolian healthcare service, and organization of medical and sanitary expeditions. The article examines health problems of local cattle herders as viewed by Soviet physicians and healthcare institutors in the Mongolian People's Republic in the late 1920s – mid-1930s. Soviet health professionals produced a voluminous layer of professional representations regarding the everyday life and practices of local inhabitants. Those have rarely been addressed to as historical sources, and have never studied as cultural anthropology research sources.

Goals: The article aims to identify such narratives as distinct sources for interpretative anthropology studies and to analyze the described representations of traditional Mongolian lifestyles in the eyes of university-educated medical specialists inclined to apply modern approaches and methodologies. From this viewpoint, the article offers a new relevant perspective on a complex issue of medicine as a tool of Soviet-style modernization in Mongolia.

Methods: The research methodology is based on the modern history of medicine. The study approaches the implementation of Socialist medicine in Mongolia as a process of complex multi-layered interactions between European scientific medicine and traditional nomadic lifestyles, including

the religious worldview and indigenous medical systems, such as folk medicine and Tibetan medicine. Medical texts are also viewed as sources for interpretative anthropology and textual reflections of the writers' subjective characteristics, their professional and ethical backgrounds. The approach stems from interpretative anthropology by Clifford Geertz.

Results: The study shows that in the late 1920s traditional Mongolian lifestyles seemed anti-sanitary in the eyes of Soviet physicians. The latter viewed most of the then practices as deviations from the European hygienic norms. Sexual life, traditional dwellings, food, clothes, childbirth procedures, and childcare were the most castigated aspects of the then social norms. In the 1930s, the emerged social changes resulted in that the Soviet medical attitudes to the everyday life of natives — though still seriously contested — became a little more reserved.

Nevertheless, some Soviet physicians in Mongolia actually criticized their colleagues for the subjective vision of the Mongolian life. In part, such criticism reflected the need to fixate the Socialist achievements in medical narratives. However, the critique was basically objective enough as it pointed at the fact that many Soviet doctors viewed the Mongolian traditions as *a priori* anti-sanitary, giving no credit to all excellent hygienic habits and practices that the Mongols had developed over the millennia.

Most Soviet doctors from the very outset viewed the Mongolian traditions as deviations from the hygienic norms. Even if those were right from the medical viewpoint, it was the lack of cultural knowledge and understanding of how vital those traditions were in the Mongolian context that prevented them from correctly assessing the scale and depth of the social and cultural phenomena they were dealing with.

Keywords: Mongolia, medical and sanitary expeditions, traditional lifestyle, venereal disease, hygiene, cleanliness

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences



Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 39, Is. 5, pp. 27–47, 2018
DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-27-47
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47).084.8

Жители Калмыкии — кавалеры «полководческих» орденов

Уташ Борисович Очиров¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, Россия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8). ORCID: 0000-0001-9957-5215. E-mail: ochirovub@kigiran.com

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу военных биографий жителей Калмыкии — кавалеров «полководческих» орденов. Под жителями Калмыкии в данной статье подразумеваются: уроженцы Калмыкии (которая берется в границах 1941 года), уроженцы других регионов, проживавшие к началу войны в Калмыкии и призванные оттуда в ряды Красной армии, уроженцы других регионов, проживавшие в Калмыкии после 1957 г. Под «полководческими» орденами в данной статье подразумеваются ордена Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого и Александра Невского, которые вручались лицам высшего, старшего и среднего командного состава (спектр награждений орденом Богдана Хмельницкого был несколько шире) исключительно за полководческое мастерство. Эти ордена были учреждены в СССР в 1942–1943 гг., когда пришло осознание того, что полководческое мастерство командира для Красной армии более важно и значимо, нежели индивидуальная храбрость и политический фанатизм.

В период Великой Отечественной войны 35 жителей Калмыкии (в том числе пятеро — дважды) были отмечены: четырьмя орденами Суворова, тремя орденами Кутузова, пятью орденами Богдана Хмельницкого и двадцатью восемью орденами Александра Невского. В статью приведены краткие военные биографии всех 35 кавалеров.

Цель: проанализировать военные биографии всех жителей Калмыкии — кавалеров «полководческих» орденов, выявить в них характерные черты, общее и особенное.

Методы. В ходе работы над статьей использовались как общенаучные (типологизация, анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение и аналогия), так и специальные исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный).

Результаты. Статистический анализ позволил выявить ряд особенностей этой группы военных командиров. Например, большинство изучаемых персоналий (28 из 35) являлись молодежью в возрасте от 16 до 29 лет (возраст приведен на начало войны), которая выросла и воспитывалась при Советской власти и была предана коммунистическим идеалам. Шестеро более старших командиров (в возрасте от 31 до 38 лет на начало войны) являлись людьми, которые осознанно связали свое будущее с Советской властью и готовы были отстаивать ее до самой смерти. Большинство изучаемых персоналий относятся к пехоте, при этом представители высокотехнологичных видов войск (флота, авиации, танковых, связи) среди них отсутствуют. Если же смотреть в разрезе по национальностям, то видно, что калмыки-кавалеры «полководческих» орденов составляют всего треть от общего числа. Это явно не коррелирует с тем, что калмыки, по данным всесоюзных переписей, составляли большинство в своем регионе. На

этот фактор повлияли огульные и несправедливые обвинения калмыков в коллаборационизме и высылка всего калмыцкого народа в отдаленные районы страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Калмыцкая АССР, Красная армия, орден Суворова, орден Кутузова, орден Богдана Хмельницкого, орден Александра Невского

Советская наградная система, совершенствовавшаяся вплоть до конца 1980-х гг., большей частью сформировалась еще в годы Великой Отечественной войны. Именно в этот период появились специальные награды для представителей определенных категорий, имеющих особые отличия: «солдатский» орден Славы, «маршальский» орден Победы, «полководческие» и «флотоводческие» ордена. Анализ различных групп награжденных, выделенных по одной из таких категорий, например, кавалеров «солдатского» или «полководческих» орденов, дает возможность оценить их вклад в Победу по отдельности, выявить какие-то обобщения или особенности. Результаты некоторых исследований по калмыкам-кавалерам определенного ордена были отражены автором в двух публикациях [Очиров 2016а; 2016б].

Новое исследование посвящено уже кавалерам не одного какого-то ордена, а целой категории орденов, отобранных по региональному принципу: статья посвящена кавалерам «полководческих» орденов — жителям Калмыкии. В понятие «жители Калмыкии» включены следующие группы лиц:

– уроженцы Калмыкии (с учетом того, что Калмыкия как самостоятельный регион возникла в 1920 г., а ее границы неоднократно менялись вплоть до 1938 г., то в данную категорию внесены уроженцы населенных пунктов и территорий, входивших в состав Калмыцкой АССР к началу 1941 г.);

– уроженцы других регионов, проживавшие к началу войны в Калмыкии и призванные оттуда в ряды Красной армии;

– уроженцы других регионов, проживавшие в Калмыкии после ее восстановления в 1957 г.

«Полководческие» награды в СССР начали вводиться летом 1942 г., когда руководство Красной армии осознало, что существующая на тот момент палитра военных наград (Герой Советского Союза, ордена Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги») слишком бедна для того, чтобы по

достоинству оценить все многообразие подвигов и заслуг, показанных нашими воинами, особенно полководческое мастерство, которое в условиях войны оказалось важнее, нежели индивидуальная храбрость и политический фанатизм. Поэтому в орденовой системе страны были учреждены специальные награды, которые (в отличие от старых наград) могли получить только лица командно-начальствующего состава.

29 июля 1942 г. были учреждены ордена Суворова (трех степеней), Кутузова (сначала двух степеней, 8 февраля 1943 г. добавилась 3-я степень) и Александра Невского. 10 октября 1943 г. был учрежден орден Богдана Хмельницкого (трех степеней), а 8 ноября 1943 г. — орден Победы.

По старшинству полководческие награды (если не считать «маршальский» орден Победы) распределялись следующим образом: наиболее старшей наградой считался орден Суворова, затем шел орден Кутузова, затем — орден Богдана Хмельницкого, и самым «низшим» орденом являлся орден Александра Невского.

Разделение орденов Суворова и Кутузова на степени обуславливалось значением полководческого мастерства награждаемых военачальников в зависимости от занимаемых ими должностей: 1-й степенью награждались представители командного состава фронтового и армейского звена (командующие, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных управлений и отделов, начальники родов войск), 2-й степенью — корпусного, дивизионного и бригадного звена (командиры, их заместители и начальники штабов), 3-й степенью — полкового, батальонного звена (командиры полков и батальонов, начальники штаба полка), с февраля 1943 г. — также командиры рот [Сборник 1956: 256–259, 261].

Спектр награждений орденом Богдана Хмельницкого, учрежденного по предложению Н. С. Хрущева, А. П. Довженко и Н. П. Бажана, по статуту был заметно шире (эту награду могли получать партизаны, младший командный и рядовой состав), но награждение разными степенями так-

же зависело от занимаемой должности. 1-й степенью награждались представители командного состава фронтового и армейского звена, а также командиры партизанских соединений, 2-й степенью — корпусного, дивизионного, бригадного и полкового звена, а также командиры партизанских соединений и отрядов, 3-й степенью — рядовой, сержантский, старшинский и офицерский состав до командира батальона и ему соответствующих включительно, командиры партизанских отрядов, командиры подразделений партизанских отрядов и партизаны [Сборник 1956: 262–263].

В некоторых случаях бывали исключения, например, особо отличившегося командира могли наградить более высокой степенью, чем полагалось по статуту. Например, командир батальона 181-й танковой бригады капитан М. И. Якушов, пленивший генерала А. А. Власова с группой офицеров РОА, был награжден орденом Суворова 2-й степ. [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 376. Л. 67–67об.].

В качестве другого примера можно назвать Героев Советского Союза, командиров 29-го гв. стрелкового корпуса гв. генерал-майора артиллерии Г. И. Хетагурова и 11-го гв. танкового корпуса гв. полковника А. Х. Бабаджаняна, представление которых на 2-ю «Золотую Звезду» за отличия при штурме Берлина отклонили, но в качестве своеобразной компенсации 29 мая 1945 г. наградили орденами Суворова 1-й степ. [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 51. Л. 139–139об.; ОБД «Подвиг народа»]. Аналогичные замены имели место даже по отношению к командирам дивизионного звена. Например, по тому же Указу Президиума Верховного Совета СССР от 29 мая 1945 г. орденами Суворова 1-й степени вместо «Золотой Звезды» Героя Советского Союза наградили командиров 3-й, 14-й и 17-й гв. кавалерийских дивизий гв. генерал-майоров М. Д. Ягодина, Г. П. Коблова и П. Т. Курскова [ОБД «Подвиг народа»].

Различия между орденами Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого, согласно статутам, были не так уж велики и большей частью связаны с теми полководческими качествами, которые, по мнению разработчиков, прославленные военачальники проявили при жизни. Например, 2-ю степень ордена Суворова предполагалось давать: «За организацию боя по разгрому вражеского корпуса или дивизии, достиг-

нутому с меньшими силами, в результате внезапной и решительной атаки...» (явный намек на победы, одержанные А. В. Суворовым в сражениях под Фокшанами и на Рымнике в 1789 г.); «За прорыв современной оборонительной полосы противника, развитие прорыва и организацию неотступного преследования...» (здесь можно провести параллели с форсированием Адды и прорывом позиций армии Б. Л. Шерера в начальной фазе Итальянского похода 1799 г.); «За организацию боя при нахождении в окружении численно превосходящих сил противника, выход из этого окружения и сохранение боеспособности своих частей...» (очевидная отсылка к Швейцарскому походу 1799 г.) и т. д. [Сборник 1956: 257].

1-ю степень ордена Кутузова согласно статуту должны были вручать «За хорошо разработанный и проведенный план вынужденного отхода крупных соединений, с организацией массированных контрударов, нанесения врагу тяжелых потерь и вывода своих на новые рубежи с малыми потерями... и полной боевой готовности» (очевидный намек на Тарутинский марш-маневр с серией арьергардных боев); «За умелую организацию операции крупных соединений по борьбе с превосходящими силами противника, изматывание его войск... и сохранение своих войск в постоянной готовности к решительному наступлению» (эта вычурно построенная фраза проводит явную параллель с отступлением русской армии в первый период кампании 1812 г.). Намек на полководческое искусство М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года мы видим и в статуте 2-й степени, которую можно было получить «За исключительное упорство в противодействии наступлению превосходящих сил врага... с последующим переходом в решительное и успешное наступление» и т. д. [Сборник 1956: 258–259].

1-й степенью ордена Богдана Хмельницкого должны были награждать за «успешную, проведенную с применением умелого маневра операцию, в результате которой освобожден от врага район, город... боевую операцию, следствием которой явилось освобождение значительной части советской территории от врага» (очевидная отсылка к Национально-освободительной войне Б. Хмельницкого 1648–1654 гг.) [Сборник 1956: 262]. Разумеется, были и другие определения подвигов, за которые могли вручаться «полководческие» ордена — осов-

ременные и связанные с новыми родами войск, которых не было в XVIII–XIX вв. (танки и авиация).

Указанные определения были весьма расплывчаты и не исключали друг друга. Например, исключительное упорство в отражении атак противника с последующим переходом в наступление могло осуществляться путем прорыва оборонительной линии с последующим преследованием и разгромом врага меньшими силами с освобождением части советской территории, в том числе благодаря созданию превосходства сил на решающем участке «в трудной обстановке боя». Мало того, с изгнанием большей части сил врага за государственную границу СССР возникла проблема с «освобождением советской территории», тем не менее награждения орденами Богдана Хмельницкого осуществлялись и за подвиги, совершенные на территории Европы. Поэтому выбор ордена для награждения отличившегося полководца был в общем-то произвольным.

В результате, за одну и ту же операцию командующий объединением мог получить более престижный орден Суворова, а его заместитель или начальник штаба — более низкий по статусу орден Кутузова. Такие примеры мы можем увидеть с первых награждений (28 января 1943 г.): командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский был награжден орденом Суворова 1-й степени, а начальник его штаба М. С. Малинин — орденом Кутузова 1-й степени. В некоторых случаях награждения орденом Суворова производились за успехи в наступлении, а орденом Кутузова — в обороне. Например, 27 августа 1943 г. по итогам операций «Румянцев», «Кутузов» и «Суворов» орденами Суворова 1-й степени были награждены командующий Степным фронтом И. С. Конев и командующий 53-й армией И. М. Манагаров (за освобождение Харькова), командующий Брянским фронтом М. М. Попов (за освобождение Орла), командующий 11-й гвардейской армией И. Х. Баграмян (за прорыв, сыгравший ключевую роль в успехе операции «Кутузов» и взятии Орла), а орденами Кутузова 1-й степени — командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин и Центральным фронтом К. К. Рокоссовский, а также ряд их командармов (за отражение немецкого наступления на Курск). При этом командующий Западным фронтом В. Д. Соколовский, руководивший наступательной

операцией «Суворов», хотя и освободил Смоленск, но действовал не так эффективно, как соседи, поэтому был отмечен за наступательную операцию более «низким» орденом Кутузова 1-й степени [ОБД «Подвиг народа»].

Следует отметить, что «полководческими» орденами, несмотря на статуты, награждали не только военачальников. Орденами Суворова и Кутузова награждались работники военно-промышленного комплекса, в том числе наркомы Б. Л. Ванников, В. А. Малышев, А. И. Шахурин, конструкторы авиационной и танковой техники, артиллерии и стрелкового вооружения, директора заводов, различные железнодорожные начальники, сотрудники органов госбезопасности и даже штатские лица (например, 3-й секретарь ЦК КП(б) Украины Д. С. Коротченко был награжден орденом Суворова 1-й степ.). Причем, такие награждения могли быть массовыми, как, например, 8 марта 1944 г., когда орденами Суворова и Кутузова 1 и 2-й степени были награждены 37 руководящих работников НКВД и НКГБ за участие в депортации карачаевцев, калмыков, чеченцев и ингушей [Ведомости 1944: 2].

Орден Александра Невского предназначался для офицеров «поля боя», только для командиров: от уровня взвода до уровня дивизии. Штабные работники, «колдующие» над картами в тыловых блиндажах, могли претендовать на другие «полководческие» ордена, но не на эту награду. Награждения орденом Александра Невского по статуту также предписывалось производить за полководческие успехи, похожие на битвы, выигранные прославленным русским военачальником средневековья. Например, за выбор «удачного момента для внезапного, смелого и стремительного нападения на врага и нанесение ему крупного поражения с малыми потерями для своих войск» (очевидный намек на Невскую битву) или за «четкую организацию взаимодействия родов войск и уничтожение полностью или большей части действующих превосходящих сил противника» (явная параллель с Ледовым побоищем) [Сборник 1956: 260].

Разумеется, помимо указанных оснований, были и другие, связанные с руководством подразделениями более современных родов войск: артиллерии, танков, авиации, саперов, связистов и десантников [Сборник 1956: 260].

В более ранний период доступ к наградной документации, которая хранилась в основном в архивах, был в определенной степени ограничен, к тому же отсутствовала возможность автоматического поиска различных категорий награжденных (имеющих ту или иную награду, призванных из того или иного региона и т. д.). Относительно полные базы данных имелись лишь по Героям Советского Союза и полным кавалерам орденов Славы (которые позже были опубликованы [Герои... 1987; 1988; Кавалеры... 2000б]), что позволило сделать некоторые выводы по этим категориям наград.

Например, в 1968 г. (перед празднованием 50-летия Советской армии) министерство обороны СССР опубликовало в «Красной Звезде» статистику о Героях Советского Союза, награжденных за подвиги в период Великой Отечественной войны (включая послевоенные награждения по 1968 г.), в разрезе по национальностям и в соотношении с численностью населения по переписи 1959 г. В этом своеобразном рейтинге на 1-м месте оказались осетины, на 2-м месте — калмыки, на 3-м — адыгейцы, на 4-м — абхазы, на 5-м — русские, на 6-м — украинцы, на 7-м — мордовцы и карелы, на 8-м — кабардинцы, на 9-м — башкиры, на 10-м — белорусы и т. д. [Красная звезда. 1968. 22 февраля]. Если же мы пересчитаем эти же показатели по данным более ранней переписи — 1939 г. [Всесоюзная перепись... 1992], то увидим немного иной порядок расположения национальностей: 1) осетины; 2) русские; 3) украинцы; 4) адыгейцы; 5) абхазы; 6) калмыки; 7) белорусы; 8) кабардинцы; 9) башкиры; 10) мордовцы.

Перемещение калмыков с 6-го места (по переписи 1939 г.) на 2-е (по переписи 1959 г.) объясняется чудовищными демографическими потерями (почти треть населения) в период депортации, от которых калмыки к 1959 г. так и не оправались, в то время, как численность большинства перечисленных народов (за исключением адыгейцев, мордовцев и карелов) к указанному году превысила довоенные цифры. Столь значительное сокращение делимого при сохранении цифры делителя привело к заметному увеличению результата. Аналогичное перемещение мордовцев с 10-го на 7-е место также связано с сокращением их численности в период с 1939 г. по 1959 г.

более чем на 170 тыс. человек в результате ассимиляционных процессов. Заметное падение аналогичных показателей по переписи 1959 г. у украинцев и белорусов объясняется присоединением большого количества одноплеменников в сентябре 1939 г., которые в переписи, проходившей за восемь месяцев до этого, разумеется, не учитывались (то есть в расчетах по переписи 1959 г. произошло увеличение делимого). Появление же карел в списке топ-10, по данным переписи 1959 г., объясняется значительным сокращением их численности в послевоенные годы в результате эмиграции в Финляндию.

В начале XXI века ситуация кардинально изменилась. По заказу министерства обороны РФ корпорация «ЭЛАР» осуществила титанический проект по сканированию гигантского фонда наградных документов Центрального архива министерства обороны РФ (далее — ЦАМО), электронные копии которых были выложены на специальном сайте — ОБД «Подвиг народа» [ОБД «Подвиг народа»]. Появление столь огромного массива информации, находящейся в открытом доступе, предоставило широкое поле для новых исследований в этом направлении.

Многолетний поиск сведений в указанной базе данных, литературе, средствах массовой информации, архивах (в том числе и с карточками награжденных в ЦАМО) позволил выявить 35 кавалеров «полководческих» орденов, которых можно считать жителями Калмыкии. Четверо из них были кавалерами ордена Суворова (двое — 2-й степени, двое — 3-й), из которых трое стали также кавалерами ордена Кутузова (один — 1-й степени, один — 2-й степ., один — 3-й степ.), пятеро — кавалерами ордена Богдана Хмельницкого 3-й степ. (один из них также являлся кавалером ордена Александра Невского), еще 27 человек — кавалерами ордена Александра Невского (один из них был награжден этим орденом дважды).

Для сведения приведем краткие военные биографии всех 35 кавалеров «полководческих» орденов, выстроив их по алфавиту.

Андрюшкеев Убуш Доржиевич (1912–1979). Калмык.

Уроженец хотона Эмгдюд Яндыко-Мочажного улуса Калмыцкой степи. После окончания школы работал учителем, а в 19 лет стал заведующим начальной школы. В 1938 г. принят на работу в НКВД, откуда его направили секретарем-переводчиком в

Управление госбезопасности МВД Монголии. Участник боев на Халхин-Голе. В августе 1941 г. вернулся в СССР [Годаев 2005: 85–86].

10 декабря 1941 г. добровольно явился в Лаганский РВК Калмыцкой АССР для зачисления в ряды калмыцкой национальной дивизии. Был назначен командиром отделения батареи 273-го кавалерийского полка 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии [Солдаты Победы 2015: 34–35]. 20 мая 1942 г., незадолго до вступления национальной кавдивизии в бой, его направили на курсы минометчиков. После окончания курсов сержант У. Д. Андриюшкеев был назначен командиром минометного расчета, а затем — зам. политрука минометной роты 605-го стрелкового полка 135-й стрелковой дивизии 13-й армии Брянского фронта.

Участник войны с 6 июля 1942 г. на Брянском фронте.

1 декабря 1942 г. как бывшего сотрудника НКВД его направили на курсы оперативных работников. После их окончания был произведен в офицеры и назначен следователем Особого отдела 48-й армии, затем оперативником отдела контрразведки 2-й танковой армии [Годаев 2005: 86]. Воевал на Брянском, Центральном, Белорусском фронтах. В начале 1944 г. по национальному признаку был отчислен из органов военной контрразведки в резерв офицерского состава. Однако У. Д. Андриюшкеев добился направления на курсы младших лейтенантов 48-й армии, по окончании которых 8 апреля 1944 г. был назначен командиром взвода 471-го стрелкового полка 73-й стрелковой дивизии 29-го стрелкового корпуса 48-й армии Белорусского фронта, 16 апреля переименованного в 1-й Белорусский (с 21 сентября 1944 г. 48-я армия перешла в состав 2-го Белорусского, с 11 февраля 1945 г. — 3-го Белорусского фронта). Участвовал в боях на территории Белоруссии, Польши и Восточной Пруссии. Награжден орденами Красной Звезды и Александра Невского (приказ № 799/н 48-й армии от 12 апреля 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2807. Л. 216–216об.].

После демобилизации в 1946 г. был направлен на спецпоселение в Новосибирскую область, затем жил на Сахалине [Годаев 2005: 86–87]. После возвращения в Калмыкию проживал в Элисте.

Базюк Иван Кириллович (1921–1985). Русский.

Уроженец с. Яшалта Большедербетовского улуса (ныне с. Соленое Яшалтинского района) Калмыцкой автономной области.

Призван в 1939 г. Западным РВК Калмыцкой АССР. Направлен в Астраханское пехотное училище, из которого был выпущен лейтенантом в июне 1941 г. Уже после начала войны получил назначение в Орловский военный округ, в 873-й стрелковый полк 276-й стрелковой дивизии, которая убыла в Крым.

Участник войны с августа 1941 г. в Крыму. Воевал в 51-й армии, на Крымском, Южном фронтах. Трижды ранен. Осенью 1942 г. служил в штабе 248-й стрелковой дивизии 28-й армии и принимал участие в освобождении территории Калмыкии. К концу 1943 г. он был уже командиром батальона 1173-го стрелкового полка 347-й стрелковой дивизии 37-го стрелкового корпуса 3-й гв. армии 4-го Украинского фронта. За отличия в боях награжден орденами Суворова 3-й степени (приказ № 45/н 4-го Украинского фронта от 25 декабря 1943 г.) и Отечественной войны 1-й степени.

Любопытно отметить, что первоначально Ивана Кирилловича представляли к званию Героя Советского Союза, однако командир счел нужным «понизить» награду до ордена Ленина, а командарм Д. Д. Лелюшенко — до ордена Суворова 3-й степени, с чем командующий 4-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухин согласился [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1405. Л. 26–26об.].

После демобилизации жил в с. Соленое Яшалтинского района Калмыцкой АССР.

Бевеликов Николай Даржинович (1909–1961). Калмык.

Уроженец 1-го Ики-Чоносовского аймака Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. После окончания школы крестьянской молодежи работал в колхозе.

Призван в 1941 г. Западным РВК Калмыцкой АССР.

Участник войны с 1941 г. на Южном фронте, был ранен.

В течение шести месяцев 1943 г. в составе 62-го отд. батальона ПТР 3-й гв. армии Юго-Западного фронта многократно отличился в боях на Северском Донце. В феврале на поле боя был произведен в младшие лейтенанты и назначен командиром взвода ПТР. Награжден медалью «За отвагу», орденами Александра Невского (приказ № 97/н 3-й гв. армии от 31 июля 1943 г.)

[ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1523. Л. 98–98об.] и Красного Знамени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 484. Л. 126–126об.]. Тяжело ранен, бойцам с большим трудом, но все же удалось переправить раненого командира через Донец [Каруева 2010].

После демобилизации в 1946 г. был направлен на спецпоселение в Омскую область. После возвращения из депортации жил в Яшалтинском районе Калмыцкой АССР [Беляков, Надышев 2009].

Белькеев Убуш Цеденович (1924–1986). Калмык.

Уроженец хотона Бичкин-Шоха Яндыко-Мочажного улуса Калмыцкой степи. Окончил 7-летнюю школу.

Призван в 1942 г. Долбанским РВК Калмыцкой АССР и направлен в военное училище, из которого был выпущен младшим лейтенантом.

Участник войны с февраля 1943 г. на Северо-Кавказском фронте. Трижды ранен.

С лета 1943 г. У. Ц. Белькеев командовал взводом 66-го стрелкового полка 61-й стрелковой дивизии, с которым воевал на Тамани, на Южной Украине, Белоруссии и Восточной Пруссии (10 октября 1944 г. 61-ю дивизию вместе с 28-й армией включили в состав 3-го Белорусского фронта). Награжден орденом Александра Невского (приказ № 15/н 28-й армии от 27 марта 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 5889. Л. 353–353об.].

После демобилизации был направлен на спецпоселение в Тюменской области. После возвращения из депортации жил в с. Караванное Лиманского (бывшего Долбанского) района Астраханской области [Балакаева 2013: 4].

Брыков Иван Федорович (1919–??). Русский.

Призван Долбанским РВК Калмыцкой АССР в мае 1942 г.

Участник войны с октября 1942 г. по январь 1943 г. на Юго-Западном фронте. Ранен под Чертково. Окончил пехотное училище.

Был назначен командиром взвода 172-го гв. стрелкового полка 57-й гв. стрелковой дивизии 4-го гв. стрелкового корпуса 8-й гв. армии 1-го Белорусского фронта. За отличия в боях награжден орденами Красной Звезды и Богдана Хмельницкого 3-й степ. (приказ № 384/н 1-го Белорусского фронта от 7 декабря 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5447. Л. 193–193об.].

Бутцинов Александр Бадмаевич (1921–1945). Калмык.

Уроженец с. Кердата Большедербетовского улуса Ставропольской губернии, сын зайсанга Эренцена Пальтеева, раскулаченного и расстрелянного в 1929 г. Вдова, узнав о смерти мужа, решила уехать с детьми не к месту ссылки, а в соседний регион. Когда она вышла замуж повторно, то сменила фамилию и выправила детям документы с фамилией и отчеством отчима, после чего рискнула вернуться в Калмыкию.

17 июля 1941 г. А. Б. Бутцинов, только что закончивший 10-й класс, не дожидаясь призыва, добровольцем явился в Элистинский ГВК Калмыцкой АССР, и был направлен в Ростовское пехотное училище [ПМА: С. Э. Пальтеева].

Участник войны с сентября 1941 г., еще будучи курсантом училища. Трижды ранен.

Воевал на Дону, на Тамани, на Украине. Произведен в старшие лейтенанты, назначен командиром стрелковой роты 606-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии 22-го стрелкового корпуса 18-й армии 1-го Украинского фронта. Многократно отличился в боях на Правобережной Украине, продемонстрировав блестящие полководческие дарования. Дважды представлялся к орденам Красного Знамени, но оба представления были «понижены» до орденов Александра Невского (приказ № 35/н 18-й армии от 16 февраля 1944 г.) и Красной Звезды [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1307. Л. 322–322об.].

Весной 1944 г. А. Б. Бутцинова сняли с фронта по национальному признаку и отправили в Новосибирск (Сибирский военный округ) [ПМА: С. Э. Пальтеева]. Однако А. Б. Бутцинов не желал отсиживаться в тылу и добился возвращения на фронт, но в родную 317-ю дивизию, перешедшую к тому времени в состав 4-го Украинского фронта, попасть не удалось. Он стал командиром роты автоматчиков 318-го стрелкового полка 241-й стрелковой дивизии 52-го стрелкового корпуса 38-й армии 4-го Украинского фронта.

Капитан А. Б. Бутцинов был убит 9 февраля 1945 г. и похоронен в старой части г. Бельско-Бяла, в 200 метрах южнее костела [ОБД «Мемориал»]. Позже его прах перезахоронили в братской могиле № 12 кладбища Армии Червоной.

Воронин Михаил Максимович (1914–??). Русский.

Уроженец с. Промысловка Астраханского уезда Астраханской губернии (к 1941 г. это село входило в состав Долбанского улуса Калмыцкой АССР).

Призван Долбанским РВК Калмыцкой АССР в 1937 г.

Участник войны с 1941 г. Трижды ранен. Воевал на Западном, Брянском, Центральном, Воронежском, 1-м Украинском и Белорусском фронтах. Командир пулеметного взвода 182-го армейского заградотряда 13-й армии 1-го Украинского фронта и пулеметной роты 514-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии 102-го стрелкового корпуса 1-го Украинского фронта. За многократные отличия награжден орденами Красной Звезды, Александра Невского (приказ № 216/н 13-й армии от 8 сентября 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3059. Л. 25–25об.] и Отечественной войны 1-й степени.

Воронцов Виктор Иванович (1923–2003). Русский.

Уроженец станицы Рождественской Лабинского отдела Кубанской области (с 1924 г. — Ново-Александровского района Ставропольской губернии). Позднее с семьей переехал в Элисту, здесь окончил школу.

Призван Элистинским ГВК Калмыцкой АССР в 1942 г. и направлен в Астраханское пехотное училище.

Участник войны с августа 1942 г., когда училище преобразовали в 899-й стрелковый полк 248-й стрелковой дивизии. Воевал на территории Калмыкии в составе отряда капитана А. Постного, был ранен при штурме Яшкуля. Затем сражался на Южном, 4-м Украинском и 1-м Прибалтийском фронтах под Ростовом, Мелитополем, в Крыму и Прибалтике. Командир стрелкового взвода 3-го батальона 943-го стрелкового полка 257-й стрелковой дивизии 10-го стрелкового корпуса, затем адъютант штаба моторизованного батальона автоматчиков 202-й танковой бригады 19-го танкового корпуса. Награжден орденами Александра Невского (приказ № 21/н 51-й армии от 30 апреля 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1814. Л. 16–16об.] и Красной Звезды. Всего ранен 4 раза, после 4-го ранения лишился ноги и в 21 год стал инвалидом 2-й группы [Князев 1975: 180–181].

После демобилизации жил в г. Элисте.

Горлов Андрей Яковлевич (1908–?). Русский.

Уроженец с. Каменный Яр Черноярского уезда Астраханской губернии. Позднее с семьей переехал в Малые Дербеты.

Призван Малодербетовским РВК Калмыцкой АССР в конце 1941 г. и направлен в 311-й кавалерийский полк 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Летом 1942 г. попал в плен, но в начале 1943 г. был освобожден и направлен в 1374-й стрелковый полк 416-й стрелковой дивизии 44-й армии Южного фронта [ОБД «Мемориал»]. Сражался на «Миус-фронте» и северной Таврии. Отличился в бою на Кальмиусе (награжден медалью «За боевые заслуги»). За подвиги при форсировании р. Молочной был представлен к званию Героя Советского Союза, но начдив «понизил» награду до ордена Богдана Хмельницкого 3-й степ., а командующий 28-й армией В. Ф. Герасименко утвердил это решение [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1063. Л. 213–213об.].

После демобилизации жил в с. Каменный Яр.

Городовиков Басан Бадминович (1910–1983). Калмык.

Уроженец хутора Мокрая Эльмута Платовской станицы Сальского округа.

В 1927 г. поступил в кавалерийскую школу горских национальностей (Краснодар) и окончил ее в 1930 г., после чего был назначен командиром взвода, затем — Калмыцкого эскадрона 5-й кавалерийской дивизии имени М. Ф. Блинова. Окончил Военную академию им. Фрунзе и Военно-воздушную академию командного и штурманского состава. После начала войны подполковник Б. Б. Городовиков стал командиром вновь сформированного 71-го кавалерийского полка 48-й кавалерийской дивизии, которая вскоре отправилась в Крым, в состав 51-й армии.

Участник войны с 19 октября 1941 г. в Крыму. В ноябре отступающие части 48-й кавдивизии оказались отрезаны от главных сил и перешли к партизанской борьбе. Б. Б. Городовиков стал командиром 3-го «красноармейского» партизанского отряда, а с 1 мая 1942 г. — командующим 1-го партизанского района Крыма. В апреле 1942 г. он был награжден орденом Красного Знамени, произведен в полковники, а 16 июня эвакуирован самолетом на «большую землю».

После этого Б. Б. Городовиков командовал 251-й, 85-й гв., 184-й и 63-й стрелковыми дивизиями, с которыми сражался на Западном, 3-м Белорусском, 1-м Дальневосточном фронтах, в том числе в ходе та-

ких крупных стратегических операций, как «Марс», «Суворов», «Багратион». При этом молодой военачальник продемонстрировал блестящие полководческие дарования вкупе с беспримерным личным мужеством и отвагой. За многократные отличия ему было присвоено звание Героя Советского Союза, его наградили орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степ. [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 47. Л. 196–196об.], Суворова 2-й степ. [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 7745. Л. 65–65об.], Красной Звезды (за выслугу лет), произвели в генерал-майоры.

Любопытно, что в конце 1944 г. – начале 1945 г. при награждении третьим орденом Красного Знамени Б. Б. Городовикова первоначально представили к ордену Суворова 2-й степени, но командарм-5 генерал-полковник Н. И. Крылов (тот самый, который осенью 1945 г. «понизит» представление Э. Л. Бадмаева к званию Героя Советского Союза до ордена Ленина) заменил эту награду на орден Красного Знамени.

После войны служил в Вооруженных силах СССР до 1960 г. Решением Секретариата ЦК КПСС был уволен в запас в звании генерал-лейтенанта и направлен в Калмыкию для руководящей работы. В 1960–1978 гг. работал в Калмыкии вторым, затем первым (с 1961 г.) секретарем Калмыцкого обкома КПСС, где показал себя выдающимся и талантливым управленцем, оставившим о себе в народе добрую память [Балакаев 1995]. После отставки жил в г. Москве.

Дедов Василий Иванович (1912–1976). Русский.

Уроженец с. Промысловка Астраханского уезда Астраханской губернии (к 1941 г. это село входило в состав Долбанского улуса Калмыцкой АССР).

Призван в 1941 г. Элистинским ГВК Калмыцкой АССР.

Участник войны с августа 1941 г. на Юго-Западном фронте, 1 октября легко ранен под Днепропетровском, остался в строю.

В 1942 г. направлен в артиллерийское училище.

В 1944–1945 гг. воевал на 1-м Прибалтийском и 1-м Белорусском фронтах. Командир огневого взвода 1174-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 39-й отд. истребительно-противотанковой артиллерийской бригады РГК. Награжден орденами Красной Звезды, Алек-

сандра Невского (приказ № 0179 командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта от 7 апреля 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6146. Л. 45–45об.]. Участник штурма Берлина.

После демобилизации жил в Астраханской области.

Донской Владимир Васильевич (1922–??). Русский.

Уроженец с. Михайловка Астраханского уезда Астраханской губернии (к 1941 г. село входило в состав Долбанского улуса Калмыцкой АССР).

Призван 22 июня 1941 г. Долбанским РВК Калмыцкой АССР и направлен в Ростовское артиллерийское училище, ускоренный курс которого окончил в том же году.

Участник войны с 1941 г. на Северо-Западном, Калининском, 2-м Прибалтийском фронтах, с 25 марта 1944 г. — на 1-м Белорусском фронте. Командир батареи 45-мм орудий 1319-го стрелкового полка 185-й стрелковой дивизии. Был награжден орденами Красной Звезды, Александра Невского (приказ № 12/н командующего артиллерией 47-й армии от 18 февраля 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2605. Л. 29–29об.], Отечественной войны 2-й степени.

После окончания войны остался служить в армии, и был уволен в запас в 1968 г. в звании подполковника. После демобилизации проживал в Московской области [Кавалеры... 2000: 161].

Жуков Василий Андреевич (1925–??). Русский.

Уроженец с. Уманцево Малодербетовского улуса Калмыцкой автономной области (с 1930 г. это село включено в состав Сарпинского улуса).

Призван Сарпинским РВК Калмыцкой АССР в декабре 1942 г.

Воевал с марта 1943 г. по январь 1944 г. на Южном фронте.

С мая 1944 г. — 2-й Белорусский фронт. Четырежды ранен. Сначала служил телефонистом 664-го артиллерийского полка 129-й стрелковой дивизии, затем стал командиром пулеметного расчета 32-го гв. стрелкового полка 12-й гв. стрелковой дивизии 9-го гв. стрелкового корпуса 61-й армии 1-го Белорусского фронта. За свои отличия награжден орденами Красной Звезды и Богдана Хмельницкого 3-й степ. (приказ № 602 1-го Белорусского фронта от 30 мая 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4167. Л. 37–37об.].

После демобилизации жил в с. Уманцево.

Игнатов Михаил Митрофанович (1920–??). Русский.

Уроженец д. Никоново Сасовского уезда Рязанской губернии (в 1941 г. эта деревня входила в состав Чучковского района Рязанской области).

Призван Малодербетовским РВК Калмыцкой АССР в 1940 г.

Участник войны с 24 июня 1941 г. Зенитчик, ефрейтор. Служил наводчиком зенитного орудия 161-го отд. зенитно-артиллерийского дивизиона 17-й стрелковой дивизии 43-й армии Западного фронта. Участник Битвы за Москву. В марте 1942 г. награжден орденом Красной Звезды за два бомбардировщика, сбитых 18 января и 20 февраля.

С 1943 г. — командир орудия 131-го зенитно-артиллерийского полка 1-го гв. кавалерийского корпуса, старший сержант. Награжден медалью «За отвагу» и орденом Богдана Хмельницкого 3-й степ. (приказ № 130/н 1-го Украинского фронта от 20 сентября 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1620. Л. 89–89об.].

После демобилизации вернулся на родину и жил в дер. Никоново Чучковского района Рязанской области.

Инчиков Александр Сергеевич (1923–??). Русский.

Уроженец с. Михайловка Астраханского уезда Астраханской губернии (к 1941 г. село входило в состав Долбанского улуса Калмыцкой АССР).

Призван Долбанским РВК Калмыцкой АССР в июне 1941 г.

Воевал на Южном фронте в октябре–ноябре 1941 г. Затем был направлен в артиллерийское училище, по окончании которого получил назначение на Воронежский фронт (с мая 1943 г.), в 222-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Занимал должности командира 3-й батареи и пом. начальника штаба полка. Многократно отличился в боях в составе Воронежского, 1 и 2-го Украинских фронтов. Награжден орденами Александра Невского (приказ № 030/н командующего артиллерией 38-й армии от 24 ноября 1943 г.), Отечественной войны 1-й степени, Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 941. Л. 164–164об.].

Лопатин Анатолий Алексеевич (1920–1945). Русский.

Уроженец с. Чилгир Икицохуровского улуса Калмыцкой степи. Позже вместе с семьей переехал в с. Лагань Калмыцкой автономной области, там окончил школу. Поступил в Буденновский железнодорожный техникум.

В декабре 1939 г. призван Буденновским РВК Орджоникидзевского (Ставропольского) края.

Участник войны на Юго-Западном фронте с июля 1941 г. В ходе войны А. А. Лопатин окончил военное училище (1941 г.), курсы «Выстрел» (1942 г.), курсы усовершенствования офицерского состава (1943 г.). Трижды ранен. После первых боев сделал стремительную карьеру и уже в начале 1943 г. командовал батальоном, а после развертывания 118-й стрелковой дивизии на базе 152-й стрелковой бригады был назначен зам. командира 463-го стрелкового полка. Многократно отличился на Юго-Западном, Западном, Южном, 4, 3 и 1-м Украинских фронтах. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Александра Невского (приказ № 58/н 57-й армии от 29 апреля 1944 г.), вторым орденом Александра Невского (приказ № 51/н 5-й гв. армии от 18 сентября 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5104. Л. 102–102об.].

В 1945 г. майор А. А. Лопатина был назначен командиром 463-го стрелкового полка. В апреле 1945 г. 463-й полк, действуя как десант 4-го гв. танкового корпуса, прорвался в тыл противника и нанес ему значительные потери. 22 апреля 1945 г. майор А. А. Лопатин погиб в бою. Похоронен в г. Аннабург (Германия). Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, и награжден орденом Ленина [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 28. Л. 143–143об.].

Май-Ленский Петр Емельянович (1913–??). Русский.

Уроженец с. Дербетовка Медвеженского уезда Ставропольской губернии (с 1924 г. село входит в состав Винодельненского района Северо-Кавказского края, ныне Ипатовского района Ставропольского края).

Призван в 1931 г. Элистинским ГВК Калмыцкой АССР. Окончил пехотное училище.

Участник войны с июня 1942 г. Трижды ранен. Воевал на Северо-Кавказском, Южном, 2 и 3-м Украинских фронтах. С ноября 1944 г. гв. майор П. Е. Май-Ленский командует стрелковым батальоном 119-го гв. стрелкового полка 40-й гв. стрелковой

дивизии 4-й гв. армии. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степ. и Александра Невского (приказ № 54/н 4-й гв. армии от 23 июня 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 2466. Л. 256–256об.], а также медалью «За боевые заслуги» (за выслугу 10 лет).

Манджиев Тимофей Петрович (1912–1977). Калмык.

Уроженец хутора Киреев Чернышевской станицы 2-го Донского округа Области Войска Донского (ныне Обливского района Ростовской области).

Призван в 1940 г. Саратовским ГВК.

Участник боевых действий с июля 1941 г. на Ленинградском фронте. Дважды ранен.

Сражался на Пулковских высотах и Ораниенбаумском плацдарме. Присвоено звание лейтенанта. Назначен командиром роты 295-го Ропшинского инженерного батальона 2-й ударной армии Ленинградского фронта. В начале 1944 г. лейтенант Т. П. Манджиев участвовал в операции по окончательному снятию блокады Ленинграда [Илишкин 2003], в боях на ауверском плацдарме под Нарвой (в западной историографии больше известных как битва «северо-европейских СС»). 6 июня 1944 г. 295-й саперный батальон был переформирован в 173-й инженерно-саперный батальон, а в июле вошел в состав 21-й инженерно-саперной бригады. Т. П. Манджиев многократно отличился в боях под Нарвой, на территории Эстонии, Польши, Германии, был повышен в звании до капитана, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, Александра Невского (приказ № 68/н 2-й ударной армии от 16 мая 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1280. Л. 88–88об.].

После демобилизации в 1946 г. был направлен на спецпоселение в Сибирь. После возвращения из депортации жил в с. Шарнута Сарпинского района Калмыцкой АССР.

Надиев Дорджи Яковлевич (1922–2011). Калмык.

Уроженец Бага-Чоносковского аймака Маньчжунского улуса. Окончил 10-летнюю школу в с. Приютное.

Призван в 1941 г. Приютненским РВК и направлен в Сумское артиллерийское училище, где был назначен зам. политрука [Надиев 2003: 40].

Участник боевых действий на Юго-Западном фронте с июля 1941 г. в составе

курсантского отряда особого назначения. 16 августа 1941 г. ранен и вернулся в училище.

Выпущен лейтенантом и в апреле 1942 г. прибыл на службу в 890-й артиллерийский полк 330-й стрелковой дивизии, в составе которого прошел славный боевой путь от реки Болва до Эльбы. Служил адъютантом командира полка, зам. командира батареи, командиром 2-й батареи, зам. командира 1-го дивизиона, командиром 3-го дивизиона. Награжден медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, орденами Отечественной войны 1-й степени и Александра Невского (приказ № 056 командующего артиллерией 49-й армии от 31 мая 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6476. Л. 297–297об.].

Следует отметить, что 4 последних представления периода войны изначально подавались на более высокие награды. Например, при награждении 3-м орденом в августе 1944 г. командующий артиллерией 330-й дивизии полковник В. Шеремет и командир 330-й дивизии полковник В. А. Гусев предлагали наградить нашего земляка орденом Александра Невского, но командующий 50-й армией генерал-полковник И. В. Болдин «понизил» награду до ордена Отечественной войны 2-й степени (приказ № 0451 50-й армии от 24 августа 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3574. Л. 61–61об.]. При награждении 4-м орденом начдив-330 В. А. Гусев, уже произведенный в генерал-майоры, «понизил» предлагаемый орден Красного Знамени на орден Кутузова 3-й степени (командир 47-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант М. И. Дратвин согласился с ним), но начальник артиллерии 70-й армии генерал-лейтенант И. С. Бескин «понизил» награду до ордена Отечественной войны 1-й степени (приказ № 012/н от 23 марта 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6855. Л. 174–174об.]. При награждении 5-м орденом предложение об ордене Красного Знамени успешно прошло все инстанции (его поддержали В. Шеремет, В. А. Гусев и командование нового 70-го стрелкового корпуса, в состав которого вошла 330-я дивизия), но командующий артиллерией 49-й армии генерал-майор И. А. Разинцев «понизил» награду до ордена Александра Невского [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6476. Л. 297–297об.].

Как видно, командование полка и дивизии довольно высоко оценивали выдающиеся подвиги Д. Я. Надиева, которого хорошо знали в своем соединении и считали отличным боевым офицером и ветераном части. «Понижения» наград происходили всегда на уровне армий, в составе которых воевала 330-я дивизия. Стала ли причиной постоянного «понижения» наград национальность? Об этом судить трудно (сам Дорджи Яковлевич в своих воспоминаниях об этом ничего никогда не говорил), но если учесть, что это происходило постоянно в 1944–1945 гг., то вероятность такой версии довольно высокая.

После демобилизации в 1948 г. Д. Я. Надиев уехал в Москву, где начал работать в одном из союзных министерств, в котором проработал 42 года, в том числе 22 — начальником Главного управления. В 1994 г. в возрасте 72 лет ушел на пенсию. За свои трудовые подвиги был награжден еще 4 орденами [Надиев 2003]. Таким образом, вместе с «юбилейным» орденом Отечественной войны (1985 г.) в его планке наград значится 10 орденов и 18 медалей.

Найденов Павел Иванович (1916–??). Русский.

Призван в 1941 г. Элистинским ГВК Калмыцкой АССР. Окончил пехотное училище.

Участник войны с января 1942 г. Воевал на Юго-Западном и Северо-Кавказском фронтах. Был тяжело ранен в сентябре 1942 г.

В декабре 1943 г. был переведен на 1-й Украинский фронт, назначен командиром 3-го батальона 838-го стрелкового полка 237-й стрелковой дивизии (с августа 1944 г. дивизия сражалась в составе 4-го Украинского фронта). За многократные отличия награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Александра Невского (приказ 1-й гв. армии № 46/н от 14 августа 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5901. Л. 78–78об.], Богдана Хмельницкого 3-й степ. (приказ № 111/н 4-го Украинского фронта) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 3112. Л. 12–12об.].

Наминов Басан Басхаевич (1918–??). Калмык.

Уроженец хотона Чапчалган Хошеутовского улуса Калмыцкой степи.

Призван в январе 1942 г. Приволжским РВК Калмыцкой АССР.

Участник войны с 5 апреля 1942 г.

Вскоре после призыва направлен в Астраханское пехотное училище, которое в августе 1942 г. было преобразовано в 899-й стрелковый полк 248-й стрелковой дивизии 28-й армии. Полк защищал его родные места, степи Калмыкии. Затем он участвовал в боях на Миус-фронте и за Мелитополь, за отличия был представлен к ордену, но представление не было реализовано [Агарков 1982: 43]. 26 октября 1943 г. был ранен.

После излечения произведен в младшие лейтенанты и назначен командиром взвода 503-го стрелкового полка 91-й стрелковой дивизии 51-й армии 4-го Украинского фронта. Участвовал в боях в Крыму и под Севастополем, в одном из них заменил в бою погибшего командира роты, произведен в лейтенанты. В июне 1944 г. 51-ю армию передали в состав 1-го Прибалтийского фронта и перебросили в Латвию, где она сражалась под Шауляем, Паневежисом, Митавой. Награжден орденами Красной Звезды и Александра Невского (приказ № 111/н 51-й армии от 27 августа 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1729. Л. 277–277об.]. Произведен в капитаны.

После демобилизации был направлен на спецпоселение в Сибирь. После возвращения из депортации жил в г. Элисте.

Панченко Михаил Васильевич (1919–??). Русский.

Призван в 1939 г. Элистинским ГВК Калмыцкой АССР.

Участник войны с октября 1942 г. Воевал на 4-м Украинском, 3-м Прибалтийском, Ленинградском фронтах. С апреля 1944 г. адъютант командарма-67 и 19 В. 3. Романовского. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красного Знамени, Александра Невского (приказ № 0175 19-й армии от 17 апреля 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1640. Л. 20–20об.].

Потапов Андрей Кириллович (1912–??). Русский.

Уроженец с. Яшкуль Икицохуровского улуса Калмыцкой степи.

Призван в 1941 г. Черноземельским РВК Калмыцкой АССР. Окончил военное училище.

Участник войны с сентября 1942 г. Воевал на Донском, Брянском, Белорусском и 1-м Украинском фронтах. Участник Сталинградской битвы, в ходе которой командовал взводом роты ПТР 135-го отд. истребительно-противотанкового дивизиона 273-й стрелковой дивизии. Осенью 1944 г.

был назначен командиром огневого взвода того же дивизиона. Отличился в боях в Польше и Силезии, при форсировании Вислы и штурме Бреслау. Награжден медалью «За отвагу», орденами Отечественной войны 2 и 1-й степеней, Александра Невского (приказ № 010/н командующего артиллерией 6-й армии от 28 марта 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1659. Л. 68–68об.].

Пэрн Лембит Абрамович (1903–1974). Эстонец.

Уроженец с. Эсто-Хагинка Медвеженского уезда Ставропольской губернии (к 1941 г. Эсто-Хагинка входила в состав Яшалтинского улуса Калмыцкой АССР, ныне с. Яшалта Республики Калмыкия).

Окончил трехлетнюю школу и поступил в гимназию. После закрытия гимназии вернулся в родное село, стал работать продавцом в сельском потребительском обществе, а в 16 лет стал школьным учителем, инструктором по борьбе с неграмотностью среди взрослых. В 1920 г. юный Лембит был избран секретарем волостного ревкома, а в 1921 г. назначен зам. командира отряда по борьбе с бандитизмом.

В 1922 г. Большедербетовский улусный райком ВКП(б) направил Л. А. Пэрна в 3-ю объединенную Интернациональную военную школу.

После окончания школы в 1924 г. был командиром взвода, роты, зам. начальника штаба полка и дивизии, награжден орденом «Знак Почета». Окончил две военные академии: им. М. В. Фрунзе и Генерального штаба. После окончания последней был оставлен старшим преподавателем на кафедре тактики высших соединений, присвоено звание доцента. В 1939 г. полковник Пэрн защитил диссертацию и стал первым эстонцем — кандидатом военных наук. После присоединения Эстонии был назначен зам. начальника штаба 8-й армии, затем начальником штаба 2-го стрелкового корпуса, с которым встретил начало войны.

В августе 1941 г. был назначен начальником штаба 50-й армии, оказался в окружении, затем руководил оперативной группой Генштаба на Западном фронте, после этого служил начальником штаба 59-й армии. Трижды ранен. Участник Битвы за Москву. Награжден орденом Красного Знамени, присвоено звание генерал-майора.

В апреле 1942 г. был назначен командиром 249-й Эстонской стрелковой дивизии, в июне — командиром 7-й Эстонской

стрелковой дивизией. В августе 1942 г. обе дивизии были сведены в 8-й Эстонский стрелковый корпус, которым с начала формирования и до конца войны руководил генерал-майор (с сентября 1943 г. — генерал-лейтенант) Л. А. Пэрн. Сражался в составе Калининского, 2-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов, участвовал в сражении под Великими Луками, в освобождении Прибалтики [Великая Отечественная 2014: 149–150]. За освобождение материковой Эстонии награжден орденом Кутузова 1-й степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 103. Л. 122], за освобождение острова Сааремаа — орденом Суворова 2-й степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 163. Л. 179–179об.].

После войны был наркомом (министром) обороны Эстонской ССР, преподавал в Военной академии Генштаба. Уволен в запас в 1965 г. Проживал в г. Москве.

Санджиров Николай Мартынович (1921–1944). Калмык.

Уроженец с. Цаган-Нур Малодербетовского улуса Калмыцкой степи. В начале 1930-х гг. вместе с семьей переехал в с. Садки (ныне Дубовский район Волгоградской области), где учился в начальной школе. После этого он окончил семилетнюю школу и педагогическое училище в Дубовке. Из училища был выпущен буквально накануне войны

15 июля 1941 г. призван Дубовским РВК Сталинградской области, который направил перспективного и образованного паренька в Черниговское военно-инженерное училище, эвакуированное в Иркутск [Трембач 1963: 79]. Н. М. Санджиров закончил его в феврале 1942 г. и получил назначение на фронт.

В мае 1942 г. он был назначен командиром взвода 91-го инженерно-саперного батальона 47-й армии Северо-Кавказского, затем Закавказского фронта. Участвовал в боях за Новороссийск (награжден орденом Красной Звезды), на Курской дуге, по освобождению Левобережной Украины и форсирования Днепра. За бои на букринском плацдарме Санджирову присвоили звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина [Юшкова 1975: 199–202].

В июне 1944 г. 91-й инженерно-саперный батальон был включен в состав вновь сформированной 36-й инженерно-саперной бригады 28-й армии 1-го Белорусского фронта. Н. М. Санджиров был назначен ко-

мандиром отдельной моторизованной роты инженерной разведки. За отличия в ходе операции «Багратион» награжден орденом Александра Невского (приказ № 34/н 28-й армии от 14 июля 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1411. Л. 53–53об.].

Старший лейтенант Н. М. Санджиров умер от ран 18 августа 1944 г. в г. Седльце Мазовецкого воеводства, где и был захоронен [ОБД «Мемориал»].

Семеняченко Александр Архипович (1918–??). Русский.

Уроженец с. Лагань Яндыко-Мочажно-го улуса Калмыцкой степи.

Призван 2 октября 1938 г. Долбанским РВК Калмыцкой АССР.

Участник войны с февраля 1944 г. на 2-м и 3-м Белорусских фронтах. Командир стрелковой роты 787-го стрелкового полка 222-й стрелковой дивизии 33-й армии 3-го Белорусского фронта, затем 52-го гв. стрелкового полка 17-й гв. стрелковой дивизии 5-го гв. стрелкового корпуса 39-й армии 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов. Трижды ранен. Награжден орденами Александра Невского (приказ № 0286 33-й армии от 20 июля 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1900. Л. 9–9об.] и Отечественной войны 1-й степени. Инвалид войны [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1900. Л. 9–9об.].

После демобилизации жил в станице Курганной (с 1961 г. — г. Курганинск) Краснодарского края.

Сербин Андрей Петрович (1903–??). Молдаванин.

В документах указано, что он являлся уроженцем с. Гейдер Котовского района Одесской области, но найти это село на старых картах Одесской губернии пока не удалось.

Время и место первого призыва в Красную армию также установить не удалось. Известно, что А. П. Сербин в 24 года стал коммунистом, а в 1930-е гг. являлся кадровым военным, артиллеристом. В августе 1939 г. – феврале 1940 г. был командиром батареи 202-го отд. противотанкового дивизиона 124-й стрелковой дивизии, с которой участвовал в походе в Западную Украину, а потом в «финской» кампании. В период с февраля по сентябрь 1940 г. был командиром 202-го дивизиона. Затем его, по всей видимости, уволили в запас.

Повторно он был призван Западным РВК Калмыцкой АССР в марте 1942 г. и

сразу назначен зам. командира 368-го истребительно-противотанкового дивизиона 280-й стрелковой дивизии. Позже капитан Сербин стал командиром этого дивизиона.

Участник войны с марта 1942 г. Сражался на Брянском, Центральном, Воронежском и 1-м Украинском фронтах. Участник боев на Курской дуге, форсирования Днепра, Львовско-Сандомирской и Висло-Одерской операций. Ранен.

За свои отличия награжден орденами Александра Невского (приказ № 0144/н 70-й армии от 27 августа 1943 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 75. Л. 265–265об.], Отечественной войны 2 и 1-й степеней, Красного Знамени. Любопытно отметить, что при прохождении последнего наградного листа командующий артиллерией 13-й армии генерал-лейтенант Д. Д. Кубеев предлагал присвоить майору А. П. Сербину звание Героя Советского Союза, но командарм-13 Н. И. Пухов не поддержал его [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6316. Л. 334–334об.].

Субботин Анатолий Михайлович (1922–2012). Русский.

Уроженец с. Песчаное Манычского улуса Калмыцкой автономной области.

Призван в марте 1941 г. Черноземельским РВК Калмыцкой АССР.

Участник войны с июня 1942 г. на Ленинградском фронте. В сентябре был ранен. После излечения был направлен в минометное училище. С октября 1943 г. воевал на 2, 3 и 1-м Украинских фронтах. Командир минометной роты 173-го гв. стрелкового полка 58-й гв. стрелковой дивизии, в котором сражался до конца войны. За боевые отличия награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Александра Невского (приказ № 34/н 5-й гв. армии от 27 апреля 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 2082. Л. 45–45об.], Отечественной войны 1-й степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1091. Л. 70–70об.]. Окончил войну в Праге.

После демобилизации жил в с. Яшкуль Калмыцкой АССР.

Фролов Василий Иванович (1916–??). Русский.

Уроженец хутора 1-я Березовка Хоперского округа Области Войска Донского (в 1941 г. село входило в состав Бударинского района Сталинградской области).

Призван в ноябре 1937 г. Сарпинским РВК Калмыцкой АССР.

Участник войны с июня 1941 г. Окончил артиллерийское училище.

С сентября 1943 г. командир 5-й батареи 56-й пушечной артиллерийской бригады 26-й артиллерийской дивизии РГК, которая последовательно входила в состав 4-го Украинского, затем 1 и 2-го Белорусского фронтов. Участвовал в боях по освобождению Крыма, Белоруссии, Польши. Награжден орденами Красной Звезды и Александра Невского (приказ № 013/н командующего артиллерией 2-го Белорусского фронта от 13 марта 1945 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1781. Л. 34–34об.].

Халявкин Есин Эмгенович (1918–1944). Калмык.

Уроженец с. Ахнуд Большедербетовского улуса. Окончил Башантинский техникум.

Призван Западным РВК Калмыцкой АССР в 1938 г.

Участник боевых действий с октября 1941 г. на Юго-Западном фронте. Дважды ранен (в декабре 1941 г. и феврале 1942 г.).

Окончил курсы младших лейтенантов, и в сентябре 1942 г. был назначен командиром взвода автоматчиков мотострелково-пулеметного батальона 6-й гв. танковой бригады, сражавшейся под Сталинградом, а с ноября — в Калмыкии.

Весной 1943 г. в звании гв. старшего лейтенанта был направлен в 3-ю резервную армию командиром взвода, затем командиром роты автоматчиков 23-го стрелкового полка вновь сформированной 51-й стрелковой дивизии, с которой он прошел боевой путь почти до самой смерти. Сражался в составе Западного, 1 и 2-го Прибалтийских фронтов. Произведен в капитаны. Награжден медалью «За боевые заслуги», орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Александра Невского (приказ № 0216 4-й ударной армии от 4 мая 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3472. Л. 132–132об.], Отечественной войны 2-й степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3545. Л. 174–174об.].

3 июля 1944 г. гвардии капитан Е. Э. Халявкин был ранен в 3-й раз. После излечения он был направлен не в родную 51-ю, а в 239-ю стрелковую дивизию. 9 августа был ранен в 4-й раз, а 15 августа умер от сепсиса и истощения в 71-м местном эвакуационном пункте 1-го Прибалтийского фронта и захоронен в могиле № 5 на кладбище в 7 км к северо-западу от г. Городок [ОБД «Мемориал»].

Чванов Иван Игнатьевич (1919–??). Украинец.

Уроженец с. Садовое Черноярского уезда Астраханской губернии (в 1941 г. это

село входило в состав Сарпинского улуса Калмыцкой АССР).

Призван в 1939 г. Сарпинским РВК Калмыцкой АССР.

Участник войны с 25 июня 1941 г. Трижды ранен. В 1944 г. был командиром 5-й роты 38-го стрелкового полка 65-й стрелковой дивизии 99-го стрелкового корпуса 14-й армии Карельского фронта, которая сражалась против егерей 20-й горной армии вермахта. За отличие при форсировании реки Титовка награжден орденом Александра Невского (приказ № 287 14-й армии от 4 ноября 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 7113. Л. 58–58об.].

После демобилизации жил в с. Садовое Сарпинского района Калмыцкой АССР.

Чернобров Максим Ефимович (1913–??). Украинец.

Уроженец с. Антоновка Васильковского уезда Киевской губернии (в 1941 г. это село входило в состав Узинского района Киевской области).

Служил в Красной армии в 1936–1938 гг.

Повторно призван Западным РВК Калмыцкой АССР в марте 1942 г.

Участник войны с августа 1942 г. Воевал на Брянском, Центральном, Белорусском и 1-м Белорусском фронтах. Трижды ранен. Замполит командира стрелкового батальона 539-го стрелкового полка 108-й стрелковой дивизии 50-й армии Брянского фронта, затем парторг, замполит командира дивизиона 124-го минометного полка 1-й минометной бригады 5-й артиллерийской дивизии РГК 1-го Белорусского фронта. Награжден орденами Александра Невского (приказ № 293 50-й армии от 11 октября 1943 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1384. Л. 227–227об.], Отечественной войны 2 и 1-й степеней, Красной Звезды [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2896. Л. 383–383об.].

После демобилизации жил в с. Иванковичи Васильковского района Киевской области Украины.

Шамолдаев Бавур Шамолдаевич (1904–1988). Калмык.

Уроженец Бага-Чоносовского аймака Манычского улуса. Окончил рабфак в Саратове, и был направлен секретарем парторганизации в колхоз «III Интернационал» Западного улуса, затем работал инструктором райкома ВКП (б) в Башанте.

Призван в декабре 1941 г. Западным РВК как политработник.

Участник войны с июня 1942 г. на Юго-Западном фронте. Ранен (август 1942 г.). В июне 1943 г. был направлен на переобучение.

В марте 1945 г. был назначен командиром взвода 415-го стрелкового полка 1-й стрелковой дивизии 114-го стрелкового корпуса 70-й армии 2-го Белорусского фронта. За отличие в ходе Штеттинско-Ростокской операции был награжден орденом Александра Невского (приказ № 210/н 70-й армии от 21 мая 1945 г.). Любопытно, что начдив и комкор пытались «повысить» представление до ордена Богдана Хмельницкого 3-й степ., но командующий 70-й армией генерал-полковник В. С. Попов «понижил» награду до ордена Александра Невского [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1729. Л. 33–33об.].

После демобилизации в ноябре 1945 г. был направлен на спецпоселение в Омскую область. После возвращения из депортации жил в г. Элисте [Бакуева 2005].

Шарапов Маркел Санжинович (1907–1969). Калмык.

Уроженец Власовской станицы Сальского округа Области Войска Донского.

Призван Зимовниковским РВК Ростовской области в 1929 г., служил в Калмыцком эскадроне 5-й Блиновской кавалерийской дивизии. Через год его направили в Новочеркасскую кавалерийскую школу. После окончания школы М. С. Шарапов вернулся в Калмыцкий эскадрон, в котором командовал взводом, затем стал командиром эскадрона. В 1939 г. окончил годичные курсы Высшей школы штабных работников. В должности помощника начальника штаба 96-го кавалерийского полка 5-й Блиновской дивизии участвовал в походе в Западную Украину. В конце 1939 г. – начале 1940 г. участвовал в советско-финской войне в должности помощника начальника оперативного отдела штаба 9-й армии [Шарапов 1966: 7]. Весной 1940 г. его направили преподавателем в Львовское пехотное училище [Трембач 1963: 138–139].

В июле 1941 г. М. С. Шарапов был назначен командиром формируемого 202-го кавалерийского полка 74-й кавалерийской дивизии, во главе с которым уже в конце августа выступил на фронт [Шарапов 1966: 8]. Участник Битвы за Москву. В 1942 г. был командиром 293-го Башантинского кавалерийского полка 111-й Калмыцкой кавдивизии, затем 311-го Приволжского кавалерийского полка 110-й Калмыцкой кавдивизии. В

начале 1943 г. подполковник М. С. Шарапов служил преподавателем тактики на курсах Западного фронта, но уже в марте добился назначения командиром 680-го стрелкового полка 169-й стрелковой дивизии, вместе с которым многократно отличился в боях на Брянском и 1-м Белорусском фронтах.

В ноябре 1944 г. полковник М. С. Шарапов принял командование 751-м стрелковым полком 165-й стрелковой дивизии, с которым сражался на 2-м Белорусском фронте. Ранен. За многократные отличия при освобождении Белоруссии и Польши был награжден орденами Красного Знамени, Суворова 3-й степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 4490. Л. 237–237об.], Кутузова 3-й степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4066. Л. 338–338об.], Красной Звезды (за выслугу 15 лет службы).

После восстановления автономии Калмыкии жил в г. Элисте.

Щербань Алексей Иванович (1919–??). Украинец.

Уроженец с. Щербаки Машевского района Полтавской губернии Украины.

Призван Западным РВК Калмыцкой АССР 12 января 1942 г.

Участник войны с июня 1942 г. на Донском и Сталинградском фронтах. Окончил пехотное училище.

С сентября 1944 г. младший лейтенант А. И. Щербань сражался на 2-м Белорусском фронте, как командир стрелкового взвода 563-го стрелкового полка 153-й стрелковой дивизии. За отличия в боях награжден орденами Александра Невского (приказ № 0478 50-й армии от 21 ноября 1944 г.) [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3485. Л. 60–60об.] и Отечественной войны 2-й степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1779. Л. 81–81об.].

После демобилизации жил в с. Беленькое Запорожского района Запорожской области Украины.

В работе Н. Ц. Манджиева «Достоин награждения» в числе жителей Калмыкии — кавалеров ордена Александра Невского указаны также капитан М. И. Берцацкий, майор В. А. Миллер, старший лейтенант Б. М. Хейчиев и с некоторой долей вероятности кумык А. М. Монтаев [Манджиев 2015: 305]. Однако анализ наградных документов Героя Советского Союза Б. М. Хечеева и представлявшегося к этому званию уроженца Эсто-Хагинки В. А. Миллера не выявил у них наличия «полководческих»

орденов. Что касается кавалера ордена Александра Невского М. И. Бершацкого, то в карточке награжденного и во всех наградных листах местом рождения указан Зыряновский рудник Восточно-Казахстанской области, а местом призыва — Зыряновский РВК той же области.

Статистический анализ военных биографий 35 жителей Калмыкии, награжденных 40 «полководческими» орденами, позволил сделать определенные обобщения.

Большинство изучаемых персоналий — это молодежь 1912–1925 гг. рождения, выросшая при Советской власти и воспитанная в духе преданности ее идеалам. Только 7 человек из 35 старше этого возраста, причем ненамного (от 31 до 38 лет на начало Великой Отечественной войны). Шестеро из семи «стариков» осознанно связали свое будущее с Советской властью и являлись ее активными сторонниками: четверо были кадровыми военными (Б. Б. Городовиков, Л. А. Пэрн, А. П. Сербин и М. С. Шарапов), один являлся профессиональным парработником — инструктором райкома партии (Б. Ш. Шамолдаев), еще один, защищая Родину, проявил такое мужество и способности, что был произведен в офицеры на поле боя (Н. Д. Бевеликов).

В разрезе национальностей эти 35 кавалера «полководческих» орденов представляют 5 этносов: 18 русских, 12 калмыков, 3 украинца, 1 эстонец, 1 молдаванин. При этом следует учесть, что после депортации всего калмыцкого народа в Сибирь командование к калмыкам-офицерам относилось с определенным недоверием, часть офицеров были фактически сняты с фронта и отправлены на службу во внутренние округа, что ограничивало их возможности для получения почетных наград. Например, в 1944 г. полковника В. А. Хомутникова представляли к ордену Суворова 3-й степени, однако награду сначала «понижили» до ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени, а потом и вовсе приостановили. Лишь спустя три месяца после гибели В. А. Хомутникова этот наградной был реализован орденом Отечественной войны 1-й степени [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 892. Л. 418–418об.]. К ордену Богдана Хмельницкого 3-й степени представлялся и лейтенант Н. И. Эрдниев, но наградной лист постепенно «понижили» до медали [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 542. Л. 72–72об.]. Примеры «понижений» наградных мы приводили выше (у А. Б. Бутцинова, Д. Я. Надиева, Б. Ш. Шамолдаева и др.).

Думается, отнюдь неслучаен тот факт, что из 10 калмыков-кавалеров «полководческих» орденов, отмеченных этими наградами после начала депортации калмыцкого народа, половина (Т. П. Манджиев, Д. Я. Надиев, Н. М. Санджиров, Е. Э. Халявкин, М. С. Шарапов) получили эти награды в составе 1 и 2-го Белорусских фронтов, когда ими командовал К. К. Рокоссовский. Знаменитый полководец, уже испытавший на себе тяжесть «сталинского правосудия», не верил в огульные обвинения всех калмыков в коллаборационизме и, видимо, сочувственно относился к ним. Много лет у Рокоссовского адъютантом служил калмык И. Н. Жигреев. По воспоминаниям М. Т. Бимбаева именно Константин Константинович помог ему вернуться на фронт [Бимбаев 1983: 80].

Более двух третей изучаемых персоналий (все кавалеры орденов Богдана Хмельницкого и Александра Невского) были мобилизованы в первые два года войны, только десятерых призвали до войны. Почти все они имели военное профессиональное образование (впрочем, большинство из них получило ускоренное образование военного времени), кроме Н. Д. Бевеликова и Б. Б. Наминова, ставших офицерами на поле боя, а также старших сержантов В. И. Жукова и М. М. Игнатова, рядового А. Я. Горлова. Абсолютное большинство из них являлись ветеранами первых полутора лет войны: 20 человек вступили в первый бой с фашистами в 1941 г., 12 — в 1942 г.

По занимаемым должностям (здесь и далее должности, место службы и звания указываются на момент награждения «полководческими» орденами, в случае, если награждался дважды, то по первому награждению) изучаемые персоналии распределились следующим образом: один был командиром корпуса, один — командиром дивизии, один — командиром полка, один — заместителем командира полка, трое — командирами батальонов, двое — командирами артиллерийских дивизионов, восемь — командирами рот (в том числе один — командиром минометной роты, один — саперной, один — инженерной разведки), трое — командирами артиллерийских батарей, десять — командирами взводов (в том числе один командир взвода артиллерии, два — ПТР, один — пулеметного). Еще трое (офицерами не являвшиеся) были командирами орудия и пулеметно-

го расчета, а также стрелком. Некое недоумение вызывает появление в этом списке адъютанта командарма (М. В. Панченко) и замполита командира батальона (М. Е. Чернобров). Конечно, и адъютант, и замполит могли отличиться особой храбростью, но награждение «полководческими» орденами подразумевает командирскую работу, чего в наградных листах этих двух офицеров мы так и не увидели.

По родам войск изучаемые персоналии разделились так (за вычетом адъютанта и замполита): 19 были из пехоты (включая командиров стрелковых дивизии и полка, которые на самом деле являлись выходцами из кавалерии), восемь — артиллеристами (включая одного минометчика и одного зенитчика), двое — саперами, двое — бронбойщиками, двое — пулеметчиками. При этом семеро служило на 1-м Украинском фронте, шестеро — на 2-м Белорусском, пятеро — на 1-м Белорусском, по трое — на 3-м Белорусском и 4-м Украинском, по двое — на 1-м Прибалтийском и 3-м Украинском, еще по одному — на Карельском, Ленинградском, Брянском, Западном, Центральном, Юго-Западном и Южном фронтах. Преобладание кавалеров «полководческих» орденов на 1-м Украинском, 1 и 2-м Белорусском фронтах вполне объяснимо: в 1944–1945 гг. они находились на острие главных ударов и операций Красной армии и давали больше возможностей отличиться своим офицерам. К тому же эти три фронта были наиболее многочисленными. Что касается остальных фронтов, то некоторое недоумение вызывает отсутствие кавалеров «полководческих» орденов на 2-м Украинском фронте. Иные закономерности в распределении этих командиров по фронтам, кроме вышеупомянутых награждений калмыков под командованием К. К. Рокоссовского, выявить не удалось.

Весьма характерно, что почти все кавалеры «полководческих» орденов были также отмечены другими наградами. По количеству орденов, полученных за годы Великой Отечественной войны за конкретные боевые отличия (здесь не учитываются ордена за выслугу лет и медали, за исключением «Золотой Звезды» Героя Советского Союза), изучаемые персоналии распределились так: один человек получил 7 наград, два — по 5 наград, пять — по 4 награды, девять — по 3 награды, четырнадцать — по 2 награды, лишь четыре человека име-

ло по одному ордену («полководческому»). Весьма характерный штрих: из 24 жителей Калмыкии — Героев Советского Союза — лишь трое имели полководческие ордена (Б. Б. Городовиков, А. А. Лопатин, Н. М. Санджиров).

Если же обратиться к обобщениям в зависимости от награды, то мы видим, что четыре кавалера орденов Суворова и Кутузова — это профессиональные военные, добровольно избравшие военную стезю еще до начала войны. Нельзя сказать, что их карьера до войны была легкой и быстрой: например, Л. А. Пэрн после 17 лет службы офицером, окончания двух академий при наличии ордена, ученого звания и степени был полковником, Б. Б. Городовиков после 11 лет службы офицером (в том числе двух лет командования полком) и окончания двух академий (несмотря на родство с именитым дядей) — майором, а М. С. Шарпов после 9 лет службы офицером, окончания академии, похода в Западную Украину и «финской» кампании — капитаном. Своими наградами (3, 7 и 3 ордена соответственно) и чинами (генерал-лейтенанта, генерал-майора и полковника соответственно), полученными к концу войны, они были обязаны своим личным заслугам и знаниям военного искусства.

5 жителей Калмыкии — кавалеры ордена Богдана Хмельницкого являлись офицерами, сержантами, рядовым. Все пятеро были призваны во время войны. Однако сделать какие-то еще обобщения довольно трудно из-за их слишком малого количества.

Что касается 27 жителей Калмыкии — кавалеров ордена Александра Невского, то видно, что большинство из них являлись классическими офицерами военного времени — низового эшелона командного состава передней линии фронта, вытянувшим «на своем горбу» всю Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Великая Отечественная 2014 — Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. Том V. Командиры стрелковых, горнострелковых крымских, полярных, петрозаводских дивизий, дивизий ребольского направления, истребительных дивизий (Пивоваров – Яцун). М.: Кучково поле, 2014. 1168 с. [*Velikaya Otechestvennaya: Komdivy. Voennyi biograficheskiy slovar'. Tom*

- V. Komandiry strelkovykh, gornostrelkovykh, krymskikh, polyarnykh, petrozavodskikh diviziy, diviziy rebol'skogo napravleniya, istrebitel'nykh diviziy (Pivovarov – Yatsun)* [The Great Patriotic War: division commanders. A military biographical dictionary. Vol. 5. Commanders of rifle, mountain and mopping-up divisions ... (names: Pivovarov to Yatsun)]. Moscow: Kuchkovo Pole, 2014. 1168 p. (In Rus.)]
- Ведомости 1944 — Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. 26 марта. № 17 (277). [*Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* (Bulletin of the Supreme Soviet of the Soviet Union). 1944. 26 March. No. 17 (277). (In Rus.)]
- Всесоюзная перепись — Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / сост. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская, А. А. Исупов, И. Н. Киселев. М.: Наука, 1992. 256 с. [*Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi* [The 1939 All-Union Census: main results]. Yu. A. Polyakov, V. B. Zhiromskaya, A. A. Isupov, I. N. Kiselev (comp.). Moscow: Nauka, 1992. 256 p. (In Rus.)]
- Герои 1987 — Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в 2 т. Т. 1. М.: Воениздат, 1987. 911 с. [*Geroi Sovetskogo Soyuza* [Heroes of the Soviet Union]. A brief biographical dictionary: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Voenizdat, 1987. 911 p. (In Rus.)]
- Герои 1988 — Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в 2 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1988. 863 с. [*Geroi Sovetskogo Soyuza* [Heroes of the Soviet Union]. A brief biographical dictionary: in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Voenizdat, 1988. 863 p. (In Rus.)]
- Кавалеры 2000а — Кавалеры ордена Александра Невского Москвы и Московской области. Т. 1. М.: Альтекс, 2000. 535 с. [*Kavalery ordena Aleksandra Nevskogo Moskvy i Moskovskoy oblasti* [Recipients of the Soviet Order of Alexander Nevsky: Moscow and Moscow Oblast]. Vol. 1. Moscow: Al'teks, 2000. 535 p. (In Rus.)]
- Кавалеры 2000б — Кавалеры ордена Славы трех степеней: Краткий биографический словарь. М.: Воениздат, 2000. 703 с. [*Kavalery ordena Slavy trekh stepeney* [Recipients of the Order of Glory: three classes]. A brief biographical dictionary. Moscow: Voenizdat, 2000. 703 p. (In Rus.)]
- Красная звезда 1968 — Красная звезда. 1968. 22 февраля. [*Krasnaya zvezda* (newspaper). 1968. 22 February. (In Rus.)]
- ОБД «Мемориал» — Обобщенный банк данных (ранее — Объединенная база данных) «Мемориал» [электронный ресурс] // URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения: 03.05.2016). [*Obobshchennyy bank dannykh (ranee — Ob'edinennaya baza dannykh) «Memorial»* [‘Memorial’: a consolidated database]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 3 May 2016). (In Rus.)]
- ОБД «Подвиг народа» — Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [электронный ресурс] // URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (дата обращения: 08.07.2018). [*Elektronnyy bank dokumentov «Podvig naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941-1945 gg.»* [‘The Nation’s Valour in the Great Patriotic War (1941– 1945)’: an online database]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 8 July 2018). (In Rus.)]
- ПМА — Полевые материалы автора (ПМА): Пальгеева Серафима Эренценовна. [*Polevye materialy avtora (PMA)* [Author’s field data]. Informant: Serafima E. Palteeva. (In Rus.)]
- Сборник 1956 — Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – июль 1956 г.) / сост. М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. 500 с. [*Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR (1938 g. – iyul' 1956 g.)* [Collected laws of the USSR and decrees issued by the Presidium of the Supreme Soviet of the Soviet Union: 1938 – July 1956]. M. I. Yumashev, B. A. Zhaleyko (comp.). Moscow: Gosyurizdat, 1956. 500 p. (In Rus.)]
- Солдаты Победы 2015 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавдивизии / сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с. [*Soldaty Pobedy. T. II. Poimennyy spisok voinov 110-y Otdel'noy Kalmytskoy kavdivizii* [Soldiers of the Victory. Vol. 2. 110th Separate Kalmyk Cavalry Division: a name list]. P. E. Alekseeva, A. T. Bayanova, S. A. Zayarnyy, L. Yu. Lantsanova (comp.). 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute, 2015. 373 p. (In Rus.)]
- ЦАМО — Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО). [*Tsentrāl'nyy arkhiv ministerstva oborony RF (TSAMO)* [Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Агарков 1982 — *Агарков Б.* Пути-дороги фронтовые: сб. очерков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 89 с. [Agarkov B. *Puti-dorogi frontovye* [Paths and routes of war]. Coll. essays. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. 89 p. (In Rus.)]
- Бакуева 2005 — *Бакуева Е. С.* Герой своего времени // Элистинская панорама. 2005. 24 марта. [Bakueva E. S. A hero of his time. *Elistinskaya panorama* (newspaper). 2005, 24 March. (In Rus.)]
- Балакаев 1995 — *Балакаев А. Г.* Народный генерал: Политический роман-эссе. Элиста, РИП «Ботхн», 1995. 400 с. [Balakaev A. G. *Narodnyu general* [The people's general]. A political novel. Elista: Botkhn, 1995. 400 p. (In Rus.)]
- Балакаева 2013 — *Балакаева Н.* Не дожил до ордена // Известия Калмыкии. 2013. 18 мая. С. 4. [Balakaeva N. Was never alive to see his well-deserved order. *Izvestiya Kalmykii* (newspaper). 2013, 18 May. P. 4. (In Rus.)]
- Беляков, Надышев 2009 — *Беляков В., Надышев Е.* За отвагу и умелое командование // Элистинский курьер. 2009. 20 февраля. [Belyakov V., Nadyshev E. Rewarding his bravery and skilful command. *Elistinskiy kur'er* (newspaper). 2009, 20 February. (In Rus.)]
- Бимбаев 1983 — *Бимбаев М. Т.* Судьба моя военная. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 156 с. [Bimbaev M. T. *Sud'ba moyaya voennaya* [My military destiny]. Elista: Kalm. Book Publ., 1983. 156 p. (In Rus.)]
- Годаев 2005 — *Годаев П. О.* От Халхин-Гола до Кёнигсберга // Во имя безопасности России. Элиста: УФСБ РФ по РК, 2005. С. 81–87. [Godaev P. O. From Khalkhyn Gol to Königsberg. *Vo imya bezopasnosti Rossii*. Elista: Federal Security Service of Russia — Kalmykia Office, 2005. Pp. 81–87. (In Rus.)]
- Илишкин 2003 — *Илишкин Н.* «Порядочному человеку совестно даже перед собакой» // Известия Калмыкии. 2003. 22 января. [Ilishkin N. A decent person is he who feels ashamed even before a dog. *Izvestiya Kalmykii*. 2003, 22 January. (In Rus.)]
- Каруева 2010 — *Каруева И.* За мужество, верность и преданность Родине // Хальмг үнн. 2010. 2 марта. [Karueva I. Rewarding his bravery, devotion and faithfulness to Motherland. *Khal'mg ünn* (newspaper). 2010, 2 March. (In Rus.)]
- Князев 1975 — *Князев В.* Один из одиннадцати // Теегин герл. 1975. № 2. С. 178–183. [Knyazev V. One of the eleven. *Teegin gerl* (journal). 1975. No. 2. Pp. 178–183. (In Rus.)]
- Манджиев 2015 — *Манджиев Н. Ц.* Достоин награждения. М.: Принт Про, 2015. 498 с. [Mandzhiev N. Ts. *Dostoin nagrazhdeniya* [Deserves rewarding]. Moscow: Print Pro, 2015. 498 p. (In Rus.)]
- Надиев 2003 — *Надиев Д. Я.* Жизнь многоликая. Элиста: Джангар, 2003. 181 с. [Nadiev D. Ya. *Zhizn' mnogolikaya* [The many-faced life]. Elista: Dzhangar, 2003. 181 p. (In Rus.)]
- Очиров 2016а — *Очиров У. Б.* База данных калмыков — кавалеров ордена Славы: опыт составления и статистический анализ // Русская старина. 2016а. № 3(19). С. 218–239. [Ochirov U. B. A database of Kalmyks rewarded the Order of Glory: a compilation effort and statistical analysis. *Russkaya starina*. 2016a. No. 3(19). Pp. 218–239. (In Rus.)]
- Очиров 2016б — *Очиров У. Б.* Калмыки — кавалеры ордена Александра Невского // Вестник Калмыцкого университета. 2016б. № 4. С. 29–39. [Ochirov U. B. Kalmyk Red Army officers — recipients of the Order of Alexander Nevsky. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2016b. No. 4. Pp. 29–39. (In Rus.)]
- Трембач 1963 — *Трембач И. С.* Дорогой подвигов. Элиста: Калмгосиздат, 1963. 184 с. [Trembach I. S. *Dorogoy podvigov* [Following the path of valor]. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 184 p. (In Rus.)]
- Шарапов 1966 — *Шарапов М. С.* От Москвы до Берлина. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 72 с. [Sharapov M. S. *Ot Moskvy do Berlina* [From Moscow to Berlin]. Elista: Kalm. Book Publ., 1966. 72 p. (In Rus.)]
- Юшкова 1975 — *Юшкова А.* Он был коммунистом // Звезды над степью. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. С. 194–205. [Yushkova A. He was a Communist. *Zvezdy nad step'yu* [Stars over the steppe]. Elista: Kalm. Book Publ., 1975. Pp. 194–205. (In Rus.)]

UDC 94(47).084.8

Kalmykia's Residents — Recipients of 'Orders for Military Commanding Officers'

*Utash B. Ochirov*¹

¹Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc), Chief Research Associate, Department of History, Ethnology and Archeology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, I. K. Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9957-5215. E-mail: ochirovub@kigiran.com

Abstract

Introduction: The article analyzes military biographies of Kalmykia's residents — Kalmykia-born individuals (within the boundaries of 1941), individuals who had arrived from other territories to be conscripted by the Red Army in the republic, and other alien-born citizens to have resided in Kalmykia after 1957 — who had received 'orders for commanding officers'. The latter include orders awarded to senior and middle-ranking officers for military commanding skills only, namely: Order of Suvorov, Order of Kutuzov, Order of Bogdan Khmeltitsky (the range of recipients being a little wider), and Order of Alexander Nevsky. The orders were established by the Soviet Government in 1942–1943 when it became evident that commanding skills of Red Army officers was far more important and significant than individual bravery or even political fanaticism.

During the Great Patriotic War, 35 residents of Kalmykia (including five ones awarded twice) received such military decorations: four Orders of Suvorov, three Orders of Kutuzov, five Orders of Bogdan Khmeltitsky, and twenty eight Orders of Alexander Nevsky. The paper contains concise military biographies of all the 35 cavaliers.

Goals: The paper aims to examine military biographies of Kalmykia's cavaliers of 'orders for red Army commanders' and reveal their somewhat distinct and common features.

Methods: The study applied both general scientific methods (typological classification, analysis and synthesis, induction and deduction, comparison and analogy) and those of special historical research (historical-genetic, historical-comparative, historical-typological, and historical-systematic methods).

Results: The statistical analysis revealed a number of distinct features inherent to this group of military commanders. For example, the majority of the investigated individuals (28 of 35) were young enough being aged 16 to 29 (at the outbreak of the war) to have been brought up during the Soviet era in strict adherence to Communist ideals and representations. The six older commanders (aged 31 to 38 respectively) were those to have voluntarily supported the Soviet regime, thus, being eager to defend it even at the expense of their lives. The bulk of the examined cavaliers were infantry officers, and included no representatives of technology-packed troops (fleet, air power, armored force, army signals). When viewed from a perspective of ethnic composition, only one third of the list is represented by ethnic Kalmyks, which evidently disagrees with the all-Union censuses according to which Kalmyks constituted a majority in the region. This had been largely contributed to by the unjust collaborationist accusations against the Kalmyks followed by a deportation of the whole nation to easternmost regions of the country.

Keywords: Great Patriotic War of 1941–1945, Kalmyk ASSR, Red Army, Order of Suvorov, Order of Kutuzov, Order of Bogdan Khmeltitsky, Order of Alexander Nevsky



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 39, Is. 5, pp. 48–57, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-48-57
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930.25

Документы по истории взаимоотношений народов Сибири в XX в. (по материалам Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Красноярского края)

Ирина Евгеньевна Гречкина-Погребнякова (Хворова)¹

¹ ассистент кафедры истории и организации архивного дела, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет (125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6). ORCID: 0000-0002-2724-8108. E-mail: ikhvorova@bk.ru

Аннотация

Тематика рассматриваемой статьи затрагивает вопросы межнациональных отношений народов Сибири в XX в. Национальная политика в XX в. претерпела существенные изменения, которые сказались на всех этнических группах бывшей Российской империи. В статье рассматриваются особенности складывания взаимоотношений народов Сибири в связи со спецификой реализуемой национальной политики. Важное значение для настоящего исследования имеет привлечение сохранившихся архивных источников, позволяющих проанализировать концепцию национальной политики и значение ее реализации для народов Сибири. В работе представлен обзор и анализ некоторых документов по национальной политике в Сибири с целью выявления особенностей формирования взаимоотношений народов (по материалам ГА РФ и ГА КК).

Методология исследования включает в себя контент-анализ документов по истории народов Сибири в XX в. федерального и регионального уровней, а также анализ статистических и миграционных данных. Исследуются процессы развития межнационального взаимодействия этнических групп Сибири в XX в. путем анализа документов центрального управления национальной политикой СССР (Наркомнац, отдел национальностей ВЦИКа) и материалов региональной истории Государственного архива Красноярского края. Статья содержит обзор некоторых документов, воссоздающих этнографический портрет Сибири XX в. в соответствии с развитием межнациональных процессов, характерных для рассматриваемого периода. Основными результатами исследования является представленная автором систематизация групп взаимоотношений народов Сибири в XX в. и приведенные ниже выводы, характеризующие особенности этих взаимоотношений. В ходе исследования была подтверждена консолидирующая функция русского языка для разнородного этнографического состава Сибири; указана особенность комплектования сибирского архивного наследия, связанная с неоднородной модернизацией управленческих процессов и делопроизводства; обозначена проблема выявления документов по национальной истории народов Сибири ввиду разобщенности информации и «распыления» ее по разным фондам. Значение выполняемого исследования при современном состоянии научных знаний и для их дальнейшего развития заключается в возможности применения его результатов при подготовке обобщающих научных трудов по истории народов Сибири, по истории межнациональных отношений в XX в. Практическое применение результатов исследования возможно при разработке учебных курсов по истории межнациональных отношений и истории Сибири.

Ключевые слова: история взаимоотношений народов, национальная политика, Сибирь, XX век, народы Сибири, архивы Сибири, межнациональные процессы, Наркомнац

Формирование этнических сообществ, складывание устоев и традиций повседневного быта народов — долгий и трудоемкий процесс, который не всегда в полном и доказательном объеме может быть отражен в сохранившихся письменных источниках. Особенно сложно исследовать историю взаимоотношений народов, которые большую часть своего существования использовали методы устной передачи информации. Примером такой матрицы полиэтнических групп являются некоторые народы Сибири, которые только в XX в. обрели письменность и возможность нового метода трансляции знаний.

Взаимоотношения народов содержат разные по степени вовлеченности и эмоциональному окрасу политические, экономические, культурные и социальные процессы. Значение подобных процессов можно проследить по реализации государственной национальной политики. История взаимоотношений народов Сибири в XX в. аккумулирует два вида процессов — внутреннего и внешнего характера. Так, комплекс документов по национальной политике Сибири складывается из двух групп материалов — документы центральной власти и документы, осевшие в местах непосредственного проживания народов, т. е. материалы сибирских архивов. Анализируя оба комплекса одновременно, можно выявить особенности реализации меняющейся концепции национальной политики центрального руководства в рамках развития взаимоотношений народов Сибири.

Историография вопроса о взаимоотношениях народов Сибири в XX в. основывается на двух группах исследований ввиду междисциплинарности рассматриваемой темы. Первая группа работ представляет собой труды по истории национального вопроса Сибири. Научное внимание исследователей привлекает период становления и первые годы существования советской власти. В. А. Демидов в монографии «Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг.» рассматривает влияние Гражданской войны и ленинской национальной политики на партизанские движения и национально-государственное строительство в Сибири [Демидов 1978].

Вопросы теории и методологии рассматриваемой тематики подробно анализируются в исследовании А. В. Сушко «Процессы суверенизации в Сибири (фев-

раль 1917–1923 гг.)» [Сушко 2010]. Ввиду обширности территории макрорегиона отдельный интерес вызывает Южная Сибирь: работа Е. П. Мамышевой посвящена изучению исторического опыта национально-государственного строительства в Южной Сибири в 1917–1941 гг. [Мамышева 2017]; исследование М. В. Белозеровой рассматривает проблемы интеграции национального самоопределения коренных народов Южной Сибири [Белозерова 2008]. Научный труд В. А. Кудашкина обобщает материал по истории коренных народов Сибири во второй половине XX в. [Кудашкин 2008].

Вторая группа исследований посвящена вопросам формирования сибирской архивной системы и анализу сохранившегося историко-документального наследия по истории народов Сибири. Тематика развития архивного дела в Сибири издавна волновала исследователей: известны краткий обобщающий труд В. В. Птицына «Архивы Восточной Сибири» 1888 г. издания [Птицын 1888] и более позднее исследование Г. Г. Тельберга «Волостные архивы в Сибири» [Тельберг 1917]. Необходимо отдельно выделить монументальный научный труд А. И. Костанова «История формирования, сохранения и использования документального наследия Сибири и Дальнего Востока», представляющий собой глубокий и подробный анализ процессов создания и развития архивной системы в Сибири и на Дальнем Востоке с выявлением особой специфики комплектования архивохранилищ этих макрорегионов [Костанов 2010]. Обобщающая исследовательская работа В. В. Моисеева рассматривает историю организации и деятельность научно-методического совета архивных учреждений Сибири в контексте развития отечественного архивного дела в 1970–2005 гг. [Моисеев 2006].

Период становления советской власти для этой группы исследований также востребован: работа В. С. Бобровой посвящена государственным архивам Сибири в 1920–1930-е гг. [Боброва 2012], а исследование Д. Н. Шевелева затрагивает проблемы взаимоотношений центральной власти и губернского земства в Сибири в условиях Гражданской войны (по материалам Государственного архива Томской области) [Шевелев 2012].

Другие работы посвящены более узким, специальным вопросам тематики и также привлекают большое количество истори-

ческих источников. Так, известны работы Н. В. Воробьева, посвященные процессу городской и рабочей потребительской кооперации Сибири в 1921–1929 гг. по материалам Государственного архива Новосибирской области [Воробьев 2012], сборник документов по истории социально-трудовых отношений в сибирской провинции (1922–1933 гг.) [Социально-трудовые отношения 2017], исследование Е. Н. Косых по материалам периодической печати Сибири в первые годы советской власти [Косых 1994] и сборник сибирских большевистских газет 1905 г. под редакцией А. Т. Коняева [Центральные большевистские ... 1980].

Сибирское административно-территориальное деление исторически менялось, что оказывало значительное влияние на процесс складывания архивов и на общую организацию работы с документами, являясь особой спецификой формирования сибирской архивной системы. Генезис архивной структуры Сибири происходил в условиях общей реконструкции системы управления, делопроизводства и хранения документов в СССР. Однако в результате анализа процессов управления и делопроизводства можно выделить особенности комплектования архивов на территории Сибири. Разные подходы к модернизации управленческих процессов в связи с принятием декрета о реорганизации и централизации архивного дела и различное исходное состояние региональных архивов обуславливают многоступенчатость комплектования сибирских архивохранилищ [Костанов 2010: 34]. Другим важным аспектом, формирующим многоступенчатость архивной системы, является территориальная отдаленность Сибири от управленческого центра и, как следствие, существование значительной дискommunikации между центральным и региональным аппаратом власти макрорегиона.

Создание нового многонационального советского государства на едином экономическом пространстве сильно зависело от направления развития национальной политики и выполнения провозглашенного программой большевиков «права наций на самоопределение». В первые годы деятельности нового правительства был создан орган государственного управления, занимавшийся национальными вопросами — Народный Комиссариат по делам национальностей (далее — Наркомнац). Он просуществовал с 1917 по 1924 гг. После упразднения Нар-

комнаца функции реализации национальной политики были переданы отделу национальностей в составе Всероссийского центрального исполнительного комитета СССР (ВЦИК СССР) [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 39. Л. 2].

Процесс складывания массива управленческой документации в первые годы функционирования Народного Комиссариата по делам национальностей сильно зависел от приоритетных направлений деятельности нового ведомства и успешности выстраивания коммуникативных каналов с регионами. Исторически комплектование архивов Сибири происходило в тяжелых, изменчивых условиях, при недостатке материально-технической базы, а коммуникация по текущим проблемам осложнялась территориальной отдаленностью от центра. В первые годы работы Наркомнаца выстраивание активного диалога с народами Сибири не стало приоритетным направлением деятельности ведомства, что послужило причиной медленного процесса реализации государственной национальной политики на территории Сибири.

Основной массив документального наследия по работе Наркомнаца находится в составе фонда № 1318 Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ, ранее Центральный государственный архив Октябрьской революции). Название фонда: «Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР», даты документов фонда охватывают период функционирования Наркомнаца с 1917 по 1924 гг. Количество единиц хранения — 1 556. Дальнейшие материалы по работе нового структурного подразделения национальной политики при ВЦИК СССР отложились в фонде Р-1235 «Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК)». Фонд Р-1235 содержит 144 описи и 42 969 единиц хранения, крайние даты документов — 1917–1938 гг. Состав материалов разноплановый, фонды хранят распорядительные документы, важнейшие этнографические и демографические исследования, аналитические обзоры. Основные виды документов — распоряжения и материалы официальной переписки. Тип представления информации — машинописный текст с рукописными заметками

или рукописный текст. Для исследователей в архиве доступны микрофильмированные копии материалов фондов. Документы по истории взаимоотношений народов Сибири не выделены в отдельную группу материалов. Таким образом, они находятся в составе других документальных групп, иногда в формате информации в тексте источников с другой тематикой.

Рассмотрим некоторые материалы, относящиеся к реализации национальной политики на территории Сибири, которые содержат фонды № 1318 и № Р-1235 Государственного архива Российской Федерации. Важнейшим источником информации для исследования истории взаимоотношений народов являются статистические данные. В рамках данного исследования необходимо обратиться к документам о национальном составе Сибири. Так, в материалах по этнографическому составу страны за 1920 год выделены «прочие группы (до 10 000 человек неустановленной национальности)» в количестве 271 892 человек. Из общего населения страны, составляющего 66 554 011 человек, было выделено 9 847 215 представителей национальных меньшинств [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 216. Л. 155]. При этом данные из доклада Сибирского представительства дают численную этнографическую картину региона, в которой представители национальных меньшинств составляют почти половину населения Сибири: 8 703 249 человек, из них 4 358 627 представителей национальных меньшинств [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1424. Л. 1]. Самые многочисленные народы, представленные в этом докладе, — это русские (4 344 622 человек), украинцы (1 100 000 чел.), татары (500 000 чел.), белорусы (420 000 чел.), латыши (372 000 чел.), буряты (350 000 чел.), якуты (300 000 чел.), эстонцы (250 000 чел.), киргизы (200 000 чел.) и другие народы.

Таким образом, преобладающее место в этнографическом портрете Сибири занимают славянские народы при 50-процентном соотношении с другими, которые являются как титульными нациями регионов (такие, например, как буряты, якуты, хакасы), так и многочисленными народами, обосновавшимися на территории Сибири вследствие исторических миграционных процессов. В подтверждение данной гипотезы в материалах фонда также находятся данные о процентном соотношении русской части населения и других народов по сибирским областям на 1922 год (см. табл. 1).

Таблица 1. Соотношение русской части населения и других национальностей в Сибири на 1922 год¹

Наименование областей и губерний	Отношение к русскому населению других национальностей (в %)
Новониколаевская	25
Омская	43 (548 672)
Томская	40 (264 000)
Иркутская	25 (142 065)
Енисейская	45 (390 578)
Алтайская	20 (123 500)
Якутская Республика	85
Ойратская область	90
Бурят-Монгольская область	83

Источник: [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1424. Л. 2–2об.]

Из приведенной выше таблицы можно выделить основные регионы, где соотношение русского населения и представителей других национальностей имеет среднее или меньше среднего значение. Это территории центральной Сибири — Омская, Томская, Иркутская, Новониколаевская, Енисейская и Алтайская области. Таким образом, можно выделить 3 условные группы взаимоотношений: отношения между славянским населением и другими народами центральной Сибири, взаимодействие титульных наций республик с небольшим количеством русской диаспоры (на примере Бурят-Монгольской автономной области) и развитие отношений между совокупностью сибирских народов (с преобладающим количеством представителей славянской группы) с коренным населением Сибири.

К выявленным документам по взаимодействию народов Сибири первой группы можно отнести такие материалы фонда № 1318, как выписки из протокола заседания Президиума Сибирского Губернского Исполнительного Комитета за 14 августа 1923 г. по вопросу о дальнейшем существовании Сибирского губисполкома [ГА РФ.

¹ Числовые данные и названия в таблице приведены по архивному документу. В архивном документе в пяти случаях в скобках дана абсолютная численность представителей других национальностей.

Ф. 1318. Оп. 1. Д. 52. Л. 52], отчет отдела народного образования Сибирского революционного комитета в период с 1 января по 1 апреля 1922 г. [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1424. Л. 3–4], отчет подотдела национальных меньшинств Сибирского народного образования за период с 1 января по 1 апреля 1922 г. [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1424. Л. 5–6], отчет о количестве детских учреждений, посвященный национальным меньшинствам [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1424. Л. 7] и другие. В фонде № Р-1235 хранятся такие материалы о дальнейшем развитии межнационального взаимодействия народов Сибири, как статистические данные по национальностям РСФСР по 59 вузам за 1925–1926 учебный год [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 39. Л. 22], собрание распоряжений с обзором об участии населения в кооперации по отдельным национальностям и национальном составе [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 6] и т. д.

Вторая группа документов иллюстрирует процессы взаимодействия между преобладающим титульным населением республик и славянской группой в Бурят-Монгольской и Хакасской автономных областях в первые годы советского правительства. Например, фонд содержит отчет Бурят-монгольской автономной области об экономике области за 1917–1922 гг. от 5 декабря 1922 г. [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 52. Л. 12, 39–40, 141–144, 150], сводки по коренизации советского аппарата Хакасской автономной области и Красноярского края на 1 июня 1932 г. [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 127. Д. 6], протоколы совещаний при отделе национальностей ВЦИК и резолюция по докладом о состоянии и подготовке кадров дошкольных работников из коренных национальностей [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 129. Д. 1. Л. 16], обобщенный доклад о ходе работ по переводу делопроизводства на национальные языки и по коренизации аппаратов управления [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 123. Д. 69. Л. 6, 9, 31] и другие материалы.

Третья группа документов наиболее обширна и посвящена развитию отношений между совокупностью сибирских народов (с преобладающим количеством представителей славянской группы) с коренным малочисленным населением Сибири. Комплекс документов, отнесенный к этой группе, содержит такие материалы, как положение о Сибирском туземном Совете [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 155–171], объяс-

нительная записка Комиссариата по делам национальностей Трудовых Коммун Северной Области [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 38. Л. 171–198], положение об управлении туземными племенами [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 216. Л. 75], письмо в Наркомнац от Комиссии по внутренней торговле при Совете Труда и Обороне от 25 августа 1923 г. № 6189 [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1258. Л. 15], проект декрета ВЦИК о предварительной охране туземных племен, включающий запрет ввоза алкоголя и ограничение частной торговли [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1258. Л. 18], дело по обследованию работы по советскому, хозяйственному и культурно-просветительному строительству среди национальных меньшинств [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 162. Л. 58], постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР от 31 декабря 1935 г. № СН-024/12 «О мероприятиях по хозяйственному и культурно-бытовому обслуживанию народов Севера» [ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 131. Д. 7. Л. 122] и многие другие.

Необходимо отметить также аналитические материалы, представляющие собой научные доклады, сводные отчеты, вобравшие информацию по всем трем группам взаимоотношений. Это такие документы, как доклад заведующего отделом Национальных меньшинств А. Е. Скачко «О положении нацменьшинств в Сибири и о создании комитета содействия развитию окраин Сибири и населявших их малых народностей» за 1923 год, представленный Коллегии Наркомнаца [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 216. Л. 67–71] (информация в отчете важна для второй [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 216. Л. 70–71] и третьей группы взаимодействий [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 216. Л. 70–71]); выписка из протокола заседания Большой коллегии Наркомнаца от 27 марта 1923 г. (материалы научного доклада В. Г. Богораза-Тана [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1258. Л. 2]) и т. д. Степень доверия к изложенному в отчетах материалу достаточно высока, так как основные данные и выводы коррелируются с отчетами разных уровней власти и территорий Сибири. Также в указанных фондах хранятся материалы, подтверждающие коммуникационную роль Сибири в отношениях «центр — Дальний Восток» (телеграмма из Иркутска Совнаркомом о положении на Дальнем Востоке в период русско-японской войны, по сведениям из Владивостока [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 38. Л.

200]), и торговые отношения между представителями разных этнических групп с туземным населением севера Сибири (материалы, посвященные предпринятой в 1922 году товарообменной экспедиции [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1477. Л. 30–32]).

Важнейшие материалы по истории народов Сибири осели в документальном центре региона — в Енисейской губернии. В 1920 г. было создано Енисейское губернское архивное бюро, ставшее историко-документальной основой современного Государственного архива Красноярского края (ГА КК). Сведения о региональной истории развития взаимоотношений народов Сибири имеют разрозненный характер и хранятся в разных фондах и отдельных документах архива. Основные материалы, отобранные для настоящего обзора, посвящены процессу народного образования и реализации национальной политики региональным правительством в XX в.

В материалах фонда № Р-870 хранятся списки переселенческих участков, предназначенных для зачисления и водворения переселенцев в 1926 г., и сведения о свободном колонизационном фонде [ГА КК. Ф. Р-870. Оп. 1. Д. 12]. Документы охватывают период с марта по июнь 1926 г. Дело № 12 представлено в виде папки с вклеенными страницами документов на тонких листах с синим машинописным текстом. Материалы дела посвящены переписке заведующего Красноярским переселенческим пунктом по вопросам заселения земель Красноярского края. В комплектовании дела № 12 ярко проиллюстрирована собирающая роль Красноярского края, как центра сибирского управления.

В материалах фонда № Р-871 представлена ведомость неплановых переселенцев на 1 декабря 1928 г. Красноярского переселенческого подрайона [ГА КК. Ф. Р-871. Оп. 1. Д. 58. Л. 36–39], которая содержит также циркуляр с такими информационными графами, как: «когда приехал из России и с какой местности», «чем занимается в настоящее время», «чем предполагает заниматься в будущем». Разделение понятий «Россия» и «Сибирь» в рассматриваемом циркуляре связано не только с активной миграцией населения в последние годы существования Российской империи, но также и с исторически сложившейся мировоззренческой обособленностью сибиряков. Анализ представленных в циркуляре сведений

позволяет выделить некоторые закономерности: во-первых, большинство беженцев являются представителями славянских народностей, в частности — белорусов (выходцы из Минской, Могилевской, Витебской губерний); во-вторых, период переселения в Сибирь — начало XX в.; в-третьих, основное занятие приехавших — хлебопашество. Таким образом, анализ документов по переселенческой политике подтверждает миграционные процессы славянских этнических групп из центральной части страны в Сибирь с целью получения надела земли, что в свою очередь обуславливает особенности дальнейшего развития взаимоотношений коренных народов Сибири с пришедшим населением в XX в.

Положение и развитие системы народного образования во второй половине XX в. представлено в документах фонда Р-1383. Дело № 750 содержит сводный отчет Красноярского краевого отдела народного образования о составе и численности учителей, учащихся техникума, сети и контингенте дошкольных учреждений по краю за 1952–1964 гг. [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 750]. Материалы дела обширны, полное собрание отчетов расположено на 580 листах, сшитых под книжную обложку. Отчеты по распределению учителей, преподающих директоров и заведующих учебной частью школ по сельскому и городскому конгломерату края содержат графы по наличию преподавателей нерусского языка и литературы. Так, согласно итоговому, объединенному отчету по сельской и городской местности на начало 1951–1952 учебного года, в графе «Прочие учителя, преподающие отдельные предметы, имеющие и не имеющие среднее образование» указано, что на территории Красноярского края работало 2 преподавателя нерусских языков и 3 преподавателя нерусских языков и литературы [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 750. Л. 55]. В отчете следующих учебных лет наблюдается незначительное изменение в количестве национальных преподавателей: 1952–1953 учебного года — соотношение 3 и 1, 1953–1954 учебного года — соотношение 2 и 0 учителей [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 750. Л. 49–52]. Данные по 1954–1955 учебному году сообщают о значительном росте количества учителей национальных языков и литературы: итоговый отчет по Красноярскому краю содержит цифры 40 и 22 соответственно [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 750. Л. 41], а также

51 и 28 человек на начало следующего 1955–1956 учебного года [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 750. Л. 40]. Однако в дальнейшем наблюдается тенденция постепенного снижения количества преподавателей национальных предметов: в 1958–1959 учебного года — 29 и 29 соответственно [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 750. Л. 31], в 1961–1962 учебного года — 22 и 24 [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 750. Л. 20] преподавателя. На начало 1962–1963 учебного года в г. Красноярске работал 1 учитель с высшим образованием, преподающий национальные предметы [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 750. Л. 15]. Таким образом, представленные выше данные отчетов свидетельствуют о сокращении числа национальных сотрудников, что совпадает с установленным периодом постепенного спада процесса коренизации кадров.

Для сравнения ведения учета обучающихся можно привести анализ материалов дела № 1066 «Документы о контингенте, числе групп, штате дошкольных учреждений (сведения, отчеты, информация, анализы, показатели) за 1986 год» [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 1066]. Материалы формировались на базе краевого отдела народного образования исполнительного комитета Красноярского краевого совета народных депутатов. Дело представляет собой машинописный текст, сшитый в тетрадь в количестве 190 листов. Проанализировав представленный массив документов, необходимо отметить снижение уровня интереса к учету состава народностей населения, а также тот факт, что принятое ранее четкое разделение по национальностям в отчетах 1950–1960-х гг. сменяется всеобъемлющими понятиями «русские» и «нерусские» [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 1066. Л. 4]. Материалы дела содержат следующие сведения: «Число дошкольных учреждений, в которых дети нерусской национальности обучаются русскому языку: 93 (22 в городе, 71 — в селе), численность детей нерусской национальности, обучающихся русскому языку: 1270 (171 в городе, 1 099 в селе)», при общих показателях по краю: всего обучалось 8613 детей, из них 3563 — в селе [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 1066. Л. 34]. Относительно количества школ сообщается: «Число дошкольных учреждений, в которых дети нерусской национальности обучаются русскому языку — 46» [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 1066. Л. 50a]. В дальнейших статистических сведениях, пред-

ставленных в материалах дела, наблюдается пропорциональный рост количества учреждений и учащихся при сохранении единого уровня обучения родным языкам [ГА КК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 1066. Л. 77]. Таким образом, к концу второй половины XX в. наблюдается снижение потребности в изучении родных языков, что может свидетельствовать не только о «мятниковом» движении общегосударственной национальной политики, но также и об объединяющей роли русского языка для формирования сибирской идентичности, основанной на единстве многонациональной территории этого макрорегиона.

Проанализировав документы по истории взаимоотношений народов Сибири по материалам Наркомнаца, отдела национальностей ВЦИК и материалам региональной истории Государственного архива Красноярского края, можно сделать следующие выводы. Во-первых, анализ статистических данных народного образования во второй половине XX в. подтвердил объединяющую роль русского языка для поликультурных этнических сообществ Сибири, при формировании особой, новой сибирской идентичности — высокого уровня российской ментальности при сохранении культурных особенностей и традиций коренного населения. Во-вторых, процесс комплектования документального наследия Сибири в XX в. характеризуется разными уровнями модернизации управленческих процессов. В-третьих, в ходе исследования была обнаружена сложность в процессе выявления документов по национальной истории народов Сибири ввиду разобщенности информации и «распыления» ее по разным фондам.

Таким образом, история взаимоотношений народов Сибири находит подтверждение своей специфики в архивных документах федерального и регионального уровня, иллюстрируя особую поликультурную взаимосвязь между народами этого макрорегиона.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. [*Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation].]
- ГА КК — Государственный архив Красноярского края. [*Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya* [State Archive of Krasnoyarsk Krai].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Белозерова 2008 — *Белозерова М. В.* Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири: 1920-е гг. – начало XXI в.: дис... д-ра ист. наук. Томск, 2008. 794 с. [Belozerova M. V. *Problemy integratsii i natsional'nogo samoopredeleniya korennykh narodov Yuzhnoy Sibiri: 1920-e gg. – nachalo XXI v.* [Indigenous peoples of South Siberia: problems of integration and national identity (1920s – 2000s)]. A PhD thesis. Tomsk, 2008. 794 p. (In Rus.)]
- Боброва 2012 — *Боброва В. С.* Государственные архивы Сибири, 1920–1930-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 201 с. [Bobrova V. S. *Gosudarstvennyye arkhivy Sibiri, 1920–1930-e gody* [Siberia's state archives: 1920–1930s]. A PhD thesis. Novosibirsk, 2001. 201 p. (In Rus.)]
- Воробьев 2012 — *Воробьев Н. В.* Документы Государственного архива Новосибирской области как источник изучения городской и рабочей потребительской кооперации Сибири в 1921–1929 гг. // Документ: история, теория, практика: сб. мат-лов V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Томск, 27–28 октября 2011 г.). Томск: изд-во Томского ун-та, 2012. С. 374–376. [Vorobyev N. V. Documents of the State Archive of Novosibirsk Oblast as a source to study city and workers' consumer cooperative societies in Siberia in 1921–1929. Dokument: istoriya, teoriya, praktika. Conf. pos. (Tomsk, 27–28 October 2011). Tomsk: Tomsk State Univ., 2012. Pp. 374–376. (In Rus.)]
- Демидов 1978 — *Демидов В. А.* Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. Новосибирск: Наука, 1978. 367 с. [Demidov V. A. *Oktyabr' i natsional'nyy vopros v Sibiri. 1917–1923 gg.* [The October (Revolution) and the 'nationalities question' in Siberia: 1917–1923.]. Novosibirsk: Nauka, 1978. 367 p. (In Rus.)]
- Костанов 2010 — *Костанов А. И.* История формирования, сохранения и использования документального наследия Сибири и Дальнего Востока: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: М., 2010. 50 с. [Kostanov A. I. *Istoriya formirovaniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya dokumental'nogo naslediya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Document heritage of Siberia and the Far East: a history of formation, retention, and use]. An ScD thesis abstract. Moscow, 2010. 50 p. (In Rus.)]
- Косых 1994 — *Косых Е. Н.* Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.): Из истории идейно-политической борьбы. Томск: изд-во Том. ун-та, 1994. 246 с. [Kosykh E. N. *Periodicheskaya pechat' Sibiri (mart 1917 – may 1918 gg.): Iz istorii ideynopoliticheskoy bor'by* [Siberia's periodicals (March 1917 to May 1918): glimpses of the ideological and political struggle]. Tomsk: Tomsk State Univ., 1994. 246 p. (In Rus.)]
- Кудашкин 2008 — *Кудашкин В. А.* Социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов Сибири во второй половине 1950-х – 1991 гг.: на материалах Иркутской области и Красноярского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2008. 25 с. [Kudashkin V. A. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie malochislennykh narodov Sibiri vo vtoroy polovine 1950-kh – 1991 gg.: na materialakh Irkutskoy oblasti i Krasnoyarskogo kraya* [Socio-economic and cultural development of Siberia's minor (indigenous) peoples from the mid-1950s to 1991: a case study of Irkutsk Oblast and Krasnoyarsk Krai]. A PhD thesis abstract. Irkutsk, 2008. 25 p. (In Rus.)]
- Мамышева 2017 — *Мамышева Е. П.* Исторический опыт национально-государственного строительства в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2017. 35 с. [Mamysheva E. P. *Istoricheskiy opyt natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v Yuzhnoy Sibiri v 1917–1941 gg.* [A historical experience of nation building in South Siberia: 1917–1941]. An ScD thesis abstract. Ulan-Ude, 2017. 35 p. (In Rus.)]
- Моисеев 2006 — *Моисеев В. В.* История организации и деятельность научно-методического совета архивных учреждений Сибири в контексте развития отечественного архивного дела. 1970–2005 гг.: историко-документальное исследование. Новосибирск: Упр. гос. арх. службы Новосибирской обл., 2006. 245 с. [Moiseev V. V. *Istoriya organizatsii i deyatelnost' nauchno-metodicheskogo soveta arkhivnykh uchrezhdeniy Sibiri v kontekste razvitiya otechestvennogo arkhivnogo dela. 1970–2005 gg.: istoriko-dokumental'noe issledovanie* [Research and Procedure Council of Siberia's Archives: establishment and activities in the context of development of Russian archivalistics (1970–2005)]. Novosibirsk: State Arch. Dept. of Novosibirsk Oblast, 2006. 245 p. (In Rus.)]

- Птицын 1888 — *Птицын В. В.* Архивы Восточной Сибири. СПб.: тип. Акад. наук, 1888. 6 с. [Ptitsyn V. V. *Arkhivy Vostochnoy Sibiri* [Archives of East Siberia]. St. Petersburg: Imper. Acad. of Sc., 1888. 6 p. (In Rus.)]
- Социально-трудовые отношения 2017 — Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.): сб. док. и мат-лов / сост. О. Н. Калинина и др. Новосибирск: Омега Принт, 2017. 584 с. [*Sotsial'no-trudovye otnosheniya i konflikty v sibirskoy provintsii (1922–1933 gg.)*] [Social and labor relations and conflicts in Siberian peripheries (1922-1933)]. Coll. docs. O. N. Kalinina et al. (comp.). Novosibirsk: Omega Print, 2017. 584 p. (In Rus.)]
- Сушко 2010 — *Сушко А. В.* Процессы суверенизации в Сибири (февраль 1917–1923 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2010. 658 с. [Sushko A. V. *Protsessy suverenizatsii v Sibiri (fevral' 1917–1923 gg.)*] [Sovereignization processes in Siberia (February 1917 to 1923)]. An ScD thesis. Omsk, 2010. 658 p. (In Rus.)]
- Тельберг 1917 — *Тельберг Г. Г.* Волостные архивы в Сибири: Археографические очерки. Томск: Типо-лит. Сибирского Т-ва Печатного дела, 1917. 6 с. [Telberg G. G. *Volostnye arkhivy v Sibiri: Arkheograficheskie ocherki* [Volost archives in Siberia: archaeographic essays]. Tomsk: Sib. Printing Association, 1917. 6 p. (In Rus.)]
- Центральные большевистские ... 1980 — Центральные большевистские газеты 1905 года о Сибири: сб. док-тов и мат-лов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. 192 с. [*Tsentral'nye bol'shevistskie gazety 1905 goda o Sibiri*] [Siberia-related materials contained in 1905 central Bolshevik newspapers]. Coll. docs. Novosibirsk: West Sib. Book Publ., 1980. 192 p. (In Rus.)]
- Шевелев 2012 — *Шевелев Д. Н.* Проблемы взаимоотношений центральной власти и губернского земства в Сибири в условиях гражданской войны (По материалам Государственного архива Томской области) // Документ: история, теория, практика: сб. мат-лов V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Томск, 27–28 октября 2011 г.). Томск: изд-во Томского ун-та, 2012. С. 354–359. [Shevelev D. N. Problems of relations between the central and local (zemstvo) Siberian governments during the Russian Civil War (a case study of materials contained in the State Archive of Tomsk Oblast). Dokument: istoriya, teoriya, praktika. Conf. proc. (Tomsk, 27–28 October 2011). Tomsk: Tomsk State Univ., 2012. Pp. 354–359. (In Rus.)]

UDC 930.25

Peoples of Siberia in the 20th Century: Documents on the History of Relations (a Case Study of Materials Contained in the State Archive of the Russian Federation and State Archive of Krasnoyarsk Krai)

*Irina E. Grechkina-Pogrebniakova (Khvorova)*¹

¹ Assistant Lecturer, Department of Archival History and Management, Institute of History and Archivistries, Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2724-8108. E-mail: ikhvorova@bk.ru

Abstract

Goals: The article deals with the issues of inter-ethnic relations between Siberian peoples in the 20th century. The nationalities policy experienced significant transformations in the 20th century, with subsequent impacts on virtually all ethnic communities of the former Russian Empire. The paper examines distinct features inherent to mutual relations between Siberia's peoples in the context of the introduced nationalities policy. Special attention is paid to the available archival sources that make it possible to analyze the concept of the nationalities policy as such and understand its significance for Siberian communities. The work provides an overview and analysis of some documents on the performance of the policy in the region, and attempts to identify the distinctive features of relations between local peoples.

Methods: The methodology includes content analysis of documents — from both federal and regional archives — on the 20th-century history of Siberia's peoples, analysis of statistical and migration data. The paper investigates corresponding processes through analysis of documents issued by the USSR Central Department of Nationalities Policy (Narkomnats, VTsIK Department of Nationalities) and those of the regional level stored in the State Archive of Krasnoyarsk Krai. It reviews a number of documents to reconstruct the ethnographic portrait of 20th-century Siberia with due regard of the inter-ethnic processes that developed during the mentioned period.

Results: The main results of the study include a systematization of the 20th-century relations between Siberian peoples and corresponding conclusions that characterize peculiarities of those relations. The study confirms the henotic function of the Russian language within the ethnographically diverse Siberia, mentions such a peculiarity of the Siberian archival heritage as non-homogenous modernization of management processes and records keeping procedures, and specifies the problem of identifying documents on the national history of Siberian peoples arising due to separate databases dispersed within a wide range of archival funds. The significance of the present contemporary study lies in that its results can be used in integrated research works dealing with the history of Siberian peoples and the history of 20th-century inter-ethnic relations in general. The research results can also be applied in training courses on the history of inter-ethnic relations and the history of Siberia.

Keywords: history of inter-ethnic relations, nationalities policy, Siberia, 20th century, peoples of Siberia, archives of Siberia, inter-ethnic processes, Narkomnats



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 39, Is. 5, pp. 58–78, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-58-78
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47); 340.15

К истории среднеазиатской таможенной политики России во второй половине XIX в. (докладная записка В. П. Череванского 1872 г.)*

Козинцев Марк Альвиевич¹,
 Почекаев Роман Юлианович²

¹ аспирант, старший лаборант, сектор Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (191186, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Дворцовая наб., 18). ORCID: 0000-0001-8588-739X. E-mail: m.kozintcev@mail.ru

² кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (198099, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Промышленная ул., 17). ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Аннотация

Публикуемая записка высокопоставленного туркестанского чиновника В. П. Череванского отражает споры между представителями различных органов власти Российской империи о российской таможенной политике по отношению к государствам Средней Азии. В течение долгого времени имперские власти создавали среднеазиатским торговцам режим наибольшего благоприятствования, тогда как монархи Средней Азии не осуществляли ответных мер в отношении российских торговцев. Существенное изменение азиатских границ Российской империи в 1850–1860-е гг. привело к необходимости отмены ряда таможенных постов в регионах, которые к этому времени утратили статус пограничных и, соответственно, к спорам по поводу необходимости создания новой системы пограничных таможен в новоприсоединенных к России регионах, в частности, в Туркестанском крае. Записка В. П. Череванского отражает дискуссии, которые велись по этому вопросу среди туркестанского чиновничества, но вместе с тем и позицию ряда центральных ведомств, поскольку сам он представлял в Туркестане интересы Министерства финансов. Адресатом записки является туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман, в свою очередь, представлявший интересы Военного министерства. Публикация записки сопровождается археографическим введением, историко-правовым комментарием, а также примечаниями, дающими представление об общем политическом и экономическом контексте, в котором следует рассматривать записку. Анализ публикации позволяет оценить личность и деятельность самого автора записки — В. П. Череванского, который был не только высокопоставленным чиновником в Туркестане, а затем и в центральных органах власти Российской империи, но и известным литератором своего времени, что также наложило определенный отпечаток на стиль и содержание публикуемой записки. Также предпринимается попытка оценить, насколько рекомендации, представленные В. П. Череванским, нашли отражение в последующей таможенной политике Российской империи в Средней Азии. Исследование публикуемого документа позволяет сделать вывод о противоречивости поли-

* М. А. Козинцев: археографическое введение, подготовка текста к печати, примечания (частично); Р. Ю. Почекаев: примечания (частично), историко-правовой комментарий.

тики Российской империи в Средней Азии, которая весьма ярко отразилась и на таможенной сфере, в результате чего лишь к концу XIX в. таможенная система региона оказалась более-менее четко упорядоченной.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, Средняя Азия, Бухарский эмират, Хивинское ханство, таможенная политика, таможенный тариф

Археографическое введение. Текст Записки В. П. Череванского написан скорописью на русской бумаге без водяных знаков; размер листов 22×35,5 см. На л. 1 типографским способом один под другим напечатаны реквизиты, а именно: два грифа «Государственный контроль» и «Управляющий Туркестанскою контрольною палатою». Под ними — поле для написания даты, в котором заранее напечатаны первые три цифры года («187...»), номер документа, который в данном случае заменен прочерком, и место создания документа: «Г[ород]. Ташкент». Слева от текста, вне зависимости от положения внешнего края листа, имеются поля, ширина которых на разных листах варьируется от 4 до 6 см. На л. 1, ввиду наличия вышеуказанных реквизитов, отступ составляет 7 см. Справа от текста поля отсутствуют.

В настоящее время документ хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 43 (Петровский Н. Ф.). Оп. 3. Ед. хр. 13). В описи он обозначен как «Докладная записка Туркестанскому генерал-губернатору от Управляющего Туркестанской контрольной палатой Владимира Чер<...>асского». В ходе работы с документом нами было установлено, что автором его является В. П. Череванский, поскольку именно он был управляющим Туркестанской контрольной палатой в 1870-е гг. и имел право использовать вышеупомянутый гриф.

На каждом листе, начиная со второго, имеется штампель овальной формы, сообщающий о происхождении и сортности бумаги. Благодаря ему становится понятно, что данная бумага четвертого сорта — продукт «Косинской фабрики Рязанцевых», располагавшейся в Слободском уезде Вятской губернии. Привлекает внимание то обстоятельство, что вышеописанный штампель применялся в 1887 г. [Клепиков 1959: 108], в то время как записка абсолютно четко датирована 19 июля 1872 г. Данное обстоятельство позволяет предположить, что документ был впоследствии переписан. Связано это могло быть с тем, что Н. Ф. Петровский, намереваясь в подробностях ознакомиться с работой указан-

ной в Записке комиссии (как и с работой прочих туркестанских комиссий в последующие годы), попросил В. П. Череванского, с которым находился в давней дружбе, изготовить дубликат, что и было исполнено. Подпись В. П. Череванского на л. 12об., по всей видимости, оригинальная: ее он мог поставить, исходя из стремления показать, что и по прошествии пятнадцати лет своего мнения по торговому вопросу не изменил.

Материалы описи фонда позволяют проследить судьбу документа с конца первой четверти XX в.: в Ленинграде о Записке стало известно в январе 1925 г., после того как известный востоковед А. А. Семенов сообщил об отправке им из Ташкента архивных материалов Н. Ф. Петровского в распоряжение Академии наук. Решением Академии, документ был затем перераспределен в Азиатский музей (ныне — ИВР РАН)¹.

Ниже приводим текст Записки В. П. Череванского. Орфография и пунктуация, за некоторыми исключениями, а также характерное для документов XIX в. написание названий некоторых городов и административно-территориальных единиц Российской империи приведены к современной норме. Имеющиеся в тексте рукописи орфографические ошибки при наборе исправлены.

Текст «Записки В. П. Череванского».

Л. 1 Государственный контроль.

Управляющий Туркестанскою контрольною палатою².

„17, июня 1872 года.“³

№ _____
Г. Ташкент.

По вопросу:

О пошлинах на товары по внешней торговле России с независимыми среднеазиатскими владениями.

¹ Дело фонда № 43 (Петровский Н. Ф.). Л. 1. Выписка из протокола от 14-го января 1925 г. ИФ. 1925. 1. «21» января 1925 г. № 148.

² Подробнее о Туркестанской контрольной палате см. Историко-правовой комментарий.

³ Число, месяц и последняя цифра года вписаны от руки.

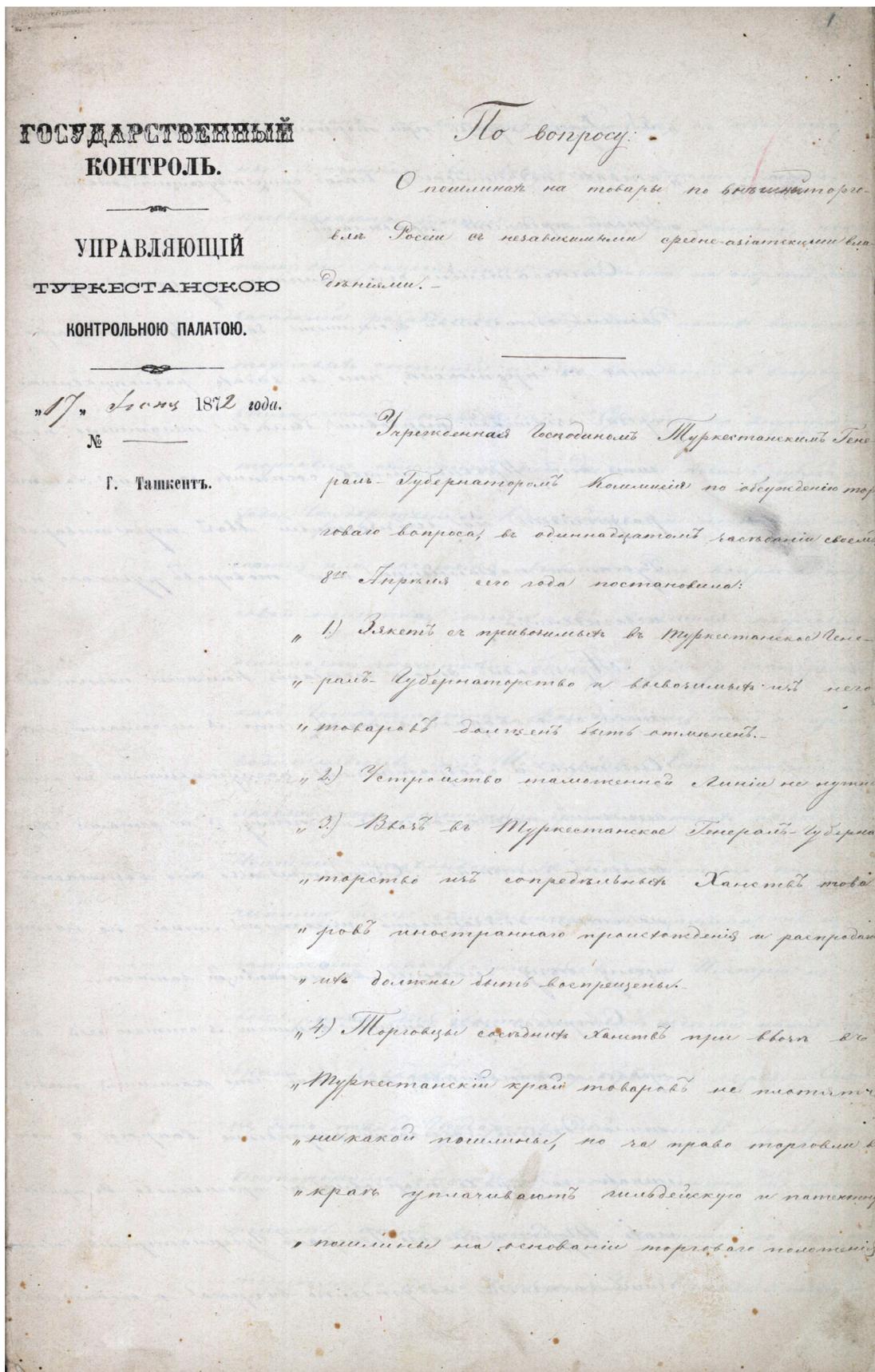


Рис. 1. Записка В. П. Череванского, начало (л. 1)

сущности в Китае и азиатские купцы в
наши предметы. Но дамы же могут
сказать необходимые письма в виду
таможни. Таможенное и Морское и Ману-
фактур, ибо здесь, по мнению, в
таможне не имеют специалистов по
таможенной части, а без специальных
знаний не могут быть рас-
смотрены основательно эти вещи. —

Владимир Черванский

Рис. 2. Записка В. П. Черванского, конец (л. 12об.)

Учрежденная господином Туркестанским генерал-губернатором¹ Комиссия по обсуждению торгового вопроса², в одиннадцатом заседании своем, 8 апреля сего года постановила:

1) *Зякет*³ с привозимых в Туркестанское генерал-губернаторство и вывозимых из него товаров должен быть отменен.

2) *Устройство таможенной линии не нужно.*

3) *Ввоз в Туркестанское генерал-губернаторство из сопредельных ханств товаров иностранного происхождения и распродажа их должны быть воспрещены.*

4) *Торговцы соседних ханств при ввозе в Туркестанский край товаров не платят никакой пошлины, но за право торговли в крае уплачивают гильдейскую и патентную пошлины на основании торгового положения.*

[л. 1об.] 5) *Русские купцы при торговле в сопредельных ханствах подчиняются всем существующим там на этот предмет правилам.*⁴

Относительно сего последнего пункта председатель означенной Комиссии заявил, как выражено в протоколе, что в видах равноправности среднеазиатской торговли было бы желательно получить от правительств соседних с нами ханств разрешение на беззаяктный ввоз туда товаров русскими подданными или товаров русского происхождения.

Протокол этого заседания Комиссии подписан мною с оговоркою о том, что я не согласен с выводами и соображениями, послужившими к означенным постановлениям, почему я и остался при особом мнении. Обстоятельство это возлагает на меня обязанность изложить личное по настоящему делу мнение в настоящей Записке.

¹ Первый генерал-губернатор Туркестанского края К. П. фон Кауфман (1818–1882), управлял краем в 1867–1882 гг.

² Подробнее о Комиссии см. Историко-правовой комментарий.

³ Предусмотренный шариатом налог с «излишнего имущества», в том числе с прибыли при торговле, составлял 1/40 от облагаемого имущества. В качестве торгового налога с мусульманского населения сохранялся в Русском Туркестане до 1875 г.

⁴ Выдержка из протокола заседания Комиссии по обсуждению торгового вопроса, данная в тексте Записки, приводится нами курсивом.

Обозревая ход занятий Комиссии, я считаю себя вправе остановиться на том, что Комиссия посвятила десять заседаний обсуждению вопроса о пошлинах за право торговли и промыслов в пределах Туркестанского генерал-губернаторства и одно лишь заседание обсуждению вопроса о пошлинах [л. 2] на товары по внешней торговле; с своей стороны я считаю за вопросом о внешней торговле преобладающее значение и полагаю, что Комиссия поступила бы рациональнее, посвятивши, наоборот, десять заседаний разработке и обсуждению наших внешних торговых сношений и одно заседание по вопросу о внутренней торговле. Суждения по внутренней торговле обнимают всего десятки тысяч рублей дохода Государственного казначейства и почти не касаются или касаются весьма мало вопросов торговой политики, тогда как внешняя торговля обнимает значительно большую сумму интересов как Государственного казначейства, так и производительных сил Империи. Есть основание полагать, что расширение среднеазиатских пределов Империи оправдывается не исключительно политическими или стратегическими целями, но и запросом производительных сил Империи на новые рынки для сбыта готовых изделий наших фабрик и заводов и для приобретения сырья. Очевидно, что такой государственный мотив требует всестороннего обсуждения, которое именно и могло иметь место в суждениях Комиссии по внешней торговле, а не по внутренней. Отсюда я позволяю [л. 2об.] себе заключить, что Комиссия торопливо отнеслась к вопросу о внешней торговле и решила его скорее по внутреннему убеждению гг. членов, согласившихся подписать протокол 11-го заседания, нежели на основании таких данных, таких веских, практических соображений и выводов, которые не оставляли бы сомнений в выгодности решения как для Государственного казначейства, так и для потребностей наших производительных сил и торгующего сословия. Но одного внутреннего убеждения гг. членов Комиссии, даже если бы я был вполне солидарен с этим убеждением, считаю решительно недостаточным в столь серьезном деле; к тому же убеждение это не будет вообще иметь никакого веса в глазах тех высших органов правительства, которые будут обсуждать в законодательном порядке вопрос о внешней торговле России в Средней Азии. При зако-

нодательном рассмотрении неизбежно потребуются доказательства в подкрепление убеждения, хотя бы последнее было верхом основательного решения вопроса. Вот почему я полагаю, что Комиссия не дала ни данных, ни мотивов, которые могли бы способствовать к принятию ее постановлений законодательными сферами, а такие данные, разумеется, [л. 3] будут потребованы, потому что, повторяю, есть основание полагать, что расширение наших среднеазиатских пределов совершается, независимо от политических или стратегических целей, ради также интересов экономических. Если предположение это справедливо, то, очевидно, в подобном деле недостаточно одного внутреннего убеждения, а необходимы факты, цифры, данные, мотивы доказательства; ничего подобного в трудах Комиссии не имеется, а следовательно, постановление ее состоялось, быть может, весьма целесообразно, но тем не менее без почвы, без основы, по внутреннему убеждению, которое даже минуя фактическую, доказательную сторону, не подкрепило себя в трудах Комиссии даже общими, поверхностными суждениями о полезности принятого Комиссией постановления.

Впрочем, в заседании Комиссии прочтена была записка члена комиссии С. А. Идарова¹, доказывавшего бесполезность учреждения в Туркестанском генерал-губернаторстве таможенной линии и вред, какой может произойти от обложения пошлиною вывозимого в сопредельные ханства хлеба. В протоколе комиссии выражено, что записка [л. 3об.] эта вызвала оживленные прения, касавшиеся преимущественно вопроса о том, в состоянии ли правительства среднеазиатских ханств отказаться от зякетного сбора с русских торговцев. Затем Комиссия признала не-

¹ Идаров Сергей Александрович (ум. 1901) в молодости служил в различных учреждениях Министерства внутренних дел и Военного министерства, в 1867 г. назначен чиновником для особых поручений по финансовой части при туркестанском генерал-губернаторе, затем — управляющим Туркестанской казенной палатой (1869–1889). Автор ряда статей в «Туркестанских ведомостях» о вакфах в Средней Азии. В начале 1880-х гг. пережил инсульт, после лечения вернулся на свою должность, однако, по свидетельству современников, с этого времени постепенно начал сходить с ума, что и привело к его отставке.

нужным устройство таможенной линии, причем в протоколе прямо выражено, что устройство таможенной линии было предложено мною. Позволяю себе заметить, что в этом отношении постановление я признаю совершенно ошибочным; вероятно, в трудах Комиссии был бы какой-нибудь след о моем предложении, но такого следа вовсе не оказывается. Действительно, я предлагал обсудить вопрос о степени возможности устройства таможенной линии, что до предложения устроить таможенную линию еще очень далеко, следовательно, Комиссия отвергнула несуществовавшее предложение, что и занесла в протокол, и не приняла действительное предложение обсудить вопрос и т. д., о чем в постановлениях Комиссии не упомянуто, и самого обсуждения произведено не было.

Ввиду того, что постановление 11-го заседания Комиссии состоялось по внутреннему лишь убеждению гг. членов о ненужности таможенной линии, **да по доводам**², [л. 4] заявленным в записке С. А. Идарова, я считаю бесполезным остановиться на главных пунктах сей записки и на тех средствах, какие он рекомендует для покровительства русской торговле в Средней Азии.

Прежде всего он заявляет необходимость заключить с соседними ханствами такие торговые тракты, по которым русские купцы были бы совершенно избавлены от торговых пошлин в ханствах, предоставив последним взимать зякет с их подданных, с англичан и прочих иностранцев. От этой меры С. А. Идаров предвидит, понятно, упрочение за русскими рынков в соседних ханствах — в подрыв английской торговли. Что касается до меня, то против подобного намерения я имею сказать многое. Для правителей независимых ханств³ зякет, как известно, есть кусок насущного хлеба, следовательно, в данном случае предлагается

² В тексте рукописи подчеркнуто.

³ Ко времени составления записки Российская империя фактически установила протекторат над Кокандским ханством и Бухарским эмиратом на основе «договоров о дружбе», заключенных с этими государствами в 1868 г. и предусматривавших значительные привилегии для русских подданных на территории этих государств. Через год после составления записки был заключен на аналогичных условиях и мирный договор с Хивинским ханством. При этом юридически ханства, и в самом деле, продолжали считаться независимыми.

самая крайняя мера — предлагается, во имя лишь силы русского оружия, потребовать от правительств независимых ханств значительно сократить свой бюджет или, если не сократить, то увеличить свои внутренние налоги на собственных подданных, и притом налоги поземельные, потому что в Средней Азии, кроме поземельных налогов, [л. 4об.] на производительность и налогов торговых, иных податей не существует. С своей стороны я решительно *даже*¹ отстраняюсь от мысли о подобном насилии над независимыми ханствами; полагаю, что мысль эта не политична, полагаю, что такой могущественной державе, как Россия, не подобает распоряжаться нищенскою сумою какого-нибудь ничтожного ханства, и если политика могущественной державы может требовать проведения тех или других начал в управлении независимыми ханствами, то уж ни в каком случае нельзя дойти до распоряжения мизерными доходами их правителей. Последние не могут отказаться добровольно от зякета по внешней торговле с Россиею, и навязывать им подобный тракт — значит требовать, приказывать, угрожать. Еще неудобнее говорить в данном случае о том, чтобы ханства, освободив наших купцов от пошлин, не забывали их брать с англичан и прочих европейцев. Подобные столбы насилия не могут не делаться известными Европе, и, разумеется, наше Министерство иностранных дел не окажет никакого сочувствия подобного свойства вызывательному трактату.

Вторую рациональную меру для закрепления за [л. 5] русскою торговлею среднеазиатского (вероятно, туркестанского, а не среднеазиатского) рынка С. А. Идаров считает абсолютное воспрещение ввоза из среднеазиатских ханств европейских товаров.

Мера эта также из числа радикальных, но, к сожалению, не новых: она проповедуется во всех концах земного шара приверженцами запретительных систем, хотя нельзя не заметить, что число таких абсолютистов редет с каждым днем, и они волею-неволею мирятся с покровительственными тарифами. Мне кажется, что наш внутренний туркестанский рынок совершенно обеспечен от наплыва извне европейских изделий, и если только Туркестанский край будет соединен с Империей сколько-нибудь порядочными транзитными путями и средствами, то нам

¹ В тексте рукописи зачеркнуто.

решительно нечего бояться² здесь, у себя дома, конкуренции с английскими мануфактуристами и заводчиками. Нам приходится защищаться не от английской конкуренции, а от наших собственных, родных наших эксплуататоров, которые, разумеется, будут осчастливлены запретительным тарифом и, не производя сами лично ровно ничего, будут поддерживать, если не увеличивать, обременительные для потребителей цены. Я не намерен [л. 5об.] скрывать того, что русские произведения продаются дешевле в Коканде и Бухаре, нежели в Ташкенте; в то время, когда сахар в Ташкенте продают по 15–16 руб. за пуд, в Бухаре он продается по 11–12 руб.³; часы, которые можно купить в Бухаре за 60 руб., нельзя купить в Ташкенте и за 80 рублей. Все это не секреты и не выдумка, а факты и печальная истина. Следовательно не запретительными системами, клонящимися в пользу одного на счет миллиона, мы должны закрепить среднеазиатские рынки, не выпрашиванием или вынуждением у ханов льгот, а привлечением в край серьезных капиталов и серьезной торговли, которой Англия не может быть страшна, как по отдаленности этой страны от нас, так и потому, что индийским караванам приходится оплачивать несколько раз зякетные пошлины, пока товары их достигнут нашего Туркестанского края. В пользу нашего купечества и так сделано многое: ради конкуренции с англо-индийским чаем разрешен, например, ввоз в Туркестанский край чая беспошлинно из Кяхты⁴ — получаем ли мы этот беспошлинный чай? Нет, или самое ничтожное количество; чай мы получаем из Москвы и Нижнего — какой же еще нужны льготы купечеству? Понятно, что чем мы больше будем держаться высоких покровительственных или вовсе запре-

² В тексте рукописи подчеркнуто.

³ Эти цифры присутствуют в записке Н. Ф. Петровского, который, будучи агентом Минфина в Туркестане, в 1872 г. побывал в Бухаре [Петровский 1873: 238]. Учитывая его дружеские отношения с автором записки, не подлежит сомнению, что его данные были использованы последним.

⁴ В Кяхте действовала русская таможня для взимания пошлин с товаров, ввозимых из империи Цин. Его беспошлинный ввоз в Туркестанский край был разрешен Высочайше утвержденным положением Комитета министров от 13 декабря 1868 г. [ПСЗРИ 1873: 504, № 46549].

тительных [л. 6] систем, тем приятнее будет десятку купцов, ведущему среднеазиатскую торговлю, но приятнее ли будет населению — это вопрос, который нельзя приносить в жертву эксплуатации.

Затем С. А. Идаров предлагает подвергнуть полному ostracismu индо-европейские¹ товары, объявить торговлю на среднеазиатских границах совершенно свободною — со стороны России — от пошлин и таможенного надзора. Затем ни он, ни Комиссия не задавались вопросом, кто будет на страже ostracisma, кто будет наблюдать, чтобы индо-европейские товары не проникали в Туркестанский край — полиция, акцизные надзиратели? А если, несмотря на эту стражу, индо-европейские товары все-таки будут проникать, то что с ними делать — сжигать или бросать в воду? Мне, например, положительно известно, что, несмотря на существующее запрещение относительно ввоза индо-европейских товаров в Туркестанский край, на базарах Ташкента появляется нередко английская кисея, даже с неуничтоженными английскими ярлыками. Почему же не устраивается аутодафе над этими товарами? Известно, что стремление к выгодам обходит все препятствия, и чем они легче, тем свободнее обходятся. Свободная торговля потребует уничтожения всякого надзора за привозом и вывозом товаров на среднеазиатской [л. 6об.] границе; кто же будет следить, чтобы не были ввезены в Туркестанский край столь страшные индо-европейские товары? Не потребуются ли составить в каждом городе особый комитет безопасности от индо-европейских товаров? Как велика будет власть этого комитета, пределы его деятельности? Или делом этим будет весть письмоводитель полицейского Управления? Словом, я отказываюсь понять, какими путями будет приведена эта мера в исполнение и остаюсь глубоко убежденным, что одного воспрещения в данном случае решительно недостаточно; что если действительно так страшны нам индо-европейские товары, то они, при отсутствии надзора, заполнят нас или же вызовут существование каких-нибудь комитетов мануфактурной безопас-

¹ Написание прилагательного индо-европейские через дефис сохранено, поскольку в данном и последующих случаях речь идет, очевидно, о товарах индийского и европейского происхождения. Правильнее было бы: *индийско-европейские*.

ности и фабричного спасения. В Комиссии даже заявлялось мнение, что учреждение таможенной линии вызовет контрабанду — это совершенно в порядке вещей, но если не будет таможенной линии, то неужели постыдятся торговые агенты везти запрещенный товар, только потому, что его не будут преследовать? Словом, С. А. Идаров и Комиссия пришли к одному заключению: запретить ввоз индо-европейских товаров, а все остальное, вероятно, само-собою сделается. Что касается до меня, то я чужд [л. 7] панической боязни перед индо-европейскими товарами, ибо, по слухам совершенно достоверным, мне известно, что и без угнетательных и вызывательных трактатов рынок Бухарский наполнен русскими ситцами, а из английских мануфактур туда проникают лишь изделия, потребляемые тою лишь частью населения, которая порывается к щегольству и относительной роскоши². Но ведь известно, что некоторые сорта кисеи на чалмы не изготавливаются в России, и если она привозится в Туркестанский край, то также английского изделия, но пришедшего не через Южную Азию, а чрез Европу и притом через Европейскую Турцию. Итак, откуда же этот страх перед английскими мануфактурами? Если он имеет основание, то его нужно доказать, а не требовать голословно заключения трактатов, которые в состоянии вызвать по пустому делу серьезный вопрос.

Учреждение в Туркестанском крае таможенной линии убьет, по мнению С. А. Идарова, русскую торговлю в Средней Азии и даст англичанам возможность овладеть этим рынком.

Разумеется, если таможня вносит такой [л. 7об.] разрушительный характер в торговое дело, то не должно быть и речи об ее существовании, но мне кажется, что таможни вообще далеки от такого рода наклонностей. До сих пор, по крайней мере, я считал таможню учреждением охранительным; ведь сила в ее тарифе, и, разумеется, тариф можно сделать и убийственным, но зачем же непременно сочинять убийственный тариф для среднеазиатской торговли? Почему же не составить тариф разумно-покровительственный, охранительный и т. д.? Я положительно протестую против того, что таможня только убивает и никогда не защищает. Я положительно не понимаю,

² Сведения, скорее всего, также взяты из вышеупомянутой записки Н. Ф. Петровского.

почему таможня должна будет убить русскую торговлю и радушно отворить свои пакгаузы для англичан. Не убил же и не убивает торговлю зякет, а уж действительно зякет, с своим чудовищным произволом, покончил бы давно со всякою торговлею в цивилизованных странах. Почему же, если зякет не убил торговлю, почему убьет ее тариф? Тариф способен совершенствоваться, способен регулировать ввоз и вывоз, затруднить ввоз опасного для нас, поощрить ввоз полезного и необходимого, давать свободный пропуск нашим избыткам и придерживать вывоз того, что *соста- [л. 8]* вляет и для нас самих насущную потребность, — почему же этот регулятор непременно убьет торговлю, а зякет, рубивший, так сказать, с плеча торговлю, все-таки не убил ее? Я отказываюсь разъяснить себе это мое личное недоумение. Но не отказываюсь заявить, что мы несколько лет держали самую чудовищную таможню, держали зякет, а теперь требуем совершенно свободной торговли. Мы этим бросимся из одной крайности в другую и, уж разумеется, заслужим грустный упрек в том, что мы желаем, мы чувствуем необходимость реформироваться и ради одного этого чувства готовы на всякие крайности. Не крайности ли в самом деле предлагает Комиссия в своем протоколе 11-го заседания: от разорительного, от чудовищного зякета по внешней торговле перейти к совершенной свободе и рядом с нею дать место совершенно запретительной системе. Самый отъявленный противник паллиативов¹ найдет, вероятно, что между абсолютною свободою и абсолютным терроризмом есть нечто среднее, что называется в настоящем деле таможенным тарифом.

Вторая часть записки С. А. Идарова представляет суждения о вреде опеки правительства над хлебною тор- *[л. 8об.]* говлею и положительный протест против всякого фискального обложения вывозного из Туркестанского края хлеба в соседние ханства. В подкрепление мнения своего С. А. Идаров сослался на последствия правительственной опеки над хлебною торговлею во Франции и Папской области и вообще на движение законодательства по этой части в Западной Европе; относительно же хлебного вопроса собственно в Средней

¹ Паллиатив — технический и медицинский термин, означающий временное решение, по-лучеру, средство для «закрытия» проблемы, но не решающее ее окончательно.

Азии С. А. Идаров не упомянул и никакого суждения ни в общем, ни в частности не заявил. С своей стороны я полагаю, что так как абсолютных истин не существует, то примеры, изложенные в учебниках по политической экономии относительно хлебного вопроса в Западной Европе, не могут быть еще приложимы всецело к степям и оазисам Средней Азии. Впрочем, не настала еще и пора трактовать серьезно о хлебном вопросе в Средней Азии, или, вернее, пора эта настала, но самое решение вопроса немислимо ставить в тесную связь с таможенным вопросом. Хлебный вопрос, так чувствительно отзывающийся уже на местном бюджете правительства и вогнавший уже стоимость содержания войск дороже нежели в Восточной Сибири, зависит от причин более серьез- *[л. 9]* ных нежели от обложения вывозного хлеба какою-либо пошлиною. Он зависит от тех систем податей, которые будут приняты в поземельном отношении, от сохранения или уничтожения хараджной системы, от учреждения запасных военных и общественных магазинов, от поднятия культуры края, от развития колонизации и русского землевладения. Вне этих вопросов нет места вопросу о хлебной торговле. Я только знаю, что хлеба в крае, сравнительно с спросом очень мало, что цены на него доходят до высоких размеров, что некоторые местности довольствуются на счет Оренбургского края и что не далее, кажется, как в прошлом году был воспрещаем административным порядком вывоз хлеба в Бухару. Мера эта была, разумеется, вынуждена необходимостью, **была мерою временною**² и, во всяком случае, не принесла вредных последствий, которыми С. А. Идаров угрожает вопросу о регулировании хлебной торговли с независимыми ханствами.

В записке С. А. Идарова главнейшим мотивом против учреждения таможенной линии следует считать заявление его о том, что в нашей среднеазиатской торговле не существует таких предметов, которые можно было бы обложить таможенною по- *[л. 9об.]* шлиною. К этой части своей записки он приложил два краткие перечня о главнейших русских товарах, привезенных в Россию из Средней Азии и отпущенных в независимые ханства в 1857 и в 1867 годах. Я полагаю, что сведения эти извлечены С. А. Идаровым из «Видов

² В тексте рукописи подчеркнуто.

внешней торговли по азиатской границе»; предположение мое основывается на том, что сведения его оканчиваются 1867 г., т. е. тем годом, за которым последовало уничтожение Оренбургской таможенной линии, очутившейся вследствие образования Туркестанского генерал-губернаторства во внутренних пределах Империи. Но едва ли есть серьезное основание принимать представленные С. А. Идаровым перечни за доказательства невозможности обложения товаров какою-либо таможенною пошлиною. Со времени движения нашего в Среднюю Азию характер торговых отношений принял совершенно иную физиономию сравнительно с тою, какую можно себе вообразить по данным за 1867, а тем менее за 1857 г. В доказательство я заявлю один весьма крупный пример: по сведениям С. А. Идарова привезено скота в 1867 году из Средней Азии в Россию на 2 946 334 руб. Без разъяснения сведения это принимает совершенно извращенный характер: не Средняя Азия доставила этот скот в Россию, [л. 10] а русская киргизская степь, что вовсе не одно и то же. Если принять сведения это без разъяснения, то можно думать, что Туркестанский край, составляющий ныне часть России, снабжается скотом из независимых ханств, тогда как происходит совершенно обратное явление: один Аулиеатинский уезд отправляет сотни тысяч баранов в Кокандское ханство. Одного этого примера, по сумме весьма солидного, достаточно, кажется, чтобы видеть, какими данными руководствовалась Комиссия для обсуждения вопроса о нашей пограничной в Средней Азии торговле! Но этого мало: я должен сказать, что представленным С. А. Идаровым перечням я не только не придаю значения, которое способствовало бы разъяснению таможенного вопроса, но, напротив, считаю их данными, окончательно затемняющими этот вопрос. Не говоря уже о том, что данные, изложенные в перечнях, отстали от современной торговли на 4 года, что имеет для среднеазиатской торговли громадное значение, в них, в этих данных, буквально нет ни одной цифры, которая относилась бы до торговли собственно Туркестанского генерал-губернаторства с независимыми ханствами, словно этой торговли и не существует, [л. 10об.] а между тем Комиссия решала вопрос о торговле на границах сего генерал-губернаторства.

В настоящей записке я упомянул, что вопрос о пошлинах по внешней торговле я считаю в десять раз важнее вопроса по внутренней торговле, что вменяю себе в обязанность доказать следующими цифрами: зякета по внутренней торговле поступило в 1871 году 19 000 р. а по внешней — 197 000 руб., не считая сих сборов по Зеравшанскому округу, в котором поступление зякета, преимущественно по внешней торговле поступает до 80 000 руб. в год. Хотя С. А. Идаров и заверяет, что в среднеазиатской торговле нет таких предметов, которые могли бы быть обложены таможенною пошлиною, но поступление зякета по внешней торговле в количестве более 200 тыс. руб. в год доказывает совершенно противное. Впрочем, я готов даже и согласиться, что нет таких предметов, которые в нашей пограничной среднеазиатской торговле подлежали бы обложению таможенною пошлиною, но я соглашусь тогда лишь, когда это будет доказано и, разумеется, не теми перечнями, в которых нет ничего о торговле Туркестанского генерал-губернаторства.

Затем, кажется, я имею право повторить, что [л. 11] Комиссия решила вопрос о ненужности таможенных учреждений в Туркестанском генерал-губернаторстве крайне поспешно, не располагая к такому решению никакими данными, не обсудив, в каких пунктах могли бы быть учреждены таможни и посты, какими, может быть, имеющимися готовыми уже средствами могла бы быть содержима пограничная стража, не составив примерного тарифа; и вообще, Комиссия решила этот громадной важности вопрос по одному внутреннему убеждению гг. членов.

Не могу не заметить также, что Комиссия не могла не сознавать того, что заключение трактатов с правителями независимых ханств об освобождении русских купцов от зякета не может совершиться путем добровольного соглашения: подобный факт, если и достигнется, то лишь путем требования администрации Туркестанского генерал-губернаторства, на что, как можно полагать, во имя принципов международных сношений господин генерал-губернатор не согласится. Не заключив же подобных трактатов и не учредив таможенной линии, мы поставим торговое дело в крайне странное положение: русские будут [л. 11об.] платить зякет в независимых ханствах, а купцы независимых ханств будут освобождены от

всякой пошлины на товары, привозимые в наши пределы; таким образом выйдет совершенно обратное действие тем началам, которыми так часто оправдывались наши движения в Среднюю Азию. Принято было и говорить, и писать, что нам нужны среднеазиатские рынки для сбыта наших произведений, а между тем, подвергая свое торговое дело зякету в независимых ханствах и освобождая от пошлины все безусловно ввозимые к нам среднеазиатские товары, мы этим, напротив, открываем свои рынки для всеазиатского порто-франко. Мне могут заметить, что торговцы независимых ханств взамен таможенных пошлин будут оплачивать у нас пошлины по торговому уставу, как это и выражено в протоколе Комиссии, но тут, в случае подобного замечания произойдет какое-то смешение понятий о действии и о предмете действия. Торговый устав регулирует торговую правоспособность, а таможенный устав, независимо в обоих случаях фискальных целей, охраняет или преследует самый предмет торговли.

[л. 12] В заключение настоящего мнения своего, относящегося, как выше упомянуто, к протоколу 11-го заседания Комиссии, я остаюсь при том убеждении, что не следует ни в каком случае давать какие-либо преимущества перед русскими подданными, и перед товарами русского происхождения, — считая в том числе и местные Туркестанские произведения, — перед подданными независимых ханств и их произведениями, что, разумеется, случится, если не будет учреждена таможенная линия на границах Туркестанского генерал-губернаторства, и не будут в то же время наши купцы и наши произведения освобождены от зякета в независимых ханствах. Исходя из сего принципа, я полагаю необходимым основательно обследовать вопрос о возможности или невозможности учредить таможенную линию на границах Туркестанского генерал-губернаторства. Затем, если по видам Государственного казначейства, или по взглядам торговой политики, окажется обременительным или ненужным учреждение таможенной линии, то непременно обратиться к мероприятиям, которые уравнивали бы по крайней мере права торговли наших [л. 12об.] купцов в ханствах и азиатских купцов в наших пределах. По делу же этому, во всяком случае, необходимо иметь в виду мнение Департаментов: таможенного и торговли и мануфактур, ибо здесь, на

месте, в Ташкенте, не имеется специалистов по таможенной части, а без специальных знаний не может быть разрешен основательно этот вопрос.

Владимир Череванский¹

Историко-правовой комментарий:
Записка В. П. Череванского в контексте таможенной политики Российской империи в Средней Азии. Публикуемый документ представляет интерес в контексте формирования российской таможенной политики на Востоке, поскольку знаменует собой окончание длительной борьбы между сторонниками свободной торговли (фритредерами) и поборниками защиты интересов отечественных производителей и торговцев (протекционистами) на азиатском направлении.

Фритредерство, протекционизм и российская таможенная политика на Востоке. До конца XVII в. включительно Российское государство проводило политику, близкую к протекционизму, однако цели ее являлись исключительно фискальными и сводились к получению больших поступлений в казну от таможенных сборов. Начиная с XVIII в., таможенная политика стала преследовать более широкие экономические цели, так что уже первый таможенный тариф, принятый в 1724 г., являлся явным проявлением протекционизма, поскольку защищал интересы российских производителей и торговцев [Кисловский 2004: 153–154].

Однако растущая связь таможенной политики с другими аспектами политической деятельности Российской империи (как во внутренней жизни, так и на международной арене) нередко приводила к тому, что, стремясь следовать в русле общеевропейских тенденций, имперские власти постоянно переходили от протекционизма к фритредерству и наоборот. Так, в эпоху «просвещенного абсолютизма» при Екатерине II (1762–1796) наибольшей популярностью пользовались идеи английского экономиста Адама Смита о свободной торговле, и, как следствие, таможенная политика России была весьма либеральной [Лодыженский 1886: 160]. При Александре I (1801–1825) таможенная политика, начавшаяся в жестко протекционистском духе из-за обострения

¹ Фамилия написана неразборчиво, очевидно другим почерком по сравнению с остальным текстом.

отношений с наполеоновской Францией, в конце 1810-х гг. вновь приобрела совершенно фритредерский характер [Егоров 2010а: 87; Коршунова 2017: 84].

В течение XIX в. имперская таможенная политика в значительной степени зависела от того, кто осуществлял верховное руководство ею. Так, граф Е. Ф. Канкрин, возглавлявший Министерство финансов в 1823–1844 гг., стремился защитить российскую промышленность и оказался достаточно авторитарным государственным деятелем, чтобы ввести новый протекционистский таможенный тариф [Лодыженский 1886: 191–192; Егоров 2010б: 11]. Однако затем вновь происходит либерализация таможенной политики в связи с необходимостью ввоза в Россию необходимого сырья и техники из Европы, поставка которых сократилась из-за политической изоляции России, особенно во время и после Крымской войны 1853–1856 гг. Новые тарифы принимались в 1850, 1857 и 1868 гг., причем уже последний из этих тарифов, подготовленный М. Х. Рейтерном (министр финансов в 1862–1878 гг.), несмотря на либеральный в целом характер, уже содержал элементы протекционизма [Кисловский 2004: 174–175, 199]. Причиной тому было вступление России на капиталистический путь развития в результате «Великих реформ» Александра II и ее стремление развивать собственную промышленность, для чего требовалось защитить ее от иностранных конкурирующих товаров. Однако окончательно протекционистский характер таможенная политика Российской империи приобрела лишь с 1877 г.

Однако столь противоречивое развитие таможенной политики происходило лишь на европейском направлении, тогда как азиатское практически не менялось на протяжении многих десятилетий. Первый Азиатский таможенный тариф был принят в 1817 г. и сохранял силу около полувека [ПСЗРИ 1830: 328–348, № 26894; СЗРИ 1857: 367–492; Солонченко 2011: 570]. При этом в двух главных таможенных округах, через которые Россия вела торговлю с азиатскими государствами, — Астраханском и Оренбургском — действовали собственные тарифные ставки, отличавшиеся от установленных в тарифе 1817 г. [Казаков, Чуканов 2012: 146; Солонченко 2007: 64].

В течение всего этого времени таможенная политика России в отношении ази-

атских государств носила исключительно либеральный характер по целому ряду причин. Во-первых, вплоть до середины XIX в. торговцы из Средней Азии для ведения дел в России, как и русские купцы, направлявшиеся в среднеазиатские ханства, были вынуждены проезжать через казахские и туркменские степи, весьма часто подвергаясь нападениям; как следствие, количество торговцев с обеих сторон оказывалось не слишком значительным, и имперские власти считали, что могут стимулировать рост среднеазиатской торговли с Россией путем предоставления льгот по таможенным платежам. Во-вторых, европейские торговцы, если и вели торговлю с этими странами, то весьма нечасто возили свои товары туда через Россию, соответственно, не было нужды повышать таможенные сборы с них в целях снижения конкуренции. Наконец, российские власти длительное время почему-то испытывали уверенность, что таможенные льготы, предоставляемые среднеазиатским торговцам¹, рано или поздно вызовут ответные действия со стороны ханов Бухары, Хивы и Коканда в отношении русских торговцев в этих ханствах.

Ситуация в значительной степени изменилась во 2-й половине XIX в., что, опять же, объясняется несколькими причинами. Прежде всего, в силу решительных действий пограничных властей Оренбургского края и Западной Сибири владения Российской империи в Средней Азии существенно расширились за счет присоединения части территорий среднеазиатских государств. Соответственно, казахские владения теперь не разделяли Россию и Среднюю Азию: имперские границы вплотную приблизились к границам среднеазиатских ханств, и первое из вышеперечисленных условий льготной таможенной политики России в Средней Азии, таким образом, отпало. Во-вторых, Англия, к этому времени установившая контроль уже над всей Индией, начала активно развивать дипломатические, военные и экономические контакты со среднеазиатскими ханствами, поставляя все больше и больше товаров на рынки этих государств. В результате возникла необходимость в пересмотре таможенной политики России в регионе.

¹ Ставка таможенного сбора в отдельные периоды составляла минимальный 1 % от стоимости товаров [Янжул 1869: 17].

Однако противоречия различных имперских властных структур, неучет мнения предпринимательских кругов и других экспертов по среднеазиатским делам привели к весьма непродуманным действиям. В течение некоторого времени таможенные границы в азиатских владениях России оставались на прежней линии — в соответствии с узаконениями еще 1822 г. [Долинский 1865]. В 1865 г. специальная правительственная комиссия во главе с министром финансов М. Х. Рейтерном обсуждала возможность перенесения таможен из Оренбуржья во вновь присоединенные к России среднеазиатские области на р. Сырдарье — во вновь образованную Туркестанскую область. Однако, в конечном счете, в 1867 г. были упразднены Оренбургская и Западносибирская таможни (о чем упоминает и В. П. Череванский в своей записке на л. 9об.), и никакой замены им на новых рубежах Российской империи в Азии не было создано — по той причине, что иностранцы, по мнению членов комиссии, сами не станут везти товары «в отсталые ханства», и смысла в таможне не находят [Моррисон 2016: 101; Солонченко 2007: 78].

В результате получалось, что российские купцы были вынуждены платить достаточно высокие таможенные сборы на территории Бухары, Хивы и Коканда, тогда как торговцы из этих стран могли пересекать границу Российской империи, не будучи обязанными платить ничего и при этом провозя с собой товары не только среднеазиатского, но и британского производства.

Для решения данной проблемы первый туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман образовал специальную комиссию для изучения вопроса о торговых сборах, которая работала в Ташкенте в 1872–1874 гг. [Правилова 2006: 287; Шкунов 2012: 140]. Комиссия включала представителей экономических ведомств Туркестанского края, которые, однако, далеко не всегда были согласны друг с другом, в результате чего во время заседаний велись бурные споры и принимались противоречивые решения, что отнюдь не способствовало достижению целей комиссии. Публикуемая записка В. П. Череванского, являвшегося членом этой комиссии, представляет собой своеобразную промежуточную оценку результатов ее деятельности по итогам ряда заседаний в течение первого года работы.

Автор записки: штрихи к биографии.

Владимир Павлович Череванский родился в 1836 г. в Симферополе в дворянской семье. Во время Крымской войны работал в одесском госпитале по бухгалтерской части, затем был отправлен для продолжения работы в Санкт-Петербург, где в 1864 г. по протекции руководителя Государственного контроля В. А. Татарина¹ был принят в Государственный контроль. 4 мая 1868 г. в Ташкенте была учреждена Туркестанская контрольная палата, и В. П. Череванский стал ее первым управляющим, занимая эту должность до 1880 г.

Туркестанская контрольная палата, включавшая в себя 12 департаментов, осуществляла большой комплекс ревизионных, административных и бюджетных функций. В частности, к ее компетенции относилась проверка финансовой деятельности администрации Туркестанского края, правильность производимых операций, контроль экономного расходования средств казны. Вместе с тем в обязанности сотрудников палаты входило составление обзоров по разным отраслям хозяйства края, включая даже такие специфические вопросы, как контроль вырубki лесов и использования других природных ресурсов, учет климатических особенностей в развитии сельского хозяйства. Естественно, на контрольную палату возлагалась реализация мер по борьбе с коррупцией [Сугуралиева 2006: 15–16]. Занимаемая В. П. Череванским должность и, как следствие, подведомственность его Министерству финансов послужили причиной противоречивых отношений его с главным начальником края — генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом.

К. П. фон Кауфман, находившийся в прямом подчинении Военного министерства (он поддерживал «почти дружеские» отношения с министром Д. А. Милютиным [Милютин 2010: 34]) и, будучи лично вхож к императору Александру II, имел постоянные конфликты с другими ведомствами, особенно с финансовым и внешнеполитическим, считая, что они чрезмерно вмешиваются в его дела и чинят ему препятствия в управлении Туркестаном. В частности, Государственный контролер постоянно

¹ Татарин Валериан Алексеевич (1816–1871) — российский государственный деятель, активный участник реализации «Великих реформ», Государственный контролер Российской империи (1862–1871).

указывал центральным властям империи (в том числе и лично императору) на «довольно многочисленные уклонения от общеустановленных правил» в Туркестанском крае, нарушения в силу «особенностей положения того края, которые препятствуют быстрому установлению надлежащего порядка в действиях отчетных перед Государственным контролем учреждений» [Отчет 1871: 93; Отчет 1872: 34]. Выведенный из себя постоянными конфликтами с Минфином, К. П. фон Кауфман в письме военному министру в 1875 г. прямо писал, как его раздражают «то ябедный Контроль, то упрямый Рейтерн¹, то дивана Черняев², даже дрянные шавки, как Петровский³, Гойер и

¹ Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890) — государственный деятель Российской империи, министр финансов (1862–1878), председатель Комитета министров (1881–1886), граф (1890).

² Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) — военный и государственный деятель Российской империи, участник завоевания Средней Азии, первый военный губернатор Туркестанской области (1865–1866), участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. После образования Туркестанского края в 1867 г. надеялся стать его первым генерал-губернатором, но по предложению военного министра Д. А. Милютин на эту должность был назначен К. П. фон Кауфман, что послужило причиной формирования резко негативного отношения к нему и его деятельности оставшегося не у дел М. Г. Черняева. Сотрудничая с рядом периодических изданий правового толка, он постоянно делал нападки на Кауфмана. Когда же после смерти К. П. фон Кауфмана М. Г. Черняев все же был назначен туркестанским генерал-губернатором (1882–1884), он демонстративно потребовал провести ревизию края по итогам управления его предшественника, не выявившую, впрочем, никаких нарушений лично со стороны К. П. фон Кауфмана. Сам М. Г. Черняев после ряда экстравагантных преобразований в Туркестане был довольно скоро смещен с должности и последние годы занимал чисто номинальную должность члена Военного совета. Отличался экстравагантным поведением, что и позволило К. П. фон Кауфману охарактеризовать его как «дивану»: так в Средней Азии называли безумных и бесноватых, а также юродивых.

³ Петровский Николай Федорович (1837–1908) — российский дипломат и ученый-востоковед, с 1865 г. служил в Госконтроле, агент Минфина в Туркестанском крае (1870–1882),

пр. и пр. хватают за икры; выше они уку-ситься не могут» [Бухерт 2003: 16; Правилова 2006: 129].

Как видим, среди этих «шавок» не упомянут В. П. Череванский. Являясь сотрудником Минфина и Госконтроля, он должен был защищать их интересы, но при этом, по-видимому, не вступал в прямой конфликт с властным генерал-губернатором. На это указывает, в частности, тон публикуемой Записки, который чиновник вряд ли мог позволить себе, если бы находился в неприязненных отношениях с К. П. фон Кауфманом. Некоторые сведения о последующей деятельности Череванского в Туркестане также свидетельствуют, что генерал-губернатор неплохо с ним ладил. Так, в 1877 г. в Ташкенте была образована Городская дума, и В. П. Череванский был избран в ее гласные [Бродский: 104]. А в 1879 г. при поддержке К. П. фон Кауфмана было открыто «Общество вспомоществования бедным учащимся в ташкентских русских учебных заведениях», одним из инициаторов и активных участников которого также стал В. П. Череванский [Остроумов 1899: 91].

Автор Записки уже с конца 1850-х гг. был известен не только как чиновник финансового ведомства, но и как плодовитый писатель. Он начал литературную деятельность в 1858 г. в качестве автора очерков и рассказов в таких изданиях, как «Семейный круг», «Русский мир», «Петербургский вестник», «Сын Отечества»⁴. В конце XIX — начале XX вв. им был опубликован ряд крупных произведений, которые он сам называл «историческими монографиями», на самом же деле представлявших собой беллетризованные исторические повествования — «Две волны» (о противостоянии России с кочевыми народами от средневековья до конца XIX в.), «Исчезнувшее царство» — российский консул в Кашгаре (1882–1903, с 1886 г. — генеральный консул). Помимо обширного научного наследия, оставил записки личного характера и переписку, в которых весьма язвительно критиковал своих современников, в том числе и тех начальников, под руководством которых ему приходилось служить (включая К. П. фон Кауфмана).

⁴ Поначалу именно литературные произведения Череванского и обратили на него внимание В. А. Татаринова, который, впрочем, вскоре сумел оценить и его профессиональные качества, и компетентность.

(о Древней Месопотамии), «Последний вздох Византии», «Творчество русской силы», исторические повести «Первая русская царица» и «Под боевым огнем» (об ахалтекинских экспедициях 1879–1881 гг.), а также научно-религиоведческое произведение «Мир ислама и его пробуждение».

Нельзя не увидеть, что литературный дар Череванского проявился и в публикуемой записке, сам стиль которой, несомненно, более эмоциональный и свободный, чем это было бы целесообразно в письменном докладе руководителя столь специфического ведомства, как контрольная палата, адресованном генерал-губернатору края. Выразительность аргументам автора, в частности, придают «неформальные» обороты: «Что касается до меня, то я чужд панической боязни перед индо-европейскими товарами» (л. 6об.–7); «Разумеется, если таможня вносит такой разрушительный характер в торговое дело, то не должно быть и речи об ее существовании, но мне кажется, что таможни вообще далеки от такого рода наклонностей» (л. 7–7об.), «зякет, рубивший, так сказать, с плеча торговлю...» (л. 8) и др.

Впрочем, несмотря на столь активную литературную деятельность, В. П. Череванский, прежде всего, был высококвалифицированным специалистом в своем деле. Именно поэтому он как «один из опытейших деятелей Государственного контроля, хорошо знакомый со Средней Азией и лично известный генерал-адъютанту Скобелеву» по представлению Государственного контролера был назначен обер-контролером для «заведования полевым контролем» в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг. [Отчет 1881: 118]. После присоединения Туркмении он до 1883 г. служил полевым контролером во вновь образованном Закаспийском крае, в 1883–1884 гг. управлял Московской контрольной палатой. С конца 1880-х гг. он числился уже в центральных органах Государственного контроля, в 1894 г. стал сенатором, а в 1898 г. — членом Государственного совета.

Его длительное пребывание в Средней Азии и интерес к местным обычаям и традициям создали ему репутацию ученого-востоковеда. И если поначалу его компетенция в этой сфере (в процессе участия в комиссии по выработке Положения об управлении Туркестанским краем в середине 1880-х гг.) подвергалась сомнению даже

его близким другом Н. Ф. Петровским¹, то в начале XX в. ситуация изменилась. В 1906 г. В. П. Череванский (уже ставший тайным советником) участвовал в Особом совещании по мусульманским делам и даже составил специальную записку по делам веры мусульман-суннитов. Подготовленные им материалы использовались и в рамках работы очередного Особого совещания уже в 1914 г. [Совещание 2011: 36].

Таким образом, автор Записки предстает перед нами весьма компетентным специалистом в вопросах экономической и финансовой политики, к тому же способным учитывать различные факторы дальнейшего развития соответствующих направлений политики Туркестанского края: международную обстановку, местную специфику и пр. Это позволяет внимательно отнестись к публикуемому документу как источнику и проанализировать его в контексте последующего развития таможенной политики в Русской Средней Азии.

Позиция В. П. Череванского и дальнейшая таможенная политика в Русском Туркестане. Из текста записки очевидно, что ее автор является, так сказать, «умеренным протекционистом», выступая за установление таможен и таможенных сборов в торговле со Средней Азией, но против чрезмерно высоких тарифов в отношении ввозимых и вывозимых товаров. Он совершенно справедливо указывает на то, что Российская империя, расширяя свои владения в центрально-азиатском регионе, преследует далеко не только политические и стратегические, но и экономические цели, и именно расширение рынков для получения сырья и сбыта готовой продукции должно стать главным условием дальнейшей торговой политики в регионе (л. 2). При этом В. П. Череванский специально подчеркивает, что отсутствие таможен приведет к получению среднеазиатскими торговцами преимуществ перед их российскими коллегами, торгующими, в том числе и товарами, производимыми в Туркестане (л. 12), что, видимо, должно было придать его аргументам дополни-

¹ Дружба с В. П. Череванским не мешала Петровскому в переписке отзываться и о нем в своем обычном ядовитом стиле, в частности, в одном из его писем упоминается «мой друг Череванский с претензией на литературу, большой мастер путать все вопросы и сам в них путаться» [Петровский 2010: 151].

тельный вес в глазах К. П. фон Кауфмана, который всячески старался развивать производство во вверенном ему крае.

Опираясь на сведения своих информаторов, автор Записки отмечает опасения своих оппонентов по поводу того, что учреждение таможен в Туркестанском крае снизит интерес ханств к торговле с Россией и позволит торговцам из Британской Индии захватить лидирующее положение на среднеазиатских рынках (л. 5–5об., 7). Он разделяет мнение ряда представителей российских деловых кругов о том, что российские товары в гораздо большем количестве представлены в Средней Азии, и конкуренция с англичанами на данном этапе не представляет опасности [Глуховский 1867: 18; Янжул 1869: 28–29; Рожкова 1963: 95–98; ср.: Сорокин 1869: 31; Халфин 1975: 59–60]. Кроме того, он задает своим оппонентам вполне резонный вопрос: как при отсутствии таможен предполагается предотвращать провоз английских товаров на территорию Российской империи, и кто будет отвечать за принятие этих мер (л. 6–6об.)?

В. П. Череванский выражает надежду, что власти в лице туркестанского генерал-губернатора «во имя принципов международных соглашений» не станут применять силу в отношении среднеазиатских ханств, чтобы добиться преференций для российских торговцев в этих государствах и заставить отказаться их правителей от высоких торговых сборов с иностранцев. Несомненно, «миролюбивая» позиция В. П. Череванского отражает взгляды руководства Минфина, которое считало военные предприятия в Средней Азии не только опасными во внешнеполитическом отношении, но и неоправданно затратными. Впрочем, при этом он приводит в большей степени эмоциональные аргументы, пренебрежительно отзываясь о «мизерных доходах» этих правителей, которые совершенно не представляют интереса для «такой могущественной державы, как Россия» (л. 4об.).

Весьма язвительно В. П. Череванский критикует своего оппонента С. А. Идарова за обоснование своей позиции торгово-политическим опытом таких государств, как Франция и Папская область, и совершенно обоснованно утверждает, что условия торговли в Западной Европе и в «степях и оазисах» Средней Азии совершенно различны (л. 8об.). В качестве дополнительного

аргумента в споре автор Записки упрекает своего оппонента в том, что тот при выработке своих предложений пользовался устаревшими данными, относящимися к концу 1850-х гг., тогда как политическая и экономическая ситуация коренным образом изменилась десятилетием позже в связи с образованием Туркестанского генерал-губернаторства (л. 9об.–10).

Однако при этом нельзя не обратить внимания, что и сам В. П. Череванский, как ни странно, больше внимания уделяет эмоциональным оценкам, чем количественным показателям. Возглавляя Туркестанскую контрольную палату, он, несомненно, должен был владеть информацией о ситуации в торговле, доходах и расходах края и мог эффективно использовать и интерпретировать эти цифры в пользу собственной позиции. Однако лишь ближе к концу документа (л. 10об.) он приводит несколько количественных показателей, что, как представляется, несколько снижает эффект от его Записки.

Как показали последующие события, мнение В. П. Череванского было учтено при выработке таможенной политики России в Средней Азии. В 1875 г. К. П. фон Кауфман отменил зякет, который, по выражению В. П. Череванского, «со своим чудовищным произволом, покончил бы давно со всякою торговлею в цивилизованных странах», и, с согласия Минфина, ввел в Туркестане Положение о пошлинах, правда, с сохранением за собой права учитывать местные особенности для внесения в это общее Положение необходимых изменений [Кауфман 1885: 409]¹.

Однако в данном случае речь шла о распространении на ввозимые из Средней Азии товары лишь торговых налогов, что, по обоснованному мнению В. П. Череванского, означало, что «произойдет какое-то смешение понятий о действии и о предмете действия. Торговый устав регулирует торговую правоспособность, а таможенный устав, независимо в обоих случаях фискальных целей, охраняет или преследует самый предмет торговли» (л. 11). Надо полагать, К. П. фон Кауфман не желал создавать таможенные учреждения, по вопросам которых ему пришлось бы в еще большей степени координировать

¹ Это право сохранялось и за преемниками К. П. фон Кауфмана еще в конце XIX в. [СЗРИ 1912: 85, п. 950-1].

свои действия с Министерством финансов. Поэтому первый таможенный округ в Туркестане, Зеравшанский, появился только в 1882 г. (т. е. уже после смерти К. П. фон Кауфмана) и уже в 1886 г. был передан в ведение Минфина [Алимджанов 2016: 122; Солонченко 2007: 46], чего так не хотел первый начальник края.

Дальнейшая таможенная политика в Средней Азии, в соответствии с рекомендациями В. П. Череванского, формировалась экономическими, а не военными средствами. В 1895 г. Российская империя заключила договоры с эмиром Бухары и ханом Хивы о включении этих государств в имперскую таможенную черту. В результате таможенные границы между Россией, Бухарой и Хивой исчезли, а российские таможенные посты переместились на южные границы протекторатов, препятствуя проникновению в них товаров из Британской Индии [Почекаев 2016]. Скончавшийся в 1914 г. В. П. Череванский имел возможность убедиться в том, что его позиция, таким образом, оказалась учтена российскими имперскими властями.

В заключение стоит объективно отметить, что Записка, как уже было отмечено выше, могла бы быть более информативной и содержать больше фактов и цифр. Поэтому не стоит рассматривать ее как источник по экономическому развитию Туркестанского края начала 1870-х гг. и, тем более, деятельности учреждения, возглавляемого ее автором. Тем не менее, она ярко отражает последний этап борьбы фритредеров и протекционистов в российской таможенной политике и ее влияние на развитие внешнеторговой политики в Русской Средней Азии. Кроме того, она привлекает внимание и к самому автору, который, несомненно, был яркой фигурой в российской государственной и политической жизни второй половины XIX – начала XX вв., до сих пор, на наш взгляд, недостаточно оцененной.

Благодарность. Историко-правовой комментарий подготовлен в ходе проведения исследования (проект № 18–01–0005) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / SOURCES AND REFERENCES

- Алимджанов 2016 — Алимджанов Б. А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. 198 с. [Alimdzhanov B. A. *Ekonomicheskaya politika Rossiyskoy imperii v Turkestanskom general-gubernatorstve (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Economic policy of the Russian Empire in Turkestan General-Governorship (mid-to-late 19th – early 20th cc.]. A PhD thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016. 198 p. (In Rus.)]
- Бродский — Бродский Л. Г. Ташкент 1877–1919 г. К 35-летию городского общественного управления // Туркестанский сборник. Т. 548. Ташкент: Б. и., б. г. С. 97–157. [Brodsky L. G. Tashkent: 1877–1919. Celebrating the 35th anniversary of the city public administration. *Turkestanskiy sbornik*. Vol. 548. Tashkent. Pp. 97–157. (In Rus.)]
- Бухерт 2003 — Бухерт В. «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. Документы русской истории. 2003. № 2 (62). С. 9–23. [Bukhert V. ‘Our troops are so charming that it is impossible to imagine better’. The first Governor-General of Turkestan: 12 years of correspondence]. *Istochnik. Dokumenty russkoy istorii*. 2003. No. 2 (62). Pp. 9–23. (In Rus.)]
- Глуховский 1867 — [Глуховский А. И.] Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. СПб.: [Б. и.], 1867. 38 с. [[Glukhovskiy A. I.] *Zapiska o znachenii Bukharskogo khanstva dlya Rossii i o neobkhodimosti prinyatiya reshitel'nykh mer dlya prochnogo vodvoreniya nashego vliyaniya v Sredney Azii* [Report on the role of Khanate of Bukhara for Russia and on necessity of taking trenchant measures to establish our influence in Central Asia]. St. Petersburg, 1867. 38 p. (In Rus.)]
- Долинский 1865 — Долинский В. Об отношении России к среднеазиатским владениям и об устройстве Киргизской степи. СПб.: Типография Тов-ва «Общественная польза», 1865. 55 с. [Dolinsky V. *Ob otnoshenii Rossii k sredneaziatskim vladeniyam i ob ustroystve Kirgizskoy stepi* [About Russia's attitudes towards Central Asian possessions and organization of Kyrgyz Steppe]. St. Petersburg:

- Obschestvennaya Pol'za, 1865. 55 p. (In Rus.)]
- Егоров 2010а — Егоров М. Ю. Функции таможенного тарифа в Российской империи в XIX веке // Экономический журнал. № 18. 2010. С. 86–90. [Egorov M. Yu. Functions of the custom tariff in the 19th-century Imperial Russia. *Ekonomicheskiiy zhurnal*. 2010. No. 18. Pp. 86–90. (In Rus.)]
- Егоров 2010б — Егоров М. Ю. Эволюция таможенного тарифа Российской империи в XIX столетии. Автореф. ... канд. экон. наук. М.: РГГУ, 2010. 26 с. [Egorov M. Yu. *Evolutsiya tamozhennogo tarifa Rossiyskoy imperii v XIX stoletii* [Evolution of the custom tariff in the 19th-century Imperial Russia]. A Ph D thesis abstract. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2010. 26 p. (In Rus.)]
- Казаков, Чуканов 2012 — Казаков А., Чуканов И. Законодательное регулирование деятельности таможен и карантин в сфере внешней торговли России со странами Востока в первой половине XIX в. // Власть. 2012. № 2. С. 145–147. [Kazakov A., Chukanov I. Legal regulation of customs activities and quarantines in Russia's foreign trade with states of the Orient in the early-to-mid 19th c. *Vlast'*. 2012. No. 2. Pp. 145–147. (In Rus.)]
- Кауфман 1885 — Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб.: Военная типография, 1885. 503 с. [*Proekt vsepoddanneyshego otcheta general-ad'yutanta K. P. fon Kaufmana I po grazhdanskomu upravleniyu i ustroystvu v oblastyakh Turkestanskogo general-gubernatorstva. 7 noyabrya 1867 – 25 marta 1881 g.* [A project of the most loyal report by the Governor-General K. P. von Kaufman the 1st on civil administration and organization in the provinces of Turkestan region. 7 November 1867 – 25 March 25 1881]. St. Petersburg: Military Print. House, 1885. 503 p. (In Rus.)]
- Кисловский 2004 — Кисловский Ю. Г. История таможенного дела и таможенной политики России / 3-е изд., доп. М.: Русина-Пресс, 2004. 592 с. [Kislovsky Yu. G. *Istoriya tamozhennogo dela i tamozhennoy politiki Rossii* [A history of Russia's customs and customs policy]. 3rd ed., suppl. Moscow: Rusina-Press, 2004. 592 p. (In Rus.)]
- Клепиков 1959 — Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959. 306 с. [Klepikov S. A. *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX vv.* [Water-marks and stamps on Russian- and foreign manufactured paper in the 17th–20th cc]. Moscow: All-USSR Book Chamber Press, 1959. 306 p. (In Rus.)]
- Коршунова 2017 — Коршунова Н. В. Таможенное регулирование в России в первой четверти XIX в.: выбор пути экономического развития // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 83–86. [Korshunova N. V. Customs regulation in Russia in the first quarter of the 19th century: the choice of path to economic development. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2017. No. 8. Pp. 83–86. (In Rus.)]
- Лодыженский 1886 — Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. СПб.: Типография В. С. Балашова, 1886. XVI+312+82 с. [Lodyzhensky K. N. *Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa* [A history of the Russian custom tariff]. St. Petersburg: V. S. Balashov, 1886. XVI+312+82 p. (In Rus.)]
- Милютин 2010 — Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882–1890 / Под ред. Л. Г. Захаровой; 2-е изд., доп. и испр. 1882–1890. М.: РОССПЭН, 2010. 582 с. [*Dnevnik general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1882–1890* [Field Marshal General Dmitriy A. Milyutin's diary. 1882-1890]. Ed. by L. G. Zakharova. 2nd ed., rev. and suppl. 1882-1890. Moscow: ROSSPEN, 2010. 582 p. (In Rus.)]
- Моррисон 2016 — Моррисон А. Товарооборот России со Средней Азией в середине XIX века по записям Оренбургской таможни // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 97–102. [Morrison A. Russian commodity turnover in Central Asia in the mid-19th century according to records of Orenburg Customs House. *Vos'mye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen: sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Eighth Bolshakov readings. Orenburg region as historical and cultural phenomenon]. Conf. proc. Ed. by S. V. Lyubichankovsky]. Orenburg: Orenburg State Pedagogic University, 2016. Pp. 97–102. (In Rus.)]
- Остроумов 1899 — Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова

- (1877–1881). Ташкент: Типо-литография т. д. «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1899. 287 с. [*Konstantin Petrovich fon Kaufman, ustroitel' Turkestanskogo kraya. Lichnye vospominaniya N. Ostroumova (1877–1881)*] [Konstantin Petrovich von Kaufman, organizer of the Turkestan region. Private memoirs of N. Ostroumov (1877–1881)]. Tashkent: F. and G. Kamensky, 1899. 287 p. (In Rus.)]
- Отчет 1871 — Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1870 год. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1871. 125 с. [*Vsepoddanneyshiy otchet Gosudarstvennogo kontrolera za 1870 god*] [The most loyal report of the State Inspector: 1870]. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1871. 125 p. (In Rus.)]
- Отчет 1872 — Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1871 год. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. 111 с. [*Vsepoddanneyshiy otchet Gosudarstvennogo kontrolera za 1871 god*] [The most loyal report of the State Inspector: 1871]. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1872. 111 p. (In Rus.)]
- Отчет 1881 — Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1880 год. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1881. 175 с. [*Vsepoddanneyshiy otchet Gosudarstvennogo kontrolera za 1880 god*] [The most loyal report of the State Inspector: 1880]. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1881. 175 p. (In Rus.)]
- Петровский 1873 — Петровский Н. Ф. Моя поездка в Бухару // Вестник Европы. 1873. Т. II. С. 209–248. [Petrovsky N. F. My trip to Bukhara. *Vestnik Evropy*. 1873. No. 2. Pp. 209–248. (In Rus.)]
- Петровский 2010 — Петровский Н. Ф. Туркестанские письма / Отв. ред. В. С. Мясников. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 358 с. [Petrovsky N. F. *Turkestanskije pis'ma* [Turkestan letters]. Ed. by V. S. Myasnikov. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2010. 358 p. (In Rus.)]
- Почекаев 2016 — Почекаев Р. Ю. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 172–184. [Pochekaev R. Yu. Inclusion of the Bukhara Emirate and Khiva Khanate into the customs system of the Russian Empire (1895). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2016. No. 3. Pp. 172–184. (In Rus.)]
- Правилова 2006 — Правилова Е. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М.: Новое изд-во, 2006. 456 с. [Pravilova E. *Finansy imperii: Den'gi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh. 1801–1917*] [Finances of the Empire: money and power in Russia's policies within national peripheries. 1801–1917]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo, 2006. 456 p. (In Rus.)]
- ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIV. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 959 с. [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*] [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. XXXIV. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 959 p. (In Rus.)]
- ПСЗРИ 1873 — Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XLIII. Отд. II. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1873. 572 с. [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*] [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 2nd coll. Vol. XLIII. Part II. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1873. 572 p. (In Rus.)]
- Рожкова 1963 — Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией. 40–60-е годы XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 239 с. [Rozhkova M. K. *Ekonomicheskie svyazi Rossii so Sredney Aziey. 40–60-e gody XIX veka*] [Economic relations between Russia and Central Asia: 1840s – 1860s]. Moscow: USSR Acad. of Sc., 1963. 239 p. (In Rus.)]
- СЗРИ 1857 — Свод законов Российской империи. Т. VI. Уставы таможенные. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1857. 594+94 с. [*Svod zakonov Rossiyskoy imperii. T. VI. Ustavy tamozhennye*] [The code of laws of the Russian Empire]. Vol. VI. Customs codes. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1857. 594+94 p. (In Rus.)]
- СЗРИ 1912 — Свод законов Российской империи. Издание неофициальное. В пяти книгах. Книга первая. Т. VI. Устав таможенный. СПб.: Печатня Графического ин-та, бр. Лукшевиц, 1912. 314+V с. [*Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Izdanie neofitsial'noe. V pyati knigakh. Kniga pervaya. T. VI. Ustav tamozhennyu*] [The code of laws of the Russian Empire]. Unofficial edition. In five books. Book

- One. Vol. VI. Customs code. St. Petersburg: Graphic Institute, Lukshevich Brothers, 1912. 314+V p. (In Rus.)]
- Совещание 2011 — Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост., пред., прим. и сокр. И. К. Загидуллина. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011. 296 с. [*Osoboe Soveschanie po musul'manskim delam 1914 goda* [Special meeting on Islamic affairs of 1914: the journals]. Comp., intr., notes and abr. by I. K. Zagidullin. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 2011. 296 p. (In Rus.)]
- Солонченко 2007 — Солонченко Е. А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. 312 с. [Solonchenko E. A. *Tamozhennaya politika na yugo-vostoke Rossii i ee realizatsiya v Orenburgskom krae v 1752–1868 gg.* [Customs policy in Southeast Russia and its realization in Orenburg region: 1752–1868]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2007. 312 p. (In Rus.)]
- Солонченко 2011 — Солонченко Е. А. Азиатский тариф и таможенный устав 1817 г. и попытки их пересмотра в первой половине XIX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 16 (135). С. 570–572. [Solonchenko E. A. The Asian tariff and Customs code of 1817: attempts of their revision in the early-to-mid 19th c. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. No. 16 (135). Pp. 570–572. (In Rus.)]
- Сорокин 1869 — Сорокин Н. Нужны ли азиатские таможи или нет // Туркестанский сборник. Т. VIII. Ташкент: [Б. и.], 1869. С. 29–33. [Sorokin N. Revisiting whether the Asian customs houses are required or not]. *Turkestanskiy sbornik*. Vol. VIII. Tashkent, 1869. Pp. 29–33. (In Rus.)]
- Сугуралиева 2006 — Сугуралиева Ф. У. История становления, эволюции и деятельности хозяйственных госучреждений колониального Туркестана (1867–1917 гг.). Автореф. ... канд. ист. наук. Ташкент: Национальный ун-т Узбекистана, 2006. 31 с. [Suguralieva F. U. *Istoriya stanovleniya, evolyutsii i deyatel'nosti khozyaystvennykh gosuchrezhdeniy kolonial'nogo Turkestana (1867–1917 gg.)* [History of rise, evolution and activity of economical state institutions of the colonial Turkestan (1867–1917)]. A PhD thesis abstract. Tashkent: National University of Uzbekistan, 2006. 31 p. (In Rus.)]
- Халфин 1975 — Халфин Н. А. Общество для содействия русской промышленности и торговле и Средняя Азия // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 45–63. [Khalfin N. A. Russian Industry and Trade Aid Society and Central Asia. *Voprosy istorii*. 1975. No. 8. Pp. 45–63. (In Rus.)]
- Шкунов 2012 — Шкунов В. П. Государственно-правовое регулирование внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX веках. Ульяновск: УлГУ, 2012. 255 с. [Shkunov V. P. *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie vneshney trgovli Rossiyskoy imperii v XVIII–XIX vekakh* [State and legal regulation of foreign trade of the Russian Empire in 18th–19th centuries]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2012. 255 p. (In Rus.)]
- Янжул 1869 — Янжул И. И. Исторический очерк русской торговли со Средней Азией. М.: [Б. и.], 1869. 44 с. [Yanzhul I. I. *Istoricheskiy ocherk russkoy trgovli so Sredney Aziey* [A historical essay on Russian trade with Central Asia]. Moscow, 1869. 44 s. (In Rus.)]

Revisiting the History of Russia's Central Asian Customs Policy in the Mid-to-Late 19th C. (V. P. Cherevansky's Staff Report of 1872)

Mark A. Kozintsev¹

Roman Yu. Pochekaev²

¹ Postgraduate Student, Senior Laboratory Assistant, Sector of Central Asian Studies, Department of Central and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (18, Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8588-739X. E-mail: m.kozintcev@mail.ru.

² Ph.D. in Law (Cand. of Juridical Sc.), Associate Professor, Professor, Head of Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg, 198099, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru.

Abstract

The paper examines the development of Russia's customs policy in the Central Asian region in the mid-to-late 19th c. The main part of the paper is a publication of a staff report written by Vladimir P. Cherevansky, a Russian high-rank official to Turkestan, namely, Head of Chamber of Control, in the 1870s. As a member of Commission for Russian Trade in Central Asia he disagreed with his colleagues on customs evolution and expressed his opinion in the report addressed to Konstantin von Kaufman, the then Governor-General of Turkestan.

Since the 18th c. Russia had implemented the most favorable treatment towards merchants from the Central Asian khanates (Bukhara, Khiva, Khoqand, etc.) but their monarchs never responded equally. In the 1850s – 1860s, the Russian Empire substantially widened its possessions in Central Asia, shifting its borders southward. It caused a necessity of closing customs stations on the former borders (in particular, in Orenburg region). However, imperial authorities did not agree on whether or not to establish new ones in the newly annexed Russian Turkestan. The problem of customs policy of the Russian Empire (Turkestan Governor-Generalship being its specific region) towards Central Asian Khanates has been studied in a number of works, but the published document was never analyzed properly, whereas its content and especially its author are of great importance to go deeply into that difficult situation in the Russian customs policy to Central Asia.

V. P. Cherevansky's report mirrored different opinions on customs policy and, in fact, the end of the era of free-trade in the Russian Empire in general, and its Central Asian trade specifically. The content of report was influenced by debates between central authorities on administration of Turkestan — the Ministry of Finance and the Military Ministry. Although V. P. Cherevansky and Kaufman represented, respectively, financial authorities and military circles, they were not in conflict, and the report is an evidence of their constructive and respectful relations. In fact, the author of the report, who *ex officio* had to support free-trade policy, manifested his adherence to protectionism and strict customs policy towards Central Asian khanates and potential competitors from British India.

The publication of the report also gives more information on V. P. Cherevansky as such. He was not just an official of a high rank (not only to Turkestan but later in Moscow and St. Petersburg where he finished his career as senator and member of the State Council), but also an author of novels and historical essays. His literary talents can well be seen in the published report, its style and content.

Still, first of all V. P. Cherevansky was a professional with expertise in Russian Central Asian affairs. That is why his arguments were kept in mind by both local Turkestanian rulers and central authorities. However, the process of establishment of the customs system in Russian Central Asia proved long-term. Only in the late 19th c. it was finally organized with the aid of Cherevansky's proposals.

Keywords: Russian Empire, Turkestan, Central Asia, Emirate of Bukhara, Khanate of Khiva, customs policy, custom tariff.

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences



Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 39, Is. 5, pp. 79–88, 2018
DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-79-88
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 291

Национальная идентичность и феномен гражданской религии*

Сергей Дамбаевич Батомункуев¹

¹ кандидат философских наук, научный сотрудник, отдел философии, религиоведения и культурологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6). ORCID: 0000-0001-9603-6945. E-mail: batomunkuev.s@yandex.ru

Аннотация

В своей статье автор намерен на основе ревизии таких понятий, как «гражданская нация» и «национальная идентичность», прояснить смысл достаточно нового для российской социальной науки понятия «гражданская религия». Об актуальности постановки такой цели свидетельствует имеющее место в российском научном дискурсе в корне ошибочное понимание этого понятия, согласно которому цель и смысл гражданской религии — культивирование и укрепление веротерпимости, изживание межконфессиональных трений. В конечном итоге автору хотелось бы убедить читателей в том, что между национальной идентичностью и гражданской религией существует внутренняя необходимая связь.

В статье обосновывается тезис о том, что политический компонент гражданской нации не может быть самодостаточным и что сам он возможен только благодаря неустранимости историко-культурного компонента. Широко употребляемое понятие национальной идентичности свелось к формальному указанию на национальную (гражданскую) принадлежность человека. В связи с этим автор указывает на его функциональное содержание, его инструментальность в социальных исследованиях проблемы гражданской солидарности/разобщенности. В адекватном понимании понятия гражданской религии есть проблемы. Для прояснения его смысла в статье особое внимание уделяется концепции религиозного Э. Дюркгейма. На основе этой концепции обосновывается, во-первых, тезис о том, что общество для отдельного человека представляет собой сакральное явление, а не просто среду обитания и, во-вторых, социально-политическая необходимость практики гражданской религии для любого национального государства.

В методологической основе исследования лежит социальный конструктивизм. Согласно ему, национальная идентичность не есть простая данность, а является результатом целенаправленной деятельности по ее формированию и развитию. Такой деятельностью или со-

* Работа выполнена по Государственному заданию ФАНОРФ, проект XII. 191. 1.3. «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии» № АААА-А17-117021310263-7 (Federal Agency for Scientific Organizations (FASO Russia) [grant no. АААА-А17-117021310263-7])

циально-политической практикой является институт гражданской религии. Вопрос о том, как работает этот институт, решается на основе анализа работ Ж.-Ж. Руссо, Ж. Мишле, Р. Беллы, В. Легойды.

В работе над проблемой идентичности автор опирался на аналитическую статью Р. Брубейкера и Ф. Купера «За пределами “идентичности”», в частности, весьма полезной была их характеристика «слабой» и «сильной» идентичности. Это позволило автору сформулировать свое понимание их связи, а именно как диалектической связи и в связи с этим показать актуальность института гражданской религии, а также отличительную черту национальной идентичности.

В заключение автор делает вывод, что человек становится гражданином своей страны, носителем национальной идентичности в результате разнообразного и интенсивного воздействия всего того, что составляет содержание гражданской религии. При этом гражданская религия, будучи необходимым элементом общественной жизни, является практикой с негарантированным результатом, а ее задача состоит в совмещении отношения человека к своему государству/отечеству с экзистенциальными основами (жизнь, любовь, семья, смерть) его бытия.

Ключевые слова: миграция, идентичность, национальная идентичность, исторические и культурные корни нации, гражданская нация, религия, гражданская религия

Миграционный кризис, переживаемый с 2015 г. европейскими странами (Германией, Францией, Италией и др.), актуализировал представления о существовании гражданской нации как о достигнутом в них идеале современной нации. А именно: на повестке дня возник вопрос о способности собственных политической и социальной культур интегрировать инокультурную массу мигрантов. Существовавшая до сих пор модель интеграции достаточно благополучно работала, внушала уверенность в ее эффективности и оптимизм относительно ее будущности.

В теоретической основе этой модели лежит постулат о примате рациональной привязанности граждан к политическим ценностям и принципам своего государства, а в случае с мигрантами — принимающей страны. Иначе говоря, согласно этой модели, мигрант, пройдя процедуру правовой и политической натурализации, получив работу и пакет социальных гарантий, с необходимостью становится на путь культурной интеграции, и, в конечном итоге, система получает полноценного гражданина. Однако в реальности на пути предполагаемой интеграции возникли проблемы в виде правового и политического нигилизма мигрантов и как следствие — повышение уровня криминальности в принимающих странах. Можно ли в связи с этим считать, что данная концепция нации не выдержала эмпирической проверки? Или это вопрос времени?

Как бы то ни было, ксенофобские настроения у достаточно значительной части населения принимающих стран как ее реак-

ция на этот нигилизм мигрантов повлекли правый «поворот» в политической жизни их обществ, а специалистов по социальным наукам заставили задуматься над вопросом о национальной идентичности. Правда, этот вопрос возник бы даже в случае благополучной, стопроцентной интеграции мигрантов. Дело в том, что в доктрине гражданской нации культурно-историческим корням или дополитическим сообществам, членами которых были предки граждан современного политического сообщества, включая, разумеется, и самих мигрантов, придается политически нейтральное значение. Примером теоретизирования в этой идейной парадигме могут послужить следующие слова Ю. Хабермаса: «От переселенцев следует ожидать лишь готовности усвоить политическую культуру их новой родины, не отказываясь при этом от культурных форм жизни, существующих в тех странах, откуда они родом. Необходимая политическая аккультурация не распространяется на всю целостность их социализации. ... Попытка окопаться в наскоро сколоченных укреплениях шовинизма благосостояния, укрывшись тем самым от напора иммигрантов и ищущих убежище, им заказана. Демократическое право на самоопределение включает право на сохранение собственной политической культуры, но оно не включает права на самоутверждение некой привилегированной культурной формы жизни» [Хабермас 1992: 243–244].

Нет особой нужды указывать на то, что эта доктрина и уверенность поддерживающих ее интеллектуалов в современной ре-

альности стали уже не просто уязвимы для критики со стороны оппонентов, а претерпевают полное фиаско перед лицом эмпирических фактов. Ведь образовавшиеся анклавы культурного своеобразия и исторического наследия, проще говоря, общины иммигрантов-мусульман этим своим своеобразием внесли в повседневную жизнь европейцев такой дискомфорт и чувство утраты неприкосновенности своей формы жизни, а с ней и чувство опасности для их жизни и здоровья, что европейская солидарность (по крайней мере, по этому пункту о всеобщей ответственности за либеральное отношение к иммигрантам) перестает быть привлекательной для многих стран этого содружества. А относительно природы национальной идентичности членов политического сообщества, соответственно, можно утверждать, что вопреки доктрине гражданской нации она во многом основана на фундаменте общих для них этнических, языковых, культурных и исторических истоков.

Один из критиков доктрины гражданской нации Бернард Як в своей статье «Миф гражданской нации» задолго до этого кризиса теоретически обосновал его возможность/неизбежность. А в основе его позиции была критика рационалистической природы концепции гражданской нации, игнорирования ею эмоциональной стороны человеческих представлений о своем бытовании в сообществе, которые, в конечном счете, и определяют их предпочтения, суждения, позиции. «Ренан был прав. Две вещи создают нацию: нынешнее согласие, желание жить вместе, стремление сохранить полученное наследие в его целостности и богатое культурное наследие общих воспоминаний и практик. Без согласия наше культурное наследие было бы нашей судьбой, а не совокупностью фоновых ограничений нашей деятельности. Но без такого наследия не было бы никакого согласия, поскольку не было бы никаких оснований для того, чтобы искать согласия с одной, а не другой группой индивидов» [Як 2006: 171]. Утешением же относительно перспектив этого конфликта как для теоретиков гражданской нации, так и для обществ в целом могут быть разве что теория и практический опыт толерантности.

В связи с этой критикой концепции гражданской нации необходимо сказать, что подобная недооценка иррациональной стороны и, соответственно, выдвигание рациональной стороны как сущностной и

достаточной имеет место и в исследовании национализма. Здесь сложилась традиция (среди известных ее сторонников — Карлтон Хэйес и Бенедикт Андерсон), в которой не просто указывается на сходство национализма с религией, но утверждается положение об их глубокой связи. Критики такого понимания национализма полагают, что для такого утверждения нет никаких оснований и что их сопоставление может ограничиваться лишь внешней аналогией. К примеру, В. С. Малахов в своем критическом анализе концепции Б. Андерсона замечает: «Национализм не религия, национализм — идеология. У идеологии другие основания и иные функции, нежели у религии» [Малахов 2005: 114].

Такого рода суждения своей категоричностью и жесткой приверженностью однажды принятой классификации явлений говорят скорее о догматизме мышления, чем о достойной внимания аналитике. Между тем критикуемая Малаховым традиция берет свое начало в работах классиков социологии — Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля, согласно которым, всякое сообщество людей в своей основе религиозно, поскольку сущность религиозного мышления состоит не в поклонении богам и другим духовным сущностям, а в необходимом разделении мира на две сферы — сферу священного и сферу мирского. Другими словами, ценностно-нормативные основы любого человеческого сообщества осознаются и культивируются не иначе, как в религиозной форме.

В свете такого понимания религиозного и религии утверждение о том, что национализм не соотносим с религией, потому что является идеологией, просто бессмысленно. Национализм как массовое движение, конечно же, невозможен без идеологии, но он также невозможен и без эмоциональной и деятельной вовлеченности людей в дело по осуществлению этой идеологии, ее воплощению в реальность. А то, что такая необходимая эмоциональная вовлеченность носит религиозный характер и составляет предмет данной статьи.

В связи с этой проблематикой считаем важным показать актуальность связи между понятиями, выведенными в ее заголовок. На поверхностный взгляд очевидно, что методологический смысл этих понятий имеет отношение к проблеме солидарности/разобщенности общества. Теоретическая же проблема такого предприятия заключается,

с одной стороны, в том, что понятие гражданской религии в российском научном дискурсе относительно новое и достаточно редкое. К тому же, во-первых, есть определенные проблемы в понимании его смысла, о чем свидетельствует, например, проблематичная статья «Гражданская религия» в академическом издании — энциклопедическом словаре по религиоведению (2006 г.). И, во-вторых, как следствие, далеко не очевидна необходимость его привлечения для анализа реальности, охватываемой понятием «национальная идентичность». С другой стороны, проблему представляет сама «национальная идентичность». Прежде обратимся к проблемному понятию гражданской религии, к вопросу «что такое гражданская религия?» и затем приступим к достижению главной цели.

Представления о феномене гражданской религии до XX века

Как общественно-политическое явление и практика гражданская религия появилась в эпоху национальных государств и, соответственно, была распространена повсеместно, где торжествовали «нации», а как идея, как понятие она оформилась во Франции. При этом ее природа универсальна, и она с одинаковым успехом практиковалась и практикуется как в странах с демократическим устройством, так и в странах с тоталитарным режимом.

Термин и понятие гражданской религии впервые использовал Руссо в своем трактате «Об общественном договоре» (1762 г.). В главе «О гражданской религии» он проблематизирует наличное отношение граждан к своему государству и его законам с тем, чтобы изменить это отношение, сделать его более личностным и заинтересованным, при этом христианство рассматривает как препятствие в этом. «Эта религия (христианство. — С. Б.), не имея собственного отношения к Политическому организму, оставляет законам единственно ту силу, которую они черпают в самих себе, не прибавляя никакой другой; и от этого одна из главнейших связей общества остается неиспользованною. Более того, она не только не привязывает души граждан к Государству, она отрывает их от него, как и от всего земного. Я не знаю ничего более противного духу общественному» [Руссо 1969: 252]. Согласно Руссо, если сила законов зиждется на уважении или страхе, то для нее есть

или, точнее, должно быть более надежное основание — души граждан. Иначе говоря, искомое отношение граждан к государству и его законам — это религиозное, душевное отношение. «Существует исповедание веры чисто гражданское, статьи которого надлежит устанавливать суверену; и не в качестве догматов религии, но как правила общежития, без которых невозможно быть ни добрым гражданином, ни верным подданным» [Руссо 1969: 254]. Причем в решимости внедрять в жизнь этот свой секулярный вариант религии как принцип общежития Руссо проявляет жесткость: «Кто смеет говорить: вне церкви нет спасения, тот должен быть изгнан из государства» [Руссо 1969: 255].

И всё же вряд ли Руссо имеет отношение к тому, что дух секулярной, гражданской религии воплотился в знаменитом лозунге Французской революции 1789 года «Свобода. Равенство. Братство». Если свобода и равенство имеют явно социально-политическое происхождение, то братство — религиозного, экзистенциального происхождения. Здесь оно олицетворяет новый тип, идеал человеческих отношений. Само же совмещение традиционно-религиозного представления (братство) с понятиями, маркирующими основы новой политической организации сообщества (свобода, равенство) свидетельствует о перекодировке языка национального самосознания.

«Этот принцип, эта идея, в средние века бывшая глубоко запрятанной под богословскими догматами, называется на простом языке всеобщим братством [Мишле 1965: 148]. Эта характеристика «братства» приведена здесь из замечательной книги «Народ» (1846 г.) Жюль Мишле. Достаточно посмотреть на названия ее глав «Франция как высший догмат и как легенда. Вера во Францию — религия», «Родина — прообраз Бога» и станет ясно, что идея гражданской религии Руссо была не поэтическим завихрением одинокого политического утописта-мечтателя, но пронизательной рациональной мыслью, ухватившей дух эпохи, сквозной линией развития национального государства.

И если идея гражданской религии под пером Руссо — это всё же лишь интуиция о ее необходимости или ученый и суховатый эскиз, то ее смысл на страницах «Народа» Мишле звучит как манифест или, точнее, религиозный гимн Родине. Тем не менее, и в том, и в другом случае мысль схватыв-

ваит одно и то же — религиозное чувство не всегда и не обязательно связано с Богом; государство, его законы, его народ, Родина могут быть и являются равновеликими предметами, сущностями в этом переживании священного. Говоря современным языком, секуляризация — это сместившаяся оптика религиозного: от мифологических образов к реальным общественно-политическим ценностям и институтам.

При этом важно подчеркнуть, что между этими мыслителями есть существенная разница в понимании идеи гражданской религии. В рассуждениях Руссо на переднем плане — рационализм, рационально-теоретическая выверенность идеи, а в его фразе «кто смеет говорить: вне церкви нет спасения, тот должен быть изгнан из государства» этот рационализм и выверенность оборачиваются паранойей, озабоченностью происками врагов и напоминают практику воинствующего атеизма в тоталитарных обществах (например, в нацистской Германии, коммунистическом СССР, маоистском Китае, Северной Корее). Размышления же Мишле сосредоточены на другом — на любви к Родине и братстве людей как союзе сердец, на том, как необходимы эти элементы общественной жизни. И то, и другое он представляет исключительно в статусе священного; и то, и другое для него — предметы религиозного переживания.

Несколько позднее (через 60 лет) и на другом континенте, где свобода ценится не меньше, в том же духе писатель Г. Кроули напишет: «Вера американцев в свою собственную страну — религиозна, если не по своей напряженности, то по своей абсолютной и универсальной авторитетности ... Еще детьми мы слышим, как она утверждается или подразумевается в разговорах взрослых. Каждая новая ступень нашего образования предоставляет нам дополнительные свидетельства в ее пользу ... Мы можем не доверять многому, что делается во имя нашей страны нашими соотечественниками или испытывать к этому сильную неприязнь; но сама наша страна, ее демократическая система и процветание в будущем — выше подозрений» [Рорти 1998: 18]. В отличие от романтических и даже пасторальных представлений Мишле о гражданской религии в словах Кроули содержится указание на политическую реальность, в которой высшая ценность демократического устройства американского государства, так

или иначе, склоняет людей с разными взглядами к компромиссам.

Изучение феномена и практики гражданской религии в XX веке и после

В XX веке начало научной концептуализации феномена гражданской религии положил американский социолог Роберт Белла. Первая его публикация по данной проблеме увидела свет в 1964 году. В ней он актуализировал исследование религиозных символов, а именно указал на «способность религиозных символов формировать значение и чувство на относительно высоком уровне обобщения, выходящего за пределы конкретных контекстов опыта, придает им такое могущество в человеческой жизни, как личной, так и общественной. ... Важнейшая задача социологии состоит в том, чтобы обнаружить и классифицировать эти символические формы и распознать, какими последствиями с точки зрения действия чревата приверженность им» [Белла 1972: 268].

С основными результатами его более поздних исследований американской гражданской религии российские специалисты могли ознакомиться через аналитические статьи В. Р. Легойды. Мы также воспользуемся ими в своих размышлениях об этом предмете. Прежде всего, гражданскую религию Белла представляет как «набор сакральных идей, символов, ритуалов, разделяемый большинством американцев и является основой национальной самоидентичности, а также способом национальной консолидации, не задевающим их личных религиозных взглядов» [Легойда 2002: 55]. Для сравнения приведем определение гражданской религии другого американского ученого — философа Майкла Уолцера: «Это такая религия, которая неотделима от государства: она суть кредо самого государства и в качестве такового имеет решающее значение для его воспроизводства и долговременного сохранения им стабильности. Гражданская религия включает в себя полный набор политических доктрин, исторических повествований, знаковых фигур, памятных дат и мемориальных ритуалов, посредством которых государство запечатлевается в душах своих граждан» [Уолцер 2000: 91].

Как можно видеть, оба автора подчеркивают в этом феномене его способность быть объединяющим духовным началом в существовании государства, общества, нации и гражданина. При этом надо заметить, что

хотя они говорят об американской гражданской религии, в их суждениях несложно вычитать характеристику некой универсалии, присущей любому современному государству. Примером для этого могут послужить поиски «русской идеи», а в современной России — «национальной идеи». Что это, как не попытка дать идеологическое обоснование гражданской религии?

В понимании феномена гражданской религии важным было его сопоставление с традиционной или конфессиональной религией. Согласно Белле, «гражданская религия существует на другом уровне, чем традиционная религия, в которой человек ищет личного спасения и которая определяет его частную жизнь. А с помощью гражданской религии человек получает смысл своего существования в социуме и смысл самого социума, так как гражданская религия существует на общественном уровне. Церкви ответственны за сферу личного благочестия и духовного совершенствования и не отвечают за государство. Для американцев всегда была очевидной необходимостью религии для общественной жизни, поэтому и существует гражданская религия» [Легойда 2002: 57]. Другой важный аспект соотношения этих двух типов религии заключается в том, что гражданская религия определила место традиционным верованиям американцев в сфере их частных дел, предпочтений и увлечений.

Таким образом, по Белле, гражданская религия, будучи сущностным выражением американской нации, объединяет всех американцев, независимо от их вероисповедания. А анонимный Бог гражданской религии олицетворяет собой порядок, закон, право и определяет границы свободы и ответственности людей друг перед другом и перед Богом как в повседневной жизни, так и в политической.

Свой анализ функциональной стороны гражданской религии Белла сопровождает описанием ее феноменологии — набора артефактов, образующих ее особое символическое пространство: постулатов, идеальных и материальных символов, ритуалов. При этом подчеркивается сходство с правилами оформления традиционных культов: наличие собственной догматики, агиографии, гомилетики, литургии, обрядовости.

Среди четырех постулатов особенно выделяется один: «Америка — главный инструмент Бога в современной истории, а

американцы — Богом избранный народ, путеводная звезда для всех, кто выбрал демократический путь» [Легойда 2002: 63]. Действительно, та самоуверенность, та энергия и позиционирование себя в качестве сверхдержавы, с которыми Америка проводит свою политическую линию, а попросту — преследует свои исключительные интересы в современном мире, попирая международное право, объяснить иначе как религиозной, божественной самоидентичностью, не представляется возможным. По-видимому, это тот случай, когда обычно противопоставляемые понятия «идентичность» и «интересы» трудно развести и понять, что из них превалирует в мотивации такого поведения в международных отношениях. В любом случае, становится понятным, что божественная самоидентичность несет в себе опасность для мира, в котором существуют противоречивые интересы и который настроен решать свои проблемы путем переговоров и на основе равноправия, на основе человеческой, мирской самоидентичности. Напомним, есть исторический прецедент — гимн «Дойчланд убер аллес!» (1870 г.), изначально звучащий как призыв к объединению Германии, а в XX веке в условиях нацистской диктатуры приобретший совершенно иной, зловещий, смысл. Этот новый смысл внушал гражданам страны право на военную экспансию и на мировое господство их нации; национальное преобразилось в «сверхчеловеческое».

К числу идеальных символов гражданской религии Америки Белла относит Конституцию, Декларацию независимости, Билль о правах, речь Линкольна, текст государственного гимна. Все вместе они составляют корпус сакральных текстов. В ряду невербальных символов — флаг, герб, пост президента и т. д. Набор материальных символов составляют: статуя Свободы, Колокол Свободы, Капитолий, Белый дом и т. д. И, наконец, государственные праздники, предполагающие исполнение особых ритуалов: День благодарения, День независимости, Президентский день, День памяти, День ветеранов.

Что касается представленности феномена гражданской религии в российском научном дискурсе, то невозможно обойти вниманием статью Е. Г. Балагушкина «Гражданская религия» в упомянутом выше энциклопедическом словаре «Религиоведение» (2006 г.). Это один из первых опытов

российской научной интерпретации данного понятия. К сожалению, назвать эту статью под академическим грифом удачным и оригинальным опытом развития идей Руссо и Беллы не представляется возможным. Если у Руссо и Беллы суть гражданской религии понимается только по аналогии с конфессиональными религиями, т. е. как квазирелигия, то Балагушкин понимает ее буквально, как новую религию. Причем делает это он иносказательным способом и ни в одном месте не говорит напрямую, например: «гражданская религия — это такая религия, которая ...». Вместо этого в ход идут такие эвфемизмы, как «общая социально-политическая идеология разнообразных религиозных объединений» и «агрегат разных конфессий, единодушно выражающих общественные интересы и добродетели» [Балагушкин 2006: 252]. Иначе говоря, согласно этой статье, гражданская религия — это некая идеология межконфессионального согласия, о природе которой ее автор предпочел не распространяться. В то же время автор дает понять читателям, что под этими эвфемизмами имеется в виду все-таки религия, а никакая не идеология или агрегат конфессий. Главный недостаток в интерпретации этого понятия состоит в том, что гражданская религия охватывает собой в качестве своих носителей исключительно верующих людей, а смысл понятия сводится к политической цели — культивированию и укреплению веротерпимости, изживанию межконфессиональных трений. И таким образом словарь не только не доносит адекватный смысл понятия, но искажает его.

Между тем контекст сложившейся традиции научных исследований феномена гражданской религии подводит к мысли о том, что в отношениях человека (независимо от его отношений с традиционными конфессиями) и общества коренится религиозное начало, а именно: общество, так или иначе, задает трансцендентальный контекст бытия отдельного индивидуума, отдельной семьи, некой ассоциации. Жизнь каждого человека в обществе с младенчества и до самой его смерти происходит в пространстве, насыщенном разнообразными символами и событиями, ежедневно напоминающими ему о его гражданском долге перед обществом и государством и по возможности удерживающими его на волне патриотических чувств. В результате такого интенсивного воздействия всего того, что называется

гражданской религией, человек и становится гражданином своей страны, носителем национальной идентичности. И этот ментальный механизм является необходимым условием устойчивости государственных общностей как в текущих событиях, так и в исторически меняющихся обстоятельствах.

Национальная идентичность и гражданская религия: цель и средство

Понятие идентичности настолько же противоречиво и неопределенно, насколько обиходно и популярно в своем употреблении. Один из интересных опытов скрупулезного методологического анализа этого понятия содержится в статье американских специалистов Р. Брубейкера и Ф. Купера «За пределами идентичности» (2000 г.). В частности одна из различительных характеристик многозначности этого понятия, по мнению авторов, состоит в «сильном» и «слабом» его значении. «Сильные понятия коллективной идентичности подразумевают прочную связь между членами и ее однородность. Они подразумевают высокую степень групповой сплоченности, существование “идентичности” или общности членов группы, значительные различия с не-членами, четкую границу между “своими” и “чужими”» [Брубейкер, Купер 2002: 79]. «Слабое» же или «мягкое» значение идентичности подразумевает, что «идентичность многогранна, нестабильна, находится в постоянном движении, случайна, неоднородна, фрагментирована, сконструирована и т. д.» [Брубейкер, Купер 2002: 80].

На наш взгляд, оба значения идентичности отражают реальность, и с их помощью фиксируется как наличное ее состояние в том или ином социальном субъекте, так и процесс ее усиления или ослабления. Другими словами, говоря о социальной идентичности, мы имеем дело с диалектически меняющейся реальностью, а не с реальностью застывших форм, и употребление понятия идентичности в его сильном значении вовсе не отрицает возможность его мягкого значения. Ведь под воздействием самых разных факторов, меняющихся обстоятельств у людей меняются взгляды, убеждения, позиции, они вступают в какие-то организации или покидают их, испытывают энтузиазм и оптимизм в начале своего соучастия в чем-то, а с течением времени на смену им приходит разочарование. Допустимо ли полагать, что во всем этом идентичность человека

остается в стороне от таких его жизненных перипетий? Конечно же, нет. И его состояния в определенные моменты жизни, и сам процесс его некой соучастной деятельности связаны с его идентичностью.

И всё же случай с национальной (гражданской) идентичностью — это особый случай. Какой бы изменчивой в своей возможности ни была идентичность в социальных отношениях, перипетиях, отношении к своему государству, его символам, народу, Родине, идентификация с этими особыми, предельными структурами/явлениями имеет явное отличие: в сфере этих сакральных или полусакральных объектов предполагается, что идентификационная подвижность, если не отменяется вовсе, то стремится к нулю. Здесь изменчивость граничит с тяжким грехом — изменой, и на страже этих святынь стоят и государственное право, и общественная мораль. Для людей современных обществ это положение имеет статус непреложной истины. Но так было не всегда.

Когда Руссо противопоставляет гражданскую религию христианству, то он сопоставляет две социальные идентичности — гражданскую и религиозную. При этом гражданская идентичность проигрывает религиозной по своей силе, по интенсивности ее переживания. И этот факт делает авторитет государства в глазах своих граждан слабее авторитета церкви, что автоматически означает его реальную слабость. Объективная необходимость в выходе из такого положения означает работу по усилению его авторитета, по борьбе за достойное место в душах своих граждан. Словом, их гражданская идентичность должна стать из слабой сильной, а практика и символическое пространство гражданской религии и являются такими средствами, инструментами искомого преобразования традиционных сообществ в нацию.

Несмотря на то, что в течение XVIII–XX вв. нации стали устойчивой формой человеческого сообщества, а практики и феномен гражданской религии — их повседневной нормой и необходимой структурой сознания, национальная идентичность остается проблематичной. Во всяком случае, как некоторая возможная распределенность в промежутке «слабая — сильная» идентичность. Традиционная политическая дихотомия «власть — народ» свидетельствует о том, что национальная идентичность чув-

ствительна к политике своего государства, к его режиму, к его правительствам. И она может служить как их морально-политической поддержкой со стороны народа, так и настраивать его на их смену.

Войны как особые моменты в истории государств дают немало документальных свидетельств, иллюстрирующих, как может меняться национальная идентичность и эффективность практики гражданской религии: от взлета патриотических чувств и максимальной идентификацией со своими правительствами и даже народом до полного разочарования в них. Как иллюстрацию этого приведем обобщающее суждение: «Солдаты Ремарка и Хемингуэя вынесли из войны трагическое разочарование в патриотических ценностях. Они уже не могли поверить в красивые слова. Они возненавидели тех, кто твердил, “что нет ничего выше, чем служение государству”. Война научила их верить лишь в экзистенциальные основы — в жизнь, в смерть, в любовь» [Генис, Вайль 2001: 95–96].

Действительно, в условиях мирной жизни, в режиме повседневных забот национальная идентичность и патриотические чувства естественным образом нивелируются, отступают на второй или третий план. Нарушать эту рутину повседневности, чтобы ее дела и заботы не перекрывали горизонт исторического мышления граждан полностью, не делали их равнодушными и циничными наблюдателями жизни собственной страны, призваны государственные праздники, памятные даты ее истории и соответствующие ритуальные мероприятия. А о том, что они не растворяются бесследно для людей, их сознания, их памяти говорит факт позитивного урегулирования проблемы этнического сепаратизма в 1990-е гг., поставившей Российскую Федерацию на грань распада. Тогда активисты этнического национализма занимались возрождением не только своих традиционных культур, но и истории с акцентом на период до вхождения их этнических сообществ в состав Российского государства. В этом противопоставлении двух историй и двух идентичностей (этнической и гражданской) полагалось, что гражданская часть как дискредитированная своей связью с советским режимом достаточно легко сдаст свои позиции под давлением этнических чувств и станет перевернутой страничкой этнической истории. Но потенциал гражданской иден-

тичности оказался сильнее, чем полагалось. Победа в Великой Отечественной войне и патриотическое воспитание или гражданская религия послевоенных лет, построенные на ее основе, проявили себя в качестве сильной идентичности, способной противостоять альтернативам этничности.

Таким образом, гражданская религия, являясь необходимым элементом общественной жизни, всегда остается задачей и практикой с негарантированным результатом, а ее вечная проблема — совмещение отношения к государству/отечеству, с одной стороны, и экзистенциальными основами сознания большинства его граждан, с другой стороны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Балагушкин 2006 — Балагушкин Е. Г. Гражданская религия // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. С. 252–253. [Balagushkin E. G. Civil religion. *Religiovedenie. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic dictionary of religious studies]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2006. Pp. 252–253. (In Rus.)]
- Белла 1972 — Белла Р. Социология религии // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 265–281. [Bella R. Sociology of religion. *Amerikanskaya sotsiologiya. Perspektivy, problemy, metody* [American sociology: prospects, problems, methods]. Moscow: Progress, 1972. Pp. 265–281. (In Rus.)]
- Брубейкер, Купер 2002 — Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115. [Brubaker R., Cooper F. Beyond identity. *Ab Imperio*. 2002. No. 3. Pp. 61–115. (In Rus.)]
- Генис, Вайль 2001 — Генис А., Вайль П. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 368 с. [Genis A., Wyle P. *Mir sovetskogo cheloveka* [The 60s: The World of the Soviet Man]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2001. 368 p. (In Rus.)]
- Легойда 2002 — Легойда В. Гражданская религия: pro et contra // Государство. Религия. Церковь. В России и за рубежом. 2002. № 2. С. 54–65. [Legoida V. Civil religion: pro et contra. *Gosudarstvo. Religiya. TSerkov'. V Rossii i za rubezhom*. 2002. No. 2. Pp. 54–65. (In Rus.)]
- Малахов 2005 — Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. 320 с. [Malakhov V. S. *Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya* [Nationalism as a political ideology]. Moscow: KDU, 2005. 320 p. (In Rus.)]
- Мишле 1965 — Мишле Ж. Народ. М.: Наука. 1965. 207 с. [Michelet J. *Narod* [The People]. Moscow: Nauka, 1965. 207 p. (In Rus.)]
- Рорти 1998 — Рорти Р. Обретая нашу страну. Политика левых в Америке XX века. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 128 с. [Rorty R. *Obretaya nashu stranu. Politika levyykh v Amerike XX veka* [Achieving Our Country: Leftist Thought in Twentieth-Century America]. Moscow: Dom Intellektual'noy Knigi, 1998. 128 p. (In Rus.)]
- Руссо 1969 — Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука. 1969. 703 с. [Rousseau J.-J. *Traktaty* [Treatises]. Moscow: Nauka, 1969. 703 p. (In Rus.)]
- Уолцер 2000 — Уолцер М. О терпимости. М.: Дом интеллектуальной книги. 2000. 160 с. [Walzer M. *O terpimosti* [On Toleration]. Moscow: Dom Intellektual'noy Knigi, 2000. 160 p. (In Rus.)]
- Хабермас 1992 — Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М.: КАНОН-пресс-Ц, 1992. 276 с. [Habermas J. *Demokratiya, razum, npravstvennost'* [Democracy, rationality, morality]. Moscow: KANON-Press-Ts, 1992. 276 p. (In Rus.)]
- Як 2006 — Як Б. Миф гражданской нации // Прогнозис. 2006. № 2. С. 157–171. [Yack B. The Myth of the civic nation. *Prognosis*. 2006. No. 2. Pp. 157–171. (In Rus.)]

National Identity and the Phenomenon of Civic Religion

*Sergey D. Batomunkuev*¹

¹ Ph.D. in Philosophy (Cand. of Philosophical Sc.), Research Associate, Department of Philosophy, Religious Studies and Culturology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9603-6945. E-mail: batomunkuev.s@yandex.ru

Abstract

Goals: The article revises the concepts of civil nation and national identity to clarify the newly introduced — for Russian academic discourse — notion of civic religion which is basically misrepresented being believed to postulate religious tolerance and elimination of interfaith conflicts as its goal and essence. Ultimately, the paper aims to show a required internal connection between national identity and civic religion.

The study proves the thesis that a political component of a civic nation cannot be self-sufficient, and that it is possible only due to the irremovable historical / cultural component. The widely used concept of national identity has been reduced to formal ethnic (or citizenship) affiliations, and pursuant thereto its functional content and instrumentality in social research of civil solidarity / disintegration are examined. Special attention is paid to E. Durkheim's concept of the religious to clarify the notion of civic religion. The concept serves to substantiate the thesis that society is viewed as something sacral — and not merely a living environment — by separate individuals, and that from socio-political perspectives practices of civic religion are urgent to any national state.

Methods: The research methodology is based on social constructivism according to which national identity is not a certainty but a result of purposeful activities manifested in the institution of civic religion. The task to reveal the operation principles of the institution has been solved through the analysis of works by J.-J. Rousseau, J. Michelet, R. Bellah, and V. Legoida.

Examining the problem of identity, the study drew evidence from the analytical article *Beyond Identity* by R. Brubaker and F. Cooper, most useful being corresponding characteristics of 'weak' and 'strong' identities. This resulted in an original understanding of their connections, namely their dialectical connections, which helped show the topicality of civic religion as an institution and reveal a distinctive feature of national identity.

Conclusions: It is concluded that national identity and citizenship actually result from a variety of intense impacts contained in civic religion. At the same time, being an integral part of social life, civic religion is a practice with no guaranteed result, and basically aims to reconcile individual attitudes towards one's own state / motherland with existential fundamentals of reality (life, love, family, death).

Keywords: migration, identity, national identity, historical and cultural backgrounds of a nation, civic nation, religion, civic religion

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences



Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 39, Is. 5, pp. 89–96, 2018
DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-89-96
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 39. 391 + 395

Знаковые функции народной одежды в традиционной культуре башкир

Розалия Рафкатовна Баязитова¹

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры башкирской литературы и культуры, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (450000, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3а). ORCID: 0000-0002-5731-2019. E-mail: rosali8@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты изучения традиционной одежды в рамках материальной и духовной культуры башкир. Народная одежда, наделенная определенными смыслами, выполняла разнообразные знаковые функции, диктовала различия в поведении и общении.

Цель статьи заключается в выявлении и описании знаковых функций одежды башкир согласно этнической, географической, гендерной, возрастной, социальной и т. п. принадлежности.

Методы. Для выявления значения одежды в традиционной культуре башкир и определения социальных отношений, связанных с одеждой, обнаружения общего и особенного в одежде башкир разных групп и построения типологических параллелей с другими народами применялись описательный, структурно-функциональный, сравнительно-типологический методы исследования.

Результаты. В исследовании применялся комплексный подход, предполагающий анализ исторических, философских, этнографических трудов и полевых материалов.

Народный костюм был наделен определенной смысловой нагрузкой и выказывал статус владельца, соответствовал идеалам красоты, принятым в конкретной этнической среде. Язык одежды указывал на этническую принадлежность, пол, возраст, семейное и социальное положение собеседника, также показывал отнесенность к определенному поколению, периоду жизни.

Цвет, крой, орнамент и украшения передавали представления башкир о Вселенной, показывали религиозную принадлежность. Любая деталь одежды была обоснована исторически, мифологически, с бытовой и практической стороны. Одежда удостоверяла принадлежность человека к определенному поколению, периоду жизни. Эта особенность наиболее ярко проявлялась в женских нарядах. Яркие цвета и разнообразные украшения были присущи для молодежной одежды, женщин детородного возраста. Одежда детей характеризовалась минимальным набором компонентов. Сдержанная цветовая гамма, меньшее количество украшений характеризуют костюм женщин старшего и преклонного возраста. Каждый элемент одежды в комплексе с другими представлял текст, позволяющий охарактеризовать своего владельца.

В традиционном обществе к выбору одежды относились очень внимательно, так как несоответствие вызывало осуждение, иногда насмешку. Обращение с элементами одежды тесно связано с древними верованиями, представлениями народа о жизненной силе, счастье, благополучии («кот»), поэтому удачливую одежду не дарили, мужскую одежду не использовали для хозяйственных нужд. Одежду авторитетных пожилых людей использовали для передачи их силы,

долголетия, здоровья последующему поколению. Традиционный этикет, обычаи и традиции подерживали способы обращения с предметами одежды, в соответствии с практическими, религиозными, сакральными, эстетическими и этическими представлениями.

Выводы. В традиционном обществе костюм служил источником получения информации, позволяя безошибочно определять пол, возраст, семейное положение и социальный статус, географическую и родоплеменную принадлежность, род хозяйственной деятельности. Все знаковые функции одежды, являясь ориентирами, служили критерием определения собеседника в рамках бинарной оппозиции «мы» / «они», способствовали регулированию, упорядочиванию отношений в семье и обществе. Традиционный костюм был средством передачи народных знаний от одного поколения к другому.

Ключевые слова: традиционная культура, башкирская народная одежда, запреты, знак, украшения, пол, возраст, статус

Традиционная одежда является важным историко-этнографическим источником изучения мировоззрения, особенностей хозяйственной деятельности, семейно-бытовой культуры, эстетических вкусов и идеалов, взаимоотношений с другими этносами, поэтому при исследовании народного костюма ученые обращают внимание на разные аспекты. Например, согласно В. Н. Харузиной одежду можно изучать по следующим направлениям: возникновение, эволюция одежды и отдельных ее частей, костюмы известной народности, их изменения под влиянием времени, влияние со стороны, способы производства тканей, вкусы народности, излюбленные ею цвета и формы. Различные взгляды бытовали о возникновении одежды: обычай одеваться возник из стремления украшать себя, из-за чувства стыдливости, по религиозным мотивам. Предметы, которые мы легче всего назвали бы украшениями, являются нередко амулетами, волшебными средствами, знаком отличия, указанием на какое-нибудь событие [Харузина 2007: 57]. Некоторые выше-названные вопросы башкирской народной одежды в разное время изучались такими учеными, как А. С. Камалиева, С. И. Руденко, С. Н. Шитова [Камалиева 2012; Руденко 2006; Шитова 1995; и др.].

Как известно, в традиционной культуре каждая вещь создавалась с практической целью и в то же время выполняла множество функций, активно использовалась в обрядовой практике. Единство символического и практического, которым обладают создаваемые и используемые человеком вещи, их принципиальная амбивалентность, А. К. Байбуриным охарактеризована как „семиотический статус вещей“» [Байбурин 1995: 5]. Материалы, покрой и декоративные элементы одежды, например, подбирались в зависимости от ее функционального

назначения. В результате костюм наделялся определенным содержанием, благодаря которому осуществлялась коммуникация в традиционном обществе. Несмотря на относительную устойчивость народной одежды к влиянию внешних факторов, многие ее знаковые функции со временем утратили былое значение. Сегодня по народному костюму мы можем определить только этническую принадлежность его владельца. Изучение одежды как сложной знаковой системы является актуальной проблемой и существенно обогатит наше представление о традиционной культуре в целом. В данной статье рассмотрим некоторые семиотические функции башкирской народной одежды в традиционном обществе.

В ходе работы проанализирована роль одежды на материальном и духовном уровнях. В традиционной культуре башкир народный костюм как объект материальной культуры выполнял практическую, эстетическую, знаковую и защитную функции. Элементы одежды передавали информацию, согласно которой определяли этническую принадлежность, возраст и пол, семейный и социальный статус собеседника. Природно-географические особенности края, верования, религия, тип хозяйствования, родоплеменная принадлежность, взаимоотношения с другими народами повлияли на формирование народного костюма, также в нем нашли отражение художественный вкус, эстетические и моральные ценности башкир.

Традиционный башкирский костюм не повторяет одежду других народов, является уникальным объектом материальной культуры. Кроме того, одежда отдельных групп башкир, обусловленная этнической историей родов и племен, имеет свои особенности. На основе многолетних исследований С. Н. Шитова выявила следующие костюм-

ные комплексы: юго-восточный, юго-западный (демский), самаро-иргизский, центральный (инзерский), северо-западный, северо-восточный, восточный (зауральский) [Шитова 1995: 160]. Научные исследования С. Н. Шитовой позволяют констатировать различия в пошиве, украшении и способах ношения костюма у разных локальных групп башкир, которые служили маркером в общении. Бытование таких различий обусловлено природным и этнокультурным ландшафтом, этнической историей и ареалом расселения племен и родов, особенностями хозяйственной деятельности, взаимодействием с другими этносами.

Исследователями декоративного творчества башкирского народа описаны сложившиеся модели одежды отдельных групп, с присущими только им традиционными элементами. Рассмотрим некоторые из них: «Костюм курганских башкир интересен прежде всего составом предметов. Исключительную красочность этому костюму придавали нагрудник — яҫа с кораллами и звенящими подвесками, украшенная цветной аппликацией обувь с суконными голенищами, покрывающий фигуру женщины яркий платок <...> Принимая гостей дома, молодая женщина надевала праздничное платье и в тон ему вышитый передник; в состав же выходного наряда вместо фартука входили зашитая монетами цветная безрукавка и нагрудник — яҫа»; «Костюм юго-восточных башкир был строг по форме и сдержан по цвету. Прямоспинного покроя черная верхняя одежда — елян, удлиненный нагрудник — селтэр с бахромой, плотно охватывающий голову коралловый кашмау с наспинной лентой и нагрудными подвесками придавали облику женщины величие и даже своего рода монументальность. Это впечатление усиливали тяжелая самотканая шаль или наброшенный на голову халат-накидка. Сочетание темных тканей с кораллами и красной суконной обшивкой подчеркивали торжественность наряда» [Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1979: 86–87]. Сложение уникальных локальных особенностей было тесно связано с развитием производственных навыков, манерой ношения одежды, местными обычаями и традициями.

Своеобразие костюма, обусловленная природно-климатическими условиями, проявилась в используемых материалах, крое, декоре. В прошлом по этим критериям определяли собеседника в рамках бинар-

ной оппозиции «свой»/«чужой». Например, в башкирском эпосе «Кара-юрҫа» девушка по покрою одежды устанавливает, что гость с чужой стороны [Башкирское народное творчество 1987: 195].

В эпическом сказании «Алдар и Зухра» Кидрас, встречая гостей, по одежде называет их родовую и географическую принадлежность: «Это ближние мои соседи с берегов реки Кармасан, степи у них просторные и скотоводство великое. Овцы их приносят длинную и белую шерсть, и поэтому видишь их одетых в белую одежду, отмечает он. Жителей с реки Бирь характеризует великими звероловцами в шапках, сделанных из молодого медведя. Увидев всадников в красных кафтанах и шапках из черно-бурой лисицы, отмечает, что они прибыли с берегов реки Дема (Дим). Башкир-гайнинцев он назвал охотниками на куниц и белок, поэтому на каждом из них можно увидеть кунью шубу» [Башкирское народное творчество 1987: 386–388].

По данным исследований А. С. Камалиевой, особенности декоративной композиции также передавали окружающим сведения о месте проживания человека. Например, на спинке ельяна юго-восточных башкир изображен горный хребет Южного Урала. Уровень расположения декора приходится на средний мир; в нем изображалась красота природы, данный рисунок присутствовал только на верхней одежде башкир, проживавших на территории Южного Урала (в образцах одежды северных башкир подобный орнаментальный элемент отсутствует) [Камалиева 2012: 66–67]. Как известно, природно-климатические условия края обусловили технологические и конструктивные особенности изготовления одежды, способствовали использованию меха и изделий из шерсти, конопли и крапивы в качестве основного материала.

На одежде сказывались также особенности хозяйственной деятельности. Как отмечает С. Н. Шитова, жители северной Башкирии были более опытны по изготовлению тонкой пряжи из конопли, позже льна, а население южных скотоводческих районов сохранило изготовление грубого и тонкого сукна [Шитова 1995: 6]. Удобство и практичность, приспособленность к выполнению определенных трудовых операций — вот главные особенности повседневной, рабочей одежды. Например, обувь древних коневодов отличалась косым срезом верх-

него края, что было удобно при верховой езде [Шитова 1976: 59–60]. Практической необходимостью объясняют также узкий крой низа рукавов в еянах юго-восточных башкир. Руки наездника на протяжении всего похода находятся в горизонтальном положении из-за необходимости управлять лошадью во время езды. В такой ситуации узкие по низу рукава были жизненно необходимы, так как препятствовали попаданию холода в пододежное пространство [Камалиева 2012: 60]. Утилитарные свойства одежды, связанные с родом занятий, служили своего рода маркерами, помогали определять и устанавливать контакт в рамках «мы» и «они».

В костюме башкир отражаются представления народа о мироздании. Цвет, крой, орнамент и украшения передают представления башкир о Вселенной. С. Н. Шитова пишет, что в солярных мотивах (изображение солнца, звезд), зооморфных сюжетах («рога барана», «след волка», «бабочка» и пр.), в вышивке и аппликации нашли отражение древние воззрения и языческие верования башкир. Не только эстетические идеалы, но и сложное восприятие полного противодействий и загадок мира лежат в основе использования для украшений кораллов и серебра, сердолика и бирюзы, перламутра и других редкостных материалов, которые выполняли в костюме, помимо декоративной, охранную функцию — играли роль оберегов [Шитова 1995: 9]. По представлениям башкир, голова ассоциируется с верхним миром, туловище — со средним, нижние конечности — с нижним миром. Н. Ж. Шаханова, исследователь традиционной казахской культуры, пишет, что голова считается, наряду с печенью, местом локализации кут (души) [Шаханова 1998: 58]. Древние представления легли в основу многих правил поведения и обращения с предметами одежды. Они сохранились до сегодняшних дней в виде запретов и предписаний: «нельзя поднимать сапоги выше головы»; «нельзя складывать головной убор куда попало — будет болеть голова»; «нельзя вращать головной убор — голова будет болеть»; «нельзя садиться на головной убор — уйдет благополучие, счастье». В данном случае запреты направлены на сохранение «кот» — души, благополучия, счастья, удачи, жизненной силы. Влияние мусульманской культуры нашло отражение в цветовой гамме и изображении полумесяца на некоторых деталях одежды.

Одежда отличалась и по половозрастному признаку. Возрастные маркеры в одежде и желаемые нормы поведения определялись в ходе обрядов перехода. По данным Д. П. Никольского, одежда детей обоих полов не отличалась, но мальчики обязательно носили тубетейки, показывая свою самостоятельность. Одежда девочек состояла из длинной широкой рубахи, голову ничем не покрывали, только у богатых были платки [Никольский 1899: 54, 124]. С 7–8 лет усиливается половая дифференциация в прическе, костюме и соответственно в правилах поведения. В период полового созревания (9–14 лет) в одежде девушек и юношей появляются декорирующие элементы, маркирующие возраст и статус, также максимально расширяется цветовая палитра.

У башкир с момента рождения ребенка придавали особое значение его одеянию. Согласно поверьям, если его после рождения завернуть в рубаху отца, то он будет ближе отцу. Кроме того, считалось, что старая одежда могла перенести на ребенка долголетие, силу, а также качества носившего эту одежду человека [Бикбулатов, Фатыхова 1991: 94]. С помощью одежды и путем совершения обрядовых действий происходило приобщение ребенка к роду, семье. Также одежда авторитетных и пожилых людей наделялась особой магической силой, использовалась для передачи их долголетия, здоровья ребенку.

Отношение к детской одежде у разных народов выказывалось по-своему. Например, телеуты соблюдали обычай благословлять ребенка, когда ему надевали первую рубашку и первую обувь [Алексеев 1980: 150–151]. Подобные действия, возможно, объясняются уязвимым состоянием младенцев. Исследователь Ж. Т. Ерназаров отмечает, что облачение ребенка в «ит кәйлек» в первый период его жизни — это своеобразная маркировка места ребенка, как не определившегося, не утвердившегося существа. В связи с этим примечательно, что до определенного времени ребенка «не причисляют» к категории людей. Так, по утверждению наших информаторов, ребенка нельзя в этот период времени целовать, восхищаться, много смотреть на него и т. п., так как младенец как социальное существо не оформлен (социально «не освоен», ритуально «неочеловечен»), что происходит после именнаяречения ребенка и окончательно —

по прошествии сорокодневья. То есть, он присутствует биологически, но социально «не существует». В традиционном миропонимании, до сорока дней ребенка «не причисляли» к числу людей, то есть младенец должен был пройти процедуру социализации или «ритуального очеловечивания». Поэтому ребенок оставался в опасной зоне влияния потусторонних сил [Ерназаров 2001: 20].

По данным Н. Ж. Шахановой, до окончания первого сорокодневья жизни ребенок осмыслялся как еще неполноправный член социума, что маркируется его младенческой одеждой. В этот период, по-видимому, основное назначение одежды (или ее заменителей) — обеспечить здоровье и выживание младенца, его рост (заворачивание в одежду пожилого человека; неподшивание подола и края рукавов; укладывание у изножья бакана (шеста с развилкой, которым поднимают кошму в верхнюю часть остова юрты) — существовало представление о связи бакана с мужским, оплодотворяющим началом и т. п.).

Обереги, пришиваемые на детскую одежду, не имели различий в костюме девочки и мальчика [Шаханова 1998: 51]. При смене возрастного, социального статуса менялись, усложнялись элементы костюма. Статусными символами были качество используемых материалов и богатство украшений.

Одежда удостоверяла принадлежность человека к определенному поколению, периоду жизни. Эта особенность наиболее явно проявлялась в женских нарядах. Яркие цвета и разнообразные украшения были присущи для молодежной одежды, женщин детородного возраста.

Одежда детей отличалась минимальным набором компонентов. Сдержанная цветовая гамма, меньшее количество украшений характеризуют костюм женщин старшего и преклонного возраста. Любая деталь одежды была обоснована исторически, мифологически, с бытовой и практической сторон.

Рассмотрим некоторые детали женской одежды, являющиеся символом замужества, которые встречались у разных народов. Смена одежды согласно статусу замужней женщины происходила во время свадебной обрядности. Например, на невестку надевали приталенные безрукавки (восточные районы), вышитые передники [Бикбулатов,

Фатыхова 1991: 63]. По данным С. Н. Шитовой, раньше камзолы (безрукавная одежда) носили не везде, тем не менее во второй половине XIX в. они входили в состав народного костюма [Шитова 1995: 63].

По сегодняшний день большая редкость увидеть пожилых женщин в одном платье, в состав одежды обязательно включается безрукавная одежда. Е. М. Тоцакова в работе, посвященной семейному положению алтайских женщин, пишет, что чегедек (безрукавная одежда) был обязательным компонентом народного костюма. Его надевали в день свадьбы и не снимали, пока муж был жив [Тоцакова 1973: 27].

Э. П. Бакаева, детально изучив практическую и обрядовую нагрузку безрукавок, называемых у разных народов *чегедек*, *чедек*, *цэгдэг*, *цегедек*, зафиксировала типологические параллели в одежде тюркоязычных и монголоязычных народов Сибири и Монголии. Опираясь на исследования Сарангэрэл, она приводит легенду, раскрывающую семантику этого предмета одежды. Согласно фольклорному тексту, *цэгдэг* символизирует верность и покорность мужу. Измена женщины, носящей *цэгдэг*, т. е. замужней, подобна смерти [Бакаева 2015: 79–80].

Согласно данным С. И. Руденко, головными уборами замужних женщин башкирок были кашмау, яулык, кушъяулык и др. [Руденко 2006: 163–164, 167]. Ношение разных женских головных уборов объясняется бытованием запрета показывать волосы. Женщины Поволжья даже ночью спали в головных уборах [Козлова 1964: 81].

Красное двойное покрывало молодые женщины начинали носить после переезда в дом мужа и не снимали до 35–40 лет. В «возрасте свекрови», в 40–45 лет, было принято повязывать белое покрывало — тастар (тастар)», отмечает С. Н. Шитова [Шитова 2002: 135]. Как видно из примеров, замужние женщины практически у всех народов прикрывали волосы. В данном обычае прослеживается боязнь волос чужеродки.

На основе проанализированного материала Н. Гаген-Торн, исследователь женской одежды народов Поволжья, приходит к выводу, что волосы прятали с целью обезопасить и предохранить род мужа от ее магической силы, принадлежащей чужому роду и могущей принести вред. Открыть волосы — страшный грех, потому что это —

освобождение магической силы, бунт против чужого рода и брачных уз, к нему привязавших [Гаген-Торн 1960: 144]. Можно согласиться с автором этих строк, так как и у башкир многие запреты, касающиеся невестки, связаны с боязнью вредоносного влияния чужеродки. Как известно, в девичестве, родительском доме, не было такого обязательного закрывания волос. В свадебном обряде башкир, перед отъездом в дом супруга, специально проводится обряд наведения головного убора.

Таким образом, в традиционном обществе костюм наделялся семантическим содержанием, позволял безошибочно определять пол, возраст, семейное положение и социальный статус, географическую и родоплеменную принадлежность, род хозяйственной деятельности. Все эти знаковые функции одежды являясь ориентирами, способствовали регулированию, упорядочиванию отношений в семье и обществе. Поэтому к выбору одежды относились очень внимательно, так как несоответствие вызывало осуждение, иногда насмешку. Обращение с элементами одежды тесно связано с древними верованиями, представлениями народа о жизненной силе, счастье, благополучии, поэтому удачливую одежду не дарили, мужскую одежду не использовали для хозяйственных нужд, бережно относились к детским вещам, а одежду пожилых наделяли магической силой. По одежде получали информацию о ее владельце, также она была средством трансляции знаний от одного поколения к другому.

В последние годы наблюдается рост интереса к народной одежде, проводятся различные мероприятия, направленные на сохранение уникального наследия. Безусловно, народный костюм, как любой объект материального мира, подвержен изменениям, но все же наиболее значимые, знаковые особенности предметов одежды должны учитываться при реконструкции и использовании в повседневной жизни, обрядовой, праздничной культуре.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Башкирское народное творчество 1987 — Башкирское народное творчество. Том I. Эпос. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1987. 544 с. [*Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo* [Bashkir folk art]. Vol. I. The Epic. Ufa: Bashkir Book Publ., 1987. 544 p. (In Rus.)]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Алексеев 1980 — Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с. [Alekseev N. A. *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Turkic peoples of Siberia: early forms of religion]. Novosibirsk: Nauka, 1980. 317 p. (In Rus.)]
- Байбурун 1995 — Байбурун А. К. Семиотические аспекты функционирования традиционной культуры восточных славян. Автореф.: в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1995. 32 с. [Baiburin A. K. *Semioticheskie aspekty funktsionirovaniya traditsionnoy kul'tury vostochnykh slavyan* [Traditional culture of East Slavs: semiotic aspects of its functioning]. A PhD thesis abstract. St. Petersburg, 1995. 32 p. (In Rus.)]
- Бакаева 2015 — Бакаева Э. П. К исследованию семантики женского костюма ойратов и калмыков (историографический аспект) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. С. 74–83. [Bakaeva E. P. To the study of semantics of the Oirat and Kalmyk Women's Costume (historiographic aspect). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). 2015. No. 3. Pp. 74–83. (In Rus.)]
- Бикбулатов, Фатыхова 1991 — Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф. Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с. [Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F. *Semeinyi byt bashkir. XIX–XX vv.* [Family life of the Bashkirs: 19th – 20th centuries.]. Moscow: Nauka, 1991. 189 p. (In Rus.)]
- Гаген-Торн 1960 — Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960. 234 с. [Gagen-Torn N. *Zhenskaya odezhda narodov Povolzh'ya (materialy k etnogenezu)* [Peoples of the Volga Region: women's garments (materials for ethnogenesis studies)]. Cheboksary: Chuvash State Publ., 1960. 234 p. (In Rus.)]
- Ерназаров 2001 — Ерназаров Ж. Т. Этнознаковые функции семейной обрядности казахов (этнолого-культурологические аспекты). Автореф. дисс...канд. ист. наук. Алматы, 2001. 32 с. [Ernazarov Zh. T. *Etnoznakovyie funktsii semeinoi obryadnosti kazakhov (etnologo-kul'turologicheskie aspekty)* [Ethno-semiotic functions of Kazakh family rites (ethnic and cultural aspects)]. A PhD thesis abstract. Almaty, 2001. 32 p. (In Rus.)]

- Камалиева 2012 — *Камалиева А. С.* Башкирский костюм. Технология. Конструкция. Декор. Уфа: Китап, 2012. 215 с. [Kamalieva A. S. *Bashkirskiy kostyum. Tekhnologiya. Konstruktsiya. Dekor* [The Bashkir costume: technology, design, decor]. Ufa: Kitap, 2012. 215 p. (In Rus.)]
- Козлова 1964 — *Козлова К. И.* Этнография народов Поволжья: уч. пособие. М.: Изд-во Моск. университета, 1964. 175 с. [Kozlova K. I. *Etnografiya narodov Povolzh'ya* [Ethnography of the Volga Region]. A study book. Moscow: Moscow State Univ., 1964. 175 p. (In Rus.)]
- Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1979 — *Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н.* Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979. 244 с. [Kuzeev R. G., Bikbulatov N. V., Shitova S. N. *Dekorativnoe tvorchestvo bashkirskogo naroda* [Bashkir decorative arts]. Ufa, 1979. 244 p. (In Rus.)]
- Никольский 1899 — *Никольский Д. П.* Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. 377 с. [Nikolsky D. P. *Bashkiry. Etnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie* [The Bashkirs: an ethnographic, sanitary and anthropological study]. St. Petersburg: P. P. Soykin, 1899. 377 p. (In Rus.)]
- Руденко 2006 — *Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с. [Rudenko S. I. *Bashkiry: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Bashkirs: historical and ethnographic essays]. Ufa: Kitap, 2006. 376 p. (In Rus.)]
- Тошачова 1973 — *Тошачова Е. М.* Женщина в обществе и семье у современных алтайцев / Отв. ред. Л. П. Потапов. Новосибирск: Наука, 1973. 58 с. [Toschakova E. M. *Zhenschina v obschestve i sem'ye u sovremennykh altaytsev* [The modern Altaian woman and her role in society and family]. L. P. Potapov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1973. 58 p. (In Rus.)]
- Харузина 2007 — *Харузина В. Н.* Этнография. Лекции. Издание подготовила А. Ф. Некрылова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 520 с. [Kharuzina V. N. *Etnografiya. Lektsii* [Ethnography: lectures]. A. F. Nekrylova (prep.). St. Petersburg: Тропа Троянова, 2007. 520 p. (In Rus.)]
- Шаханова 1998 — *Шаханова Н.* Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы: Қазақстан, 1998. 184 с. [Shakhanova N. *Mir traditsionnoy kul'tury kazakhov (etnograficheskie ocherki)* [The world of traditional Kazakh culture: ethnographic essays]. Almaty: Qazaqstan, 1998. 184 p. (In Rus.)]
- Шитова 1995 — *Шитова С. Н.* Башкирская народная одежда. 1-е изд. Уфа: Китап, 1995. 240 с.: ил. [Shitova S. N. *Bashkirskaya narodnaya odezhda* [Traditional Bashkir garments]. 1st ed. Ufa: Kitap, 1995. 240 p. (In Rus.)]
- Шитова 2002 — *Шитова С. Н.* Одежда // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. С. 129–143. [Shitova S. N. Garments. *Bashkiry: Etnicheskaya istoriya i traditsionnaya kul'tura* [The Bashkirs: ethnic history and traditional culture]. Ufa: Bashkirskaya Entsiklopediya, 2002. Pp. 129–143. (In Rus.)]
- Шитова 1976 — *Шитова С. Н.* Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии / Под ред. Н. В. Бикбулатова, Р. Г. Кузеева. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1976. С. 49–94. [Shitova S. N. Material culture and economic lifestyles of Bashkirs: Siberian taiga features. *Etnografiya Bashkirii* [Ethnography of Bashkiria]. N. V. Bikbulatov, R. G. Kuzeev (eds.). Ufa, 1976. Pp. 49–94. (In Rus.)]

Bashkir Traditional Culture: Semiotic Functions of National Costumes

Rozalia R. Baiazitova¹

¹Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department of Bashkir Literature and Culture, Akmullah Bashkir State Pedagogical University (3a, Oktyabrskaya Revolutsiya Str., Ufa, 450000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5731-2019. E-mail: rosali8@mail.ru

Abstract

Goals: The article studies traditional costumes in material and spiritual culture of the Bashkir people. The national clothes endowed with certain meanings would perform various sign functions thus determining differences in behavior and communication.

The paper aims to identify and describe the mentioned sign functions of Bashkir clothes within a wide range of identities, including ethnic, geographical, gender, age, social ones, etc.

Methods: Descriptive, structurally functional, comparative and typological research methods have been applied to identify semantic values of clothes in the Bashkir traditional culture and define the social relations attached to clothes, including affiliations with certain groups and typological parallels with other nations.

Results: The research applies an integrated approach involving a comprehensive analysis of historical, philosophical, ethnographic works, and collected field data.

The national costume had been endowed with certain semantic interpretations and showed a status of its owner, basically corresponding to beauty ideals accepted within a separate ethnic environment. The language of clothes indicated ethnic origins, gender, age, marital and social status of the interlocutor, including his / her belonging to a certain generation, his / her actual life cycle.

The color map, fashion, ornaments and jewelry manifested the traditional beliefs about the universe, showed religious affiliation. Any detail of clothes was historically, mythologically, and economically — from household and practical perspectives — reasonable. The generation (life-cycle) affiliation was most vividly shown in dresses. Bright colors and diverse jewelry were typical for youth clothes, those of childbearing-aged women. Children's garments contained a minimum of components. Reserved color scales and less jewelry characterize suits of elderly and aged women. Each element of clothes coupled with others conveyed an individual text to characterize the owner.

Traditional society laid special emphasis upon clothes since any discrepancies gave rise to condemnation, sometimes mockery. Handling with different elements of clothes was closely connected with ancient beliefs, ideas about vital force, happiness, wellbeing (Bash. 'kom' / 'qot') therefore lucky clothes were not to be donated, men's costumes were not to be used in household activities. Clothes of authoritative elderly people were used to extend their stamina, longevity, health to subsequent generations.

The traditional etiquette, customs and traditions maintained such clothes-related practices that corresponded to practical, religious, sacral, esthetic, and ethical representations.

Conclusions: In traditional society, costumes were a source of information, allowed to define unmistakably the gender, age, marital and social status, geographical, tribal, and even economic affiliations. All sign functions of clothes, being reference points, served as a criterion to pose the interlocutor within the binary opposition 'we' / 'they', facilitated regulation activities within family and society. The traditional costume served to transmit ethnic knowledge from one generation to another.

Keywords: traditional culture, Bashkir national clothes, taboos, sign, jewelry, gender, age, status

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences



Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 39, Is. 5, pp. 97–109, 2018
DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-97-109
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 39

Шаманы и шаманки Бурятии: их мистический опыт и мои экспедиционные исследования. Часть 1

Наталья Львовна Жуковская¹

¹ доктор исторических наук, заведующий Центром азиатских и тихоокеанских исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а). ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Аннотация

Цель статьи — на основе данных многолетних экспедиционных исследований дать характеристику некоторых тенденций в развитии современного шаманизма Бурятии. В работе использованы сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный *методы* исследования; при сборе материалов, привлеченных к анализу, — методы полевой этнографической работы.

В *результате* проведенного исследования дана характеристика направлений развития шаманской практики в Бурятии. Автор отмечает, что характерной чертой нового поколения шаманов Бурятии является наличие у многих высшего образования, опыт работы в разных учреждениях. Произошло формирование «шаманской интеллигенции». Шаманская практика включает не только традиционные обряды, но и публичные выступления в прессе с пропагандой шаманского мировоззрения. Шаманы пишут книги, принимают участие в съемках документальных фильмов о них, выезжают из мест своего постоянного проживания в разные города России, за рубеж и там занимаются шаманской практикой, что в классическом шаманизме категорически не приветствовалось. С возникновением ассоциаций и объединений шаманов они стали заниматься издательской и просветительской деятельностью. Новые задачи потребовали изменения и личности шаманов традиционных, и поколение шаманов, востребованное новой российской действительностью, обладает такими характеристиками.

Статья включает две части. В первой части даны общая характеристика темы и портреты трех шаманок — представителей «шаманской интеллигенции»: Надежды Степановой, Ешин-Хорло Цыбикжаповой и Веры Тагласовой. В их шаманском становлении прослеживаются классические черты: шаманская болезнь, наличие шаманского корня (даже в случаях межнационального брака родителей). Но новое поколение шаманок Бурятии объединяет наличие высшего гуманитарного образования, опыт работы в учреждениях образования и культуры, тесные связи с ученым миром, активная жизненная позиция, членство в шаманских ассоциациях и пропаганда шаманского мировоззрения.

Во второй части статьи дана характеристика места шаманов и шаманских объединений в новой России. Автор показывает, что возникновение шаманских объединений направлено на реализацию их практики в новых условиях, когда шаманы, организованные в сообщество, могут зарегистрировать свои священные места как особо охраняемые территории. С другой

стороны, задача организаций шаманов — стать заслоном на пути псевдошаманов, которых в последнее время тоже появилось немало. В этой части также дается характеристика проблем «шаманы и ученые» и «шаманы и экология». Обе части статьи, публикуемые последовательно в двух номерах журнала, сопровождаются полным списком литературы.

Ключевые слова: Бурятия, шаманизм, полевая работа, шаманы, новое поколение, шаманская интеллигенция, шаманские организации, Н. Степанова, Е.-Х. Цыбикжапова, В. Тагласова

До начала перестройки в России быть шаманом в этой стране было небезопасно. Советская власть с самого начала своего существования, т. е. с 1917 г., взяла курс на поголовный атеизм всего населения, священнослужители всех религий были объявлены мошенниками, обманщиками, а в некоторых случаях и преступниками, и борьба с ними велась всеми доступными средствами. Шаманизм считался даже не религией, а чем-то еще более худшим — пережитком едва ли не первобытно-общинного строя, поэтому на долю шаманов выпало значительное количество репрессий (тюрьмы, ссылки, лишение имущества, сжигание мест шаманского культа, преследование родственников и т. д.). И тем не менее, несмотря на явную опасность этой «профессии», шаманизм и шаманы продолжали сохраняться как форма подпольной культуры у всех народов Сибири, у которых он был частью их историко-культурной традиции.

Непросто приходилось и ученым, которые хотели эту традицию изучать. Для этнографов, антропологов, культурологов она была привлекательна тем, что пронизывала собою все стороны жизни изучаемых ими народов и обладала редкой способностью выживания и самосохранения, что стало особенно ясно после начала перестройки в 1985 г. Но до ее начала существовали два типа препятствий, которые приходилось преодолевать ученым. Первый исходил со стороны местных властей, утверждавших из опасения каких-либо неприятностей для себя, что никаких шаманов и шаманизма на подведомственной им территории не существует, хотя они знали, что это не так и им поименно были известны все местные шаманы. Вторым препятствием для ученых были сами шаманы: они не доверяли ученым, приезжавшим из больших научных центров, боялись доносов с их стороны и новых репрессий, которые могли бы за этим последовать и для них самих и для тех, кто обращался к ним за помощью. Ученым при-

ходило осторожно вести себя с местной властью и одновременно постепенно завоевывать доверие шаманов и членов их семей. Относится это и ко мне, так как еще в студенческие годы я начала ездить в экспедиции в Бурятию и изучать, что представлял из себя бурятский шаманизм вообще и в то время — в частности.

Нельзя сказать, что исследования по шаманизму в России не появлялись вообще, они, конечно, были, но посвящены они были шаманизму ушедших эпох. Таковы две работы Т. М. Михайлова [Михайлов 1980; Михайлов 1987], одного из лучших специалистов по бурятскому шаманизму, который, будучи сам представителем одного из шаманских родов иркутских бурят, многое из того, что описал в своих монографиях, знал из рассказов своих предков и тайно практикующих шаманов, а также активно использовал уже к тому времени опубликованные в трех томах материалы по шаманизму первого бурятского этнографа М. Н. Хангалова, умершего в 1918 г. [Хангалов 1958–1960].

Чтобы обезопасить себя от гнева партийного начальства, Т. М. Михайлов поставил на обложке своей книги такой заголовок — «Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен до XVIII в.)». Его книги были настоящими глубокими исследованиями, а вот когда по приказу того же начальства шаманизм следовало крепко покритиковать, он же писал брошюры такого типа: «Бурятское шаманство и его пережитки» [Михайлов 1962] — это уже соответствовало требованиям того времени, в котором он жил, и как бы становилось ясно, что никакого шаманизма уже нет, а есть только его пережитки.

С началом возрождения религии в перестроечное и, особенно, в постперестроечное время ни обобщающих работ, ни даже конкретных региональных исследований о судьбе шаманизма в советское время тоже не появилось. Все сразу стали писать имен-

но о процессах возрождения, что вполне объяснимо: это была живая жизнь, происходящая прямо на глазах, менявшаяся в каждый конкретный отрезок времени, и это для исследователей было гораздо более интересно. О разгроме шаманизма, репрессиях против шаманов упоминалось лишь в одном ряду с другими отрицательными явлениями времен советской власти. Но исследователи из стран Европы и США, имевшие возможность бывать в России и даже вести здесь полевые исследования, уделили внимание этому сюжету [Balzer 1999: 129–134; Humphrey 1998: 373–432; Fridman 2004: 139–150], в то время как российские ученые говорили об этом как бы мимоходом, лишь в порядке констатации факта.

Тем не менее у каждого исследователя шаманизма, будь то его классические формы или современный вариант, был собственный опыт общения с шаманами в советское время. Был он и у меня. Особенно удачным я его назвать не могу, ибо на нем отразился отблеск того времени, в какое это общение происходило. Но и оно позволяет сделать некоторые обобщения.

В 1959 г. студенткой кафедры этнографии Московского государственного университета я впервые приехала в Бурятию и начала здесь свою исследовательскую работу, которая продолжается по сию пору. Объектом моего исследования стал Тункинский район, где, как я знала, удачно переплелись шаманизм, буддизм и православие, и даже сохранился осколок языческих времен — культ гор. Я знала, что в районе есть несколько шаманов, осторожно искала возможность с ними встретиться, иногда это удавалось, но чаще они старались от этих встреч уклониться.

Весь шаманский набор обрядов в это сложное время переместился из дневного времени, что было правилом, в ночное, что считалось нарушением правил — шаманские духи более охотно откликались на призыв шамана прийти на помощь при свете дня и не любили это делать в темноте. Кроме того, при проведении обряда ночью в некотором отдалении от места действия выставляли охрану из молодежи, которая должна была с помощью условных знаков (свиста, крика птиц или животных) предупредить о появлении поблизости нежелательных лиц. Возможно, так было не везде, но ныне покойная жительница села Кы-

рен, Дарья Танхаева, в молодости жившая в Торской степи, говорила мне, что в возрасте 15–17 лет ее часто ставили в караул, когда шаманил ее дядя; сейчас ей смешно об этом вспоминать, но тогда она страшно боялась.

Таким образом, шаманская традиция в советское время продолжала сохраняться в тайной форме, шаманы редко популяризировали свою деятельность, их клиенты тоже хранили молчание, опасаясь и властей, и научных работников — исследователей религиозной ситуации на местах, и даже просто не в меру любопытных людей. Так сложилось впечатление, что советская власть сумела одолеть шаманизм и что он практически самоликвидировался примерно к 60-м гг. XX в. К счастью, это оказалось не так. Шаманская традиция пережила советскую власть и на волне общего возрождения традиционных культур и религий, начавшегося в России с конца 80-х гг., стала быстро набирать силу [Жуковская 2000: 157–158; Жуковская 2008; Zhukovskaya 2009).

Постсоветское время и пространство явило научному миру и миру вообще яркий всплеск возрождения самых разнообразных религий — от мировых (христианства, ислама, буддизма и их национальных форм) до узколокальных языческих культов, порою даже одного села или района, никому не известных. Промежуточное место между ними занимает шаманизм.

Возрождение шаманизма породило огромную волну научных исследований этого процесса, сопровождавшегося отнюдь не научными, часто полуграмотными публикациями в газетах и журналах, которые основательно запутали картину происходящих явлений. Анализ публикаций за эти годы позволил ученым прийти к выводу о неоднородности процессов, идущих в шаманском мире. Наиболее яркое из таких исследований — книга В. И. Харитоновой «Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий» [Харитонова 2006]. Понятие возрождение шаманизма включило в себя ряд явлений, существующих вполне самостоятельно, но объединенных термином шаманизм только потому, что он широко известен и понятен многим, кого интересует всякого рода эзотерика.

Действительно, восстанавливались традиционные места шаманского культа (священные горы, перевалы, рощи, родовые

захоронения и др.), разрушенные или преданные забвению в советское время, шаманы начали выполнять необходимые обряды, но в то же время шло создание ассоциаций, объединений, союзов шаманов внутри этнически относительно однородных регионов.

Возникновение шаманских ассоциаций — это явный отход от классического шаманизма былых времен, в которые ценилась индивидуальность, а вовсе не коллегиальность в подобных делах.

Вышедший из подполья, в котором он находился с 20-х по 80-е гг. XX в., шаманизм громко заявил о себе в самых разнообразных сферах. Шаманы стали уже не только совершать обряды, что от них требовалось всегда, они стали публично выступать в прессе с пропагандой шаманского мировоззрения, издавать свои книги [Ангараева 1996, 1997, 2002; Базаров 1999, 2000, 2009; Гомбоев 2010], охотно позволять снимать о себе документальное кино, выезжать из мест своего постоянного проживания в столичные города России, а затем и за рубеж — в Европу, Америку, азиатские страны — и там делать то, что в классическом шаманизме категорически не приветствовалось: на чужой территории вдали от своих духов-помощников (они же часто духи предков), оставшихся на родине шамана, проводить какие-либо шаманские действия, кого-либо лечить, а то и просто без повода демонстрировать свои экстрасенсорные способности и самим назначать за это какую-то плату.

В рамках возникших ассоциаций и объединений шаманы начали заниматься издательской и просветительской деятельностью, что, вообще-то говоря, уже никак с шаманизмом как видом религиозной деятельности не связано. Но зато связано с шаманизмом как видом знания — религиозного, мировоззренческого, практического, природного — все зависит от того, кто как воспринимает шаманизм. Сюда относятся несколько раз переизданные карты священных мест Бурятии и теперь уже ежегодно издаваемые календари с указанием дат, когда нужно проводить шаманские обряды почитания духов родовых и семейных предков там, где находятся места их почитания. Разумеется, с такими задачами шаманы традиционного образца справиться бы не смогли. Но зато эта задача оказалась под силу новому поколению шаманов, востребованному новой российской действительностью.

Появление шаманской интеллигенции

Появившееся в последние три десятилетия в Бурятии поколение шаманов — не всех, разумеется, но некоторых — можно назвать шаманской интеллигенцией. Понимая некоторую условность этого понятия, объясняю, что я имею в виду. Прежде всего, это молодая генерация шаманов — не по физическому возрасту (многим из них далеко за 40 лет и выше), а по призванности к выполнению шаманского долга в относительно недавнее время. Для этого поколения характерно наличие высшего светского образования, работа в различных светских учреждениях — вузах, школах, библиотеках, административном аппарате, что отлично совмещается с выполнением ими шаманских функций. Как оказалось, можно делать светскую карьеру, принадлежать к категории республиканской интеллигенции и в то же время быть шаманом и при этом не испытывать идеологического и производственного дискомфорта. В качестве особо интересного примера такого совмещения может служить биография умершего в 1996 г. Юрия Хараева, заслуженного деятеля культуры Республики Бурятия, почти четверть века проработавшего в Национальной библиотеке Республики Бурятия в качестве ее директора. Он же был известным шаманом, и его клиентуру составляли не только его сородичи, но и сотрудники аппарата Правительства Бурятии, высшая техническая и художественная интеллигенция республики. Бывшие клиенты и «коллеги» по шаманской профессии вспоминают его с большой теплотой и уважением. Несомненно, что он один из ярких представителей бурятской интеллигенции в целом и столь же яркий представитель шаманской интеллигенции, в частности. После его смерти главный печатный орган Правительства Бурятии, газета «Правда Бурятии», опубликовала некролог, в котором были перечислены все его светские заслуги и должности, и в одном ряду с ними упоминалось, что он был и шаманом тоже. Под некрологом стояли подписи самых высоких лиц республики. Это был первый случай публичного признания заслуг представителя интеллигенции в качестве шамана.

Особо теплые отношения в этот период сложились у меня с тремя бурятскими шаманками. С каждой из них я встречалась много раз за время экспедиционной работы

в Бурятии, которая продолжалась с 1991 по 2010 гг. Первая в этом списке — Надежда Степанова, родом из Кижингинского района, куда ее предки после землетрясения 1862 г. переселились из Кабанского района Бурятии. Ей около 70 лет. Ее знают не только в Бурятии, но и за ее пределами. Она — создательница и первый Президент Общества шаманов Бурятии. В 2000 г. Н. Степанова стала Президентом Общества центрально-азиатского шаманизма. Одновременно она — член Межрелигиозного Международного комитета при ЮНЕСКО. Как и многие современные шаманы, Н. Степанова имеет высшее образование. Окончила библиотечный факультет Института культуры в Улан-Удэ (ныне Восточно-Сибирский государственный институт культуры и искусства — ВСГИК). Некоторое время работала в школе. Уже став шаманкой, работала во ВСГИК, преподавала на кафедре этнологии и фольклора «Основы шаманской практики». О том, как осознала себя обладателем особого шаманского дара, рассказывает охотно. С детства она обладала способностью «видеть» (то, что не видят другие) и «слышать» (какие-то голоса, которые не слышат другие), хотя тогда не осознавала, что это какое-то особое свойство, думала, что все так умеют. Однако это понимала ее мать, знавшая шаманскую генеалогию их рода, и пыталась ее от этого избавить, ездила к шаманам. Тем удавалось ненадолго избавить ее от «голосов» и «видений», но через некоторое время они вновь возвращались. Ее судьба шаманки определилась уже в достаточно зрелом возрасте. Плохо себя чувствовала, ее одолевали голоса и видения, неожиданно без всяких видимых причин скоропостижно умер муж, начали болеть дети. Она по-прежнему не сдавалась и не желала брать на себя бремя шаманского служения. Все решилось в один момент, когда некий виртуальный голос возвестил ей, что на другой день ее насмерть собьет грузовик. В тот же день она приняла решение взвалить на себя этот груз. Ее учителем стал Борбоев Леонтий Абзаевич (шаман, имеющий 9 посвящений), от него она получила первое и последующие посвящения. Практически ей доступен весь (или почти весь) спектр шаманских обрядов. Обладает способностями телепатии, ясновидения, хилерства.

Н. Степановой принадлежит инициатива создания в 1993 г. Общества шама-

нов Бурятии «Хэсэ Хэнгэрэг» — дословно переводится 'Грохочущий бубен' (с 1999 г. оно называется «Бөө мүргэл» 'Шаманская вера'). В сложное перестроечное время, когда Республика Бурятия, как и большинство регионов России, бурлила политически и деградировала экономически, она предложила шаманам Бурятии провести серию тайлаганов в честь 5 главных божеств-покровителей бурятского народа (за несколько лет это было сделано), а потом стала активным пропагандистом и защитником (от ярых атеистов и чересчур активных буддистов) шаманского мировоззрения и практики. Резко выступает против неошаманов-шарлатанов. Однажды Н. Степанова попала в поле зрения итальянского кинодокументалиста К. Алеоне, снявшего о ней фильм, который произвел большое впечатление в Италии. Ее пригласили туда приехать. С тех пор она побывала во многих странах Европы, в США. В Италии и Франции она создала школы обучения шаманской практике. Лояльна ко всем религиям, не раз бывала делегатом международных съездов представителей разных конфессий. Участвует в научных конференциях, конгрессах в России и за рубежом, публикует статьи. О ней написана книга — точнее, она надиктовала рассказы о своей жизни, их перевели и издали в Италии [Stepanova 1998]. О ней пишут бурятские газеты, она охотно выступает по местному ТВ, участвует в разных презентациях, фестивалях, праздниках, где наряду с Хамбо-ламой Бурятии и Благочинным Забайкальского округа Читинской епархии благословляет участников очередного мероприятия. Как практикующая шаманка Н. Степанова активно откликается на просьбы всех нуждающихся в ее помощи, выезжает на обряды и в черте города, и в районы.

Всемирная академия Чингисхана, профессором которой Н. Степанова является, присвоила ей звание Дуурисха удаган ('Верховная шаманка'). Она член Координационного совета шаманов мира (Германия), выступает с лекциями в разных странах — Франции, Италии, Бразилии, проводит семинары по шаманской практике в Греции, Австрии, Перу.

Мне приходилось давать с Н. Степановой совместное интервью в защиту острова Ольхон — сакрального центра бурятского народа. Приходилось встречаться с нею и на конференциях, хотя наука — не главное

в ее деятельности, каждый раз это было по-своему интересно.

В июле 2000 г. в Улан-Удэ проходила международная конференция «Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии». Совместно с Т. М. Михайловым я вела секцию «Традиционная культура народов Южной Сибири». Это была мирная этнографическая секция, ничто не предвещало каких-то осложнений. Неожиданно после доклада хакасского шамана Валерия Топоева и демонстрации им способов лечения, используемых в практике хакасских целителей, с места буквально подскочил бурятский шаман Баиров, обозвал В. Топоева шарлатаном, заявил, что его лечение неправильное и вообще это «не лечение». Он предложил свои способы, пытаясь поднять кого-либо из сидящих в зале и продемонстрировать свои таланты на их примере. Над залом нависло некое серое облако страха, люди старались не смотреть друг на друга и на разъяренного Баирова в особенности. Ситуация была не из приятных. Я как ведущая заседание растерялась и не очень представляла, как можно урезонить разгневанного шамана.

Помощь пришла неожиданно в лице Н. Степановой, тихо сидевшей до этого в дальнем углу зала. Она попросила слова и за несколько минут сняла напряжение, сказав примерно следующее: шаманизм у народов Сибири, конечно, общее явление, имеет одни и те же истоки в древних обычаях, но все же у каждого народа он чем-то отличается, а потому и практика лечения и проведения обрядов разная, это не означает, что у кого-то она плохая, а у кого-то хорошая, просто она разная.

Все успокоились, лица у присутствующих посветлели, к тому же прозвенел звонок на обед, и все, оживленно переговариваясь и обсуждая случившееся, двинулись в столовую. Конечно, я оценила протянутую мне руку помощи и миротворческую акцию Н. Степановой. Периодически при наших встречах я вспоминаю этот эпизод, однако она оценивает его иначе: «Я никому не помогала, — говорит она, — я просто сказала, что есть на самом деле». С учетом достигнутого эффекта это особенно ценно.

На конференции в Тунке в 2004 г. мы снова оказались вместе. На сей раз в программе конференции был объявлен доклад Н. Степановой «О единстве природы шаманской силы (из опыта общения с шама-

нами разных народов мира)». Она говорила, в общем-то, о том же самом, что и четыре года назад, только расширив географические рамки своего выступления от Южной Сибири до масштабов всего остального мира, который сумела основательно объездить за последние 10 лет. Она познакомилась с шаманами многих стран, где шаманизм под иным названием и с иным обрядовым набором, но с той же функциональной ролью в системе культуры существует и поныне, нисколько не противореча ни политическим, ни идеологическим установкам этих стран. Н. Степанова говорила об этом легко, свободно, переходя с русского языка на бурятский и обратно, не пользуясь никакими записями, и чувствовалось, что выступления на трибуне уже стали такой же естественной гранью ее личности, как и профессиональные шаманские обязанности, которые по-прежнему остаются основным делом ее жизни.

Вторая представительница шаманского мира Бурятии, с которой я с большим удовольствием встретилась в Тунке, это Цыбикжапова Ешин-Хорло. Я познакомилась с нею в 1998 г. в Москве, куда она приехала в командировку по делам БИПКРО (Бурятского института повышения квалификации работников образования), где она в тот момент работала, и одновременно по приглашению одной семьи, живущей в Москве, где был тяжелый больной, которому она взялась оказать помощь. За эффективность ее лечебной деятельности в тот период наблюдала корреспондент газеты «Российская медицина», врач по основной специальности Г. П. Князева, которая впоследствии опубликовала о Е.-Х. Цыбикжаповой в этой газете большой материал.

Когда мы познакомились с Ешин-Хорло поближе, она рассказала о себе следующее. Родилась в 1952 г. в Кижингинском районе Бурятии, в ее семье шаманский дар «разделился» между тремя родными сестрами, у каждой из которых он проявил себя по-своему: одна из сестер владеет даром мануальной терапии, вторая лечит энергетикой своего биополя, сама Ешин-Хорло обладает даром пения, имеющего терапевтический характер. Дар этот пробудился в ней в конце 1980-х годов. В 1987 г. она получила первое посвящение. Как многие современные шаманы, она имеет высшее образование: окончила педагогический факультет Института культуры (ВСГАКИ). Работала лекто-

ром району, затем сотрудником БИПКРО. С 1999 г. она — практикующая шаманка.

В 2000 г. ей предложили работу в школе-интернате для детей с психическими отклонениями в Новосибирске. Она приняла это предложение, но через пару лет открыла собственные курсы по самоусовершенствованию физической и психической природы человеческой личности — именно так она определила характер своей нынешней деятельности. Основными ее клиентами были молодые и средних лет женщины, которым необходимо восстановить веру в свои силы и возможности. Цикл психофизических упражнений для них она разработала сама. Выполняя эти упражнения, человек должен избавиться от находящихся в нем «отрицательных сущностей» (их много, и они по-разному выглядят) и добиться того, чтобы им на смену пришли «положительные сущности». Тогда внутренняя природа человека очищается, он освобождается от всего ему ненужного, его лицо и тело разглаживаются, душа успокаивается, он молодеет, а главное — становится свободным. Именно в этом основная цель ее методики.

Лучшая реклама этой методики — сама Ешин-Хорло. Ей уже больше 60 лет, а выглядит она на 35. Эти изменения произошли с ней уже после того, как мы познакомились в 1998 г. Все свои методики она отшлифовала на самой себе и теперь говорит о себе: «Я свободна, мне все доступно, я все могу, мне никто не нужен, я ни от кого не завишу; я хочу помочь всем, кто желает достичь этого состояния». Так она рассказывала мне о своей нынешней деятельности, пока мы общались во время конференции.

Любопытно добавить следующее: если в момент первого знакомства она представилась как шаманка, то сейчас это слово по отношению к себе не употребляет, считает, что теперь оно не соответствует ее сущности. «Ну, а какое соответствует?» — спрашиваю я. Некоторое время она размышляет, потом говорит: «Психолог». Это для нее уже более высокая степень оценки собственной личности. Тем более, что она окончила заочное отделение психологического факультета Новосибирского университета.

Однако для меня главным ее талантом остается тот, которым она удивила меня в год первого знакомства — это дар терапевтического пения. Ешин-Хорло каждого человека воспринимает в виде мелодии, часто сопровождающейся словами несуществу-

ющего языка; фонетически он напоминает один из реальных языков (монгольский, японский, русский, итальянский); мелодия же соотносима с определенной культурой. Почему конкретного человека она «пропевает» в виде той или иной мелодии, она объяснить не может, говорит лишь, что эта мелодия приходит сама. Что за слова она произносит — тоже не объясняет: она их содержание не понимает, они тоже приходят извне. В ходе такого пения происходит лечение человека. При необходимости через некоторое время сеанс пения повторяется, в некоторых случаях, наверное, не раз. Любопытно, что хотя тип мелодии, связанный с конкретным человеком, сохраняется при повторном сеансе, сама мелодия все-таки имеет отличия. Ешин-Хорло объясняет это тем, что в человеке постоянно происходят какие-то изменения и сегодня он не такой, как вчера, а завтра будет не таким, как сегодня.

Перед началом сеанса пения Ешин-Хорло интересуется некоторым набором данных о человеке (национальность, место рождения, возраст), но более всего — его вероисповеданием. По ее словам, ей неважно, является ли ее клиент буддистом, мусульманином, христианином или кем-либо еще; ей важно знать, в какой культурной традиции он вырос, какие боги или духи являются его покровителями. Они становятся ее духами-помощниками, к ним она обращается за помощью, когда начинает петь (=лечить) человека. По окончании сеанса она в изнеможении опускается на стул, с ее лица струится пот. Она долго приходит в себя — форма выхода из состояния транса. Ешин-Хорло может петь (=лечить) клиента в его отсутствие, пользуясь услугами медиатора (человека, близкого заболевшему).

Самым интересным и загадочным в подобном сеансе лечения, как мне кажется, является тип мелодии: почему она именно такая, а не другая. Впрочем, иногда оказывалось, что объяснение найти можно с помощью самого клиента (=больного). Однажды Ешин-Хорло пришлось лечить от пневмонии человека, которого она никогда не видела, ничего о нем не знала, и имени его тоже. Сеанс лечения проходил в квартире заболевшего, который в это время лежал в больнице; в качестве посредника между отсутствующим больным и Ешин-Хорло выступала жена больного. Получив от жены необходимую ей информацию о больном

(национальность — армянин, вероисповедание — армянская апостольская церковь, и весьма условное описание того, как выглядит храм приверженцев этой религии, в котором больного крестили), она «запела» отнюдь не армянскую, а очень легко опознаваемую итальянскую мелодию со словами, очень похожими на итальянские. Как выяснилось впоследствии, прабабка клиента была итальянкой, а, значит, в нем имелась «осьмушка» (1/8) итальянской крови. Именно она с точки зрения того «виртуального терапевта», который через душу, тело и голос Ешин-Хорло выступает в качестве лечащего начала, стала отправной точкой сеанса лечения.

В мою личную жизнь Ешин-Хорло внесла один пикантный момент. Несколько раз по разным поводам (лечебным и просто так) она «пела» меня и каждый раз немного по-разному, но всякий раз это была протяжная монгольская песня (уртын дуу — ‘протяжная песня’, особый лирический песенный жанр), я не раз слышала такие песни в Монголии. Слов, как всегда, было не разобрать, но ни малейшего сомнения, что это именно уртын дуу, у меня не было. Не скрою, приятно было сознавать, что тебя воспринимают в виде такой красивой мелодии, но все же это вызывало недоумение: почему меня, русскую женщину, Ешин-Хорло воспринимает в виде монгольской протяжной песни. Я задала ей этот вопрос. С некоторым недоумением она ответила: «Но Вы же в прошлом перерождении были монголкой!» Этот ответ мгновенно разъяснил все «неприятности» моей жизни. До этого я никогда коротко и ясно не могла объяснить, почему посвятила свою жизнь изучению культуры монгольского кочевого мира. И вот теперь у меня есть короткий и ясный ответ на этот вопрос.

Завершая портрет Ешин-Хорло, добавлю еще некоторые дополнительные детали: она общительна, активна, любит в меру выпить; если «поет» при исполнении шаманских обязанностей, голос потрясающий, диапазон и сила огромные (низкий, высокий, глубокий — все зависит от музыкального портрета клиента). Когда поет просто так, во время дружеского застолья, нет ни голоса, ни слуха. «Подмосковные вечера», которые она пела однажды в обычной компании у меня в квартире, невозможно было слушать. Впрочем, допускаю, что это была «игра», желание показать «а вот я и так

могу». Когда-то Ешин-Хорло была замужем (муж умер более 30 лет назад), есть две дочери и сын, у каждого из них своя семья, свои сложности, своя жизнь. Она старается в их дела не вмешиваться, но если попросят о помощи, то помогает. Склонность к философскому осмыслению природы, человека, культуры вызвала потребность как-то самовыразиться и написать книгу. И написала, назвав ее «Космическая эволюция в героическом эпосе «Гэсэр» [Цыбикжапова 1998].

На конференции в Тунке Ешин-Хорло не выступала ни с докладами, ни с сообщениями, ни с какими-либо комментариями по поводу того, что говорили ученые. Она нашла себе другое занятие. На конференцию съехались шаманы разных районов, многие прежде не знали друг друга. Начались знакомства, взаимное «прощупывание» возможностей каждого, образовались своего рода биоэнергетические тандемы по оказанию услуг как участникам конференции, так и местным жителям, которые быстро среагировали на появление у них в районе столь значительного контингента лечащих шаманов. В одном таком деле мне пришлось выступить не только посредником, но и инициатором.

Моя давняя подруга Людмила Шубина, заслуженный учитель Республики Бурятия, жившая в пос. Кырен, давно жаловалась на алкогольное увлечение сына, которое сделало жизнь его семьи (у него жена и дочь) и жизнь родителей совершенно невыносимой. Я спросила Ешин-Хорло, не возьмется ли она помочь. Ешин-Хорло ответила: при одном условии — сын сам должен этого желать и добровольно согласиться на обряд. Но именно этого добиться не удалось: сын, русский по национальности, атеист по убеждениям, наотрез отказался совершать над собой какой-либо шаманский обряд, тем более, что считал себя не алкоголиком, а просто ежедневно выпивающим по причине разного рода тягот в жизни. Ешин-Хорло заявила, что ничего не получится. Но некоторое время спустя она посоветовалась с Туяной Дашиевой (ясновидящая из пос. Петровский Читинской области, тоже участница нашей конференции), с которой у нее сложился тот самый биоэнергетический тандем, и они решили провести обряд сообща в отсутствие упрямого сына. Проводили его на улице, на мосту через реку Кыренка, не обращая внимания на любопытствующих прохожих. Ешин-Хорло «пела», стоя

лицом к лицу с Людмилой, и ее пение было боле всего похоже на рев раненого зверя, а ясновидящая Туяна стояла, прижавшись к спине Людмилы, объясняя свою позу тем, что так она лучше «видит» результаты проводимого обряда. По окончании они сказали, что положительного исхода не гарантируют, так как душа сына окружена прочной броней нежелания менять что-либо в своей жизни, нужен прямой контакт с ним. Но есть один момент, который может изменить ситуацию — это сердце матери; только через него возможны какие-то сдвиги в сознании детей. Этот канал начнет действовать только тогда, когда сын трижды прикоснется к сердцу матери.

В тот же вечер сын (он живет отдельно) зашел в гости к матери. Он был трезвым, что в последние годы случалось редко. «Сыночек, — попросила Людмила, — положи мне руку вот сюда», и она указала на сердце. Сначала такое предложение вызвало у него явное отторжение, но увидев умоляющий взгляд матери, он подошел к ней, она обняла его, и первый контакт его руки с сердцем матери состоялся. Однако, увидев повеселевшее лицо матери, сын что-то заподозрил и сразу же отошел.

Вечером мы обсуждали с Людмилой, как «спровоцировать» сына сделать то же самое еще дважды. Второй раз он на ту же приманку уже не клюнет. Так ничего и не придумали. Через 3 дня я вернулась из Кырена в Улан-Удэ, а еще через 10 дней я уже была в Москве. Из Москвы позвонила узнать, как дела у сына. Услышала, что уже две недели не пьет и никто вокруг не может поверить в такое счастье. А позвонив через 3 месяца, узнала, что пьет по-прежнему, и его жена, забрав дочку, в очередной раз ушла к родителям. Может быть, два других прикосновения к сердцу матери так и не состоялись, но, скорее всего, надо очень захотеть самому избавиться от своего недуга, приносящего несчастье близким. Тогда не столько шаман тебе поможет, сколько ты сам поможешь себе. Кстати, кодирование точек мозга, регулирующих потребление алкоголя, не такая уж трудная для шамана задача. Вот только редко кто обращается к ним с такой просьбой.

Третья шаманка из числа моих старых знакомых, приехавших на конференцию, это Тагласова Вера. Она не была участницей конференции: докладов не делала, в обрядах не участвовала и вообще приехала как

частное лицо. На конференцию ее никто не пригласил, хотя в феврале 2004 г. она стала председателем Общества шаманов Бурятии «Бөө мүргэл», сменив на этом посту Н. Степанову. Вера была обижена таким невниманием к ней, хотя, скорее всего, в этом не было злого умысла: обычная организационная неразбериха, неясность, кто за что отвечает и кто кого приглашает. И так как «Бөө мүргэл» входила в число организаторов конференции, то, в конце концов, В. Тагласова как ее председатель пригласила себя сама, сама приехала и поселилась у собственной дочери, которая уже год жила в Кырене. Она знакомилась с местными и приезжими шаманами, ей как председателю Общества это было важно. Так получилось, что с Ешин-Хорло ее познакомила я, и они очень понравились друг другу. Мне это тоже было приятно.

Биография Тагласовой очень интересная: в чем-то типичная для становления шамана, в чем-то весьма нестандартная. Родилась в 1959 г. в Иркутской области. Мать — русская, отец — бурят из рода хогой, входящего в состав булагатов. Имеет шаманских предков по линии отца. Отец ушел от матери, когда Вере было всего 3 года; она росла в русской семье и совершенно не знала бурятского языка. Бабушка по линии матери была народной целительницей и часто говорила Вере, когда та еще была девочкой: смотри, как я лечу, какие травы использую, запоминай, какие заговоры я произношу. Та отнекивалась, говорила, что если заболит, то врачи вылечат; теперь, став шаманкой-врачевательницей, очень об этом жалеет. В 18 лет вышла замуж, родила дочь. В 20–21 год у нее началась шаманская болезнь, хотя ни она, ни ее окружение этого не понимали. Болезнь была непонятная: ничто не болело, но она теряла силы, вскоре уже не могла ходить. В таком состоянии пробыла 6 лет, муж от нее ушел, жила со своей матерью. Откровение о том, что она избранница духов, пришло от двух стариков бурят, увидевших одновременно практически одинаковый сон на эту тему и сообщивших об этом ее матери. Та им сначала не поверила, но так как Вере стало совсем плохо, смирилась и отвезла дочь к родственникам отца. Там ее уже ждали. Становление ее как шаманки стало происходить довольно быстро. Сама собой прошла болезнь. Бурятский язык она быстро выучила на бытовом уровне, а в момент первого посвящения обрела са-

кральный язык общения с духами. Обладает сильным даром ясновидения; как целительница особенно сильна в женских и детских болезнях, патологиях беременности и родов. Прошла 3 посвящения. Сама выбирает дерево и животное, из кожи которого ей после очередного посвящения делают новый бубен.

Живет постоянно в Улан-Удэ, часто выезжает на обряды в район, особенно в Иркутскую область, откуда она родом. Пациентов принимает не в своей городской квартире, а в специально купленной для этих целей квартире в пригороде. Считает своей нормой работы с клиентами — 6–7 человек в день, предпочитает первую половину дня. Для проведения обряда просит приносить с собой чай, молоко, печенье, конфеты. Водку не использует. Вторично замужем, от первого брака имеет дочь.

В. Тагласова в 1996 г. окончила тот же самый вуз, что и Н. Степанова, и Е.-Х. Цыбикжапова — Восточно-Сибирскую государственную академию культуры и искусств в Улан-Удэ, специализировалась при кафедре этнологии и фольклора. Писала дипломную работу о шаманизме на основе архивных материалов, хранящихся в Отделе письменных памятников Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ныне Центр восточных рукописей и ксилографов — ЦВРК ИМБиТ СО РАН). Учившиеся с ней в одной группе Б. Гомбоев и С. Болхосоев стали учеными-шамановедами, оба уже защитили кандидатские диссертации, она поддерживает с ними личные контакты, они обращаются к ней как к шаманке за помощью в разных критических ситуациях в своей жизни (поступление в аспирантуру, защита диссертации и т. п.).

С Верой Тагласовой связано одно важное событие в моей жизни. Подходила к концу моя очередная «рабочая» встреча с нею, в которой я выступала не клиентом, а ученым, задававшим ей разные вопросы про ее шаманскую деятельность, а она отвечала на них как обычный информатор, ничего мне специально не демонстрируя. Когда наш разговор подошел к концу, и я собралась уходить, она внезапно сказала следующее: «Вас пригласят в далекую восточную страну, пригласит очень высокое лицо, вас будет смущать это приглашение, но не отказывайтесь, вы получите такое удовольствие, которое останется с вами на всю жизнь». Это предсказание было сдела-

но в августе 2000 г., и я, честно говоря, не очень ему поверила, так как не поняла, кто и куда должен меня пригласить. А через четыре месяца, накануне наступления Нового 2001 года, мне позвонил глава буддистов Бурятии Пандито-Хамбо-лама Дамба Аюшеев и предложил мне войти в состав делегации бурятских буддистов, которая по приглашению Далай-ламы XIV поедет в его резиденцию г. Дхарамсалу (Индия, штат Химачал Прадеш) для того, чтобы ему, в свою очередь, вручить приглашение приехать к его последователям в Бурятию с целью освятить новые построенные буддийские храмы, дать учение и посвящение в буддисты всем желающим его принять.

Конечно, я согласилась, немало удивившись тому, как быстро и точно исполнилось предсказание Веры. Далекая восточная страна — это Индия, высокое пригласившее меня лицо — это Далай-лама XIV. Немного смутил меня состав делегации — 10 буддийских монахов и я, единственная женщина среди них и вовсе не монахиня, но так как монахи относились ко мне как к ученой даме весьма почтительно, то смущение я быстро преодолела. И, конечно, вся эта поездка — прием у Далай-ламы, его неподдельный интерес ко всем нам и ко мне, в частности, как единственной женщине в нашей группе, к тому же представительнице мира науки — конечно, это все останется со мною и во мне на всю жизнь.

Хотелось бы сказать несколько слов о трех монгольских шаманках, которые приехали на тункинскую конференцию из Монголии отнюдь не для зачитывания или прослушивания докладов, а для участия в одном единственном обряде, жертвоприношении духу-хозяину Байкала. Их звали Сувд, Загдаа и Мөнхө. Они привезли с собой полную шаманскую экипировку: шаманский костюм, головной убор, сапоги и огромные роскошные бубны. Всех участников конференции в последний день привезли на мыс Шаманский, что на южном берегу Байкала, и каждая из них по очереди совершила свой собственный обряд в честь Байкала, сопровождая его попутно очищением и лечением тех, кто в этом нуждался, и умиротворением всех окрестных духов. Сделать коллективный обряд, как планировалось ранее, не удалось, так как вершина холма, на котором все происходило, не позволяла по своим размерам «работать» одновременно более чем одному шаману, особенно когда у того начиналась заключительная фаза камлания.

Все было бы прекрасно, если бы не туристы. Накануне по всем турбазам южного и юго-западного побережья Байкала было объявлено о том, что состоится шаманский обряд, и скучающие российские и иностранные (корейские, китайские и западноевропейские) туристы, вооруженные до зубов всякой фото- и киноаппаратурой, облепили мыс Шаманский и, несмотря на все запреты, норовили влезть в тот самый узкий круг, где бились в экстазе шаманки, и обязательно сфотографироваться рядом с ними и даже прикоснуться к ним. Все попытки урезонить их успеха не имели, так как у туристов своя ментальность, голосу разума и сакральным предостережениям не подвластная. Длилось все это около 5 часов. Именно о таком привлечении туристов и о таком использовании шаманов для поднятия своих доходов мечтает администрация национального парка «Тункинский». И у них уже в этом есть помощники — журнал «Открытый Мир Asia», полностью ориентированный на туристов в Байкальском регионе, Центр путешествий и приключений «В мире фантазий», разместившийся на курорте Аршан в Тункинской долине и неплохо эксплуатирующий шаманскую тематику.

Увы! Шаманизм в наши дни все более становится частью шоу-бизнеса, особенно в регионах развивающегося туризма. Сами шаманы относятся к этому по-разному: одни не замечают этого и делают то, что считают своим долгом, другие все видят и стараются уклониться от ненужной публичности и показухи, третьи считают, что это нормально, что шаман вполне может развлекать туристов, тем более, что это хорошо оплачивается, а кому не нужны деньги в нашей весьма непростой жизни. К сожалению, последняя категория растет очень быстро, пополняя свои ряды не только за счет псевдошаманов, чующих легкую наживу, но и настоящих шаманов. Последние не очень ориентируются в тенденциях нынешнего времени и могут попасть в ловушку, которую оно расставляет хранителям национальных традиций.

Таким образом, шаманская интеллигенция — новое явление, порожденное новой Россией и ее социальными реформами.

Во второй части статьи, планирующейся к публикации в следующем номере журнала, будут рассмотрены другие вопросы, связанные с положением шаманов и шаманок Бурятии в новой России.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Ангараева 1996 — *Ангараева Н. В.* Время огня. Улан-Удэ: [б.и.], 1996. 24 с. [Angaraeva N. V. *Vremya ognya* [Time of Fire]. Ulan-Ude, 1996. 24 p. (In Rus.)]
- Ангараева 1997 — *Ангараева Н. В.* Веточка вербы с бубенцами. Улан-Удэ: [б.и.], 1997. 35 с. [Angaraeva N. V. *Vetochka verby s bubentsami* [A Willow Twig with Small Bells]. Ulan-Ude, 1997. 35 p. (In Rus.)]
- Ангараева 2002 — *Ангараева Н. В.* (Наёхан). Красота бескорыстной любви. Улан-Удэ: АОА Респ. тип. РБ, 2002. 95 с. [Angaraeva N. V. (Naekhan). *Krasota beskorystnoy lyubvi* [The Beauty of Unconditional Love]. Ulan-Ude: Buryatia Republ. Press, 2002. 95 p. (In Rus.)]
- Базаров 1999 — *Базаров Б. Д.* Таинства и практика шаманизма. Кн. 1. Улан-Удэ: Буряад унэн, 1999. 236 с. [Bazarov B. D. *Tainstva i praktika shamanizma* [Mysteries and practices of shamanism]. Book 1. Ulan-Ude: Buryaad Unen, 1999. 236 p. (In Rus.)]
- Базаров 2000 — *Базаров Б. Д.* Таинства и практика шаманизма. Кн. 2. Улан-Удэ: Буряад унэн, 2000. 202 с. [Bazarov B. D. *Tainstva i praktika shamanizma* [Mysteries and practices of shamanism]. Book 2. Ulan-Ude: Buryaad Unen, 2000. 202 p. (In Rus.)]
- Базаров 2009 — *Базаров Б. Д.* Таинства и практика шаманизма. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. 208 с. [Bazarov B. D. *Tainstva i praktika shamanizma* [Mysteries and practices of shamanism]. Ulan-Ude: Buryat State Univ., 2009. 208 p. (In Rus.)]
- Гомбоев 2010 — *Гомбоев С. Ж.* Под Вечным Синим Небом. Святая неугасимая вера. Шаманизм. Улан-Удэ: Тип. НовоПринт, 2010. 334 с. [Gomboev S. Zh. *Pod Vechnym Sinim Nebom. Svyataya neugasimaya vera. Shamanizm* [Under the Eternal Blue Sky. Shamanism: a holy never-to-fade faith]. Ulan-Ude: NovoPrint, 2010. 334 p. (In Rus.)]
- Жуковская 2008 — *Жуковская Н. Л.* Буддизм и шаманизм как факторы формирования бурятского менталитета // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Вост. лит., 2008. С. 9–36. [Zhukovskaya N. L. Buddhism and shamanism as factors to delineate the Buryat mentality. *Religiya v istorii i kul'ture mongoloyazychnykh narodov Rossii* [Mongolic peoples of Russia: religion in their history and culture]. Moscow: Vost. Lit., 2008. Pp. 9–36. (In Rus.)]
- Жуковская 2000 — *Жуковская Н. Л.* Мир традиционной монгольской культуры. Серия:

- Российские труды по востоковедению. Т. 11. The Edwin Mellen Press. Lewiston-Queenston-Lampeter, 2000. 310 с. [Zhukovskaya N. L. *Mir traditsionnoy mongol'skoy kul'tury* [The world of traditional Mongolian culture]. Series 'Studies of Russian Orientalists'. Vol. 11. New York: The Edwin Mellen Press, 2000. 310 p. (In Rus.)]
- Михайлов 1962 — Михайлов Т. М. Бурятское шаманство и его пережитки. Иркутск[б.и.], 1962. 34 с. [Mikhailov T. M. *Buryatskoe shamanstvo i ego perezhitki* [Buryat shamanism and its vestiges]. Irkutsk, 1962. 34 p. (In Rus.)]
- Михайлов 1980 — Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древних времен до XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с. [Mikhailov T. M. *Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevnikh vremen do XVIII v.)* [Excerpts from the history of Buryat shamanism: from the earliest times to the 18th century]. Novosibirsk: Nauka, 1980. 320 p. (In Rus.)]
- Михайлов 1987 — Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 289 с. [Mikhailov T. M. *Buryatskiy shamanizm: istoriya, struktura i sotsial'nye funktsii* [Buryat shamanism: history, structure, and social functions]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 289 p. (In Rus.)]
- Хангалов 1958 — Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. I. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1958. 551 с. [Khangelov M. N. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 1. Ulan-Ude: Bur. Book Publ., 1958. 551 p. (In Rus.)]
- Хангалов 1959 — Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. II. Улан-Удэ: Бур. Книжное изд-во, 1959. 444 с. [Khangelov M. N. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 2. Ulan-Ude: Bur. Book Publ., 1959. 444 p. (In Rus.)]
- Хангалов 1960 — Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. III. Улан-Удэ: Бур. Книжное изд-во, 1960. 421 с. [Khangelov M. N. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 3. Ulan-Ude: Bur. Book Publ., 1960. 421 p. (In Rus.)]
- Харитонов В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006. 372 с. [Kharitonova V. I. *Feniks iz pepla? Sibirskiy shamanizm na rubezhe tysyacheletiy* [A Phoenix from ashes? Siberian shamanism at the turn of Millennium]. Moscow: Nauka, 2006. 372 p. (In Rus.)]
- Цыбикжапова 1998 — Цыбикжапова Е.-Х. Космическая эволюция в героическом эпосе «Гэсэр». Улан-Удэ, 1998. 98 с. [Tsybikzhapova E.-Kh. *Kosmicheskaya evolyutsiya v geroidcheskom epose «Geser»* [Cosmic evolution as depicted in the Epic of Gesar]. Ulan-Ude, 1998. 98 p. (In Rus.)]
- Balzer 1999 — Balzer, M. M. Shamans in All Guises: Exploring Cultural Repression and Resilience in Siberia. *Curare: Zeitschrift für Ethnomedizin*. Vol. 22. No. 2. 1999. Pp. 129–134. (In Eng.)
- Fridman 2004 — Fridman, Neumann E. J. Sacred Geography: Shamanism among the Buddhist Peoples of Russia. *Bibliotheca Shamanistica*. Vol. 12. Budapest: Akadémiai Kiado, 2004. 324 p. (In Eng.)
- Humphrey 1998 — Humphrey, C. Marx Went Away — But Karl Stayed Behind. Update edition of Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998. 599 p. (In Eng.)
- Stepanova 1998 — Nadia Stepanova. *L'Invocatrice degli Dei. Storie di vita di una Sciamana Buriata. Raccontata C. D'Arista* [The God whisperer. Life story of a Buryat shaman. Narrated by C. D'Arista]. Milano, 1998. 193 p. (In Ital.)
- Zhukovskaya 2009 — Zhukovskaya N. Heritage versus Big Business: Lessons from the YUKOS Affair. *Inner Asia*. Vol. 11. No. 1. 2009. Pp. 157–167. (In Eng.)

Male and Female Shamans of Buryatia: Their Mystical Experiences and the Author's Field Research. Part One

*Natalia L. Zhukovskaya*¹

¹Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Head of Center for Asian and Pacific Studies, Mikloukhomaclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (32a, Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-5415-9875. E-mail: n-zhuk@yandex.ru

Abstract

Goals: Proceeding from multi-year field research data, the paper attempts to review some trends in the development of Buryatia's contemporary shamanism.

Methods: The work applies historical-comparative and comparative-contrastive research methods; a variety of field ethnographic research methods were used to collect corresponding analytical materials.

Results: The study provides an overview of current shamanistic practices in Buryatia. It is noteworthy that the new generation of shamans are university-educated individuals with experience in different specialities. Thus, the 'shamanistic intelligentsia' has taken shape. Their practices include not only traditional rites but also public conversations in the media aimed to facilitate the promotion of shamanistic beliefs and world outlooks. They write books, appear in documentary films, leave their ancestral lands for different Russian and foreign cities to perform their practices there — which has been frowned upon in classical shamanism. The emergence of associations and alliances of shamans have resulted in that nowadays they engage in publishing and teaching (educational) activities. The new challenges required that personalities of traditional shamans change accordingly, and the new generation of in-demand shamans do possess such personal qualities.

The article comprises two parts. Part One generally characterizes the topic and depicts portrayals of three female shamans — representatives of the mentioned 'shamanistic intelligentsia', namely: Nadezhda Stepanova, Yeshir-Khorlo Tsybikzhapova, and Vera Taglasova. Their shamanistic evolutions are traditional enough and have included certain stages, such as shamanistic illness and shamanistic roots (even in cases of mixed parentage). At the same time, all the mentioned present-day female shamans of Buryatia have university degrees (in the humanities and culture), maintain close relations with academic circles, stay at the forefront of public life, being activists of shamanistic associations and regularly promoting corresponding beliefs and representations.

Part Two examines places of shamans and their associations in the new Russia. The paper shows that the newly emerged shamanistic organizations seek to keep performing their practices in changing environments when, acting as an official, shamans can register their sacred places as specially protected territories. On the other hand, another challenge of theirs is to protect the public from pseudo-shamans that have significantly increased in numbers recently. This part also contains sections to deal with the issues, such as 'shamans and scientists', 'shamans and ecology'. Both the parts of the article to be published in two consecutive issues of the journal shall be supplemented with complete references.

Keywords: Buryatia, shamanism, field research, shamans, new generation, shamanistic intelligentsia, shamanistic organizations, N. Stepanova, Ye.-Kh. Tsybikzhapova, V. Taglasova

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences



Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 39, Is. 5, pp. 110–119, 2018
DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-110-119
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 81.373.423

К изучению омонимии калмыцкого языка и проблеме составления словаря омонимов

Вячеслав Николаевич Хонинов¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языкознания РАН (125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер. д. 1, стр. 1). ORCID: 0000-0001-8461-6213. E-mail: altngasn@rambler.ru

Аннотация

В работе дается краткий обзор истории изучения омонимов калмыцкого языка, определяются критерии разграничения омонимов и многозначных слов, описываются лексико-семантические связи между различными вариантами одного или разных слов, а также рассматривается грамматическая и словообразовательная омонимия. Базой для исследования послужил материал, собранный сплошной выборкой омонимов из калмыцко-русского словаря под редакцией Б. Д. Муниева и картотеки, составленной путем выборки фактического материала из произведений художественной литературы, устного народного творчества и периодической печати. В работе проведен качественный и количественный анализ пар лексем современного калмыцкого языка с разнообразными омонимичными связями, что позволило выявить типы и виды омонимии. Проведенный нами анализ показал, что в калмыцком языке омонимы образуются в результате разнообразных преобразований лексем. Возникают группы лексем с омонимичной формой, внутрисловные и межсловные связи которых поддаются разграничению лишь в языковом контексте. Данная работа является попыткой комплексного анализа способов формирования омонимов калмыцкого литературного языка, в которой приводятся сведения о типах и видах омонимов, затрагивается вопрос о создании «Словаря омонимов калмыцкого языка», рассматриваются проблемы и перспективы изучения омонимии калмыцкого литературного языка.

Ключевые слова: калмыцкий язык, лексика, омонимы, лексические омонимы, этимологические омонимы, семантическое значение, полисемия, омоформы

Вопросы омонимии в связи с разработкой проблемы слова и его границ всегда привлекают к себе внимание ученых-языковедов. Актуальность исследования объясняется тем, что в калмыцком языкознании до сих пор остаются малоизученными многие проблемы лексикологии. Одна из них относится к омонимам. Настоящая статья посвящена комплексному анализу явления омонимии в современном калмыцком языке. Некоторые аспекты изучения явления омонимии были освещены в работах ряда авторов [Бардаев 1981; 1985; Бертагаев 1974; Виноградов 1977; Дарваев 2002; Колесников 1995; Логачева 2008; Малаховский 1990; Павлов 1969; и др.]. В этих исследованиях, в частности, дается определение омонимов, раскрываются в общих чертах способы их возникновения, критерии разграничения омонимии и многозначности, приводятся сведения о типах и видах омонимов, о роли омонимов в калмыцком языке.

Так, Э. Ч. Бардаев, описывая лексический состав калмыцкого литературного языка, различает три типа омонимов: лексические омонимы, грамматические омонимы и фонетические омонимы. К первой группе омонимов он относит собственно омонимы, примеры: *хурһн* 'палец' — *хурһн* 'ягненок', *үсн* 'молоко' — *үсн* 'волосы', *ач* 'заслуга' — *ач* 'внук'. Ученый также отмечает, что встречаются омонимичные ряды из трех и более единиц, например: *цар* 'вол' — *цар* 'парша' — *цар* 'жернов', *үлгүр* 'поговорки' — *үлгүр* 'пример' — *үлгүр* 'выкройка', *ки* 'газ' — *ки* 'гриб' — *ки* 'мимо'. К грамматическим омонимам автор относит омоформы и приводит следующие примеры: *һар* 'рука' (сущ.) — *һар* 'выйди' (глагол повел. накл.), *ке* 'нарядный' (прил.) — *ке* 'делай' (глагол), *улм* 'болото' (сущ.) — *улм* 'еще пуще' (нар.), *чи* 'ты' (мест.) — *чи* 'вишня' (сущ.).

Фонетическими омонимами ученый называет омофоны, при которых слова произносятся одинаково, но различны на письме, например, *ең* 'каприза' — *еңг* 'ковш', *сөң* 'тост' — *сөңг* 'один из пары' [Бардаев 1981: 8].

Отдельные замечания об омонимах встречаются в работе «Современная монгольская терминология» крупного монголиста Г. Ц. Пюрбеева. Он отмечает, что не все способы образования омонимов, известные в лексике, действуют в терминологии монгольского языка. Словообразовательная

омонимия широко используется в терминологии, и притом «один и тот же термин может входить в разные терминологии данного языка»: үе: 1) анат. 'сустав', 2) этн. — 'поколение', 3) лингв. — 'слог', 4) ист. и геол. — 'эпоха' [Пюрбеев 1984: 10]. Распад полисемантического слова также является одним из способов образования терминов-омонимов, например: *бус* 1) 'пояс, кушак'; 2) 'пояс земной'; 3) 'зона; пояс климатический'; 4) 'пояс в доменной печи'; *хайлуулах бус* 'плавильный пояс' [Пюрбеев 1984: 46]. Метафорическое употребление слов приводит к образованию омонимов в терминологии, например: *хамар* 'нос' — *хамар* 'топ. холм, возвышенность, курган', *тоорцог* 'ермолка (головной убор)' — *тоорцог* 'бот. цветочная чашечка' и т. д. [Пюрбеев 1984: 46].

Э. Ч. Бардаев в своем труде «Современный калмыцкий язык. Лексикология» [Бардаев 1985] дает определение омонимов, раскрывает критерии разграничения омонимии и полисемии, подробно рассматривает типы и виды омонимов. Автор отмечает, что «слова, одинаковые по звучанию и написанию, но совершенно разные по значению, в лингвистике известны как омонимы. С многозначными словами не следует смешивать омонимию, при которой тождество звуковой формы создает впечатление, будто существует и тождество смысловое. При полисемии в известном смысле всегда сохраняется нечто общее между значениями. И оно постоянно, независимо от количества значений слова» [Бардаев 1985: 46–47].

П. А. Дарваев в работе «Келнэ номин оршл» [Дарваев 2002], обращаясь к теме многозначности слова и омонимии, отмечает, что тема полисемии очень большая и многоплановая. По словам автора, принято отличать многозначные слова от омонимов, так как при полисемии все слова не теряют своего смыслового единства, хотя, наряду с этим, встречаются случаи перехода многозначных слов в разряд омонимов. П. А. Дарваев также различает собственно омонимы, грамматические и фонетические омонимы [Дарваев 2002: 16–18].

В статье В. Н. Мушаева и С. Н. Абдуллаева «Об изучении синтаксических омонимов (на материале монгольских и тюркских языков)» дается определение омонимии и ее разновидностей, рассматривается типология синтаксических омонимов, определяются способы образования и пути развития

омонимичных конструкций [Мушаев, Абдуллаев 2017: 109–114].

В калмыцком языкознании вопрос о разграничении омонимов и лексико-семантических вариантов многозначного слова не был предметом специального лингвистического исследования и считается открытым на сегодняшний день, а малочисленные работы по омонимии калмыцкого языка не могут дать полную картину по данной теме. Таким образом, необходимо рассмотреть лексемы с омонимичными отношениями, то есть обследовать функциональный аспект омонимии. Поэтому необходимо провести разграничение между грамматическими, лексическими омонимами, возникшими путем семантической деривации. Комплексное лингвистическое исследование позволит выявить все новые и специфические сведения о взаимодействии лексики, грамматики, словообразования при возникновении омонимии между лексическими единицами языка. Безусловно, результаты настоящего исследования могут внести определенный вклад в изучение омонимии как лексической категории, что открывает новые пути в изучении лексико-семантической структуры слова в калмыцком языке, а также дать возможность проследить частные и общие моменты в формировании разных групп омонимов и открыть новые перспективы их изучения.

Источниковой базой для данного исследования послужил материал, собранный сплошной выборкой омонимов из калмыцко-русского словаря под редакцией Б. Д. Муниева [Калмыцко-русский словарь 1977] и картотеки, составленной путем выборки фактического материала из произведений калмыцкой художественной литературы, устного народного творчества и периодической печати. В работе также использовался ряд других словарей [Краткий русско-калмыцкий 1969; Манджикова 2002; Пюрбеев 1971].

В некоторых лингвистических работах омонимами считаются слова, совершенно одинаковые по произношению и написанию, но отличающиеся своими различными значениями. При этом к разряду лексических омонимов относят слова, принадлежащие к одной и той же части речи и отличающиеся друг от друга только лишь по своему лексическому значению. Однако при определении понятия «лексические омонимы» мы подразумеваем явление омонимии в

широком плане, так как в калмыцком языке последние встречаются на разных уровнях языка. Например, наряду с омонимичными непримечательными и производными основами наличествуют омонимия словосочетаний и аффиксов и лексико-морфологические омонимы, также существующие как факт языка.

Исходя из этого, лексическими омонимами можно считать слова с различными значениями, идентичное звучание и графическое написание которых не обусловлено функциями словоизменяемых и формобразующих аффиксов. Таким образом, при определении понятия «лексические омонимы», наряду с произношением, необходимо еще учесть и их одинаковое написание, так как омонимы, не совпадая с омографами по звучанию, отличаются от омофонов тождественностью внешней формы.

Возникновение омонимов связано с историей развития языка. В процессе развития словарного фонда калмыцкого языка образовались различные группы лексических омонимов. Отметим, что калмыцкому языку присуща многоплановость омонимичных связей между лексическими единицами, что во многом усложняет функциональный аспект исследования омонимии. Появившись как результат фонетических и семантических сдвигов, в современном состоянии языка они дифференцируются между собой по своим лексико-семантическим и грамматическим особенностям, поэтому при их классификации отправным пунктом являются их возникновение и дифференцирующие особенности в синхронном срезе.

Лексические омонимы являются самыми простыми из всех видов омонимов, которые целиком совпадают по звуковой и письменной форме. Например: *һол* 'река' — *һол* 'фитиль' — *һол* 'сердцевина' — *һол* 'главный, основной', *тавг* 'пятка' — *тавг* 'деревянная чашка', *булг* 'родник' — *булг* 'источник дохода' — *булг* 'гнойник уха' — *булг* 'белые пятна на ногах скота', *ө* 'дефект, изъян' — *ө* 'пудра' — *ө* 'обида' — *ө* 'умение, смекалка' — *ө* 'годы' — *ө* 'лес, чаща', *өвр* 'пазуха' — *өвр* 'рог' — *өвр* 'мозоль' — *өвр* 'борт' — *өвр* 'южный склон', *оон* 'сайгак (самец)' — *оон* 'тавро'.

В лексико-семантическом отношении все лексические омонимы, независимо от их происхождения, встречаются в двух видах: полные и неполные.

Полные лексические омонимы являются одной частью речи и совпадают друг с

другом в своих основных грамматических формах, поэтому их называют полными лексическими омонимами, корневыми или собственно омонимами. Для разграничения омонимов, относящихся к одной и той же части речи, целесообразно пользоваться семантическими критериями, потому что настоящие омонимы отличаются друг от друга разностью обозначаемых ими значений. Например:

Им. п. *һол* 'река', 'фитиль', 'сердцевина'
Род. п. *һолын* 'реки', 'фитиля', 'сердцевины'

Дат. п. *һолд* 'реке', 'фитилю', 'сердцевине'

Вин. п. *һолыг* 'реку', 'фитиля', 'сердцевину';

үзг 'буква', 'сторона, направление' (ед. ч.) — *үзгүд* (мн. ч.),

хурһн 'палец', 'ягненок' (ед. ч.) — *хурһд* (мн. ч.),

үлгүр 'поговорка', 'пример', 'выкройка' (ед. ч.) — *үлгүрмүд* (мн. ч.),

тавг 'пятка', 'деревянная чашка' (ед. ч.) — *тавгуд* (мн. ч.),

булг 'родник', 'источник дохода', 'гнойник уха', 'белые пятна на ногах скота' (ед. ч.) — *булгуд* (мн. ч.).

Интересно отметить, что последний ряд омонимов возник в ходе заимствования из тюркского языка. Образование данных лексем с участием заимствованных слов из других языков явилось результатом различных причин, основной из которых является подчинение иноязычного слова фонетическим законам калмыцкого литературного языка, например: *булаг* 'ключ, источник, родник' < др.-тюрк. *булак* 'источник, канал' — *булаг* 'гнойник'.

Различают также и неполные омонимы, в таких случаях лексические единицы образуют омонимичные ряды с различными частями речи и совпадают лишь в части своих грамматических форм, к примеру, в им. п. ед. ч.: *оошк* 'легкие', 'розовый'; *ора* 'вершина', 'поздно'; *ач* 'внук', 'заслуга'; *өр* 'недра', 'заря'; *болдг* 'холм', 'справедливый, верный', но форму множественного числа принимают лишь первые слова: *оошкс* 'легкие', *орас* 'вершины', *ачнр* 'внуки', *өрмүд* 'недра', *болдгуд* 'холмы'. При определении данных омонимов, соотносительных с различными частями речи, нужно исходить из их принадлежности к разным лексико-грамматическим разрядам, так как основными отличительными свойствами таких омони-

мов является несовпадение их грамматических форм.

Лексические омонимы по своему происхождению можно разделить на три группы.

В первую входят генетически не связанные, в языкознании известны под названием этимологические, исторические или гетерогенные омонимы. Данные этимологические омонимы образовались в результате полного совпадения по звучанию и написанию абсолютно разных слов. Например: *өңг* 'цвет, окраска' — *өңг* 'друг, товарищ', *өөн* 'разум' — *өөн* 'год', *сааль* 'молоко разового удою' — *сааль* 'лук-самострел', *саам* 'удой' — *саам* 'период времени', *цоохр* 'севрюга' — *цоохр* 'пестрый', *аньр* 'гранат' — *аньр* 'звук, шум', *бардмч* 'хвастун' — *бардмч* 'бот. полынь обыкновенная', *бээр* 'битва, бой, сражение' — *бээр* 'лист (бумаги)'.

Ко второй группе относятся генетически связанные омонимы. Такие омонимы образовались в результате конверсии и распада полисемии, они именуются семантическими или гомогенными омонимами. Отличительной чертой генетически связанных омонимов является нетождественность их семантики, поэтому для определения их целесообразно использовать известные в науке синонимический, антонимический критерии и метод компонентного анализа определения омонимов. Например, *орм* 'место' — *орм* 'след', *ооср* 'веревка' — *ооср* 'ошейник', *ору* 'гон' — *ору* 'половодье', *арц* 'можжевелик' — *арц* 'кипарис', *архд* 'большой бурдюк (для приготовления и хранения кумыса)' — *архд* 'высокий деревянный сосуд (для кумыса, айрана)', *барх* 'положить конец, довести до конца' — *барх* 'исчерпывать, израсходовать', *бэрэн* 'арест, плен' — *бэрэн* 'взятие, задержание', *белчр* 'устье реки, дельта реки' — *белчр* 'пастбище'. Неоднородность лексико-семантических и грамматических свойств генетически связанных омонимов свидетельствует о том, что критерии разграничения их не могут основываться на едином принципе, хотя при их возникновении имеется общность семантических изменений.

К третьей группе относятся омонимы, возникшие при участии словообразовательных аффиксов. Омонимы данной группы называются производными или словообразовательными. Например, *тавта* 'удобный, благоприятный' — *тавта* 'пятилетний' — *тавта* 'находящийся в готовности',

цолта ‘имеющий звание, титул’ — *цолта* ‘имеющий свободное время’, *татата* ‘открытый’ — *татата* ‘запряженный (о лошади)’. Формообразующий аффикс создает условия для возникновения генетически неродственных омонимов.

Наряду с лексическими омонимами различают и грамматические омонимы или омоформы. К ним относятся слова, совпадающие по написанию и звучанию только в отдельных своих грамматических формах, но различающиеся по смыслу. Омоформы могут относиться к различным частям речи, сходным по форме только лишь в определенный совпавший момент речевого акта.

Необходимо заметить, что данные совпадения совершенно случайны, поэтому они непременно разрушаются при последующем изменении слова: прилагательные *оошк* ‘розовый’ и *көрэ* ‘мерзлый’ являются неизменяемыми, а существительные *оошк* ‘легкие’ и *көрэ* ‘пила’ склоняются по падежам и изменяются по числам. Примеры: *ке* ‘красивый, нарядный’ — *ке* ‘делай’, *нар* ‘косточка, кубик’ — *нар* ‘иди сюда’, *сур* ‘кожаный ремешок’ — *сур* ‘спроси’.

Таким образом, данный тип включает омонимы «временные», непостоянной формы, существующие только лишь до последующего своего изменения. В результате изменения принципиально они различаются между собой и по звучанию, и по форме написания. Омоформы в калмыцком языке чаще всего представлены случайными совпадениями форм разных слов, реже случайными совпадениями разных грамматических форм одного и того же слова.

Одной из разновидностей омоформ выделяют конверсию, образующуюся в результате употребления одной части речи в функции другой. В результате конверсии образуются новые слова, разные части речи с различными лексическими значениями, но совпадающие по своей структуре и звучанию, таким образом, являющиеся омонимичными.

Отметим, что при переходе одной части речи в другую лексические единицы не меняют своего морфологического и фонетического облика, имеют нечто общее в своем значении и одинаково склоняются по падежам. Например: *киитн увл* ‘холодная зима’ (прил.) — *киитн ирв* ‘наступил холод’ (сущ.), *зурхан күн* ‘шесть человек’ (числ.) — *тер мана зурхан* ‘те наши шестеро’ (сущ.), *ноһан альчур* ‘зеленый пла-

ток’ — *ноһан шавина* ‘трава колышется’, *серун орун* ‘прохладное утро’ — *серун орв* ‘стало прохладно’.

Таким образом, данные лексемы представляют собой омонимы, относящиеся к различным частям речи, а не разные значения одного и того же слова. Необходимо отметить, что случаи конверсии в калмыцком языке широко распространены, среди них встречаются примеры синтаксической субстантивации, адъективации, адвербиализации. Окказиональные конверсионные отношения в лексическом составе калмыцкого языка возникают между знаменательными, знаменательными и служебными, а также самими служебными частями речи.

Различают омонимы, сходные по звучанию, но различные на письме — их называют фонетическими омонимами или омофонами. Данные омонимы образуются под влиянием фонетических закономерностей. К примеру, при переходе звонкого согласного в глухой: *бордх* ‘откармливать’ — *бортх* ‘кожаный сосуд, кожаная фляга (для молочной водки)’, *хатх* ‘сохнуть, высухать’ — *хадх* ‘косить; забивать’, *бодь* ‘святость, совершенство’ — *боть* ‘том’, *бөгжэ* ‘скоба, двойной крючок’ — *бөкч* ‘погас, потух (о свече)’, *богр* ‘жадный’ — *бокр* ‘неподвижный в суставах’, *бадрх* ‘расцветать’ — *батрх* ‘укрепляться, упрочиваться’, *ядх* ‘уствовать’ — *ятх* ‘ятха (музыкальный инструмент)’.

Различить согласные можно лишь при изменении форм данных слов: *бордулх* ‘откармливать’, *хатах* ‘высушивать’, *хадх* — *хадур* ‘коса’, *бадрх* — *бадрул* ‘расцвет’, *богр* — *богрхг* ‘жадноватый’, *ядх* — *яду* ‘бедный, нищий’.

При сильной редукации гласных не первого слога размывается четкое различие согласных на конце слова, и образуются фонетические омонимы: *ең* ‘каприз’ — *еңг* ‘ковш’, *сөң* ‘гост’ — *сөңг* ‘один из пары’, *зун* ‘сто’ — *зун(0)* ‘лето’.

В связи с диалектными различиями в калмыцком литературном языке также образовались омофоны, различающиеся гласными на письме. Приведем примеры омофонов калмыцкого языка: *үмсх* (торг.) ‘целовать’ — *өмсх* (дерб.) ‘одевать’, *хүв* (торг.) ‘доля’ — *хөв* (дерб.) ‘счастье’, *төгэх* ‘раздавать’ — *түгэх* ‘заражать’.

Следует отметить, что некогда эти лексемы *хүв/хөв* имели одно и то же значение ‘счастье, доля’, но впоследствии за каж-

дым закрепилось лишь одно значение: *хув* 'доля' — *хөв* 'счастье'.

В современном калмыцком языке встречаются слова с разным лексическим значением, имеющие что-то общее, но не тождественные в произношении. Данные лексические единицы принято называть паронимами, они очень близки к омофонам. Примеры: *арсм* 'спекуляция; нажива, барыш' — *аршм* 'аршин', *күцл* 'успех, достижения' — *күсл* 'цель, мечта', *сэкх* 'посвящать, стеречь, оберегать, сторожить, караулить, охранять' — *секх* 'открывать', *альчур* 'платок' — *арчул* 'тряпка', *цасн* 'снег' — *цаасн* 'бумага', *тосн* 'масло' — *тоосн* 'пыль', *хол* 'даль' — *хоол* 'горло, пищевод', *не* 'ладно, да, согласен' — *нэ* 'надежда', *тас* 'совершенно, совсем' — *таш* 'камень', *алс* 'через' — *али* 'более ровная сторона альчика'.

Отметим, что при паронимии фонетическое совпадение приходится на начало слова или первый слог, различия лишь в конце слова. Данный вид омонимов чаще всего встречается в именах существительных и среди знаменательных частей речи.

В лексической системе калмыцкого языка встречаются и омографы — слова, одинаковые на письме, но различные по произношению. Данное языковое явление связано с тем, что редуцированные гласные калмыцкого языка перестали обозначаться на письме, в результате чего обнаруживаются омографы, например: *бод* 'крупный рогатый скот' — *бод(э)* 'думай, размышляй', *хол* 'река; фитиль; центр, середина; главный, основной' — *хол(э)* 'пренебрегай', *тул* 'таймень (рыба)' — *тул(э)* 'подопри', *өр* 'заря, рассвет' — *өр(е)* 'розжиг', *хад* (чолун) 'гранит' — *хад(э)* 'утес', *хов* (*хоосн*) 'совершенно пустой' — *хов(э)* 'сплетня', *хэр* 'посторонний, незнакомый; чужеземный; мелкий, неглубокий (о воде)' — *хэр(е)* 'возвращайся домой'.

В калмыцком языке, как и в любом другом, встречаются случаи совпадения с заимствованными словами из других языков, которые различаются лишь по месту ударения, например: калм. *бор(0)* 'серый' — рус. бór, калм. *ад(0)* 'бешенство' — рус. áд, калм. *хор(0)* 'яд, отравка' — рус. хór, калм. *агт* 'скакун' — рус. áкт, калм. *ода́* 'сейчас' — рус. óда, калм. *ах(0)* 'брат' — рус. áх. Некоторые исследователи относят данное языковое явление к одной из разновидностей омонимии, которая возникла в ре-

зультате случайного совпадения форм слов, абсолютно различных по значению и происхождению.

Следует отметить, что подобные совпадения звуковых форм неродственных языков не следует принимать за омонимы буквально, так как в данном случае мы имеем разные слова одинакового звучания совершенно случайно, а омонимы абсолютно несопоставимы в типологически разных языках. Данные лексические единицы не употребляются в одном и том же языке в качестве омонимов и не образуют омонимичных пар, каждые из них принадлежат лексике соответствующего языка и функционируют по законам того или иного языка и не имеют никакого отношения к лексике других языков. Примеры: калм. *уулын на* 'по эту сторону горы' — рус. *на* столе, *на* книгу; калм. *олн то* 'множественное число' — рус. *то* один, *то* другой, калм. *улан кишлг* 'красная рубашка' — рус. эскадрон *улан*, калм. *шар нарн* 'желтое солнце' — рус. красный *шар*, калм. *тур йовдг цар* 'выносливый вол' — рус. третий *тур*.

Отметим, что различают еще один вид омонимов, образовавшихся в результате распада смысловых связей полисемичных слов, представляющих собой более сложные единицы в лексике калмыцкого языка в отличие от омонимов, появившихся в результате случайного совпадения. Вопрос об отнесении данных лексических единиц к омонимам в современной науке остается спорным, так как процесс распада полисемии происходит на протяжении длительного исторического времени и зачастую не всегда удается провести грань перехода многозначного слова в разряд омонимов. Критерии разграничения многозначных слов и омонимов субъективны. Основопологающими и наиболее приемлемыми для всех случаев разграничения многозначности и омонимии можно считать следующие критерии: обособленность производного значения слова от всех других его значений, его способность употребляться самостоятельно; осмысленность данных фактов большинством носителей того или иного языка.

Для выявления данного языкового явления необходимо рассматривать не только структурно-грамматические и семантические особенности, но и их этимологию. Приведем примеры: *холвх* 'умножать' — *холвх* 'сцеплять; соединять, связывать; сты-

ковать', *харан* 'подозрение' — *харан* 'силуэт', *йовдл* 'случай' — *йовдл* 'ход, ходьба'.

Таким образом, омонимия широко встречается в калмыцком языке, а основные типы омонимов несут ярко выраженный характер. Многообразие лексических единиц с омонимичными отношениями можно отнести к нескольким типологическим группам, сравнительно-сопоставительный анализ которых дает наиболее обобщенное и широкое представление об омонимии современного калмыцкого языка.

Наряду с этим в лингвистике существует мнение об отрицательном влиянии такого языкового явления, как омонимия, поскольку омонимы в определенных речевых ситуациях не могут быть поняты однозначно и мешают нормальному общению. Так, многие ученые считают омонимы нежелательными и предлагают разные их замены. К примеру, в калмыцком языке один из омонимов заменяют синонимом:

— *хусм* 'береза', 'накипь; пригорелая корка' — первое значение передается синонимом *цаһан модн* 'береза';

— *шалһ* 'литовка', 'коса', второе значение передается лексемами *хаж* или *хадур* 'коса';

— *цох* 'висок', 'ступа', второе значение передается словом *суврһн* 'ступа'.

Устранение омонимов также производится путем замены корня слова: *бог* 'сор, мусор' — *буг* 'сорняк', *гемнх* 'болеть' — *гемшәх* 'обвинять', *үмсх* 'целовать' — *өмсх* 'одевать'.

Для различения омонимичных лексем также используется контекст. Например: *Манц һол* 'река Маныч' — *зулын һол* 'фитиль лампы' — *һол зәңг* 'главное предложение', *авин көрә* *хури* 'пила дедушки острая' — *көрә һазр малтх* 'копать мерзлую землю', *арвн тавна сар* 'луна пятнадцатого числа' — *үвлин һурвн сар* 'три зимних месяца', *байрин белг белгх* 'дарить праздничный подарок' — *далар белг бәрх* 'гадать на лопаточной кости', *толһан үсн* 'волосы на голове' — *үкрин үсн* 'коровье молоко'.

Способы разграничения омонимов (использование синонимов, замена корня и контекст) нашли широкое применение в современном калмыцком языке, а лексемы из последних примеров, с помощью которых различают омонимы, вошли в обиход и активно используются в повседневной речи носителей. Функциональный аспект омонимии проявляется в случаях изменения лек-

сических единиц в области лексики, грамматики, словообразования. Таким образом, проведенный качественный и количественный анализ единиц калмыцкого языка с омонимичными отношениями позволил определить виды и способы формирования омонимов в калмыцком языке.

Что касается омонимов, которые сформировались вследствие заимствования слов из других языков, то общеизвестно, что омонимы существуют и развиваются внутри каждого конкретного языка самостоятельно, независимо от каких-либо экстралингвистических факторов, и они несопоставимы в типологически разных языковых системах, в связи с чем данный лексический пласт представляет собой предмет отдельно взятого языка.

Изучение лексики того или иного языка предполагает выявление единиц в лексическом составе. Таким образом, всестороннее лингвистическое обследование омонимов калмыцкого языка является важным, а наряду с этим — и вопрос о создании «Словаря омонимов калмыцкого языка». Составление «Словаря омонимов калмыцкого языка» не только возможно с точки зрения теоретической, но и весьма актуально с точки зрения лексикологии и семасиологии, необходимость его давно уже назрела. Значение словаря омонимов калмыцкого языка для практической стилистики, для целей, которые определяются требованиями культуры речи, трудно переоценить.

В «Словаре» необходимо выявить различия, существующие между однозначными словами не только по эмоциональной окраске, но и в отношении смысловой сочетаемости. Для создания подобного словаря, прежде всего, необходимо иметь наиболее полный и очень точный список лексических единиц, четко описать все значения слов, так как без точного значения слова невозможно составить более менее удовлетворительный словарь омонимов того или иного национального языка.

В «Словаре омонимов калмыцкого языка» омонимические ряды не следует подбирать только лишь по одному основному значению многозначного слова. В омонимические ряды должны войти все значения слова, указанные в современных словарях, если они могут вступать в омонимические отношения с другими лексемами. Наряду с прочими значениями многозначного слова должны войти и переносные значения, ко-

торые являются общеупотребительными. Серьезная и принципиальная постановка вопроса разграничения омонимии от полисемии все еще считается недостаточно разработанной и стоит остро, что не может не повлиять на работу при составлении словаря.

Необходимо отметить, что в «Словаре омонимов калмыцкого языка» нуждаются переводчики, работники местных СМИ, учителя и учащиеся школ, студенты и преподаватели высших и средних учебных заведений.

«Словарь омонимов калмыцкого языка» станет первой попыткой определить пути практического решения вопроса о выделении омонимических единиц в словарях. Он должен дать начальную базу для более широкого и детального обследования сложных проблем, касающихся семантики слова, определения ее границ.

Так, омонимия калмыцкого языка в синхронном плане не была еще предметом специального исследования. Настоящая работа является попыткой восполнить данный пробел в изучении лексического состава калмыцкого языка. Она нацелена на комплексное лингвистическое описание омонимов и связей между ними. Проведенный нами анализ показал, что в калмыцком языке омонимы образуются в результате разнообразных преобразований лексем. Возникают группы лексем с омонимичной формой, внутрисловные и межсловные связи которых поддаются разграничению лишь в языковом контексте.

Таким образом, данная работа является попыткой комплексного анализа способов формирования омонимов калмыцкого литературного языка, в которой приводятся сведения о типах и видах омонимов, затрагивается вопрос о создании «Словаря омонимов калмыцкого языка», рассматриваются проблемы и перспективы изучения омонимии калмыцкого языка.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-04-00304 ОГН).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Виноградов 1977 — Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с. [Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka, 1977. 312 p. (In Rus.)]

Бардаев 1981 — Бардаев Э. Ч. Вопросы лексикологии калмыцкого языка // Исследования по лексике калмыцкого языка. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1981. С. 3–42. [Bardaev E. Ch. Issues of Kalmyk lexicology. *Issledovaniya po leksike kalmytskogo yazyka* [Studies of Kalmyk vocabulary]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 3–42. (In Rus.)]

Бардаев 1985 — Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 152 с. [Bardaev E. Ch. *Sovremennyy kalmytskiy yazyk. Leksikologiya* [Modern Kalmyk: lexicology]. Elista: Kalm. Book Publ., 1985. 152 p. (In Rus.)]

Калмыцко-русский словарь 1977 — Калмыцко-русский словарь / Бардаев Э. Ч., Джамбинова Р. А., Каляев А. Л., Кичиков А. Ш., Корсункиев Ц. К., Монраев М. У., Муниев Б. Д. (ред.), Павлов Д. А., Убушаев Н. Н. М.: Русский язык, 1977. 768 с. [Kalmytsko-russkiy slovar' [Kalmyk-Russian dictionary]. Muniev B. et al. (eds.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Rus.)]

Бертагаев 1974 — Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М.: Наука, 1974. 383 с. [Bertagaev T. A. *Leksika sovremennykh mongol'skikh literaturnykh yazykov* [Mongolic languages: contemporary literary lexis]. Moscow: Nauka, 1974. 383 p. (In Rus.)]

Дарваев 2002 — Дарваев П. А. Келнэ номин оршл. Элст: Хальмг дегтр нархач, 2002. 302 х. [Darvaev P. A. *Kelnä nomin orshl* [Introduction to (Kalmyk) linguistics]. Elista: Kalm. Book Publ., 2002. 302 p. (In Kalm.)]

Краткий русско-калмыцкий 1969 — Краткий русско-калмыцкий словарь / И. К. Илишкин, Б. Д. Муниев. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 357 с. [Kratkiy russko-kalmytskiy slovar' [A concise Russian-Kalmyk dictionary]. I. K. Ilishkin, B. D. Muniev (eds.). Moscow: Sov. Entsiklopediya, 1969. 357 p. (In Rus. and Kalm.)]

Колесников 1995 — Колесников Н. П. Словарь омонимов русского языка. М.: Феникс, 1995. 672 с. [Kolesnikov N. P. *Slovar' otonimov russkogo yazyka* [A homonymic dictionary of Russian]. Moscow: Feniks, 1995. 672 p. (In Rus.)]

Логачева 2008 — Логачева И. С. Теоретические основания исследования омонимии как языковой универсалии // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. С.115–117. [Logacheva I. S.

- Homonymy as a linguistic universal: theoretical research grounds. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. Tambov: Gramota, 2008. Pp. 115–117. (In Rus.)]
- Малаховский 1990 — Малаховский Л. В. Теория лексической и грамматической омонимии. Л.: Наука, 1990. 238 с. [Malakhovskiy L. V. *Teoriya leksicheskoy i grammaticheskoy otonimii* [Theory of lexical and grammatical homonymy]. Leningrad: Nauka, 1990. 238 p. (In Rus.)]
- Манджикова 2002 — Манджикова Б. Б. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 86 с. [Mandzhikova B. B. *Tolkovyy slovar' kalmytskogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Kalmyk language]. Elista: Dzhangar, 2002. 86 p. (In Rus.)]
- Мушаев, Абдуллаев 2017 — Мушаев В. Н., Абдуллаев С. Н. Об изучении синтаксических омонимов (на материале монгольских и тюркских языков) // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 4. С. 109–114. [Mushaev V. N., Abdullaev S. N. On the study of syntactic homonyms on the basis of texts in Mongol and Turkish languages. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2017. No. 4. Pp. 109–114. (In Rus.)]
- Павлов 1969 — Павлов Д. А. О развитии лексики калмыцкого языка за счет внутренних его ресурсов // Ученые записки КНИИЯЛИ. Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. С. 127–155. [Pavlov D. A. Development of Kalmyk lexis through internal language resources. *Uchenye zapiski KNIYALI*. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1969. Pp. 127–155. (In Rus.)]
- Пюрбеев 1971 — Пюрбеев Г. Ц. Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 59 с. [Pyurbeev G. Ts. *Kratkiy kalmytsko-russkiy slovar' glagol'nykh frazeologizmov* [A concise Kalmyk-Russian dictionary of verbal phraseological units]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. 59 p. (In Rus.)]
- Пюрбеев 1984 — Пюрбеев Г. Ц. Современная монгольская терминология. М.: Наука, 1984. 119 с. [Pyurbeev G. Ts. *Sovremennaya mongol'skaya terminologiya* [Modern Mongolian terminology]. Moscow: Nauka, 1984. 119 p. (In Rus.)]

Kalmyk Homonymic Studies and the Challenge of Compiling a Homonymic Dictionary Revisited

Vyacheslav N. Khoninov¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Research Associate, Institute of Linguistics of the RAS (Build. 1, 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8461-6213. E-mail: altngasn@rambler.ru

Abstract

Goals: The paper provides an overview of Kalmyk homonymic studies, determines criteria to differentiate between homonyms and polysemantic words, describes lexical and semantic ties between different variants of one word or different words, examines grammatical and word-forming homonymy. The work is a case study of lexical materials collected through continuous sampling of homonyms contained in the Kalmyk-Russian Dictionary by B. Muniev and the author's card-catalogue compiled from literary writings, oral folklore texts, and periodicals.

Methods: The study conducts a qualitative and quantitative analysis of pairs of modern Kalmyk lexemes with diverse homonymic ties that proved helpful in identifying types (and kinds) of homonymy.

Results: The study revealed the types of homonyms as follows: lexical, grammatical, and phonetic ones.

Lexical homonyms can be etymologically divided into three groups.

Group 1 includes genetically unrelated homonyms, namely, etymological, historical, and heterogeneous ones. Such etymological homonyms appeared as results of full phonetic and scriptural matches of different words, e. g., *өңг* 'color, pigment' — *өңг* 'friend, comrade', *саам* 'milk yield' — *саам* 'period of time', *цоохр* 'starred sturgeon' — *цоохр* 'variegated'.

Group 2 includes genetically related homonyms that have resulted from conversions and split polysemies; those are referred to as semantic or homogenous homonyms. For example, *орм* 'place' — *орм* 'trace, trail', *ооср* 'rope' — *ооср* 'dog-collar', *ору* 'estrus' — *ору* '(spring) flood'.

Group 3 includes homonyms that emerged with the aid of word-forming affixes, such homonyms being referred to as derivative ones. For example, *тавта* 'convenient, favorable' — *тавта* 'five-year-old' — *тавта* 'he who is ready (to act)'.

Grammatical homonyms, or homoforms, are words that coincide phonetically and scripturally only in separate grammatical forms but are semantically different, e.g., *ке* 'beautiful, elegant' — *ке* 'do', *нар* 'bone, cube' — *нар* 'Come here!', *сур* 'leather bag' — *сур* 'Ask!'.

Another kind of omographs is conversion when a word of one part of speech functionally acts as that of another. For example, *киитн үвл* 'cold winter' (adj.) — *киитн ирв* 'cold has come' (noun), *ноһан альчур* 'green kerchief' — *ноһан шавина* 'grass trembles'.

There are homonyms similar phonetically but differing scripturally, the latter referred to as homophones. For example, that is the case when a voiced consonant becomes a voiceless one: *бордх* 'fatten' — *бортх* 'leather vessel, leather flask (for milk vodka)', *ядх* 'get tired' — *ятх* 'yatkhа (a musical instrument)'.

Dialectal differences in the Kalmyk literary language have also given rise to a number of homophones, such as *үмсх* (Torghut) 'kiss' — *өмсх* (Dorbet) 'put on', *хүв* (Torg.) 'share' — *хөв* (Dorb.) 'happiness', *төгэх* 'give' — *түгэх* 'infect'.

The Kalmyk lexical system also contains omographs — words that are similar scripturally but differ phonetically, e.g., *бод* 'cattle' — *бод(э)* 'think, reflect', *тул* 'taimen (fish)' — *тул(э)* 'Support!'.

There are a number of coincidences between Kalmyk and loan words that differ by location of stress only, e.g., Kalm. *бор(0)* 'grey' — Rus. *бóр* 'pinewood'; Kalm. *ад(0)* 'fury' — Rus. *áд* 'hell'; Kalm. *хор(0)* 'poison' — рус. *хóр* 'choir'.

Conclusions: The analysis conducted shows that Kalmyk homonyms emerge through a variety of lexical transformations, grouped homonyms to be classified depending upon language contexts.

Thus, the work attempts to semantically describe formation means, types and patterns of homonyms in the Kalmyk literary language.

Keywords: Kalmyk language, lexis, homonyms, lexical homonyms, etymological homonyms, semantic meaning, polysemy, homoforms



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 39, Is. 5, pp. 120–131, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-120-131
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.141'37

Генезис, развитие и лексическая семантика цветообозначения кызыл 'красный' в башкирском языке

Римма Талгатовна Муратова¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания, Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (450054, Россия, г. Уфа, пр. Октября, д. 71). ORCID: 0000-0003-4223-0675. E-mail: bairima@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению формирования, развития и семантических особенностей цветообозначения *qīdīl* 'красный' в башкирском языке. Источниками примеров для выявления значений слова послужили словари башкирского языка и данные корпуса башкирской прозы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения лексем как в сравнительно-историческом аспекте, так и в плане синхронии с выявлением денотативных и коннотативных компонентов их семантики. Новизна исследования состоит в том, что в нем выявляются ранее не зафиксированные в словарях значения цветообозначения *qīdīl* 'красный', с использованием данных корпуса башкирского языка, который включает в себя 1 256 произведений различных жанров. Преимуществом исследования является то, что *qīdīl* 'красный' рассматривается на общетюркском фоне: приводится пратюркская форма лексемы и демонстрируется процесс изменений звукового состава слова в тюркских языках, показываются лексико-семантические соответствия в других тюркских языках.

В ходе исследования выявлено, что пратюркское **Kīř-il* 'красный', которое восходит к праалтайскому **k'iuūru* 'красный; коричневый, темный', в башкирском языке встречается в следующих фонетических вариантах: *qīdīl* / *qīhīl* / *qīzīl*. Изменения в звуковом составе слова являются результатом появления специфических звуков в фонетическом строе башкирского языка.

Основное значение лексемы — обозначение красного и оранжевого спектров (красный цвет и его оттенки; оранжевый; рыжий; румяный, алый). Цветообозначение лексемы *qīdīl* 'красный' активно употребляется в словообразовании — она участвует в образовании фитонимов, зоонимов, анатомических терминов, названий минералов, горных пород, болезней и др.

Лексема *qīdīl* 'красный' также приобрела следующие коннотативные значения: спелый; яркий; восточный; советский, революционный; субстантиваты (помада, румяна, ржавчина, золото); совершенно, очень; мифологизированный цвет, выполняющий обережную, охранительную функцию. Многие значения слова, зафиксированные в башкирском языке, можно найти и в других тюркских языках. Но, тем не менее, в башкирской топонимии имеется отличающееся от других тюркских языков значение красного цвета — 'восточный', в то время как в других тюркских языках красным обозначался юг, южная сторона.

Ключевые слова: цветообозначение красный, семантика, башкирский язык, тюркские языки

Введение

В лингвистической науке цветообозначения изучаются в разных направлениях и аспектах: историческом, лексико-семантическом, грамматическом, сопоставительном, когнитивном, функциональном, психолингвистическом и др. [Бахилина 1975; Бачаева 2015; Берлин, Кей 1969; Дхушхинова 2013; Кезина 2008; Норманская 2005; и др.]. Названия цвета в тюркских языках рассматривались в работах лексического, этнолингвистического, сравнительно-исторического плана [Габышева 1984; Кононов 1978; Кормушин 2001; Саматов 2016 и др.].

Несмотря на наличие работ лексического, ономастического, этнолингвистического плана, затрагивающих цветообозначения в различных аспектах, в башкирском языкознании нет специальных трудов, посвященных изучению сравнительно-исторического развития цветолексем, прослеживанию их специфических фонетических, семантических изменений, выявлению коннотативных значений лексем.

Цель данной статьи — изучить происхождение названия для красного цвета в башкирском языке, проследить его развитие на общетюркском фоне, выявить особенности употребления цветообозначения в современном башкирском языке. Источниками примеров для выявления значений слова послужили словари башкирского языка и данные корпуса башкирской прозы, который включает в себя 1 256 произведений различных жанров [Академический словарь 2013; Башкирско-русский словарь 1996; Диалектологический словарь 2002; Корпус башкирского языка].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения лексем как в сравнительно-историческом аспекте, так и в плане синхронии с выявлением денотативных и коннотативных компонентов их семантики. Новизна исследования заключается в том, что, во-первых, в нем впервые представляются выявленные по данным корпуса значения лексемы *qīdīl* ‘красный’, которые не нашли отражение в словарях; во-вторых, формирование, развитие и семантика цветообозначения рассматривается на общетюркском фоне: приводится ее пратюркская форма и демонстрируется процесс изменений звукового состава слова, показываются лексико-семантические соответствия в тюркских языках на основе материала из словарей.

Основная часть

Красный цвет — первый по счету цвет спектра и, соответственно, первый цвет радуги, который находится в самом начале. Эталонами красного цвета в природе считают цвет крови, сандала, красной охры и др. Лексема для обозначения красного цвета в разных языках мира обычно характеризуется древним происхождением и представляет собой монолексему, например: рус. *красный*, англ. *red*, исп. *rojo*, гр. *κόκκινο*, тадж. *сурх*, мал. *merah*.

Слова, обозначающие оттенки цвета, образуются либо аналитическим путем (рус. *ярко-красный*, англ. *bright red*, исп. *rojo brillante*, гр. *φωτεινό κόκκινο*, тадж. *сурх дурахшон*, мал. *merah jambu*), либо выражаются другой лексемой (рус. *алый*, англ. *scarlet*, исп. *escarlata*, тадж. *шароб*).

1. Слово в древних и современных тюркских языках

1.1. В башкирском языке для цветообозначения ‘красный’ употребляется лексема *кызыл* [*qīdīl*]. В диалектах имеются фонетические варианты: сальют. *qīhīl*, сев.-зап. диал. *qīzil*.

1.2. Пратюркская форма цветообозначения ‘красный’ реконструирована в форме **Kīř-il*, которую исследователи трактуют как производное от глагола **Kīř-* ‘краснеть, раскаляться’ [Дыбо 2013: 428; Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 828–829].

1.3. В древнетюркских памятниках (орх. *Тон.*, др.-уйг., крх.-уйг. *МК, QB*) наблюдается форма *qīzil* [Малов 1951: 64, Дыбо 2013: 429; Древнетюркский словарь 1969]. В средневековых текстах и письменных источниках (Tfs, IbnM Мел., IbnM Rif., СС и др.), лексикографических работах конца XIX в. она сохраняется: *qīzil* [Будагов 1871: 55; Радлов 1899: 826–827].

1.4. В современных тюркских языках и их диалектах слово наблюдается в следующих фонетических вариациях:

кыпч.: кбалк, тат., ног., ккалп., каз., сиб.-тат., кум. *qīzil*, караим. *kīzil / kizil*; башк. *qīdīl / qīhīl / qīzil*;
огузск.: тур., гаг. *kīzil*, аз., турк. *gīzil*;
кирг.-кыпч.: алт., кирг. *qīzil*;
карлук: узб., уйг. *qīzil*;
уйг.-огузск.: тув. *kīzil*, сарыг-юг., хак. *xīzil*, як. *kīhīl*, долг. *qīhīl*;
булг.: чув. *xērlē*.

1.5. Фонемный состав ПТю **Kīř-il* в своем развитии претерпевал некоторые изменения, характерные для той или иной

подгруппы тюркских языков. Изменения звуков в составе слова, произошедшие в тех или иных тюркских языках, являются закономерными для их фонетики.

Анлаутное **k*. С фонематической позиции **-k* и **-q* рассматриваются как одна фонема или считаются сингармоническими модификациями [Сравнительно-историческая грамматика 2002: 277]. Неудивительно, что в ряде тюркских языков (в огузск. языках, тув. и як. яз.) наблюдается слово с анлаутным *k* (напр. тур. *kizil*), в других (в основном, в кыпч., кирг.-кыпч. и карлук.) — с *q* (напр., кирг. *qizil*). Переход *k* > *g* наблюдается в азербайджанском и туркменском языках, трансформация *k* > *x* зафиксирована в чувашском.

Инлаутное *ř*. Как отмечают ученые, чередование ПТю *ř / z* во всех языках отмечается уже в алтайском праязыке. В большинстве тюркских языков наблюдается фонетический вариант слова со звуком *z*: *kizil*, в чувашском языке — ПТю *ř / z* > *r*: *xěrlě*. В башкирском языке осуществлен переход **z* > *δ*, в якутском языке и сальютском говоре башкирского языка — переход **z* > *h*.

Гласные *i* в первом и втором слогах. Опереднение **i* > *i*, *ě* зафиксировано в чувашском (*xěrlě*) и карлукских языках (*qizil*).

1.6. Основное значение слова во всех перечисленных языках — красный. В том или ином языке слово имеет также следующие значения: румяный, алый; золотой; золотой (масти); рыжий; каурый, игреневый; сивый; бурый; чрезмерный; махровый; ярый; круглый (невежда); крепкий (о чае); пьяный вдрызг; старательный; солнечный; спелый; краснота; scarлатина; корь; золото; обмолоченное чистое зерно; пустыня; мясо [Сравнительно-историческая грамматика 2001: 602–603; Этимологический словарь 2000: 196–197].

Кроме этого, в некоторых языках для обозначения красного цвета употребляются другие лексемы: в тур., туркм., аз., гаг., кар. языках — *kirmizi*, которую относят к иранизму или арабизму, а в алтайском — *d'ren*, восходящий к ПТю *jegre-n* 'рыжий'.

2. Об этимологии слова

Этимологию тюркского *qizil* можно найти в словарях [Этимологический словарь 2000; Дыбо 2013; Егоров 1964; Федотов 1996; Ахметьянов 2015; Clauson 1972; и др.].

Большинство исследователей (А. Вамбери, В. В. Радлов, В. Банг и др.) обращают внимание на происхождение общетюркского прилагательного *qizil* от глагола-основы *qiz-* 'накаляться', значение которого связано с сильным нагреванием, а не с цветом. В переносном значении оно передает сильное психологическое возбуждение: 'горячиться', 'сердиться', 'раздражаться' [Сравнительно-историческая грамматика 2001: 603]. Как видно, в данных глаголах цветовые значения не представляются. Семантика цвета появляется только в производных глаголах, которые имеют значение 'краснеть': кбалк, тат., ног., ккалп., каз., сиб.-тат., кум., алт., кирг. *qizar-*, башк. *qidar-*, тур., гаг., тув., караим. *kizar-*, аз., турк. *gizar-*, узб., уйг. *qizar-*, хак. *xizar-*, як. *kitar-*; чув. *xěrlě-*, что позволяет предполагать эволюцию глагола таким образом: накаляться → накаленный → красный → краснеть.

Г. Й. Рамстедт, Н. Н. Поппе происхождение слова связывали с монгольским *kiraga* 'начало рассвета, вечерняя заря' [по: Этимологический словарь 2000: 196–197].

Праалтайская форма цветообозначения восстанавливается как **k'iürü* 'красный; коричневый, темный' [История башкирского народа 2009: 325; Starostin, Dybo, Mudrak 2003: 828–829].

В современных языках алтайской языковой семьи семантика развилась следующим образом: в монгольских — 'коричневый' (халх. *хүрэн*, калм. *күрң*, бурят. *хүрин*), в тунгусо-маньчжурских — 'серый' (эвенк. *uri-m*), корейском — *kuri* 'медь', японском — *kúra-* 'темный' [Дыбо 2013: 429].

3. Денотативные и коннотативные компоненты семантики цветообозначения *qidil* 'красный' в башкирском языке

3.1. Красный и его оттенки

3.1.1. **Красный.** Основное (первичное, немотивированное) значение башкирского *qidil* — это обозначение красного цвета спектра. В узком смысле слова, монолексема *qidil* обозначает цвет, эталоном которого прежде всего является цвет крови: *qidil qan* 'красная кровь'. Значение 'красный, кроваво-красный' также передается выражениями *qan töhöndäge* досл. 'цвета крови', *qanhïw* 'кровоавый', которые являются синонимами слова *qidil*.

Дошедшая до нас первая фиксация немотивированного значения ‘красный’ наблюдается в древнетюркском руническом памятнике в честь Тоньюкука, датируемом VIII в., где слово *qizil* ‘красный’, в свою очередь, также употребляется в сочетании со словом *qan* ‘кровь’: [Тоңукук:] *Tün udumati, күнтүз олурмати, qizil qanım tökti, qara tärим жүгүрти, isig küçig bärтим ök, bän özüм uzun jälmäg jämä it-im oq* [‘Тоньюкук:] ‘Я, не спав по ночам, не имея покоя днем, проливая красную свою кровь и заставляя течь свой черный пот, я отдавал народу (свои) работу и силу, и я же сам направлял длинные (дальние) военные набеги’ [Малов 1951: 64, 69].

В современном башкирском языке семантика слова *qidil* заключается в обозначении цвета веществ, предметов: *qidil bujawa* ‘красная краска’, *qidil jawliq* ‘красный платок’, *qidil säskä* ‘красный цветок’, *qidil küldäk* ‘красное платье’, *qidil taθma* ‘красная лента’. Ср. в других тюркских языках: ног. *kizil bojak* ‘красная краска’, тат. *kizil külmäk* ‘красная рубаха’, чув. *xärlä särä* ‘красная краска’, *xärlä täpra* ‘краснозем’, ккалп. *qizil köjlek* ‘красная рубашка’, кум. *qizil gül* ‘красная роза’, *qizil jip* ‘красная нитка’, хак. *xizil kögenek* ‘красное платье’, *xizil sir* ‘красная краска’, *xizil çiltis* ‘красная звезда’, турк. *girmizi jaglik* ‘красный платок’.

Кроме этого, лексема *qidil* активно употребляется в словообразовании — она является активным компонентом в составе следующих терминов:

– фитонимов, в которых лексема *qidil*, в основном, характеризует цвет плода: башк. *qidil börlögän* ‘костяника’ (в отличие от *qara börlögän* ‘ежевика’), *qidil körtmäle* ‘брусника’ (в отличие от *qara körtmäle* ‘черника’), *qidil boros* ‘красный перец’, *qidil sögöldör* ‘красная свекла’, *qidil qarayat* ‘красная смородина’, реже — цвет стебля, коры и т. д.: *qidil tal* ‘краснотал’ *qidil äšälsä* ‘ятрышник кровавый’. Ср. в других тюркских языках: алт. *kizilgat*, хак. *xizilyat* ‘красная смородина’, кирг. *kizilgat* ‘земляника’, як. *kihil oton* ‘брусника’ (досл. ‘красная ягода’), кбалк. *qizil naniq* ‘малина’ (в отличие от *kara naniq* ‘ежевика’), *qizil škildi* ‘брусника’ (в отличие от *kara škildi* ‘черника’), тат. *kizil karligan* ‘красная смородина’, гаг. *kizilzik* ‘кизил’, ккалп. *qizilša* ‘дикая ягода’, як. *kihil xaptayas* ‘красная смородина’;

– зоонимов, в которых цветолексемой обозначается окраска шерсти, кожи, перьев животного либо какая-нибудь часть тела (голова, крылья, ноги и т. д.): *qidil aqsarlaq* ‘розовая чайка’ (досл. ‘красная чайка’), *qidilbaliq* ‘таймень’ (досл. ‘красная рыба’), *qidil qandala* диал. ‘божья коровка’ (досл. ‘красный клоп’), *qidilgüd* ‘красноглазка (рыба)’ (досл. ‘красный глаз’), *qidilyojroq* ‘горихвостка’ (досл. ‘красный хвост’), *qidilbaş keθärte* ‘кровосос’ (досл. ‘красноголовая ящерица’), *qidil bet* ‘тля кровяная’ (досл. ‘красная тля’), *qidilboyaq gagara* ‘краснозобая гагара’, *qidil talpan* ‘клещ-краснотелка’ (досл. ‘красный клещ’), *qidil tölkö* ‘лиса красная’, *qidiltüs* ‘снегирь’ (досл. ‘красногрудка’), *qidil šäške* ‘колонок’ (досл. ‘красная норка’). Ср. в других тюркских языках: як. *kihil xarax* ‘красноперка (рыба)’ (досл. ‘красный глаз’), чув. *xärlä tilä* ‘рыжая лиса’, *xärlä kukamaj* ‘божья коровка’ (досл. ‘красная бабушка’), *xärlä kākär* ‘снегирь’ (досл. ‘красная грудь’), гаг. *kizil kanat* ‘плотва, красноперка’ (досл. ‘красное перо’), ккалп. *qizil ajaq* ‘кулик’ (досл. ‘красная нога’), хак. *xizil pastiy ot* ‘кровохлебка’ (досл. ‘трава с красной головой’), *xizil xarax* ‘сорога’ (досл. ‘красный глаз’);

– названий минералов, горных пород, где имеет место номинация по внешнему цветовому признаку: *qidil jaqut* ‘рубин’ (досл. ‘красный яхонт’), *qidil aqiq* ‘красный сердолик’. Ср. в др. тюрк. яз.: караим. *kizil tas* ‘рубин’ (досл. ‘красный камень’), як. *kihil kümüş* ‘золото’ (досл. ‘красное серебро’);

– анатомических терминов, где цветообозначением красный подчеркивается ярко выраженная краснота на фоне других частей тела: *qidil ünäs* ‘пищевод’ (досл. ‘красный пищевод’), *qidil tel* диал. ‘язычок’ (досл. ‘красный язык’). Ср. в др. тюрк. яз.: уйг. *qizil öngäç* ‘прямая кишка’, ‘пищевод’, тув. *kizil-ös* ‘пищевод’ (досл. ‘красный пищевод’), тув. *kizil-xirin* ‘живот’ (досл. ‘красное брюхо’);

– названий болезней, которые даны в связи с появлением на теле высыпаний красного цвета: *qidilsa* ‘корь’, *qidil hir* ‘рожа, рожистое воспаление’ (досл. ‘красная рожа’), *qidil sirtmä* диал. ‘опухание конечностей’ (досл. ‘красная рожа’), *qidil timeräw* ‘водянистый лишай’ (досл. ‘красный лишай’). Ср. в др. тюрк. яз.: тат. *kizilça* ‘краснуха’;

чув. *xərləxen* ‘корь’, гаг. *kizillik* ‘скарлатина’, ккалп. *qizilša* ‘сыпь, корь, краснуха’, кирг. *kizil zügürük* ‘ревматизм’ (досл. ‘красный козел / баран’), *kizil maj* ‘болезненное состояние лошади, выражающееся в том, что у нее слабеют ноги и вылезают шерсть и хвост’ (досл. ‘красный жир’), тур. *kiziljürük* ‘рожа’, *kiziljara* мед. ‘карбункул’ (досл. ‘красная рана’), ног. *kizilša* ‘корь’;

– других названий, относящихся к разным лексико-семантическим группам (пища, напитки и др): *qidil eremsek* ‘красный творог (вываренный творог)’, *qidil araqi* диал. ‘вино’ (досл. красная водка). Ср.: каираим. *kizil as* ‘борщ’ и т. д.

3.1.2. **Оттенки красного цвета разной интенсивности и насыщенности.** В широком смысле слова диапазон красного цвета в тюркских языках, в том числе и башкирском, охватывает красный и оранжевый спектры, включая оттенки этих цветов.

Оранжевый цвет в восприятии тюрков — оттенок либо желтого, либо красного. Поэтому в тюркских языках нет моноксемного цветообозначения для оранжевого. В башкирском языке цветообозначение образуется из сочетания названий *qidil* ‘красный’ и *hari* ‘желтый’: *qidil hari* или *hari qidil*. В обозначении цвета нередко самостоятельно используются и лексемы *qidil* или *hari*: *qidil äflisun* ‘оранжевый апельсин’ (досл. ‘красный апельсин’).

Оттенки красного цвета могут обозначаться моноксемой *qidil*: например, рыжий — *qidil säsle* ‘рыжеволосый’, золотистый — *qidil altin* ‘красное золото’. Ср. в др. тюрк. яз.: хак. *xizil* ‘рыжий, бурый (о масти животных)’, *xizil sas* ‘рыжие волосы’, *xizil tulgü* ‘рыжая лисица’, *xizil inek* ‘рыжая (бурая) корова’, чув. *xərlə ėne* ‘красная корова’, *xərlə çyçlě aça* ‘рыжеволосый мальчик’, уйг. *qizil saqal* ‘рыжая борода’.

В большинстве случаев слова, обозначающие интенсивность или насыщенность красного цвета, формируются аналитическим способом, а также с помощью частиц и аффиксов, образующих степени прилагательных.

3.1.2.1. Оттенки красного цвета по яркости и световому тону образуются аналитическим способом (модель П+ЦО¹, слово *qidil* в постпозиции): *quji qidil* ‘темно-крас-

¹ П — прилагательное, ЦО — цветообозначение.

ный’ (*quji* ‘густой’), *asiq qidil* ‘светло-красный’ (*asiq* ‘светлый’). Ср. в др. тюрк. яз.: тат. *kuje kizil* ‘пурпурный’ (*kuje* ‘густой’), чув. *jəpkən xərlə* ‘пурпурный’ (*jəpkən* ‘густой, сочный’), *təksəm xərlə* ‘темно-красный’ (*təksəm* ‘темный’), ккалп. *aşiq qizil* ‘алый’ (*aşiq* ‘светлый’), кум. *avur qizil* ‘багровый, темно-красный’ (*avur* ‘тяжелый’), хак. *pürkek xizil* ‘темно-красный’ (*pürkek* ‘темный’), *sidiñ xizil* ‘ярко-красный’ (*sidiñ* ‘яркий’), турк. *goji gizil* ‘бордо’ (*goji* ‘густой’), уйг. *toq qizil* ‘темно-красный’ (*toq* ‘сытый’), *qeqiq qizil* ‘пунцовый, алый, ярко-красный’ (*qeqiq* ‘густой, темный’).

3.1.2.2. Красный цвет, имеющий оттенки других цветов, образуется по модели ЦО¹ + ЦО² (слово *qidil* в постпозиции): *hari qidil* / *harıilt qidil* ‘оранжевый, желто-красный’, *qara qidil* ‘темно-красный’, *burlat qidil* ‘кумачовый; кумачо-красный’, *al qidil* ‘розово-красный’. Ср. в др. тюрк. яз.: ног. *kara-kök kizil* ‘темно-красный, вишневый, бордовый; румяный’ (досл. ‘темно-сине-красный’).

3.1.2.3. Интенсивность цвета выражается в форме превосходной степени прилагательного. Превосходная степень прилагательного *qidil* образуется двумя путями: а) удвоением первых двух букв прилагательного и прибавлением к нему *-p*: *qip-qidil* ‘красный, очень красный, совершенно красный’; б) с помощью усилительной частицы *sem / selt*: ‘чисто красный’ *selt qidil*, *sem qidil*. Ср.: алт. *kıp-kizil* ‘совершенно красный, ярко-красный’.

3.1.2.4. Проявление цвета в меньшей степени выражается в форме уменьшительной степени прилагательного *qidil*, которая образуется с помощью аффикса *-yilt / -yiltim*: *qidıyilt* / *qidıyiltim* ‘красноватый’. Ср. в др. тюрк. яз.: ккалп. *qizilsımaq*, алт. *kizilzıman*, *kiziltim*, кирг. *kizgilt*, *kizgiltim*, турк. *gizilimtil*, уйг. *qizamtul*.

3.1.2.5. Некоторые цветовые тона образуются с помощью конструкций сущ. + П: *sejä qidil* ‘вишневый’ (*sejä* ‘вишня’), *qan qidil* ‘кроваво-красный’ (*qan* ‘кровь’). Ср.: як. *uot kihil* ‘огненно-красный’ (*uot* ‘огонь’), *xaan kihil* ‘алый’ (*xaan* ‘кровь’).

3.1.3. **Красный оттенок в других цветах.** В словах, обозначающих цвета с красноватым оттенком, их значение образуется аналитическим путем (ЦО¹+ЦО², слово *qidil* / *qidıyilt* в препозиции): *qidil kük* ‘фиолетовый’ (досл. ‘красно-синий’), *qidil* / *qidıyilt*

hari ‘оранжевый’ (досл. ‘красно-желтый’), *qıdıl körän* ‘красно-коричневый’, *qıdıl jerän* ‘красно-рыжий’. Ср. в др. тюрк. яз.: кбалк. *qızıl ala* ‘ярко-красный, алый’, кирг. *kızgılt kögüš* ‘лиловый, серовато-красный’ (*kögüš* голубоватый, ‘синеватый’), турк. *gızıl-goñur* ‘красно-бурый’, тув. *kızıl-sarıg* ‘оранжевый’ (досл. ‘красно-желтый’), тув. *kızıl-xüreñ* ‘бордовый’ (досл. ‘красно-коричневый’), алт. *kızıl koñır at* ‘красно-рыжий конь’, хак. *xızıl küreñ* ‘бордовый, красно-коричневый’, *xızıl sarıy* ‘оранжевый, красно-желтый’, *xızıl xör* ‘красно-каурый (масть)’.

3.2. Румянец, румяный, алый, покрасневший. Розовый или алый цвет в башкирском языке, наряду с лексемами *al / alhıw*, передается словом *qıdıl* ‘красный’, а также активно используется глагол *qıdarıw* ‘краснеть’: *qıdıl almalar* ‘румяные яблоки’, *qıdıl tañ* ‘румяная, алая заря’, *tañ qıdara* ‘заря занялась’, *qıdıl eñer* ‘начало вечерних сумерек’ (досл. ‘красные сумерки’), *šäfäq qıdarıp tora* ‘краснеет вечерняя заря’. В глаголе *qıdarıw* наблюдается следующая метафоризация значения: ‘краснеть, покрываться румянцем’ → ‘покраснеть (о лице — от холода, жары, стыда, гнева)’ → ‘стыдиться’: *asıwdan qıdarıw* ‘краснеть от гнева’, *asıwdan jödö qıdarđı* ‘от гнева у него покраснело лицо’, *ojalıp qıdarıw* ‘покраснеть от стыда’, *jödğä qıdıllıq kilterew* ‘стыдить, позорить’. Значение зафиксировано в древнетюркском памятнике «Кутадгу билик» (XI в.): *Älik ruštı artuq, quzartı mäniz* ‘Элик сильно тревожился, и лицо его омрачилось (покраснело)’ [Малов 1951: 262, 283]. Ср. в др. тюрк. яз.: кбалк. *qızıl qanlı bet* ‘румяное лицо’, *qızıl uvurtla* ‘румяные щеки’, тат. *kızıl tañ* ‘румяная заря’, чув. *xêrlê pitçâmartı* ‘румяные щеки’, гаг. *dan erleri kizarer* ‘рассветает, алеет восток’, ккалп. *betine qızıl zuürdi* ‘у него на лице появился румянец’, *ujalyannan qızar-* ‘сгореть со стыда’, алт. *kizar-* ‘краснеть’, *d’üzi kizardı* ‘лицо покраснело (от гнева, испуга)’, кум. *çaq qızardı* ‘в небе загорелась заря’, кирг. *betine kızıl zügürdü* ‘у него на лице появился румянец’, тув. *kızıl-xajaa* ‘заревое, зарница’ (досл. ‘красное зарево, зарница’).

3.3. Спелый, созревший. Перенос ‘красный’ → ‘спелый, созревший’ происходит относительно созревших ягод, плодов: *qıdıl jeläk* ‘спелые ягоды’, *qıdıl pomidor* ‘кызыл (красный) помидор’, *qıdıl alma* ‘красное

яблоко’. Это значение наблюдается также в глаголе *qıdarıw* ‘поспевать, созревать’ (досл. ‘краснеть’), который используется в отношении некоторых плодов и ягод красного цвета: *jeläk qıdaryan* ‘ягоды спели’ (досл. ‘покраснели’), *qıdara başlaw* ‘поспевать’, *qıdarıp bešew* ‘покраснеть, созреть’. Ср. в др. тюрк. яз.: чув. *xêrlê çirli* ‘спелые ягоды’, гаг. *kizar-* ‘поспевать, созревать (о плодах)’, хак. *xızıl çistek* ‘спелая ягода’.

3.4. Яркий, красивый. Физическое свойство красного цвета — яркость — способствовало развитию значения ‘яркий, броский’ слова *qıdıl*, которое более отчетливо выражается в поговорках: *ütä qıdıl tid uña* — соотв. ‘слишком пылкие чувства быстро проходят’ (досл. ‘слишком красный быстро выцветает’), *qıdıl iştan keñderew* — досл. ‘надеть красные штаны’ (выражение употребляется по отношению к людям, занимающимся наушничеством, доносом), *här qıdıly qıdıqta* — соотв. ‘не все золото, что блестит’ (досл. ‘не зарись на любое красное’). Ср. в др. тюрк. яз.: кбалк. *qızıl qırknı qaratiir* погов. ‘красное привлечет взгляд многих’, *açı qızıl terk oñar* погов. ‘ярко-красное быстро линяет’, ккалп. *qızdın közi qızilda* ‘девушки любят наряды’ (досл. ‘глаза девушки в ярком’).

3.5. Восточный (в топонимии). В топонимических названиях лексема *qıdıl* ‘красный’, наряду с другими цветообозначениями, используется в обозначении сторон света. Так, в башкирской топонимии закрепились четыре цветообозначения, обозначающие стороны света: *qara* ‘черный’ — север, *aq* ‘белый’ — юг, *kük* ‘синий’ — запад, *qıdıl* ‘красный’ — восток. Их употребление в значении сторон света могут подтвердить следующие гидронимы: *Qaridel* (от *qara* ‘черный’ и *idel* ‘река’) — р. Караидель / Уфимка, правый приток Белой, протекает в северной части Башкортостана; *Ayidel* (от *aq* ‘белый’ и *idel* ‘река’) — р. Агидель / Белая, левый приток Камы, протекает в основном на южной территории, *Kügidel* (от *kük* ‘синий’ и *idel* ‘река’) — р. Дема, левый приток Белой, протекает в Западном Башкортостане; *Olo Qıdıl* (от *olo* ‘большой’ и *qıdıl* ‘красный’) — р. Большой Кизил, правый приток Урала, протекает на востоке республики.

Система цветового обозначения стран света существовала у многих древних народов. У китайцев, иранцев, древних уйгуров,

ряда азиатских кочевых народов красный также обозначал юг. М. К. Семби выявляет по данным фольклорных материалов, что сибирские татары, хакасы и казахи север обозначали черным, юг — красным, восток — голубым, запад — белым цветами [Семби 2013: 15–27]. А. Н. Кононов приводит примеры употребления цветообозначения ‘черный’ в значении ‘север, северный’, ‘желтый, белый’ — ‘запад, западный’, синий — ‘восточный’ и излагает свои предположения о том, что красный цвет не использовался для обозначения сторон света [Кононов 1978: 159–160].

Судя по вышеназванному гидрониму *Olo Qıdıl* ‘Большой Кизил’, можно сказать, что в башкирской географической номинации красный цвет использовался в цветовой ориентации в пространстве. Это вполне может быть связано с архаическими представлениями древнебашкирских племен, проживавших на Южном Урале еще до их тюркизации.

Метафорическое использование башкирских цветообозначений, видимо, основано на окраске небосвода во время восхода и заката солнца, неравномерной освещенности южных и северных частей топообъекта (например, гор). Отметим, что восход солнца бывает красного цвета, и в башкирском языке он обозначается синтагмами *al tañ* ‘утренняя (алая) заря’, *qıdıl tañ* ‘утренняя (красная) заря’, *qıdarıp qojaş qalqqanda* ‘когда красное солнце восходит’ и т. п. Вероятно, поэтому восток символизировался у башкир красным цветом. Когда солнце находится на южном небосклоне, то все вокруг озаряется дневным белым светом, и это обозначается выражениями: *aq kön* ‘белый день’, *kön harihi* ‘дневной цвет’, — следовательно, для башкир белый и желтый цвета символизировали южную сторону пространства. Во время заката небосвод принимает окраску от голубого до темно-синего цвета, что закрепилось в следующих словосочетаниях: *budrap qojaş batqanda* ‘когда синее солнце заходит’, *ofoq zängärlänä (kükhellänä)* ‘горизонт голубеет’. Неосвещенность солнцем северных частей топообъектов (например, склона горы) способствовала развитию значения ‘северный’ слова *qara* ‘черный, темный’.

3.6. Мифологизированный цвет, выполняющий обережную / охранительную

функцию. Красный является мифологизированным цветом у башкир. К примеру, его предпочитали в одежде, так как, по представлениям башкир, он оберегал от сглаза, нечистой силы. Также считалось, что обережную силу имели украшения из красных камней: *qıdıl aqıq* ‘красный сердолик’, *qıdıl munsaq* ‘красные бусы’: *qıdıl munsaq taqhañ, kilendärgä tel-teş, küd ütmäj* ‘красные бусы защищают невесток от сплетен и сглаза’. Нередко от сглаза использовались красная материя (*qıdıl sepräk*), красная нитка (*qıdıl jep*): *küd tejmähen tip bıdawya, qolonya, bäräskä, hijir qojroyona qıdıl sepräk bäjläjdär* ‘от сглаза теленку, жеребенку, ягненку, корове привязывали кусок ткани красного цвета’ [Хисамитдинова 2010: 207]. Отгоняющая и обережная функции красного цвета отражаются в лечении таких болезней, как корь, краснуха, рожа, водянистый лишай. Традиционно при лечении и заговаривании этих болезней башкиры обращались к магии красного цвета — использовали ягоды, вещи красного цвета (*qıdıl sepräk* ‘красная тряпка’, *qıdıl jeläk* ‘красные ягоды’, *qıdıl jep* ‘красная нитка’, *qıdıl jawlıq* ‘красный платок’ и т. д.). Здесь, возможно, имел место принцип «подобное лечится подобным» — эти болезни сопровождались красными высыпаниями на теле больного. Ср.: *qıdamıq, qıdılsa bulha, bäläkaj balanı qıdıl sepräkke töröp halahıñ da äpsenen äjtäheñ* ‘при краснухе, кори ребенка заворачиваешь в красную материя и произносишь заговор’ [Хисамитдинова 2011: 270].

3.7. Сильная степень проявления качества. В составе некоторых выражений лексема *qıdıl* обозначает сильную степень чего-либо, употребляется в значениях ‘совершенно’, ‘очень’: *qıdıl tel* ‘красноречивый’ (досл. ‘красноязычный’), *qıdıl jalanyas qalıw* ‘остаться совершенно без ничего’ (досл. ‘остаться “красного цвета”, т. е. голым’). Ср. в др. тюрк. яз.: хак. *xızıl açırystıy* ‘в высшей степени досадный’ (*açırystıy* ‘досадный’), *xızıl çalaas* ‘совершенно голый, в чем мать родила’ (*çalas* ‘голый’), *xızıl pırçıx* ‘лишь красное тельце (о новорожденном)’, *xızıl xolnañ* ‘голыми руками’ (досл. ‘красными руками’), *xızıl çıit* ‘совсем юный молодой’ (*çıit* ‘молодой’)’ (досл. ‘слишком красный быстро выцветает’), кирг. *kızıldaj ele zazdıim* ‘я здорово ошибся’, *kızıl kamçı* ‘жестокий’ (досл. ‘красная плеть’), *kızıl çöl* ‘безжизнен-

ная пустыня' (досл. 'красная пустыня'), *kizil ūrular* 'ворюги', *kizil but* 'холостяк', уйг. *qip-qizil jalyançi* 'наглый лгун, лжец', тув. *kizil-davan* 'босой, босиком' (досл. 'красная подошва').

3.8. **Субстантиваты.** В башкирском языке нередко происходит субстантивация прилагательного *qïdïl* для обозначения разных предметов, явлений ('помада', 'румяна', 'ржавчина', 'золото' и т. д.): *irengä qïdïl hörtöw* 'накрасить губы' (досл. 'нанести на губы красное'), *bitkä qïdïl jayïw* 'нанести на лицо румяна' (досл. 'нанести на лицо красное'), *qïdïl ultïriw* 'заржаветь' (досл. 'осело красное'), *qïdïldan tadartïw* 'удалять ржавчину' (досл. 'чистить от красного').

3.9. **Красный** (относящийся к Советской Армии, революции). Это значение зафиксировано в исторических терминах: *qïdïl Armija* 'Красная Армия', *qïdïl frontoviktar* 'красные фронтовики', *qïdïl bajraq* 'Красное Знамя', *qïdïl galstuk* 'красный галстук'. Ср. в др. тюрк. яз.: тат. *kizil komandir* 'красный командир', чув. *xërlë gvardeetz* 'красногвардеец', *xërlë komandir* 'красный командир', *xërlë Çar* 'Красная Армия', ног. *kizil askerlar* 'красные войска', алт. *kizil māni* 'красное знамя'.

В других тюркских языках также отмечены следующие значения лексем 'красный', 'краснеть', которые не зафиксированы в словарях башкирского языка: пустыня (ккалп. *qizil*), мясо (кирг. *bir tištem kizil* 'кусочек мяса', *kizilga karō* 'любитель мяса, любитель мясного, имеющий пристрастие мясу', *kizildi körsö, kija ötpögön* 'если он видит мясо, то мимо не пройдет'), обмолоченное чистое зерно (ккалп. *qizil*), хан (кирг. *kizil*, например: *kizil tebetej* 'красная шапка (признак ханского достоинства)'; жариться (кум. *qizarïw*, например: *et qizardi* 'мясо поджарилось', аз. *gizarïw* 'жариться').

Заключение

В ходе исследования выявлено, что лексема *qïdïl* восходит к пратюркскому **Kiř-il* 'красный', которое, возможно, произошло от праалтайского **k'iu'ru* 'красный; коричневый, темный'. Слово сохранилось во всех тюркских языках с некоторыми фонетическими изменениями. В башкирском языке оно встречается в следующих фонетических вариантах: *qïdïl / qihil / qizil*. Изменения в звуковом составе слова являются результатом появления специфических звуков

в фонетическом строе башкирского языка (**ř/z > δ > h*).

Основное значение лексем — обозначение красного цвета, эталоном которого является цвет крови. Кроме этого, лексема *qïdïl* является активным компонентом в образовании фитонимов, зоонимов, анатомических терминов, названий минералов, горных пород, болезней и др. В широком смысле слова, лексема *qïdïl* охватывает весь диапазон красного и оранжевого спектров. Оттенки красного цвета либо обозначаются монолексемой *qïdïl* (*qïdïl säsle* 'рыжеволосый', *qïdïl altïn* 'красное золото'), либо слова, обозначающие их, образуются аналитическим способом или с помощью частиц и аффиксов. Аналитическим способом образуются слова, обозначающие оттенки красного цвета по яркости и световому тону (например, *quji qïdïl* 'темно-красный'), оттенки других цветов в составе красного (*burlat qïdïl* 'кумачовый'). Интенсивность цвета выражается в форме превосходной степени прилагательного: *qip-qïdïl* 'красный, очень красный, совершенно красный', *selt qïdïl, sem qïdïl* 'красный, ярко-красный'. Проявление цвета в меньшей степени выражается в форме уменьшительной степени (*qïdüyilt / qïdüyiltim* 'красноватый'). Некоторые цветовые тона образуются с помощью сочетания существительного и прилагательного: *sejä qïdïl* 'вишневый' (*sejä* 'вишня').

Более того, в башкирском языке лексема *qïdïl* несет не только денотативную, но и коннотативную семантику. Она приобрела следующие вторичные значения: спелый (перенос 'красный' > 'спелый, созревший' происходит относительно созревших ягод, плодов), яркий (физическое свойство красного цвета — яркость — способствовало развитию этого значения), восточный (метафоризация, видимо, связана с окраской небосвода во время восхода), советский, революционный (в исторических терминах), субстантиваты ('помада', 'румяна', 'ржавчина', 'золото'), сильная степень проявления качества ('совершенно', 'очень'), мифологизированный цвет, выполняющий обережную, охранительную функцию.

Подытоживая результаты, отметим, что многие значения слова, зафиксированные в башкирском языке, можно найти и в других тюркских языках. Но, тем не менее, в башкирской топонимии имеется отличающееся

от других тюркских языков значение красного цвета — ‘восточный’, в то время как в других тюркских языках красным обозначался юг, южная сторона. Также в башкирском языке ярко проявлена мифологическая семантика цвета, заключающаяся в обережной, охранительной функции.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, научно-исследовательский проект №16-34-01049 «Формирование и развитие системы цветообозначений в тюркских языках Урало-Поволжья».

Список условных сокращений

досл. — дословно.
МК — словарь Махмуда Кашгари.
р. — река.
соотв. — соответствие.
ср. в др. тюрк. яз. — примеры из других тюркских языков.
Тон. — Памятник в честь Тоньюкука.
СС — Codex Cumanicus.
IbnM Мел. — Словарь Ибн Муханны по изданию Мелиоранского П. М.
IbnM Rif. — Словарь Ибн Муханны по изданию Рифата Килисли.
Tfs — среднеазиатский тефсир.
QB — Qutadgu Bilig.

Языки и диалекты

аз. — азербайджанский
алт. — алтайский
англ. — английский
башк. — башкирский
булг. — болгарские языки
бурят. — бурятский
гаг. — гагаузский
гр. — греческий
долг. — долганский
др.-уйг. — древнеуйгурский
исп. — испанский
каз. — казахский
калм. — калмыцкий
караим. — караимский
карлук. — карлукские языки
кбалк. — карачаево-балкарский
кирг. — киргизский
кирг.-кыпч. — киргизско-кыпчакские языки
ккалп. — каракалпакский
крх.-уйг. — караханидско-уйгурский
кум. — кумыкский
кыпч. — кыпчакские языки
мал. — малайский
ног. — ногайский

огузск. — огузские языки
орх. — орхонский
ПТю — пратюркский
рус. — русский
сальют. — сальютский говор башкирского языка
сарыг-юг. — сарыг-югурский
сев.-зап. — северо-западный диалект башкирского языка;
сиб-тат. — сибирско-татарский
тадж. — таджикский
тат. — татарский
тув. — тувинский
тур. — турецкий
турк. — туркменский
узб. — узбекский язык
уйг. — уйгурский
уйг.-огузск. — уйгуро-огузские языки
хак. — хакасский
халх. — халха-монгольский
чув. — чувашский
эвенк. — эвенкийский
як. — якутский

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Академический словарь 2013 — Академический словарь башкирского языка / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. 5. Уфа: Китап, 2013. 888 с. [*Akademicheskij slovar' bashkirskogo yazyka* [Academic dictionary of the Bashkir language]. F. G. Khisamitdinova (ed.). Vol. 5. Ufa: Kitap, 2013. 888 p. (In Rus. And Bash.)]
- Ахметьянов 2015 — *Ахметьянов Р. Г.* Этимологический словарь татарского языка. Т. 2. М–Я. Казань: Магариф-Вақыт, 2015. 567 с. [*Akhmetyanov R. G. Etimologicheskij slovar' tatarskogo yazyka* [An etymological dictionary of the Tatar language]. Vol. 2. М–Я. Kazan: Magarif-Vakyt, 2015. 567 p. (In Tat.)]
- Бахилина 1975 — *Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 292 с. [*Bakhilina N. B. Istoriya tsvetoboznacheniy v russkom yazyke* [A history of Russian color terms]. Moscow: Nauka, 1975. 292 p. (In Rus.)]
- Бачаева 2015 — *Бачаева С. Е.* Формулы-толкования цветообозначающих имен прилагательных (на материалах песен эпоса «Джангар») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 80–85. [*Bachaeva S. E. Definition formulas of adjectives denoting color (on materials of songs of the epos Dzhangar)*. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2015. No. 1. Pp. 80–85. (In Rus.)]

- Башкирско-русский словарь 1996 — Башкирско-русский словарь / под ред. З. Г. Ураксина. М.: Русский язык, 1996. 884 с. [*Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian dictionary]. Z. G. Uraksin (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1996. 884 p. (In Bash. and Rus.)]
- Берлин, Кей 1969 — *Берлин Б., Кей П.* Основные цвета: Их универсальность и видоизменения. М.: Знание, 1969. 169 с. [Berlin B., Kay P. *Osnovnye tsveta: Ikh universal'nost' i vidoizmeneniya* [Basic color terms: their universality and evolution]. Moscow: Znanie, 1969. 169 p. (In Rus.)]
- Будагов 1871 — *Будагов Л. З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1871. 415 с. [Budagov L. Z. *Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy* [A comparative dictionary of Turkic-Tatar dialects]. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Acad. of Sc., 1871. 415 p. (In Rus. and Tat.)]
- Габышева 1984 — *Габышева Л. Л.* Цвето- и зоо-символика в якутском эпосе олонхо // Советская тюркология. 1984. № 3. С. 27–30. [Gabyшева L. L. Color and zoological symbols in the *Olonkho* epic of the Yakuts. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1984. No. 3. Pp. 27–30. (In Rus.)]
- Джушхинова 2013 — *Джушхинова К. А.* «Белая дорога» как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 48–52. [Dzhushkhinova K. A. The 'white way' as a precedent sign of Kalmyk linguoculture. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2013. No. 2. Pp. 48–52. (In Rus.)]
- Диалектологический словарь 2002 — Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. 432 с. [*Dialektologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [The Bashkir dialect dictionary]. M. I. Dilmukhametov (ed.). Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (In Bash.)]
- Древнетюркский словарь 1969 — Древнетюркский словарь / ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. 677 с. [*Drevnetyurkskiy slovar'* [The dictionary of Old Turkic]. Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Scherbak A. M. (eds.). Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Turk. and Rus.)]
- Дыбо 2013 — *Дыбо А. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9. Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана: Proper Print, 2013. 616 с. [Dybo A. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov*. T. 9. *Etimologicheskiy slovar' bazisnoy leksiki tyurkskikh yazykov* [An etymological dictionary of Turkic languages. Vol. 9. An etymological dictionary of a basic Turkic vocabulary]. Astana: Proper Print, 2013. 616 p. (In Turk.)]
- Егоров 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1964. 355 с. [Egorov V. G. *Etimologicheskiy slovar' chuvashskogo yazyka* [An etymological dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 1964. 355 p. (In Chuv.)]
- История башкирского народа 2009 — История башкирского народа: в 7 т. Т. 1. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. 400 с. [*Istoriya bashkirskogo naroda* [A history of the Bashkir people]. In 7 vol. Vol. 1. M. M. Kulsharipov (ed.). Moscow: Nauka, 2009. 400 p. (In Rus.)]
- Кезина 2008 — *Кезина С. В.* Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. 304 с. [Kezina S. V. *Semanticheskoe pole tsvetooboznacheniy v russkom yazyke (diakhronicheskiy aspekt)* [A semantic field of Russian color terms: a diachronical perspective]. Penza: Penza State Pedagogical Univ., 2008. 304 p. (In Rus.)]
- Кононов 1978 — *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М.: Наука, 1978. С. 159–179. [Kononov A. N. Turkic languages: semantics of color terms. *Tyurkologicheskiy sbornik*. 1975. Moscow: Nauka, 1978. Pp. 159–179. (In Rus.)]
- Кормушин 2001 — *Кормушин И. В.* Цветообозначения // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. С. 592–608. [Kormushin I. V. Color terms. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [A comparative historical grammar of Turkic languages]. Moscow: Nauka, 2001. Pp. 592–608. (In Rus.)]
- Корпус башкирского языка — Корпус башкирского языка. Проза [электронный ресурс] // URL: <http://212.193.132.98/bashkorp/bashkorp> (дата обращения: 13.07.2018). [*Korpus bashkirskogo yazyka. Proza* [Bashkir National Corpus: prose]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 13 July 2018). (In Bash.)]
- Малов 1951 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

- [Malov S. E. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. Teksty i issledovaniya* [Old Turkic writings: texts and studies]. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1951. 451 p. (In Rus.)]
- Норманская 2005 — Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: С&К, 2005. 326 с. [Normanskaya Yu. V. *Genezis i razvitie sistem tsvetooboznacheniy v drevnikh indoevropayskikh yazykakh* [Ancient Indo-European languages: genesis and evolution of color term systems]. Moscow: С&К, 2005. 326 p. (In Rus.)]
- Радлов 1899 — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 1. СПб.: Тип. Российской Императорской Академии Наук, 1899. 1052 с. [Radlov V. V. *Opyt slovarya tyurkskikh narechiy* [A dictionary of Turkic dialects]. Vol. 2. Part 1. St. Petersburg: Russian Imperial Acad. of Sc., 1899. 1052 p. (In Turk. and Rus.)]
- Саматов 2016 — Саматов К. Лексемы, выражающие хроматические цвета *кызыл* «красный», *сары* «жёлтый», *көк* «синий, голубой», *жашыл* «зелёный», *күрөң* «коричневый» в кыргызском языке [электронный ресурс] // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 10. С. 109–121. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26112170> (дата обращения: 12.07.2018). [Samatov K. Kyrgyz lexemes to denote chromatic colors *qyzyl* 'red', *sary* 'yellow', *kök* 'blue', *zhashyl* 'green', *küpöñ* 'brown'. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2016. No. 10. Pp. 109–121. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 12 July 2018). (In Rus.)]
- Семби 2013 — Семби М. К. Память земли тюрко-монгольской. Алматы: КазНИИК, 2013. 296 с. [Sembi M. K. *Pamyat' zemli tyurko-mongol'skoy* [The memory of the Turco-Mongolic lands]. Almaty: Qazaqstan Culture Research Institute, 2013. 296 p. (In Rus.)]
- Сравнительно-историческая грамматика 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / отв. ред. Э. Р. Тенишев. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с. [*Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [A comparative historical grammar of Turkic languages: lexis]. E. R. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Rus.)]
- Сравнительно-историческая грамматика 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с. [*Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye rekonstruktsii* [A comparative historical grammar of Turkic languages: regional reconstructions]. E. R. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka, 2002. 767 p. (In Rus.)]
- Федотов 1996 — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 509 с. [Fedotov M. R. *Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka* [An etymological dictionary of the Chuvash language]. Vol. 2. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 1996. 509 p. (In Chuv. and Rus.)]
- Хисамитдинова 2010 — Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с. [Khisamitdinova F. G. *Mifologicheskij slovar' bashkirskogo yazyka* [A mythological dictionary of the Bashkir language]. Moscow: Nauka, 2010. 452 p. (In Bash. and Rus.)]
- Хисамитдинова 2011 — Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 420 с. [Khisamitdinova F. G. *Slovar' bashkirskoy mifologii* [A dictionary of Bashkir mythology]. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Uralic Branch) of RAS, 2011. 420 p. (In Rus.)]
- Этимологический словарь 2000 — Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские лексические основы на буквы “К”, “К” / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 2000. 364 с. [*Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. Obschetyurkskie i mezhtyurkskie leksicheskie osnovy na bukvy “K”, “K”* [An etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic lexical stems beginning with 'K']. G. F. Blagova (ed.). Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury, 2000. 364 p. (In Rus.)]
- Clauson 1972 — Clauson G. An etymological dictionary of the Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 988 p. [*As aforesaid*. (In Eng. and Turk.)]
- Starostin, Dybo, Mudrak 2003 — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003. 1556 p. [*As aforesaid*. (In Eng.)]

UDC 811.512.141'37

The Bashkir Colour Term *Кызыл / Qyźyl* ('Red'): Genesis, Evolution and Lexical Semantics

Rimma T. Muratova¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Linguistics, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the RAS (71, Prospect Oktyabrya Str., Ufa, 450054, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4223-0675. E-mail: bairima@yandex.ru

Abstract

Goals: The article aims to investigate the origins of the word *кызыл* 'red' in the Bashkir language, trace its evolution against the common Turkic background, and reveal the semantic message of the color term.

Methods: Semantic analysis method — analysis of meanings of diverse color terms to denote 'red' — served as the leading research method. The comparative historical method was used to identify the common and specific in the evolution of terms and their meanings, a synchronous method applied to identify denotative and connotative components of meanings.

Results: The study revealed that the current gloss *qı̇dıl* 'red' dates back to the proto-Turkic **Kiř-il* 'red' which might have originated from the proto-Altaic form **kiūr'u* 'red; brown, dark'. The word is recorded in all Turkic idioms with some phonetic changes. In the Bashkir language it takes a number of phonetic variants, such as *qı̇dıl / qı̇hıl / qı̇zıl*. Changes in the sound composition of the word result from the emergence of specific sounds in the Bashkir phonetic structure.

The main meaning of the gloss is designation of the red-orange part of the spectrum (red and its shades, i.e., orange, red, pink, scarlet). In addition, the lexeme *qı̇dıl* is actively used in word formation being involved in the formation of a variety of terms, such as phytonyms, zoonyms, anatomical terms, names of minerals, etc. Generally speaking, the range of red in the Turkic languages includes the red and orange spectra. Shades of red can appear monolexemic as in *qı̇dıl (qı̇dıl säsle* 'red-haired'). In most cases, the red color saturation is expressed / formed analytically (*quji qı̇dıl* 'dark red'), as well as by particles and affixes to construct degrees of adjectives (*qı̇p-qı̇dıl, selt / sem qı̇dıl* 'very red, utterly red', *qı̇dyilt* 'reddish').

Moreover, the analyzed Bashkir lexeme has not only the meaning of color but also obtains certain connotative meanings. It has developed the following secondary connotations: 'ripe' (the transfer of 'red' > 'ripe' occurs in regard to ripe berries, fruits), 'bright' (resulting from the physical property of red brightness); 'east' (in Bashkir toponymy); 'Soviet', 'revolutionary' (in historical terms); various substances (blush, rust); 'completely, very' (i.e., a strong degree of manifestation of some quality / feature); it also acts as a mythologized color to perform a protective function.

Conclusions: The paper summarizes that the Bashkir term has certain proto-Turkic and proto-Altaic bases; in the course of its evolution the word has undergone phonetic changes, semantics assumed certain forms and developed against the common Turkic background. Nevertheless, in the Bashkir toponymy (different from other Turkic languages) the meaning of the color term red as 'eastern' comes to the fore which is explained by the red colour of the sky at sunrise.

Keywords: color term, red, semantics, Bashkir language, Turkic languages



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 39, Is. 5, pp. 132–144, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-132-144
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.37 (Калм)

К проблеме семантики некоторых лексических единиц, обозначающих «плеть» (на материале эпоса «Джангар»)*

Евгений Владимирович Бембеев¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, Россия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8). ORCID: 0000-0001-9936-221X. E-mail: galdma@yandex.ru

Аннотация

Введение. Анализ семантической структуры слова, установление или восстановление его значения в эпическом произведении является сложной задачей, которая обусловлена хронологической неоднородностью разных версий эпоса, утратой или неясностью семантики слова, переходом его из активного бытования в пассивный запас или изменением его формы.

Цель. Провести анализ семантической структуры лексем (*тоорцг/товриг, елдн*), обозначающих оружие в калмыцком героическом эпосе «Джангар».

Методы. Автоматический разбор корпуса текстов позволяет оперировать большим объемом информации, поэтому контекстологический метод является одним из основных методов анализа, позволяющий установить типовую сочетаемость для каждой лексической единицы. Помимо этого используются анализ словарных дефиниций, валентностный анализ, позволяющие выявить особенности семантической дефиниции в лексикографических источниках, грамматические и акцентологические признаки искоемых единиц.

Результаты. Проведенный анализ позволяет не только установить или восстановить значение отдельной лексемы, но и в некоторых случаях выявить различия в семантике одной и той же лексемы. Эти различия объясняются разностью контекстов употребления, которые, в свою очередь, обусловлены стадийными особенностями конкретной версии эпоса, спецификой исполнительской школы, воспитавшей сказителя, а также временем письменной фиксации устного исполнения эпического текста.

Выводы. Верным является употребление слова *товриг* 'плеть с утолщением на конце, плетение которого похоже на нераскрывшуюся сосновую шишку' — 'боевая плеть'. Это слово принадлежит к общему тюрко-монгольскому лексическому фонду народов Саяно-Алтайского нагорья. Форму *тоорцг* (дважды у Д. Шавалиева) можно также считать авторской особенностью или же искажением. Вместе с тем эта форма могла появиться в результате неточной письменной фиксации устного исполнения.

Лексема *елдн* встречается 52 раза в разных версиях эпоса в различных контекстах. Ее значения разнятся в зависимости от стадийной принадлежности версии и локализации исполнительской школы. На материале эпоса лексема *елдн* применяется в прямом и переносных значениях и обнаруживает широкий семантический спектр: 1) 'нагайка' как вид плети — *маля*; 2) 'дружинник', 'защитник'; 3) 'благородный, праздный'; 4) 'неудержимый', 'непоседливый', 'беспокойный', 'суетливый'. Так, в ранней, Малодербетовской, версии фиксируются значения: 1) 'нагайка' как вид плети — *маля*; 2) *елдн* широко применяется как 'богатырь', конкретно — 'нагаечник'. В значении 3) слово переведено по контексту как 'благородный, празднующий' —

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Голковский словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» (номер госрегистрации: 114071170020).

о заглавном герое эпоса, Джангаре, к которому съезжаются богатыри на праздник Цаган Сар. В значении 4) 'неудержимый' *елдң* применено к любимому народом эпическому герою и подчеркивает стремительность, порывистость богатыря Хонгора.

В более поздних версиях эпоса для лексемы *елдң* фиксируются следующие значения 1) 'нагайка' как вид плети — *маля*; 2) не употребляется; 3) не употребляется; 4) в переносном смысле применяется для отрицательной характеристики 'своенравного, беспокойного' человека. Следовательно, семантический спектр лексемы *елдң* сужается и обедняется на пути от ранней, Малодербетовской, к поздним версиям эпоса.

Ключевые слова: калмыцкий язык, эпос «Джангар», толковый словарь, плеть, значения, лексема, семантика, эпос «Джангар», корпус

1. Введение

В процессе создания Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» авторы сталкиваются с лексемами, значение которых не ясно. Понимание эпического текста определяется в значительной мере знанием особенностей его лексического состава. Это справедливо отмечает Э. Ч. Бардаев, считая, что для современных носителей калмыцкого языка семантика большинства слов-архаизмов стала непонятной, а для некоторых лексем и вовсе утерянной. Поэтому перед лингвистами встает задача по восстановлению значения этих лексем, т. е. «найти их смысл или, по крайней мере, близкое к нему значение» [Бардаев 1980: 393].

Героический эпос «Джангар» занимает в культуре ойратов и калмыков особое место. Эпические тексты хранят в себе свидетельства архаичности. В первую очередь древнее самосознание и мироощущение кочевого народа отражают лексические элементы.

В данной работе предпринимается попытка восстановления значения лексических единиц по таким признакам, как: сочетаемость слова, его грамматические и акцентологические признаки, строение слова. Опыт реконструкции значений лексических единиц на материале монгольских языков, а также на материале эпоса «Джангар» проведен в ряде работ А. В. Дыбо [Дыбо 2015: 209–254], Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2011; 2015], В. В. Кукановой [Куканова 2016а; 2016б].

2. Материалы и методы исследования

Материалом исследования служат 28 текстов разновременных записей калмыцкого героического эпоса «Джангар»¹, которые объединены в репертуарные циклы: Малодербетовский цикл (3 песни), Багацохуровский цикл (3 песни), репертуар

¹ В КалмНЦ РАН создается «Свод калмыцкого фольклора», который включает в себя репрезентативные песни эпоса «Джангар».

Ээлян Овла (10 песен, магтал), Мукебюн Басангов (6 песен), Дава Шавалиев (4 песни, магтал), а также представлены отдельными песнями: Насанка Балдыров (1 песня), Бадма Обушинов (1 песня).

Лексическое значение слова является многомерным явлением и включает в себя ряд разноплановых компонентов. Поэтому при установлении семантики слова исходят из контекстуального окружения или же опираются на семантические определения, которые приводятся в лексикографических источниках. Автоматический разбор корпуса текстов эпоса «Джангар» проведен посредством морфологического анализатора «TextAnalyzer», который существенно облегчает работу по обнаружению разного рода языковых единиц в письменном тексте, дает полную информацию о частотности употребления этих единиц, их ранжировании в текстах, сочетаемости с другими единицами и т. п. [Бембеев, Куканова, Каджиев 2014].

Автоматический разбор корпуса текстов позволяет также оперировать большим объемом информации, поэтому контекстологический метод является одним из основных методов анализа. Он заключается в том, что в процессе обобщения широкого иллюстративного материала, для каждой лексической единицы может быть установлена типовая сочетаемость. Она может быть представлена в виде обобщенной характеристики тех позиций, которые чаще всего реализуются в контексте слова.

Для выявления и реконструкции значений лексических единиц использованы различные лексикографические источники: Монгольско-русско-французский словарь [МРФС 1844–1849], Монгольско-русский словарь [МРС 1893–1895], «Калмыцко-русский словарь» [КРС 1911], Калмыцко-немецкий словарь [KW 1935], «Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар» [ОЛИЭД 1976], «Калмыцко-русский сло-

варь» [КРС 1977], «Словарь языка ойратов Синьцзяна» [СЯОС 2001], «Большой академический монгольско-русский словарь» [БАМРС 2001; 2002], «Ойрат-монгольский словарь» [ОМС 2006], «Толковый словарь традиционного быта калмыков» [ТСТБК 2016] и др.

3. Восстановление значений лексических единиц

В текстах эпоса «Джангар» встречаются две лексемы: *тоорцг* (2)¹ и *товрцг* (4), которые означают один и тот же предмет — одну из разновидностей *маля* ‘боевая плеть’. Лексема *тоорцг* выявлена нами только в

Таблица 1. Употребление лексемы *тоорцг* / *товрцг* в текстах эпоса «Джангар»

1.	Ээрстин елдң хар <i>тоорцг</i> атхад... [ШД: I]	Взял он [в руку] рубчатую богатырскую черную <i>плеть</i>
2.	Ээрстин елдң <i>товрцг малянан</i> Атхад нарч ирэд... [ШД: II]	Взяв в руку рубчатую богатырскую плеть- <i>маля</i> , Вышел он
3.	Ээрстин елдң хар <i>тоорцг</i> Барун хартан атхад... [ШД: III]	Рубчатую богатырскую черную плеть Сжав в правой руке...
4.	Ээрстин елдң хар <i>товрцгиг</i> Атхад, мордв. [ШД: IV]	Рубчатую богатырскую черную плеть- <i>маля</i> , Сжав [в руке], вскочил в седло.
5.	Ээрстин хар <i>товрцг</i> Альхнь тасртл, гөвдлдв. [МД:II]	Рубчатой черной плети [Плетения] наладонной петли пока не порвались, бились они.
6.	Ээрстә хар <i>товрцг</i> Бээдг болна. [ОБ: I]	Черную плеть-товорцак Видит [он].

текстах песен Давы Шавалиева, причем джангарчи параллельно употребляет и слово *товрцг*. В контексте данные лексемы сопровождаются прилагательными: *ээрстин елдң хар*, *ээрстин елдң*, *ээрстә хар*.

Примеры лексем *тоорцг* и *товрцг* позволяют наблюдать процесс образования долгих гласных из комплекса ГСГ (гласный + согласный + гласный). Согласно анализу академика Б. Я. Владимирцова, в монгольских языках этот процесс проходил следующим образом. В раннемонгольском языке интервокальные $\gamma\sim g$, а ранее и $*w$, «начали ослабляться, становясь более широкими и вокализируясь; благодаря этому $\gamma\sim g$ или исчезли вовсе, или заменились билабиальным спирантом w в тех случаях, когда один из гласных, чаще всего второй, был $u\sim\ddot{u}$, и спирантом y тогда, когда один из гласных, первый, был $i > i \sim \ddot{i}$ » [Владимирцов 1989: 215–216].

В дальнейшем началось ослабление и полное исчезновение спирантов w и y , а затем два гласных слились в один долгий, который мы имеем в настоящее время. Вместе с тем Б. Я. Владимирцов отмечает: «... в одних наречиях получился долгий гласный, в других диалектах монгольских в тех же случаях долгого гласного не случилось, а сохранился заднеязычный шумный, наслед-

ник $\gamma\sim g$, или $*w$ » [Владимирцов 1989: 235]. Для нас особенно важен пример из общего тюрко-монгольского лексического фонда, приводимый ученым, монг.-письм. *toγurčaq* ‘волосы, собранные чубом, цветочная чашечка, шишка хвойного дерева, шапка конусообразной формы’, *халх.* тōрцōк ‘шапка-торцык’ | *Захач.* tow,рц’к ‘шишка, нагайка с завитым концом, узел на конце плети (ср. тюрк.: *Тел., Тор.* тобырчык ‘нагайка с завитым концом, узел на конце плети’ < $*toγurčaq$ ~ < $*toburčaq$ [Владимирцов 1989: 205].

Согласно лексикографическим источникам, в старописьменном монгольском языке слово *toγurčaq* обозначало предмет шишкообразной формы и переводилось как ‘сердечко цветка, цветная чашечка; волосы, собранные чубом, прическа; шишка хвойного дерева; головной убор’ [Ковалевский 1844: 1817; Голстунский 1853: 130; Владимирцов 1989: 205].¹

В дальнейшем, в ходе развития долготного комплекса ГСГ на почве различных монгольских наречий образовались две лексемы: I. *тоорцг* [tōrcaq], которое обозначает ‘1) женская шапочка, украшенная кисточкой в форме шишки; 2) цветочная чашечка’, и II. *товрцг* [toburčog] ‘1) шишка, желудь; 2) плеть, нагайка (короткая ременная плеть)’.

¹ Количество употреблений в тексте эпоса.

Таблица 2. Лексемы *тоуоҕаҕ* / *тоорце* в лексикографических источниках

Лексема <i>тоуоҕаҕ</i>	Ковалевский 1844–1846	Голстунский 1893–1895	Позднеев 1911	Рамstedт 1935	Толаева 1976	КРС 1977	Толаева 2001	Галзан 2006	БАМРС 2001
	1) 'сердечко цветка, цветная чашечка'; 2) 'благовонные цветки с дерева'; 3) 'волосы, собранные чубом'; 4) 'головной убор, прическа (<i>тоуоҕаҕ</i> <i>таҕарай</i> 'кожаная шапка без опушки') [Ковалевский 1844: 1817]	1) 'сердцевина цветка, цветочная чашечка; благовоние цветка'; 2) 'благовоние цветка, употребляемое для украшения головы'; 3) 'волосы, собранные чубом'; 4) 'головной убор, прическа' (<i>тоуоҕаҕ</i> <i>таҕарай</i> 'кожаная шапка с опущенным вниз околышком') [Голстунский 1853:- 130–131]	—	<i>tōrtsag</i> 1) 'eine mütze (von weibern und weltlichen getragenen) женский головной убор'; t. <i>maxā</i> 2) 'blumenkelch, mitte der blume, der kranz, kreis der blume' [юг, саг] (цветок чашечки, центр цветка, венчик, круг венчик) [Рамstedт 1935: 405]	—	I 'женская шапочка' II 'чашечка (цветка)' [КРС 1977: 506]	'женская шапка с кисточкой' [Толаева 2001: 332]	'женская шапка, украшенная сверху шишкообразной кисточкой' [Галзан 2006: 1350]	тоорцог I 1) 'ермолка; берет'; 2) 'круглая шапка без полей'; 3) 'любетейка'; тоорцог II <i>ург.</i> 'цветочная чашечка' [БАРМС 2001: 220]
<i>тоорце</i>			—	<i>towrtsag</i> Eicheln, Zapfen der Fichte 'желуди, еловые шишки' [Рамstedт 1935: 404]	—	1) 'желудь'; 2) 'шишка'; 3) фольк. 'грань, выступ' ээртин хар товрцг маля — 'чёрная плеть с гранями' [КРС 1977: 499]	I 'плеть, на- гайка (корот- кая ременная плеть); II 'шишка, желудь' [Толаева 2001: 327]	I 'сосновая шишка'; II 'плеть, с округлен- ным наконечником; оружие, когорым хлещут'; III 'небольшой бу- горок из пыли или песка' [Галзан 2006: 1318]	—
<i>товрце</i>			<i>toburcōq</i> 'шишка' [Позднеев 1911: 194]						

Причем лексема *товрцг* в значении ‘нагайка с завитым концом, узел на конце плети’ обнаруживается только на материале западно-монгольских диалектов (захач. *tow, рц°к* ‘шишка, нагайка с завитым концом, узел на конце плети’ [Владимирцов 1989: 205], ойрат.-торг. ‘плеть, с округленным окончанием; оружие, которым хлещут’ [Галзан 2006: 1318]. На примере слова *тоурцаг* мы можем наблюдать два фонетических явления: развитие долгого гласного [ō] из комплекса Г+С+Г [оуи] *тоорцг* < **тоурцаг*, а также явление, которое Б. Я. Владимирцов определяет как «отсталая фонетическая эволюция», когда на месте долготного комплекса ГСГ «долгого гласного не получилось, а сохранился заднеязычный шумный, наследник *γ-g* или **w*» *товрцг* < **тоурцаг*) [Владимирцов 1989: 234–235].

Есть множество примеров, которые показывают неоднородность развития долготного комплекса ГСГ на материале различных монгольских языков: *degel-debel* ‘шуба’ > халх.-м. *дээл* | калм. *девл* | бур. *дэгэл*; *egem* ‘плечо, ключица’ > халх.-м. *эгэм* | калм. *ээм* | бур. *ээм*.

В своей работе А. В. Дыбо отмечает, что лексема *товрцг* в значении «плеть» встречается только на материале калмыцкого языка и языке ойратов Синьцзяня и Монголии, что говорит о заимствованном характере данного слова из тюркских языков [Дыбо 2015: 241–242]. В тюркских языках данная лексема используется в значении ‘нагайка, плеть’: Тюрк. *Тел., Тор. тобырчык* ‘нагайка с завитым концом, узел на конце плети’ < **тоурцаг* ~ < **toburcaq* [Владимирцов 1989: 205]», *Хак. табырчын, тобырчык* ‘фольк. нагайка’ [ХРС 1953: 229]. Встречающееся в тувинском эпосе «Хунан-Кара» слово *довурзак* переводчик комментирует как соответствующее ойрат-калмыцкому *товрцг* [Тувинские героические сказания 1997: 535–536].

Выявляя семантику лексемы *товрцг* в калмыцком языке, известный джангаровед и лексикограф А. Ш. Кичиков отмечает, что богатырский *товрцг* — это плеть (*маля*) <...>. Свое наименование *маля-товрцг* она получила из-за утолщения на конце, сплетенного наподобие сосновой семенной шишки-*товрцг*. «Такая плеть с шишкой-*товрцг* на конце в бою была оружием: если опытный боец бичевал плетью [границы плетения которой подобны] зубам бычка-двухлетки, [усиленной] шишкой-*товрцг* на кон-

це, врагу удержаться на коне было трудно» [Кичиков 2017: 116–117].

Историк и этнограф У. Э. Эрдниев писал, что калмыцкая плеть, изготовленная «из тонких ремешков вокруг ремневого стержня, круглая в сечении» отличается выдающейся прочностью и изящностью отделки [Эрдниев 1985: 100–101].

Таким образом, рассматривая вопрос этимологии лексемы *товрцг*, необходимо отметить, что она восходит к *тоурцаг* и обозначает предмет шишкообразной формы ‘сердечко цветка, цветная чашечка; волосы, собранные чубом, прическа; шишка хвойного дерева; головной убор’. Во всех монгольских языках слово *тоурцаг* в ходе развития долготного комплекса ГСГ дало форму *тоорцг* [tōrgsaq], которое обозначает ‘1) женская шапочка, украшенная кисточкой в форме шишки; 2) цветочная чашечка’. В западно-монгольских диалектах (калмыцком и ойратском), помимо данной лексемы, встречается форма *товрцг* [toburčoq] ‘1) шишка, желудь; 2) плеть, нагайка (короткая ременная плеть)’, которая, вероятнее всего, является заимствованием из тюркских языков. В таком случае в текстах песен эпоса «Джангар» в значении ‘плеть или нагайка’ верным будет употребление формы *товрцг*. Форму *тоорцг*, которая встречается дважды в репертуаре Давы Шавалиева, причем параллельно с формой *товрцг*, можно считать авторской особенностью или авторским искажением. Но, кроме того, здесь может иметь место результат неправильной письменной фиксации устного исполнения.

3.2. Лексема *елдң* (52)

Контекст употребления слова *товрцг/тоорцг* включает в себя следующие словосочетания: *ээрстин елдң хар тоорцг мэлэһэн, ээрстин елдң товрцг маляһан, ээрстин елдң хар товрцгиг, ээрстин хар товрцг, ээрстэ хар товрцг*. В этих примерах слово *товрцг* предваряется эпитетами в форме прилагательного *хар* ‘черный’, существительного/прилагательного *елдң* ‘плеть, нагайка’, субстантивированного прилагательного *ээрстин/ээрстэ* ‘рельефная (поверхность), огрубелая (о коже рук, ног)’, которые здесь усиливают качественные характеристики ‘плети’. В рассматриваемом контексте обращает на себя внимание употребление слова *елдң*.

Этимология данной лексемы неизвестна. Известный алтаист Г. Рамстедт соотно-

сит *jeldŋ* со словом *jaldy* ('schimpfend) eklig, vermodert, entblösst — отвращение, гниение, обнажение'. Автор также считает это слово синонимом лексеме *xūwxā | xūwxā* [Рамстедт 1935: 214]. В современном калмыцком хувха переводится как 'плохой, скверный' [КРС 1977: 605].

В словарях современного калмыцкого языка лексема *елдң* означает: 1) один из видов боевой плети маля — 'нагайка' [Тодаева 1976: 277; КРС 1977: 222]; 2) употребляется в качестве прилагательного при характеристике непоседливого, беспокойного человека; бездельника [КРС 1977: 222].

В словарях ойратов Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР лексема *йелдең* употребляется в следующих значе-

ниях: I. *уст.* 'благородное (княжеское) происхождение (о человеке)'; II. 1) 'непоседливый, беспокойный человек'; 2) 'дебошир, который все ломает'; 3) 'драчун'; 4) 'плеть'; III. 'богатырь'; 'защитник (телохранитель)' [Галзан 2006: 1873]. Б. Х. Тодаева приводит следующие значения лексемы *йелдең*: I. 'праздный, слоняющийся; бездельник'; II. 'нагайка', а также множественное число этой лексемы *йелдеңгүүд* переводит как 4) 'рядовые богатыри', 'нагаечники' [Тодаева 2001: 183]. Таким образом, значения данной лексемы у каждого автора существенно разнятся. В таблице 4 приводятся примеры и контексты употребления лексемы *елдң* в текстах калмыцкого эпоса «Джангар».

Таблица 4. Употребление лексемы *yeldŋ eldŋ* в текстах эпоса «Джангар»

1.	<i>Елдңгүдин</i> хурвн миңһн бийэр <i>Елдң</i> богддан цаһа бэрхэр Шигэд мордв. [МД: III]	С ним три тысячи богатырей (нагаечников) благородному богдо своему Цаган [-подношения] преподнести Плотным строем отправились.
2.	Арг Улан Хонһрин Әмн дундан хадһлгсн <i>Елдңгүдин</i> хорвн миңһн баатр <i>Елдң</i> Хонһран дахад мордв. [МД:II]	Благородного Алого Хонгора Жизнь оберегающие <i>Нагаечных три тысячи богатырей</i> За <i>неудержимым</i> Хонгором своим следом отправились.
3.	Әрстин <i>елдң</i> хар тоорцг Барун һартан атхад... [ШД: III]	Сжал он в правой руке Рубчатую <i>богатырскую</i> черную плеть...
	Әрстин хар <i>елдңгән</i> чирэд, Киитн хар нүдәрн дөрвн талан хэлэв. [ЭО: X]	И черную рубчатую <i>плеть</i> за собой волоча, Холодным [взором] черных глаз вокруг посмотрел.
4.	Сорнзг дала гидг даладан Йирн йисн <i>елдң</i> маңһс хаани көвүдиг Дөчн йисн хонгар заслғж хайв. [БМ: I]	Девяносто девять <i>своенравных</i> сыновей Мангас-хана На сорок девять суток Бросил он в океан Сорынзыг.

Анализ показывает, что в текстах эпоса «Джангар» лексема *елдң* выявляется 52 раза и употребляется:

1) в значении 'боевая плеть', 'нагайка' слово *елдң* употреблено 27 раз и встречается в текстах песен Ээлян Овла, Мукёбюна Басангова, Давы Шавалиева. В Толковом словаре традиционного быта ойратов Монголии и калмыков *елдң* поясняется как *булһар суриг кесг давхрлад гүрсн бүдүн маля* ('толстая плеть, сплетенная из юфтевых ремешков) плеть, нагайка' [Цэндээ, Пюрбеев 2016: 250];

2) в значениях 'богатырь', 'защитник', 'нагаечник'. Примечательно, что в данном значении слово *елдң* употреблено 19 раз и

встречается только в Малодербетовской версии, которая является одной из самых ранних записанных версий эпоса «Джангар» и отличается многоплановой по своей наполненности эпической архаикой [Кичиков 1997: 178, 206–214];

3) в переносном значении 'своенравный', 'наглый', 'неудержимый', 'непоседливый', 'драчливый' слово используется для характеристики отрицательного персонажа в эпосе «Джангар» — 6 раз в репертуаре Мукёбюна Басангова, где оно, например, употреблено в контексте «*Йирн йисн елдң маңһс хаани көвүд...*» — 'Девяносто девять *своенравных* сыновей Мангас-хана...'.

Вопрос происхождения данной лексемы весьма спорный. А. В. Дыбо отмечает, что лексема *елдң* входит в состав собственно-ойратских слов и не встречается на материале других монгольских языков. Автор предполагает, что *елдң* по происхождению имя собственное [Дыбо 2015: 241].

Следуя важнейшему положению материалистического языкознания, которое заключается в том, что «понятия формируются и развиваются в сознании человека под воздействием многообразных явлений окружающего нас мира» [Будагов 2003: 93], предполагаем, что первое значение данной лексемы *елдң* — ‘боевая плеть’, ‘нагайка’. В этом значении оно наиболее употребительно в тексте эпоса. Как известно, исторически развиваясь, многие лексемы языка приобретают новые сложные и отвлеченные понятия, которые далеко уходят от первоначального значения. Как справедливо отмечает Р. А. Будагов «развитие мышления приводит к тому, что у человека возникает настоятельная потребность обращаться не только к конкретным, но и отвлеченным словам и понятиям» [Будагов 2003: 90].

Поэтому, как нам представляется, значение лексемы *елдң* ‘боевая плеть’, ‘нагайка’ со временем трансформируется в понятие ‘нагаечник’, ‘богатырь’, ‘защитник’. Необходимо подчеркнуть, что в данном значении лексема *елдң* фиксируется в материале самой ранней из записанных версий эпоса

«Джангар», а также оно коррелирует с таким же значением в материале языка ойратов СУАР КНР. В связи с тем, что в монгольских языках имена существительные и прилагательные тесно связаны и не имеют четких границ между собой, то лексема *елдң*, употребляясь при именах существительных, выражает качество или признак предмета. Например, в применении к любимому герою калмыцкого эпоса, богатырю Хонгору, подчеркивает его стремительность, порывистость: *Елдң Хоңһр* (в Малодербетовской версии) — ‘неудержимый Хонгор’. В более поздних версиях эпоса лексема *елдң* в значении ‘дружинник’, ‘защитник’ не употребляется, обозначая вид боевой плети *маля*.

В современном калмыцком языке лексема *елдң* выступает в двух значениях 1) плеть и 2) *перен.* непоседливый, беспокойный, своенравный человек (в смысле «мечется, как плеть»).

Историческое движение значений лексемы *елдң* можно выразить следующей схемой (рис. 1).

Анализ текстов эпоса «Джангар» показывает, что в своем историческом развитии лексема *елдң* отражала не только конкретные, но и отвлеченные понятия. В свою очередь носители новых значений, постепенно вступая в новые языковые ряды, в новые отношения, способствовали тому, что в некоторых случаях утрачивалось и забывалось предыдущее значение слова. Таким обра-

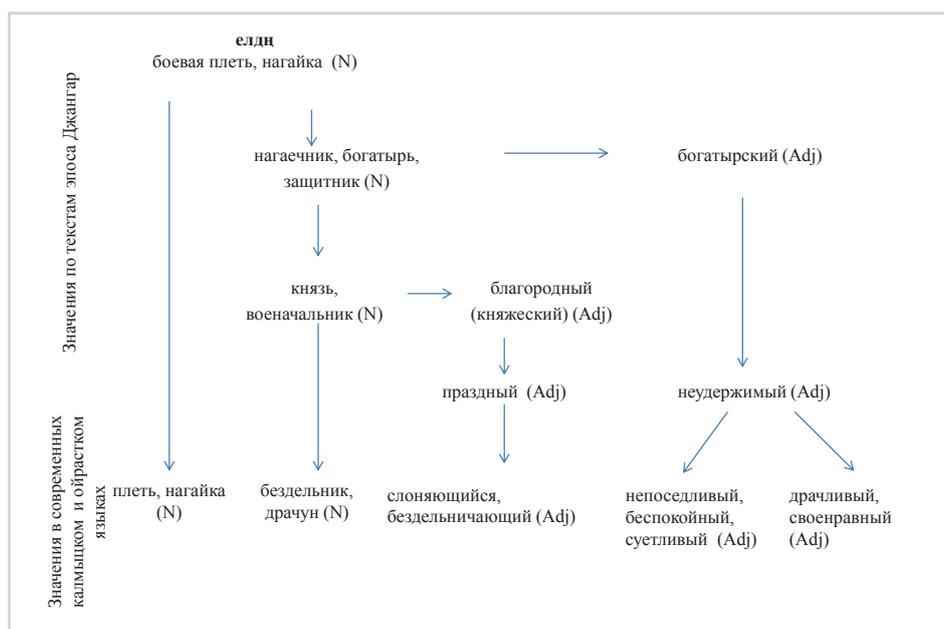


Рис. 1. Схема исторического развития лексемы *елдң*

зом, можно отметить, что на пути от ранней, Малодербетовской, версии к более поздним версиям калмыцкого героического эпоса «Джангар» семантический спектр слова *елдң* сужается, а положительная семантика новых образований нередко имеет негативную коннотацию.

4. Выводы

Представленный в настоящей работе анализ семантической структуры лексем *тоорцг/товрцг* и *елдң* в калмыцком героическом эпосе «Джангар» позволяет сформулировать следующие выводы.

Верным является употребление слова *товрцг* ‘плеть с утолщением на конце, плетение которого похоже на нераскрывшуюся сосновую шишку’ — ‘боевая плеть’. Это слово принадлежит к общему тюрко-монгольскому лексическому фонду народов Саяно-Алтайского нагорья. Форму *тоорцг* (дважды у Д. Шавалиева) можно также считать авторской особенностью или же искажением. Вместе с тем эта форма могла появиться в результате неточной письменной фиксации устного исполнения.

Лексема *елдң* встречается 52 раза в разных версиях эпоса в различных контекстах. Ее значения разнятся в зависимости от стадийной принадлежности версии и локализации исполнительской школы. На материале эпоса лексема *елдң* применяется в прямом и переносных значениях и обнаруживает широкий семантический спектр: 1) ‘нагайка’ как вид плети — *маля*; 2) ‘дружинник’, ‘защитник’; 3) ‘благородный, праздный’; 4) ‘неудержимый’, ‘непоседливый’, ‘беспокойный’, ‘суетливый’. Так, в ранней, Малодербетовской, версии фиксируются значения: 1) ‘нагайка’ как вид плети — *маля*; 2) *елдң* широко применяется как ‘богатырь, конкретно — ‘нагаечник’. В значении 3) слово переведено по контексту как ‘благородный, празднующий’ — о главном герое эпоса, Джангаре, к которому съезжаются богатыри на праздник Цаган Сар. В значении 4) ‘неудержимый’ *елдң* применено к любимому народом эпическому герою и подчеркивает стремительность, порывистость богатыря Хонгора.

В более поздних версиях эпоса для лексем *елдң* фиксируются следующие значения 1) ‘нагайка’ как вид плети — *маля*; 2) не употребляется; 3) не употребляется; 4) в переносном смысле применяется для отрицательной характеристики ‘своенравного,

беспокойного’ человека. Следовательно, семантический спектр лексем *елдң* сужается и обедняется на пути от ранней, Малодербетовской, к поздним версиям эпоса.

Таким образом, анализ семантической структуры слова, установление или восстановление его значения в эпическом произведении является задачей, сложность которой обусловлена стадийной принадлежностью эпического текста, утратой или неясностью семантики слова, переходом его из активного бытования в пассивный запас или изменением его формы. Решение подобной задачи требует скрупулезного анализа лексических единиц с учетом контекстуального окружения и сочетаемости слов, с опорой на семантические дефиниции в лексикографических источниках, с выявлением грамматических и акцентологических признаков искомым единицам, а также хронологических данных и локализации записей эпических текстов.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Малодербетовский цикл

[МД: II] Күрл Эрднь Маңһс хааг богд Жаңһр дөрөцүлгсн бөлг.

[МД: III] Догһн Шар Гүргү Маңһс хааг Дуут Улан Шовшур дөрөцүлгсн бөлг.

Багацохуровский цикл

[БЦ: III] Догһн Замбл хаана һалзу долан боднгиг Аср Улан Хоңһр Күнд һарта Савр хойр дөрөцүлгсн бөлг.

Цикл песен из репертуара Ээлян Овла

[ЭО: III] Баатр Хар Жилһн хаанла бээр бэрлдгсн бөлг.

[ЭО: X] Алтн Чееж Жаңһр хойрин бээр бэрлдгсн бөлг.

Цикл песен из репертуара

Мукёбюна Басангова

[БМ: I] Жаңһрин бийиннь түрүн төрән авгсн бөлг.

Цикл песен из репертуара Давы Шавалиева

[ШД: I] Арнзлын хурдн Зеердиг хулха авсна туск бөлг.

[ШД: II] Азг Улан Хоңһрин гер авлһна бөлг.

[ШД: III] Ке шар-цоохр мөртэ Кермин көвүн Моңхуляла дөөллдгсн бөлг.

[ШД: IV] Оцл Дамбан көк һалзн күлгтэ Азг Улан Хоңһр нисдг алг мөртэ Арл Манз хааг даргсн бөлг.

[ШД: ЖМ] Жаңһрин магтал.

Песня из репертуара Бадмы Обушинова
[ОБ: П] Баатр Улан Хоңһр Авлңһ хаанла бээр
бэрлдгсн бөлг.

Список сокращений

букв. — буквальный перевод
бур. — бурятский
захач. — захчинский
калм. — калмыцкий
халх.-м. — халха-монгольский
монг. — монгольский
монг.-письм. — монгольский письменный
ойр. — ойратский
ойр.-торг. — ойратский-торгутский
тел. — телеутский
тюрк. — тюркский
хак. — хакасский
халх. — халхаский
ПМА — Полевые материалы автора.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- KW 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 592 s. [Ramstedt G. J. A dictionary of the Kalmyk language. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 592 s. (In Germ.)]
- Бардаев 1980 — *Бардаев Э. Ч.* Некоторые вопросы изучения лексики «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. Мат-лы Всесоюз. науч. конф. (г. Элиста, 17–19 мая 1978 г.). М.: Наука, 1980. С. 390–395. [Bardaev E. Ch. The Jangar epic: some issues of lexical studies. «Dzhangar» i problemy epicheskogo tvorchestva tyurko-mongol'skikh narodov. Conf. proc. (Elista, 17–19 May 1978). Moscow: Nauka, 1980. Pp. 390–395. (In Rus.)]
- БАРМС 2001–2002 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / ред. А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба, Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. Т. I. 502 с.; Т. II. 536 с.; Т. III. 440 с.; Т. IV. 532 с. [*Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vol. A. Luvsandendev, Ts. Tsendendamba, G. Ts. Pyurbeev (eds.). Moscow: Academia, 2001–2002. Vol. 1, 502 p.; vol. 2, 536 p.; vol. 3, 440 p.; vol. 4, 532 p. (In Mong. and Rus.)]
- Бембеев, Куканова, Каджиев 2014 — *Бембеев Е. В., Куканова В. В., Каджиев А. Ю.* Частотный словарь современного калмыцкого языка: правила анализа текстового материала // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 128–141. [Bembeev E. V., Kukanova V. V., Kadzhiev A. Yu. Frequency dictionary of modern Kalmyk Language: rules of analysis of text material. Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). 2014. No. 3. Pp. 128–141. (In Rus.)]
- Будагов 2003 — *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке: Учебное пособие. М.: Добросвет-2000, 2003. 544 с. [Budagov R. A. *Vvedeniye v nauku o yazyke: Uchebnoye posobiye* [Budagov R.A. Introduction to the science of language: Textbook]. M.: Dobrosvet-2000, 2003. 544 p. (In Rus.)]
- Владимирцов 1989 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского наречия. Введение и фонетика. 2-е изд. М.: Наука; ГРБЛ, 1989. 449 с. [Vladimirtsov B. Ya. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo narechiya. Vvedenie i fonetika* [A comparative grammar of Mongolic dialects: introduction and phonetics]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1989. 449 p. (In Rus.)]
- ГКЯ 1983 — Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с. [Grammatika kalmytskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Kalmyk grammar: phonetics and morphology]. Elista: Kalm. Book Publ., 1983. 335 p. (In Rus.)]
- Дыбо 2015 — *Дыбо А. В.* Названия оружия: от праалтайского к монгольскому // Российско-монгольский лингвистический сборник / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Институт языкознания РАН; изд-во «Канцлер», 2015. С. 209–254. [Dybo A. V. Armour terms: from proto-Altaiian to Mongolian ones. Rossiysko-mongol'skiy lingvisticheskiy sbornik. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Moscow: Institute of Linguistics of RAS; Kanzler Press, 2015. Pp. 209–254. (In Rus.)]
- Кичиков 1997 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 3-е. М.: Вост. лит., 1997. 320 с. [Kichikov A. Sh. *Geroicheskiy epos «Dzhangar». Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamyatnika* [The heroic epic of Jangar: a comparative and typological study]. 3rd ed. Moscow: Vost. Lit., 1997. 320 p. (In Rus.)].
- Кичиков 2017 — *Кичиков А. Ш.* Угин туск үг (Слово о словах). На калм. яз. подг. текстов, сост., ред. Б. А. Кичиковой. Изд. 2-е, расшир. и перераб. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2017. 160 с. [Kichikov A. Sh. *Ügin tusk üg* [A Word about Words]. B. A. Kichikova (comp., ed., etc.). 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Dzhangar, 2017. 160 p. (In Kalm.)]

- КРС 1911 — Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 312 с. [Pozdneeв А. М. *Kalmytsko-russkiy slovar' v posobie k izucheniyu russkogo yazyka v kalmytskikh nachal'nykh shkolakh* [Kalmyk-Russian dictionary: a supplement to the Russian-language learning book for Kalmyk elementary schools]. St. Petersburg: Imper. Acad. of Sc., 1911. 312 p. (In Kalm. and Rus.)]
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с. [*Kalmytsko-russkiy slovar'* [Kalmyk-Russian dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Rus.)]
- Куканова 2016а — Куканова В. В. Опыт реконструкции значений лексических единиц, употребляющихся в эпосе «Джангар» // Монголоведение: сб. науч. тр. Вып. 8. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016а. С. 184–198. [Kukanova V. V. An experiment on reconstruction of the meanings of the lexical items applied in the Jangar epic. *Mongolovedenie*. Is. 8. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2016a. Pp. 184–198. (In Rus.)]
- Куканова 2016б — Куканова В. В. Опыт реконструкции значений лексических единиц, употребляющихся в эпосе «Джангар» // Вестник калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016б. С. 121–130. [Kukanova V. V. An experiment on reconstruction of the meanings of the lexical items applied in the Jangar epic. *Vestnik kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2016b. Pp. 121–130. (In Rus.)]
- МРС 1893–1895 — Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь. В 3-х т.: Т. I. СПб., 1895, 268 с.; Т. II. СПб., 1894, 462 с.; Т. III. СПб., 1893, 491 с. [Golstunsky K. F. *Mongol'sko-russkiy slovar'* [Mongolian-Russian dictionary]. In 3 vol. St. Petersburg, 1893–1895. Vol. 1, 268 p.; vol. 2, 462 p.; vol. 3, 491 p. (In Mong. and Rus.)]
- МРФС 1844–1846 — Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. В 3-х т.: Т. I. Казань, 1844. С. 1–594; Т. II. Казань, 1846. С. 595–1545; Т. III. Казань, 1844. С. 1546–2690. [Kovalevsky O. M. *Mongol'sko-russko-frantsuzskiy slovar'* [Mongolian-Russian-French dictionary]. In 3 vol. Kazan, 1844–1846. Vol. 1, pp. 1–594; vol. 2, pp. 595–1545; vol. 3, pp. 1546–2690. (In Mong., French and Rus.)]
- НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка (НККЯ) [электронный ресурс] // URL: <http://kalmcorp.ru> (дата обращения: 12.04.2018). [*Natsional'nyy korpus kalmytskogo yazyka (NKKYA)* [Kalmyk National Corpus]. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 12 April 2018). (In Rus.)]
- ОЛИЭД 1976 — Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с. [Todaeva B. Kh. *Opyt lingvisticheskogo issledovaniya eposa «Dzhangar»* [The epic of Jangar: an effort of linguistic research]. Elista: Kalm. Book Publ., 1976. 530 p. (In Rus.)]
- ОМС 2006 — Галзан Адьян. Өөрд-монгл толь (Ойрат-монгольский словарь). Карамай. 1–4 т. 2006. 2011 с. [Galzan Ad'yan. *Öörd-mongyl tol'* [Oirat-Mongolian dictionary]. Karamay. Vol. 1–4. 2006. 2011 p. (In Mong.)]
- Пюрбеев 2011 — Пюрбеев Г. Ц. Военная терминология на материале монголо-ойратских памятников права XVII–XVIII вв. // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посв. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российской государства. Ч. 2. Элиста, 2011. С. 283–285. [Pyurbeev G. Ts. Military terms: a case study of the 17th–18th cc. Mongol-Oirat codes of laws. *«Edinaya Kalmykiya v edinoi Rossii: cherez veka v buduschee»* [‘United Kalmykia in United Russia’]. Proc. of the Conf. celebrating the 400th Anniversary of Kalmykia’s voluntary joining the Russian State. Part 2. Elista, 2011. Pp. 283–285. (In Rus.)]
- Пюрбеев 2015 — Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. Изд. 2-е, перераб. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. 280 с. [Pyurbeev G. Ts. *Epos «Dzhangar»: kul'tura i yazyk* [The epic of Jangar: culture and language]. 2nd ed., rev. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p. (In Rus.)]
- СЯОС 2001 — Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангар» и полевым записям автора / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 494 с. [Todaeva B. Kh. *Slovar' yazyka ойратов Sin'tsyana (Po versiyam pesen «Dzhangar» i polevym zapisyam avtora* [Xinjiang Oirats: a dictionary of their language (a case study of Jangar epic songs and collected field data)]. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Elista: Kalm. Book Publ., 2001. 494 p. (In Rus.)]
- ТСТБК 2016 — Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Монголын ойрад ба халимагийн уламжлалт ахуйн тайлбар толь. Улаанбаатар: Ганпринт,

2016. 336 х. (Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улан-Батор: Ганпринт, 2016. 336 с.) [Tsendee Yu., Pyurbeev G. Ts. *Mongolyn ойрад ба khalimagiyn ulamzhlalt akhuyn taylbar tol'* [Traditional household activities of Kalmyks and Mongolia's Oirats: an explanatory dictionary]. Ulaanbaatar: Ganprint, 2016. 336 p. (In Mong.)]
- Тувинские героические сказания 1997 — Тувинские героические сказания. Хунан-Кара. Боктуг-Кириш, Боро-Шэлэй / сост., вступ. ст., подгот. текста, подстр. пер., коммент. и словари С. М. Орус-оол; подгот. тувинских текстов под ред. Д. А. Монгуш; пер., коммент. к пер. А. В. Кудиярова. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с. (Памятники народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12.) [*Tuvinskie geroicheskie skazaniya. Khunan-Kara. Boktug-Kirish, Boro-Sheley* [Tuvan heroic tales. Khunan-Kara. Boktug-Kirish, Boro-Sheley]. S. M. Orus-ool (comp., prep., etc.); D. A. Mongush (ed.); A. V. Kudiyarov (transl., comment.). Novosibirsk: Nauka, 1997. 584 p. (In Tuv. and Rus.)]
- ХРС 1953 — Хакасско-русский словарь под ред. Н. А. Баскакова. М.: Главиздат, 1953. 358 с. [*Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian dictionary]. N. A. Baskakov (ed.). Moscow: Glavizdat, 1953. 358 p. (In Khak. and Rus.)]
- Эрдниев 1985 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с., ил. [Erdniev U. E. *Kalmyki: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Kalmyks: historical and ethnographic essays]. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalm. Book Publ., 1985. 282 p. (In Rus.)]
-

UDC 811.512.37 (Калм)

Revisiting the Problematic Semantics of Some Lexical Units to Denote Whips (a Case Study of the *Jangar* Epic)

*Evgeniy V. Bembeev*¹

¹Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, I. K. Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9936-221X. E-mail: galdma@yandex.ru

Abstract

Introduction: Analysis of semantic word structures, revelation and restoration of its meaning in an epic text is quite a difficult task aggravated by chronological non-homogeneity of different versions of the epic, loss or obscurity of semantics of a word, its conversion to passive vocabulary and some structural changes.

Goals: The paper aims to semantically analyze structures of lexemes that denote weapons (*моорцг/товрцг, елдң*) in the heroic epic of *Jangar*.

Methods: The automatic analysis of texts makes it possible to operate large quantities of data, and it is the contextual method that comes to the forefront as a basic means to calculate some typical compatibility patterns for each lexical unit. Besides, analysis of dictionary entries coupled with valence analysis reveal peculiarities of semantic definitions in lexicographic sources, grammatical and accentual features of sought-for units.

Results: The study has not only revealed and restored the meaning of a separate lexeme but also — in some places — identified semantic differences within the same lexeme. The differences are determined by differing contexts of use that — in their turn — result from stadal peculiarities of a certain version of the epic, distinct features of the tale-teller's performance tradition, and chronological periods when the oral epic text was recorded.

Conclusions: The right use (meaning) of the word *товрцг* is 'a whip (scourge) with a reinforced tip and a plaiting pattern resembling that of a closed pine-cone', i.e., 'a combat whip (scourge)'. The word belongs to a common Turko-Mongolic vocabulary of the peoples inhabiting (originating from) the Sayan-Altai highlands. The form *моорцг* (traced twice in texts recorded from D. Shavaliyev) can also be viewed as the author's novelty or a distortion. Still, the form could have appeared as a misspelling during a recording of the oral text.

The lexeme *елдң* is widely (52 times) met in different versions and contexts of the epic. Its meanings vary depending upon stadal (chronological) affiliations of the version and areas the performance traditions came from. Within the epic text the word *елдң* is used in denotative and connotative meanings thus giving rise to quite a semantic spectrum: 1) 'nagaika' as a whip — *маля*; 2) 'bodyguard', 'defender'; 3) 'noble, idle'; 4) 'irrepressible', 'fidgety', 'restless', 'fussy'. So, in the early Baya Dorbet version the lexeme *елдң* manifests the meanings as follows: 1) 'nagaika' as a whip — *маля*; 2) *елдң* is widely used as 'hero', specifically as 'nagaika-bearer'. In meaning 3, the word is contextually translated as 'noble, celebrating' to depict Jangar Bogdo, the main character, to whom his knights (warriors) arrive to celebrate Tsayan Sar. In meaning 4, 'irrepressible' *елдң* serves to describe the popular epic hero Khongor and underline his violence and impetuosity.

In later versions of the epic a semantic spectrum of the word *елдң* contains semes as follows: 1) 'nagaika' as a whip — *маля*; 2) not used; 3) not used; 4) in a connotative meaning it is used to negatively characterize a 'self-willed, restless' individual. Consequently, the semantic spectrum of the lexeme *елдң* grows narrower and poorer — on its way from the early Baya Dorbet version of the epic towards post-classical ones.

Keywords: Kalmyk language, epic of *Jangar*, explanatory dictionary, whip, scourge, meanings, lexeme, semantics, corpus

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 39, Is. 5, pp. 145–151, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-145-151
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.37

О слове *bičiq* в языке калмыцкой деловой письменности XVIII–XIX вв.*¹

Дарья Бадмаевна Гедеева¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, Россия, г.Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8). ORCID: 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

Аннотация

Введение. В истории калмыцкого языка особое место занимает деловая письменность, которая была уже достаточно развита у всех монгольских народов с появлением у них своей государственности. Находясь на территории России, калмыки продолжали и развивали свои письменные традиции, выработанные еще со времен их проживания в Центральной Азии, в частности, письменное делопроизводство.

В Национальном Архиве Республики Калмыкия хранятся документы XVIII в., составленные представителями калмыцкой знати и адресованные должностным лицам российской администрации. Большинство текстов относятся к периоду существования Калмыцкого ханства, когда государственные дела стимулировали развитие калмыцкого делопроизводства по требованиям правил российского делопроизводства. Документы на национальном «ясном письме» зафиксировали как официальный, так и разговорный язык калмыков того периода и в настоящее время являются основным источником исторического изучения калмыцкого языка.

Лексика делового языка, заключенная в этих интереснейших источниках, является неотъемлемой частью словарного состава калмыцкого языка, которая до сих пор остается неисследованной. Выявление и изучение этого пласта лексики является весьма важным и необходимым этапом в создании исторической картины развития калмыцкого языка и монгольских языков в целом.

Целью данной статьи является описание названий документов со словом *bičiq*, встречающихся в языке архивных текстов.

Методы. При диахроническом исследовании лексики данного ряда используются описательный, историко-сравнительный методы.

В исследуемых текстах слово *bičiq* и словосочетания, образованные с ним, имеют ряд значений. Кроме основных значений «письменность; грамота; письмо», они употребляются и как названия официальных документов. В современном калмыцком языке основным словом в лексическом ряде, означающем документы разного содержания, является слово *цаасн* «бумага», отражающее материал, на котором сделана необходимая запись. В языке исследуемых источников таким ключевым словом является *bičiq* «запись; письмо», означающее фиксацию официальной информации на материальном носителе.

Результаты. Выявлена вышедшая из употребления, но все еще актуальная лексика из области делопроизводства. Введение ее в активный словарь послужит обогащению

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Старописьменная литература монгольских народов: тексты и исследования» (регистрационный номер АААА-А18-118021090005-1).

современного калмыцкого языка. Поскольку эта лексика стала пассивной не по причине ее устаревания, а по причине полного перехода делопроизводства на русский язык.

Выводы. Выявленные в архивных текстах названия деловых документов только со словом *bičiq* свидетельствуют о наличии широкого пласта лексики данного ряда в языке деловой письменности XVIII–XIX вв. Это в свою очередь является показателем развитого делопроизводства в калмыцком обществе того времени. Рассмотрена лишь малая часть источников, поэтому работа по выявлению, изучению и лексикографической фиксации делового языка калмыков продолжается.

Ключевые слова: деловая письменность XVIII в., названия документов, *bičiq*, калмыцкий язык, эпистолярный жанр, письмо, реестр, копия документа, вольная грамота, расписка, распоряжение

В истории калмыцкого языка особое место занимает деловая письменность, которая была уже достаточно развита у всех монгольских народов с появлением у них своей государственности [Сокровенное сказание 1941]. Находясь на территории России, калмыки продолжали и развивали свои письменные традиции, выработанные еще со времен проживания их в Центральной Азии, в частности, письменное делопроизводство.

В Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК) хранятся документы XVIII в., составленные представителями калмыцкой знати и адресованные должностным лицам российской администрации. Большинство текстов относятся к периоду существования Калмыцкого ханства, когда государственные дела стимулировали развитие калмыцкого делопроизводства по требованиям правил российского делопроизводства.

Документы на национальном «ясном письме» зафиксировали как официальный, так и разговорный язык калмыков того периода и в настоящее время являются основным источником исторического изучения калмыцкого языка.

Лексика делового языка, заключенная в этих интереснейших источниках, является неотъемлемой частью словарного состава калмыцкого языка, которая до сих пор остается неисследованной. Выявление и изучение этого пласта лексики является весьма важным и необходимым этапом в создании исторической картины развития калмыцкого языка и монгольских языков в целом.

В изучении архивных документов в контексте формирования и развития калмыцкого литературного языка наметилась некоторая традиция. Так, Д. А. Сусеевой исследованы и опубликованы письма хана Аюки и его современников (с 1713 г. по 1722 г.), Н. О. Кокшаевой — письма хана Дондук-Даши (с 1741 г. по 1761 г.), Д. Б. Ге-

деевой — письма Убаши, наместника Калмыцкого ханства [Сусеева 2003; Кокшаева 2011; Письма наместника 2004].

В данной статье мы рассматриваем некоторые названия документов, которые встречаются в языке архивных текстов, в частности, со словом *bičiq*.

В исследуемых текстах это слово и словосочетания, образованные с ним, имеют ряд значений. Кроме основных значений ‘письменность; грамота; письмо’, они употребляются и как названия официальных документов. В современном калмыцком языке основным словом в лексическом ряде, означающем документы разного содержания, является слово *цаасн* ‘бумага’, отражающее материал, на котором сделана необходимая запись. В языке исследуемых источников таким ключевым словом является *bičiq* ‘запись; письмо’, означающее фиксацию официальной информации на материальном носителе.

Изучив тексты, мы выявили несколько значений слова *bičiq*.

bičiq ‘письмо’

В языке того периода это слово означало письмо, самый распространенный способ обмена информацией. Эпистолярный документ имел характерную для него структуру и этикетные формулы.

В НА РК хранится деловая переписка калмыцкой знати с представителями российской администрации, в частности астраханской. Во многом благодаря этим официальным письмам, исследователи истории калмыцкого народа смогли восстановить исторические события того времени. В них отразились участие калмыков в войнах России, ход военных действий, политические события, а также ежедневная жизнь внутри кочевья и т. д. К примеру, в письме Чакдоржаба 1714 г.: *caqdor zabiγin bičiq.. ende bida mendü.. tende mixaila ililiüči mendü biyize* ‘письмо Чакдоржаба. Здесь мы все здоро-

вы, надеюсь, что и там Михаил Ильич здоров' [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 138]. Или читаем письмо Дондук-Даши, написанное в 1760 г.: *takiyin ataman bambartu ögüqsen bičigi. bambar na:ru ilgeji.. töüni endeki ene dobornine:rungšiulyaşi sonosbo bi.. orčiulyani sayin bişi bolo:d sayitur medeqdekü bişi.. taltu multu orčiuluqsani xasaq ceriq mordoşi bayinai.. oros. xalimaq xoyoro:so bariča:ya:n abnai bi geji.* 'Бамбар прислал мне письмо, которое ему написал яицкий атаман. Я выслушал его в чтении Добрынина. Из-за того, что перевод был не очень хорош, не все было понятно. Из неуклюжего перевода стало ясно, что собирается выступить казахское войско, хотя с русских и калмыков взять добычу' [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 323. Л. 588]. Или письмо хана Аюки 1717 г.: *ende bide bügüde:r mendü.. tende ayidarxani bayar mixayili ilie üçi mendü biyize.. tani elçi mixulai mandu bičiqtei irebe..* 'здесь все мы здоровы, и там астраханский боярин, надемся, здоров' [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 69].

Встречаются письма, в которых адресант называет свое письмо *zarliq bičiq* 'письмо-приказ'. Они отличаются от обычных писем. В них нет традиционного обращения к адресату с приветствием и вопросами о здоровье. Они несут категоричный и требовательный характер, адресованы астраханской администрации, которая не выполнила какие-либо свои обязательства или нарушила договор. Обычно они имеют претензии правового или военного характера: задержка с судебным разбирательством, незаконное задержание и содержание в тюрьме людей, требование срочно прислать военные припасы или войско и т. д.

bičiq 'ордер, распоряжение'

Слово *bičiq* упоминается в значении ордера или распоряжения, устанавливающего и закрепляющего определенный порядок чего-либо, например, распоряжение губернатора: *gubernada:diyın bičige:r dörbödiyın noyon cebeq ubaşayigi bayadu.. östölöni ebderel ülü bolxuyın tölö: tundad. cenden xoyori jile:r selgiji zakiryaşi bolxuyigi bičiji ülübayınu ta.* 'Вы пишете, что по губернаторскому ордеру Тундугу и Цендену необходимо по-сменно по одному году быть распорядителями, чтобы не было междоусобицы в детские годы до взросления Цебек Убаши' (из письма Убаши-хана, 1765 г.) [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 373. Л. 204].

to: bičiq 'реестр, опись'

Часто встречаются письма или иные документы, в которых дается перечень вещей, животных или имен людей, похищенных и требуемых возврату. В переводах русских толмачей эти документы именуется как реестры: *manai xudulda:sa serkeşiyın yosu ügei bula:şi abuqsan to: bičiqiyını öüne: xamtu talbiba..* 'я вместе с этим отправляю реестр того, что несправедливо было отобрано черкесами у наших торговцев' (из письма Дондук Даши, 1759 г.) [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 320. Л. 2]; *kezege:se na:ru ende miniy oyıro bayıdaq köqşın ermeli emčiyın gbum şaxou mönggönöi youma biy.. töüni to: bičiqni ügei tölö: öün-dü ese bičibe* 'реестра лекарств на свыше тысячи рублей, [взятых] у проживающего издавна при мне старого армянина, нет, поэтому здесь это не описываем' (Дондук-Даши, 1759 г.) [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 320. Л. 65].

ayiladxal bičiq 'доношение'.

Среди названий деловых документов встречается также *ayiladxal bičiq*, документ, содержащий определенные сведения, представляемые вышестоящему учреждению или должностному лицу: *dörböd noyon cenden dorji ayiladxal bičiq bariba* 'дербетовский нойон Ценден Дорджи подает доношение' (Ценден Дорджи, 1777 г.) [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 113. Л. 27].

xa:luyayın bičiq (xa:luyayın bičiq) 'подорожная (грамота)'

Подорожная — это государственный документ, применявшийся на Руси и в Российской империи для получения казенных лошадей во время проезда через почтовую станцию. Калмыцкие ханы часто обращались в Астраханскую губернию с просьбой дать такой документ своим посольным или другим людям, едущим по важным делам: *manai dörböd zayisang yunan ayuugiyın. ači köüken egeçitei-ni xoyuula. nuraliyın anggıtu xasaqtu oroson beleı.. odo: tere xoyor köüken nuraliyın anggi xasaqtu bayıdaq labtai zanggiyını. odo: orşojı ireqsen küün kelenei. tere köüken bayıdaq xasaq taki balyasuni oyiri übüzlüdüq bolonoi.. ende:sü taki balyasun-du odo:d. dolji abxu xa:luyayın bičiq xayirilkuyigi angxarayaba..* 'сестра и племянница нашего дербетовского зайсанга Гунан Аю были взяты в плен к казахам во владения Нурали. Сбежавший от них человек сказал, что

они действительно находятся у казахов во владениях Нурали. Казахи, у которых находятся они, зимуют вблизи города Уральска. Прошу дать дорожную грамоту, чтобы могли добраться до города Уральска и обменять их' (Ценден Дорджи, 1777 г.) [НА РК. И-35. Оп. 1. Д. 113. Л. 20].

***itegeliyin bičiq* 'верующее письмо, доверенность'**

Доверенностью, которая выдавалась одним лицом другому для представительства перед третьими лицами, часто пользовались калмыцкие ханы и князья для получения ежегодного жалования, выдаваемого им из императорской казны: *beja:n yabiniči-du.. ayidarxani gubernski parabalena:su bidani xalimagiyin axa piristab yospodiyin koleski sove:dniq kavaler apolon basiliči kaxanobtu.. nada öqtegei geji ireqsen nige vbum tabun mingyan mönggüügi.. ene mini tandu öqsen itegeliyin bičiq.. bidani axa piristabiyin zergedu üzüülji nere:deqsen mönggüügi ta abči.. abaqsa:n xoyini yara:n čigi tabiji öküüta:n tana:su ernebi ::* 'Бежан Ивановичу. Нашим главным калмыцким приставом господином коллежским советником и кавалером Аполлоном Васильевичем Кахановым получены из Астраханского губернского правления для передачи мне тысяча пятьдесят рублей денег. Прошу Вас, показав данную доверенность господину главному приставу, получить причитающиеся мне деньги и после получения расписаться' (Эрдни тайши, 1822 г.) [НА РК. И-1. Оп. 1. Д. 187. Л. 280].

***yar bičiq* 'расписка'**

Этот документ (букв. 'письмо от руки'), удостоверяющий в письменной форме, что лицо, давшее расписку, получило от другого лица какую-либо материальную ценность, также использовалось калмыками в правовых спорах. В переписке с генерал-майором Н. Г. Спицыным хан Дондук-Даши пишет о необходимости получения расписки от капитана, забирающего у него прибывших якобы Бамбара, лошадей: *tege:d kapitan batutai yar bičige:n ese öküne: öqči bolxu ügei baxana.. kerbe yar bičiq ügei öqči orki:d.. xoyino ezeni ireküne. tere ezen-düni youn gekübi. keni bariji ökü bi..* 'если капитан не даст расписку, не могу отдать [лошадей]. Если я отдам [их] без расписки, а потом придут хозяева [лошадей], что я скажу хозяевам, кого буду искать' (Дондук-Даши, 1760 г.) [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 320. Л. 850].

***amur yabuxu bičiq tamaya* 'вольная грамота, вольная запись'**

Данный документ (букв. 'грамота о свободном передвижении') свидетельствовал о том, что принадлежащий нойону или зайсангу простолюдин отпускается на свободу. Документ составлялся владельцем, фиксировавшим одностороннее волеизъявление выдавшего её лица.

Дербетовский нойон Ценден Дорджи в своих письмах, направленных астраханской губернской канцелярии, пишет о предоставлении вольной грамоты Гаванг Шарабу: *dörböd noyon cenden dorji.. ayiladxaji bičiq bariba.. dörböd tuqtun anggi.. yabang šarab manji.. cebeq ubašiyin cögöcöči bolji yabuqsa:r.. cebeq ubaša xayirlaji dörböd dunda.. yarçunai bi geqse:rni.. odo: bi dörböd dunda amur yabuxu bičiq tamaya.. yabang manji dörbön öröküyigi amur yabuulxuyin tölö: ögüqsen kincala:r-tu baribabi..* 'дербетовский нойон Ценден Дорджи подал письмо с доношением. Когда послушник Гаванг Шарап из дербетовского анги Тугтун был лампадчиком у Цебек Убаши, то Цебек Убаши обещал ему дать грамоту о свободном передвижении среди дербетов. Поэтому сейчас я отправил письмо в канцелярию о том, что даю вольную грамоту послушнику Гаванг и четырем семьям' (Ценден Дорджи, 1777 г.) [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 113. Л. 27].

***köböün bičiq* 'копия документа'**

В калмыцких письмах нередко упоминается копия документа *köböün bičiq* (букв. 'сыновний документ'): *tere yabang šarab manji-du dörböd dunda amur yabuxu bičiq tamaya ögüqseni köböün bičigiyini öünei xamtu baribabi..* 'вместе с этим письмом я передаю копию вольной грамоты о свободном передвижении среди дербетов послушника Гаванг Шараба' (Ценден Дорджи, 1777 г.) [НА РК. И-35. Оп. 1. Д. 113. Л. 27]. Оригинал соответственно называется *eke bičiq* (букв. 'материнский документ'). В текстах встречается также и русское слово *копия*.

В значении 'снять копию' употребляется глагол *salıaxu* (букв. 'отделить, разъединить'): *tere bičigiyin ügeyigi üzeji mede:d ödiüide:n.. tere bičige:se kopiya: keji salıaji na:ru nada tüdel ügei ilgeküyigi inaya:ran erinei bi* 'поскольку я не видел письма и не знаю, о чем в нем написано, то я по дружбе прошу Вас сделать его копию и без задерж-

ки прислать мне' (из письма Дондук-Даши, 1760 г.) [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 320. Л. 64].

***zaka: bičiq* 'распоряжение'**

Распоряжение, издающееся по оперативным текущим вопросам по калмыцким делам, называется *zaka bičiq: ta zaka: bičiq ca:ru ötör yabuulji tere tamyačiyigi e:reji zobo:xuyini uruulxuna sayin sanji geji erinei bi..* 'я прошу Вас послать в ту сторону распоряжение, чтобы прекратить издевательство толмача (над калмыками)' (Дондук-Даши, 1760 г.) [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 320. Л. 246].

В фондах архива мы обнаружили интересный документ от 1822 г., представляющий собой коллективное письмо пяти калмыцких судей, адресованное главному приставу А. В. Каханову. Письмо содержало просьбу — разрешить калмыкам составить свой юридический документ (впоследствии названный историками Зинзилинские постановления), узаконивающий традиции народа в решении правовых вопросов, в частности в области уголовного права. Законы были составлены, однако так и остались на бумаге, не получив практического применения. Просьба судей предваряется изложением состояния российского судопроизводства в калмыцком обществе. В этой связи в документе встречаются термины делопроизводства, в частности со словом *bičiq*.

***üüle:n bičiq* 'судебное дело'**

В данном случае имеются в виду, на наш взгляд, собранные в папки письменные материалы, которые составлялись калмыцкими судьями в процессе судопроизводства: *zaryuyin örgö:dü üüle:n bičigüüd bidani biči:či bolji bayidaq dörböd morxo:jin gedeq küün hadyalji bayidaq..* все судебные дела хранит в здании Суда дербет Морхаджин, который был у нас писарем' (из Письма пяти судей, 1882 г.) [НА РК. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 11–14]; *axa axalaqči:su zaka:tai berke öüle:gi urda yoso:r šöüji šiyide:d bičiqleji tere bičigi yurban zaryačiyin yara:r tiyiza:r bataruulji axa piristabiyn kincala:rtu ögüdüq bida..* 'по распоряжению начальства трудные дела мы разрешаем по прежним законам, документируем, заверяем сургучными печатями трех судей, отправляем в канцелярию главного пристава' [НА РК. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 11–14].

***oyitolyani bičiq* 'обвинительное заключение'**

Обвинительное заключение представляет собой процессуальный документ, содержащий сформулированное обвинение: *oyitolyani bičiqtü zaryačiyin yar talbiqtan geqsen..* 'велено в обвинительном заключении ставить подпись судьи' [НА РК. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 11–14].

***ca:ji bičiq* 'уложение, сборник законов'**

Словосочетание *ca:ji bičiq* означает 'письменный законодательный документ, уложение, сборник законов'. Как известно, калмыки, проживая на территории России, решали свои правовые вопросы, руководствуясь монголо-ойратским сборником законов XVII в. «Ик Цааж» ('Великое Уложение') и уложением XVIII в. «Шажн төрин зарчм» ('Духовные и светские законы'). В письмах эти документы часто упоминаются как *ca:ji bičiq: alangtarxu bitü oro:ldongyu üüle:gi ca:jiyin bičiqtü za:qsa:r šöüji xuruuldaq bida..* 'если дело сомнительное, глухое, путанное, то мы его расследуем и, как указано в Уложении, закрываем' [НА РК. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 11–14]; *ebere: uul yoson zangya:ran šajini tüšül yertümčiyin törö ca:jiyin bičiqtü bayiqsa:r keji yoboqson..* 'по древнему обычаю держали веру и светскую власть так, как написано в Уложении' [НА РК. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 11–14]; *xuučin zang yoson zarčim ca:jiyin bičiqtü bičiqdeqsün yambar bui.. tüüni mörö:r noyod sayid xuburaq bola:d tangyači bügüdü tus tusta:n kir čidla:ran kice:ge:d yobodoq biden..* 'как описаны в Уложении старые традиции, так по тем канонам нойоны, сайты, священнослужители и весь народ, каждый в силу своих возможностей, старается жить' (Письмо пяти судей) [НА РК. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 11–14].

***bičiq* 'буддийское сочинение'**

Как видим, слово *bičiq* активно функционирует в тематической группе делопроизводства. Кроме этого, слово *bičiq* имеет и другие значения, связанные с письмом. Так, оно означает сочинение буддийского содержания: *darma balayin yartu xuučin mini xa:ni sayai čigi xoyino čigi mani zouya:sa ireqsen.. mani nomdu üne:ren yeke kereqtei oldoši ügei.. olon züi burxa. olon züi bičigüüd.. olon züi notiyin zer zebe bei* 'в руках у Дарма Балы хранятся старые, времен моего хана и в последующем привезенные из Тибета действи-

тельно очень нужные для нашей религии, различные редкие изображения божеств, различные сочинения, различные культовые предметы' (Дондук-Даши, 1745 г.) [НА РК. И-36. Оп. 1. Д. 194. Л. 18].

***tongyol bičiq* 'монгольское письмо, монгольская грамота; старокалмыцкое письмо'**

Слово *bičiq* также означает грамоту. Название грамоты *tongyol bičiq* 'монгольское письмо' означало старокалмыцкое письмо, созданное ойратским просветителем Заяпандитой. Как известно, сам Заяпандита это письмо называл монгольским. В «Зинзилинских постановлениях» сказано: *xarca kümün mongyol bičiq saq čidala:r köböüge:n surya.. züge:r zayisangyuud köböüge:n yaruuča:n beyede:n da:ya:d surga..* 'простолюдин, учи своего сына монгольской грамоте, если есть время и возможность. Однако зайсанги обязаны обучать своих сыновей, взяв расходы на себя' [Позднеев 1892: 89–92].

Таким образом, перечисленные выше названия деловых документов только со словом *bičiq* в языке деловой письменности XVIII–XIX вв. свидетельствуют о широком пласте лексики данного ряда в калмыцком языке того периода. Рассмотрена лишь малая часть источников, поэтому работа по выявлению, изучению и лексикографической фиксации делового языка калмыков продолжается.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

НА РК — Национальный Архив Республики Калмыкия. [*Natsional'nyu Arkhiv Respubliki Kalmykiya* [National Archive of the Republic of Kalmykia].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Кокшаева 2011 — Кокшаева Н. О. Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.). Элиста: Изд. дом «Герел», 2011. 189 с. [Kokshaeva N. O. *Yazykovye osobennosti epistol'yarnogo naslediya kalmytского khana*

Donduk-Dashi (seredina XVIII v.) [Kalmyk Khan Donduk Dashi: language features of his epistolary heritage (mid-18th c.)]. Elista: Gerel, 2011. 189 p. (In Rus. and Kalm.)]

Письма наместника 2004 — Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши. Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 196 с. [*Pis'ma namestnika Kalmytского xanstva Ubashi* [Ubashi Khan of the Kalmyks and his letters]. D. B. Gedeeva (transl., comp., etc.). Elista: Dzhangar, 2004. 196 p. (In Kalm. and Rus.)]

Позднеев 1892 — Позднеев А. М. Калмыцкая хрестоматия: для чтения в старших классах калмыцких народных школ. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1892. С. 89–92. [Pozdneev A. M. *Kalmytskaya khrestomatiya: dlya chteniya v starshikh klassakh kalmytskikh narodnykh shkol* [Kalmyk Chrestomathy: a reader for Kalmyk high schools]. St. Petersburg Imperial Acad. of Sc., 1892. Pp. 89–92. (In Kalm. and Rus.)]

Сокровенное сказание 1941 — Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборник / пер. С. А. Козина. М.; Л.: АН СССР, Институт востоковедения. 1941. 619 с. [*Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. Mongol'skiy obydennyy izbornik* [The Secret History: a Mongolian chronicle of 1240]. S. A. Kozin (transl.). Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sc., Institute of Oriental Studies, 1941. 619 p. (In Rus.)]

Сусеева 2003 — Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.). Опыт лингвосociологического исследования. Элиста: КГУ, АПП «Джангар», 2003. 457 с. [Suseeva D. A. *Pis'ma khana Ayuki i ego sovremennikov (1714–1724 gg.)*. *Opyt lingvosotsiologicheskogo issledovaniya* [Letters written by Ayuka Khan and his contemporaries (1714–1724): an effort of linguo-sociological research]. Elista: Kalmyk State Univ., Dzhangar, 2003. 457 p. (In Rus.)]

The Word *Bičiq* in the Language of Official Kalmyk Writing: 18th–19th Centuries

Dariya B. Gedeeva¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, I. K. Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

Abstract

Introduction: Official Kalmyk writing — like that of any other Mongolic language — had been well developed since the emergence of the Mongol Empire and its successor states. Even within Russia's boundaries the Kalmyks kept sophisticating their writing practices, special emphasis having been paid to administrative correspondence and records management.

The National Archive of Kalmykia contains 18th-century documents addressed by Kalmyk nobility to Russian authorities. The bulk of the texts date back to the period of the Kalmyk Khanate when regular state contacts facilitated the development of official Kalmyk writing to meet the requirements of Imperial Russia's correspondence protocols.

Documents in Clear Script mirrored both the then literary and conversational variants of the Kalmyk language, and now serve as the basic sources for historical linguistic studies.

The official lexis contained in the sources constitutes an integral part of the Kalmyk vocabulary and is still largely understudied. Identification and further exploration of this lexical stratum is important and urgent to understand the Kalmyk — and basically Mongolic — linguistic development in the long historical context.

Certain efforts have been made to facilitate this, namely, those by D. Suseeva, N. Kokshaeva, and D. Gedeeva.

Goals: The article aims to review document names containing the word *bičiq*.

Methods: The diachronic lexical research applies descriptive, historical and comparative methods.

Within the investigated texts, the word *bičiq* and related word combinations have a number of meanings. Except for the main ones, such as 'script', 'credentials', 'letter', those are used as names of official documents. In modern Kalmyk it is the word *yaach* 'paper' which serves to denote various documents being etymologically related to the source material of such documents. In the language of the investigated the same role is played by the word *bičiq* 'record; letter' which stresses the recording of official information as a hard copy.

Results: The study has discovered some obsolete — though still relevant — lexis dealing with records management. Its introduction into the active vocabulary shall significantly enrich modern Kalmyk, since those words have become rare in view of their obsolescence but due to current Russian-language records keeping (written correspondence) protocols.

Conclusions: The discovered archived texts containing the word *bičiq* in their titles show there is quite a layer of similar lexis in official recordings of the 18th–19th centuries. In turn, this proves that records management practices had been developed enough in the Kalmyk Khanate. Only small part of the mentioned sources have been examined, and there are still many more Kalmyk lexicographic units to discover, investigate and describe.

Keywords: 18th-century official writing, document names, *bičiq*, Kalmyk language, epistolary genre, letter, register, copy of a document, credentials, receipt, decree



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 39, Is. 5, pp. 152–165, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-152-165
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.3

Частотность и применение некоторых терминообразующих суффиксов монгольского языка

Гэрэлма Гёрёчин¹

¹ доктор наук, профессор, руководитель отдела прикладной лингвистики, Институт языка и литературы, Академия наук Монголии (13330, Монголия, г. Улан-Батор, пр. Жукова, 54А).
 ORCID: 0000-0001-53160233. E-mail: g_mgl2003@yahoo.com

Аннотация

В данной статье автор исследовал значение, функции, применение и частотность некоторых суффиксов, а именно: *-тан*⁴, *-нцар*², *-гана*⁴, *-лзай*³, *-ж*, *-жин*, *-ч*, *-чин*, *-ийнхан*², которые, хотя и активно участвуют в образовании новых слов, пополняя тем самым лексический запас монгольского языка, при терминообразовании несут в себе несколько другие, специфические функции и отличаются частотой своего употребления. В исследовании были привлечены термины естественных наук, таких как ботаника, зоология, минералогия, география и т. д., выбранные из «Русско-монгольского терминологического словаря» (объем — 120 000 терминов).

Данное исследование проведено в двух основных направлениях. Во-первых, автор обобщает исследования ученых, изучавших значение вышеназванных суффиксов, и на основе сопоставления, выделяет среди перечисленных выше суффиксов наиболее продуктивные с точки зрения терминообразования.

Ученый Т. А. Бертагаев в свое время отмечал, что суффикс *-тан*⁴ несет в себе: 1) коллективно-множественное значение: *цэргийн эрхтэн* ‘военщина, милитаристы’; 2) значения единичности и множественности: *цагаантан* ‘белогвардейцы, белогвардеец’; 3) значение, указывающее на объект единичного: *сэхээтэн* ‘интеллигенция’. Однако при терминообразовании суффикс *-тан*⁴ приобретает собирательное значение и широко используется в названиях видов животных и растений. Например: в названии животных — *битүү тууртан* ‘непарнокопытные’ (1); в названии растений — *луулийн язгууртан* ‘маревое семейство’; в названии микроорганизмов — *багц шилбүүртэн* ‘лофотрихи’ (1); в названии птиц — *дэвүүр сүүлт жигүүртэн* ‘птицы веерохвостые’ и т. д.

Суффикс *-нцар*, кроме своего основного диминутивного значения, например: *үндсэнцэр* ‘корешки’, *навчинцар* ‘листочки’ (7) и т. д., при образовании терминов привносит значение схожести, например: *манинцар* ‘гермафродитизм’ (3), *болронцор чулуу* ‘кварцит’ (2), а также указывает на составную часть целого, например: *элэгний хэлтэнцэр* ‘долька печеночная’ (2).

В своём исследовании автор, тщательно проанализировав терминообразовательную функцию суффикса *-гана*⁴, который в научных трудах упоминается как суффикс, образующий в основном названия животных и растений, выявил 5 новых значений, расширивших его семантику. К ним относятся:

а) основная словообразовательная функция, которая заключается в присоединении данного суффикса к корню слова и образовании, на основе присущих ему характерных признаков, новых существительных. Данная особенность этого суффикса весьма традиционна

в терминологическом образовании. Например: *улаагана* ‘смородина красная лесная’ (3), *хонхорт харгана* ‘чингиль серебристый’ (3) и т. д.;

б) при помощи настоящего суффикса отображаются форма и конфигурация животных, растений, и на основе этого образуются термины с номинативным значением. Например: *өргөст бударгана* (*өргөст хамхуул*) ‘солянка сборная мясная’ (2), *сархитгана* ‘полевка обыкновенная’ (серая) (2);

в) образование терминов путем присоединения данного суффикса к корням звукоподражательных слов, таких как: *цүүр цүүр хийх, хэд хэд хийх*. Например: *цүүргэнэ* ‘саранча’ (3), *хэдгэнэ* ‘шмель’ (3) и т. д.;

г) посредством присоединения этого суффикса к существительным образуются сходные данному виду термины. Например: *сүүгэнэ* ‘молочай’ (1), *салаагана* ‘хориспора’ (2), *гичгэнэ* ‘лапчатка гусиная’ (1);

д) названия растений и рыб с суффиксом *-гана*⁴, имеющие в своей основе иноязычные, омонголизированные слова. Например: *тавилгана* (*раст.*) ‘таволга’ (1), *суладай, нагана* ‘нагана’ (*раст.*) (1) и т. д.

Во-вторых, автором ставилась цель при помощи программы TextStat вычислить частотность суффиксов *-тан*⁴, *-нцар*², *-гана*⁴, *-лзай*³, *-ж*, *-жин*, *-ч*, *-чин*, *-ийнхан*². Исследование, проведенное автором, показало, что в «Русско-монгольском терминологическом словаре» (120 000 терминов) суффиксы *-т*, *-тан*⁴ в составе односоставных (*амьтан* ‘живые существа’, *боргоцойтон* ‘шишконосные’) и сложносоставных (*нийлмэл цэцэгтэн* ‘сложноцветный’, *сарьсан далавчтан* ‘перепончатокрылые’) слов встречаются 292 раза. Суффикс *-нцар*² (*бөөлжүүлэх чулуунцар* ‘рвотный камень’, *балнадын савханцар* ‘тифозная палочка’ и т. д. — 218 раз; суффикс *-гана*⁴ (*гялгана* (*рыба*) ‘чебак’, *явган тургана* ‘шелковица белая’) и т. д. — 68 раз; суффиксы *-ч*, *-чин* (*агтач* (*адуучин*) ‘конюх’, *алимны балч шавьж* ‘медвежатиная яблочная’) — 53 раза; суффиксы *-ж*, *-жин* (*асмалжин занар* ‘сланец диоритовый’, *молоржин* ‘топазолит’) — 45 раз и, наконец, суффикс *-ийнхан* (*азийнхан* ‘азиаты’, *суунга ёроолынхон* ‘сиенит’) — 11 раз.

Ключевые слова: словообразовательные суффиксы, образующие термины, частотность употребления суффиксов, прикладная лингвистика, изменение значения

Монгол хэл нь залгамал хэл бөгөөд шинэ үг бүтэх тогтолцооны үндсэн шинж нь язгуурын араас үг бүтээх дагавар залгаж үгийн сангийн шинэ үг бүтээдэг зүй тогтолтой.

Үг бүтээх дагаврын утга нь шинэ нэр томьёо бүтээхэд өргөжих, явцуурах, идэвхжих олон шинж чанар нэр томьёог тогтолцоотой тогтоож ирсэн 90 гаруй жилийн туршид тогтоосон хэлний баримтаас харагдаж байна. Иймээс бид нэр томьёоны өвөрмөц үүрэгтэй болсон цөөн дагаврыг сонгон авч 120,000 нэр томьёог багтаасан «Орос монгол нэр томьёоны толь» 3 ботиос давтамжийг тодорхойлон утга, хэрэглээний байдлыг тодруулан судлах болно [ОМНТТ 1964; 1970; 1979].

Бидний авсан жишээ ургамал, амьтан, чулуулаг зэрэг байгалийн ухаанд хамаарах тул эдгээр салбаруудын нэр томьёо бүтээх дагавруудын талаар судласан юм.

*-тан*⁴ дагавар

Монгол хэлний *-тан*⁴ дагаврын талаар судалгааны бүтээлүүдэд тус дагаврыг

нэрийн үндсэнд залгаж уул зүйлийн хам олны санааг илтгэсэн жинхэнэ нэр үүсгэнэ. Жишээ нь: ‘араатан, жигүүртэн, туурайтан’ гэх мэт. Мөн уул нэрийн үндсээр илэрч буй утгыг эзэмдэхийн санааг илтгэнэ. Жишээ нь: ‘эрдэмтэн, оюутан’ гэх мэт. Зарим үед хамт олны санаа нь алдагдаж нэгж ухагдахууныг илтгэсэн ч байдаг. Жишээ нь: ‘амьтан, мэргэжилтэн’ гэх мэт [Орчин цагийн монгол хэл 1966: 78].

«<...> Тухайн зүйлийг эзэмшсэн, бүхий хам олны утга. Жишээ нь: оюу(н)тан, сэхээтэн, ажилтан, ... ястан гэх мэт.

— Нийгмийн хам олныг заасан утга. Жишээ нь: амьтан, араатан, ялаатан, цохтон... гэх мэт.

— Хүндэтгэлийн утга. Жишээ нь: багштан, гэгээнтэн, ... ахайтан, дээдэстэн гэх мэт.

— Нийгмийн хам олны үзэл, үнэлэмж зэргээр нь ялгасан утга. Жишээ нь: улаатан, баруунтан, өшөөтөн гэх мэт. Энэ дагаврыг дарга, даамал, захирал, эрх, дарх, тушаал, ямандаг зэрэг үгэнд залгахад ихэвчлэн сөрөг сэтгэлийн байдал илэрдэг байна. Жишээбэл:

... даргатаан ... гэх мэт.

— Идэвхгүй язгуурт залгаж нэр үг бүтээнэ. Жишээ нь: ной-тон, уй-тан, хүй-тэн гэх мэт» [Чоймаа 1997: 167; Мөнх-Амгалан, Кан Шин 2014: 27].

Эрдэмтэн Т. А. Бертагаев: 1. хам олны утгатай: цэргийн эрхтэн 'военщина, милитаристы'; 2. ганц ба олны утгатай: цагаантан 'белогвардейцы, белогвардеец'; 3. ганцын юмыг заасан утгатай: сэхээтэн 'интеллигенция' [Бертагаев 1964] гэж тодорхойлсон байна.

Байгалийн шинжлэх ухаанд *-тан*⁴ дагавраар нэр томьёо бүтээсэн цөөнгүй бий.

Энд дурдсан утгаас амьтан, ургамлын нэр томьёонд: үетэн 'злак' [УНТКМ 1962: 5], тосны загалмайтан 'крестоцветные масличные культуры' [УНТКМ 1962: 7], урт далавчтаны баг 'длинокрылые' [ОМНТТ 1979 III: 149], ойн аймагтан 'папоротниковые' (640) гэхчилэн хам олны утгаар өргөн хэрэглэж байна.

Амьтан судлаач С. Дуламцэрэн ангилбарын зиндааны нэрийг ийнхүү «АНГИ-ийг *-ууд*² (дэлэнтнүүд), БАГ-ийг *-тан*⁴ (мэргэчтэн, туруутан, туулайтан) төгсгөлтэй байхаар жигдлэв» [Дэлэнтний ангилал зүй 2003: 9] гээд гар далавчтаны баг 'рукокрылые', хос туурайтны баг 'парнокопытные' гэх зэргээр бүтээлдээ тусгасан бөгөөд «...ургамлын овгийг энэ дагавраар хэлбэржүүлэн ижилсүүлэх нь чухал байгаа»-г онцлон бичжээ. Уг салбар ухаан дотроо баг болон овгийн алиныг нь *-тан*⁴ дагавраар хэлбэржүүлэхээ жигдлэх аваас энэ нь нэр томьёог хураангуй болгох оновчтой жигдрүүлэлт болох талтай.

Монгол хэлний нэр үгээс нэр үг бүтээх *-тан*⁴ дагаврын талаар «Орчин цагийн монгол хэл» бүрэн хэлзүйд оруулснаас гадна эрдэмтэн Т. А. Бертагаев [Бертагаев 1974: 150–154], Л. Болд [Болд 1986: 18] нар тухайн дагаврын үүсэл, гарал утгыг нарийвчлан судалжээ.

Бид судалгаандаа 120,000 орчим нэр томьёог багтаасан «Орос-монгол нэр томьёоны толь» гурван боть толийг хэрэглэгдэхүүн болгож, улмаар TextStat программаар тооцоолон судалгаа хийхэд «Орос-монгол нэр томьёоны толь» I боть-д [ОМНТТ 1964]:

Амьтан 'живые существа' (1)¹

Ан, араатан, ан гөрөөс 'зверь' (1)

¹ (1), (2), (3) — хэмээх нь «Орос-монгол нэр томьёоны толь» гурван ботийн алинд буйг заасан тэмдэг.

Битүү тууртан 'непарнокопытные' (1)
Луулийн язгууртан 'маревое семейство'
Лууль 'лебеда' (1)

Махчин, араатан 'хищные' (1)

Нугалмайтан 'позвоночное или черепное' (1)

Анх тэжээлтэн 'прототрофы' (1)

Анх ургамал 'протофит' (1)

Багц шилбүүртэн 'лофотрихи' (1)

Бичил биетэн 'микроорганизм'

Бичил бөм 'микрোকкок' (1)

Булцуу үртэн 'клубнеплод' (1)

Булчин 'мышца' (1)

Иж тэжээлтэн 'паратрофы' (1)

Өөсөөн тэжээлтэн 'аутоτροφ' (1)

Савар жигүүртэн 'рукокрылые' (1)

Тойрон шилбүүртэн 'перитрихи' (1)

Үндэс үртэн 'корнеплод' гэх мэтээр 41 удаа дангаараа байх боловч «амьтан» хэмээх үгтэй давхардсан нь 21 удаа, нийт 62 удаа уг *-тан* дагавар бүхий дан болоод нийлмэл нэр томьёо бүртгэгдсэн.

«Орос-монгол нэр томьёоны толь» II боть-д [ОМНТТ 1970]:

Далан түрүүтэн 'волчниковые'

Донгодогч шар жигүүртэн 'сорокопут длиннохвостый' (3)

Тогосголжин жигүүртэн 'аргусовые птицы'

Дэвүүр сүүлт жигүүртэн 'птицы веерохвостые'

Доод хавч хэлбэртэн 'рак низший'

Доод хавчин дүрстэн 'низшие ракообразные' (6)

Дээд хавч хэлбэртэн 'рак высший'

Дээд хавчтан 'высшие ракообразные'

Дутуу гэдэстэн 'турбеллярий бескишечный'

Заримдаг шүдтэн 'неполнозубые'

Зургаан тэнхлэгт хөвөн биетэн 'губки шестилучевые'

Илд сүүлтэн (үет хөлт амьтан) 'мечехвосты'

Могой сүүлтэн 'змеехвостки'

Нийлмэл цэцэгтэн 'сложноцветый' гэх мэтээр хамгийн олон *-тан*⁴ дагавар бүхий 186 нэр байна. Энэ нь уг толь бусдаасаа хэмжээгээрээ том, багтаамжтай байдагтай холбоотой.

«Орос-монгол нэр томьёоны толь» III боть-д [ОМНТТ 1979]:

Салс спортон 'споровики слизистые'

Хольцтоны хэв шинж 'тип колчедана'

Шилбүүр хөлтөн 'паукообразные-жгутоногие'

Дээд хөхтөн 'высшие млекопитающие'

Арван хөлтөн 'головоногие — десятиногие'
 Найман хөлтөн 'головоногие — восьминогие'
 Онгоцтой толгой хөлтөн 'головоногие — наугилиды'
 Толгой хөвчтөн 'головохордовые' гэх зэргээр 54 удаа *-тан*⁴ дагавартай нэр томьёо тохиолдоно.

Эндээс дүгнэж үзвэл, «Орос-монгол нэр томьёоны толь» гурван ботид нийтдээ *-тан*⁴ дагавартай нэр томьёо 292 байна.

Дан үгэнд *-тан*⁴ дагавар залгаж нэр томьёо бүтээсэн

- Амьтан 'живые существа' (1)
- Боргоцойтон 'шишконосные' (2)
- Бүрхүүлтэн 'облочники' (3)
- Гавалтан 'черепные' (3)
- Гургуултан 'фазаны' (3)
- Гуурстан 'сифонофоры' (2)
- Зэржгэнэтэн 'славковые' (3)
- Сахалгүйтэн (шавьж) 'бессяжковые' (2) ?
- Спортон 'споровики' (3)
- Тодолтон 'скворцовые' (3)
- Үетэн 'злаковые' (2)
- Хортон 'задира' (2)
- Хөлгүйтэн 'безногие' (2)
- Хилэнцтэн 'паукообразные скорпионы' (2)
- Хуягтан 'панцырные' (3)
- Шилбүүртэн 'биченосцы' (2)
- Шүхэртэн 'зонтичные' (2)

Эрүүгүйтэн 'бесчелюстные' (2) хэмээн давхардаагүй тоогоор 17 удаа тохиолдож буйг уг дагавартай нэр томьёотой харьцуулвал цөөн байна.

Харин нийлмэл үгийн бүтцэд орсон *-тан*⁴ дагавартай нэр томьёо 270 гаруй байх агаад далавчтан хэмээх нэр томьёотой нийлэмж 17 удаа, спортон хэмээхтэй нийлэмж 6 удаа байх жишээтэй.

Уг дагавар нь хоршоо болон нийлэмж үгийн ард орж үгийн сангийн шинэ утгатай нэр томьёо бүтээж буй нь үг бүтээх задлаг болон нийлэг аргыг нэгэн үгийн бүтцэд багтаан хэрэглэсэн өвөрмөц үзэгдэл болно.

А. Тэмдэг нэрийг нэр үгэнд үндсээр хамжуулан холбосон ац туурай, нийлмэл, цэцэг, сарьсан далавч зэрэг нийлэмж үгэнд *-тан*⁴ дагавар залган дараах нэр томьёог бүтээсэн нь хамгийн бүтээлч шинжтэй.

Ац туурайтан 'парнокопытный' (1)

Нийлмэл цэцэгтэн 'сложноцветный' (2)

Сарьсандалавчтан 'перепончатокрылые' (3)

Илүү хуруутан 'полидактилия' (2)

Элдэв шүдтэн 'разнозубые' (2)

Б. Тооны нэр болох ганц, хос, гурав, зургаа, найм, арав гэх мэт үгийг нэр үгэнд үндсээр хамжуулан холбосон ганц идэш, хос загалмай, ганц сүв зэрэг нийлэмж үгэнд *-тан*⁴ дагавар залгаж бүтээсэн нэр томьёо цөөнгүй.

Ганц идэштэн 'монофага' (2)

Ганц сүвтэн 'однопроходные' (2)

Хос сүвтэн 'парноопоровые' (2) ?

Хос сүүлтэн 'двухвостик' (2)

Хос эвэртэн 'двурогий' (2)

Хос заламгайтан, жинд заламгайтан 'пластинчатожаберные' (3)

Жинд заламгайтан — Гурван шивнүүртэн үхэр бөднө 'трехперстки' (3)

Зургаан тэнхлэгт хөвөн биетэн 'губки шестилучевые' (2)

Найман хөлтөн 'головоногие-восьминогие' (1)

Арван хөлтөн 'головоногие-десятиногие' (1)

В. *-т*, *-гүй* дагавартай үүсмэл тэмдэг нэрийг нэр үгэнд захируулан холбох гэх мэтээр үүссэн нийлэмж үгэнд *-тан*⁴ дагавар залгаж нийлмэл нэр томьёо бүтээж байна.

Ихэсгүй амьтан 'аплацентальные животные; животные аплацентарные' (2)

Уст бүрхүүлтэн 'амниота' (2)

Ойм хэвт үртэн 'папоротникообразные семенные' (3)

Дэвүүр сүүлт жигүүртэн 'птицы веерохвостые' (3)

Суумал нүдтэн хөлтөн 'брюхоногие сидячеглазые' (2)

Г. Өөр хоорондоо харьяалахын тийн ялгалаар холбогдсон нэрийн холбоо үгийн ард *-тан*⁴ дагавар залгаж бүтсэн нийлмэл нэр томьёо байна.

Анхны шилбүүртэн 'биченосцы первичные' (2)

Луулийн язгууртан 'маревое семейство' (1)

Янз бүрийн идшийн амьтан 'многоядные животные' (2)

Тэргүүлэгч цэцэгтэн 'розовые' (2) гэх зэрэг нийлэмж үгэнд *-тан*⁴ дагавар залган үүссэн нэр томьёо байна.

Монгол хэлний *-тан*⁴ дагаврын утгыг нэрийн үндсэнд залгаж уул зүйлийн хам олны санааг илтгэсэн жинхэнэ нэр үүсгэнэ. Жишээ нь: 'араатан, жигүүртэн, туурайтан' гэх мэт. Мөн уул нэрийн үндсээр илэрч буй утгыг эзэмдэхийн санааг илтгэнэ. Жишээ нь: 'эрдэмтэн, оюутан' гэх мэт. Зарим үед хамт олны санаа нь алдагдаж нэгж ухагдахууныг

илтгэсэн ч байдаг. Жишээ нь: ‘амьтан, мэргэжилтэн’ гэх мэт [Орчин цагийн монгол хэл 1966: 78] гэснийг цаашдын судлаачид улам дэлгэрүүлэн судалсан байна.

А. Нэр томьёонд уг дагаврын бүтээлч үүрэг нь байгалийн шинжлэх ухаанд амьтан ургамлын ангилал зүйн дотор багийн нэрийг бий болгохдоо *-тан*⁴ дагавраар хэлбэржүүлж, нэр томьёо бүтээсэн нь өдгөө хэрэглэгдэж байна. Энэ нь хам олны утгыг нэр томьёонд өргөжүүлэн хэрэглэсэн хэрэг юм.

«Монгол орны шувууны зүйлийн нэрний арван хэлний толь бичиг»-т Боршувуутан, Галуутан, Гахуунтан, Налтан, Өвөөлжтөн, Өрвитөн, Тагтаатан, Тахиатан, Тоншуултан, Тогоруутан, Ураацайтан, Уультан, Халуутан, Хиазтан, Хөхөөтөн Шонхортон гэж 16 багийн нэрэнд уг дагаврыг хэрэглэсэн байдаг нь угтаа монгол оронд 16 багийн шувуу байгааг зааж буй хэрэг юм [Болд, Цэвээнмядаг, Болдбаатар, Майнжаргал 2007: 160].

Энэ мэтээр амьтны нэр толь бичигт хэрхэн тэмдэглэсэн талаар лавлан үзвэл «Дэлэнтний ангилал зүй ангилбарын монгол нэр томьёо»-нд (2003) Шавж идэштэн (Шавжичтан), Далавчтан, Туулайтан, Мэрэгчтэн, Мэрүүртэн, Мах идэштэн (Махчтан), Туурайтан, Саарьтан, Туруутан гэж монгол орны хөхтөн амьтны 9 багийг толиндоо оруулсан байна. Тухайлбал,

Битүү тууртан ‘непарнокопытные’ (1)

Луулийн язгууртан ‘маревое семейство’ (1)
Шоргоолж идэштэн ‘муравьеды’ (1) гэх мэт.

Энэ толинд ‘махачтан, шавжитчан’ [Дэлэнтний ангилал зүй 2003: 21] гэсэн нэр томьёо байх бөгөөд түүний дагаврын хийсвэр утга махаар хооллодог, махчин амьтан гэсэн утга илтгэж байхад «-ин»-ийг хасч, дээр нь *-тан*⁴ дагавар залгаснаар хоёр үгийг хураасан шинжтэй боловч хэлэхэд хэцүү нэр томьёо үүсчээ.

Б. Байгалийн шинжлэх ухаанд багийн нэр үүсгэхээс гадна тухайн шинж чанар бүхий амьтан ургамлыг нэрлэсэн үүргээр *-тан*⁴ дагавар мөн хэрэглэгдэж байна.

Олон салаа гэдэстэн ‘турбеллярий многоветвистокишечный’ (2)

Эгнээ шүдтэн ‘рядозубые’ (2)

Хүн дүртэн ‘человекообразные’ (2)

Ясархуу биетэн ‘костистые’ (2) гэсэн жишээнээс харвал эдгээр нь багийн нэрийг заасан хэрэг биш. Тухайн нэг зүйл амьтны шинжийг илтгэн нэрлэсэн хэрэг юм.

В. Гол төлөв эрдэс, чулуулгийн нэр томьёонд *-тан*⁴ дагавартай нэр томьёо бидний Textstat программаар тооцоолсноор «Орос монгол нэр томьёоны толь» гурван ботид 98 удаа тохиолдоно [ОМНТТ 1964, 1970, 1979]. Утгаараа тухайн эрдэс дангаараа биш холимог гэдгийг илтгэж «хольцтон» хэмээх үгээр нэр томьёо бүтээжээ. Ингэхдээ нэр эрдсийн хольцтой бол

Хүхрийн хольцтон ‘колчедан серный’ (2)

Алтан хольцтон ‘колчедан золотоносный’ (2)

Дицийн хольцтон ‘колчедан мышьяковый’ (2) гэсэн нэр томьёо бүтээснээс гадна нэгээс илүү хольцтой эрдсийг

Албинт хүнцлийн хольцтон ‘колчедан кобальтомышьяковый’ (3)

Төмөрмөнгөний хольцтон ‘аргиропирит’ (3)

Албинт хүнцлийн хольцтон ‘колчедан кобальтомышьяковистый’ (3) зэргээр хэрэглэж байна.

*-нцар*⁴ дагавар

Уг дагаврын утгын талаар анхны бүрэн хэлзүй болох «Орчин цагийн монгол хэл» (1966) хэмээх бүтээлд *-нцар*⁴ дагавар нэрийн үндсэнд залгаж хүний садан төрлийг заан үзүүлсэн утга бүхий жинхэнэ нэрийг үүсгэнэ. Жишээ нь: ‘зээнцэр, гучинцар’ гэх мэт. Мөн холбогдох нэрийг багасгасан утга бүхий жинхэнэ нэр үүсгэнэ. Жишээ нь: ‘атанцар, уутанцар’ гэх мэт. Мөн уул үгийн үндсэн шинж чанар, төрх байдлын адил төсөөтэйн санааг илтгэсэн жинхэнэ нэр үүсгэнэ. Жишээ нь: ‘зууванцар, шилэнцэр’ гэх мэт. Бас уг зүйлд идэвх дуртайн санааг илтгэсэн жинхэнэ нэр үүсгэнэ. Жишээ нь: ‘архинцар, маханцар’ гэх мэт [Орчин цагийн монгол хэл 1966: 79] гэсэн бол дагаврыг тусгайлан судалсан эрдэмтэн Л. Болд *-нцар*² дагаврыг «Энэ дагавар нь төрөл садны нэрсийг заасан нэр үүсгэдэг. Жишээ нь: гуч — гучинцар, зээ — зээнцэр. Уул дагавар нь *-гүй* хэлбэрээр орчин цагийн монгол хэлний зарим үгэнд уламжлагдан ирсэн. Жишээ нь: охинцор „охин байдалтай — охин“.

Багасгасан утга илэрхийлнэ. Жишээ нь: уутанцар „жигжиг уут“, чононцор „ерийн чононоос жигжиг чоно“, тэргэнцэр „жигжиг тэрэг“. Уул нэрийн утгатай шинж чанар төрх байдлын адил төсөөтэйн санааг илтгэсэн үг үүсгэнэ. Жишээ нь: болронцор „хэлбэр янз бүр талст бүхий, болрын нэг зүйл“,

зууванцар „зууванд төсөөтэй — зууван“.

Уг зүйлд дуртай, идэвхтэй санааг илтгэнэ. Хоолонцор „хоол идэхдээ ховдог“. Энэ дагаврын *-цар*⁴ хувилбарыг „-н“-ээр төгссөн үгэнд (охин+цор=охинцор), *-нцар*⁴ хувилбарыг „-н“-ээс бусад төгсгөлтэй үгэнд залгана. Гэхдээ уул үг эгшгээр төгссөн бол уул дагаврыг шууд (зээ+нцэр=зээнцэр) гээд орчин цагийн монгол утга зохиолын хэлэнд төдий л идэвхтэй хэрэглэгдэн шинэ үг үүсгэн үгийн санг баяжуулдаггүй» [Болд 1986: 93] хэмээжээ.

Эрдэмтэн Т. А. Бертагаев «Энэ дагавар үгийн бүтцэд орохдоо бүрэн бус сул гэсэн утга бүхий чанар заасан тэмдэг нэр бүтээдэг. Тухайлбал, харанцар, ихэнцэр, мөн „хүн“ гэдэг язгуурт залгаж бүрэн бус хүн, хүнэрхүү гэсэн утгатай үг үүсгэдэг. <...> Мөн ураг төрлийн нэрэнд залуу үеийг нэрлэхдээ зээнцэр, мөн тухайн зүйлтэй адил төстэй гэсэн утгатай хүүхэнцэр, чононцор, үхээнцэр гэх мэт үг, жижигрүүлсэн утгатай тэмдэг нэр бүтээнэ» [Бертагаев 1974: 196] гэжээ.

«Орчин цагийн монгол хэл» бүтээлд «Нэр үгийн язгуурт залгаж, тухайн юмны шинж бүрэн гүйцэд биш боловч голлосон утга бүхий нэр үг үүсгэнэ. Жишээ нь: зээ — зээнцэр, мөөг — мөөгөнцөр, манан — мананцар гэх мэт. Мөн тухайн нэрээр илэрч буй юманд шунаг шинжтэйг илтгэсэн нэр үг бүтээнэ. Жишээ нь: ам — аманцар ..., хээ — хээнцэр гэх мэт» [Орчин цагийн монгол хэл 1997: 172].

«Орчин цагийн монгол хэлний бүтээвэр судлал» (2014) бүтээлд

— Хүний эшийн нэр. Жишээ нь: ачинцар, ... үенцэр гэх мэт.

— Адил төстэй утга. Жишээ нь: савханцар, хуванцар, мөөгөнцөр, мананцар, тоосонцор гэх мэт.

— Багасгасан утга. Жишээ нь: хэлэнцэр, навчинцар, уутанцар, тэргэнцэр, чононцор гэх мэт.

— Үл ойшоох, егөөдөн ёгтолсон баймж утга. Жишээ нь: даргацнар, буханцар, бөхөнцөр гэх мэт.

— Дур идэвх, шунаг шинжийн утга. Жишээ нь: үгэнцэр, хээнцэр, хоолонцор, аманцар гэх мэт [Мөнх-Амгалан, Кан Шин 2014: 28]

Бид хамгийн олон нэр томьёотой «Орос-монгол нэр томьёоны толь»-ийн хоёрдугаар ботийн *-нцар*⁴ дагавартай нэр томьёог TextStat программаар тооцоолоход давхардсан тоогоор 218 нэр томьёо байв.

А. Байгалийн ухааны нэр томьёонд нэрийн үндсэнд *-нцар*⁴ дагаврыг залгаж тухайн юмыг багасгасан утга бүхий үг бүтээдэг байна. Жишээлбэл, үндсэнцэр ‘корешки’ [УНТКМ 1962: 6], навчинцар ‘листочки’ (7), үрэнцэр ‘семянка’ (12) гэж ургамлын нэр томьёонд хэрэглэдэг бол, хулганацар ‘хээрийн хулганацар’ (19), алтайн хулганацар ‘мышевка алтайская’, тэнгэр уулын хулганацар ‘мышевка тьяншаньская’ гэж амьтны нэр томьёонд Нулимсны уутанцар ‘слёзный мешок’ (2) гэхчлэн энэ утгаар үүсгэсэн нэр томьёо харьцангуй олон байна.

Эрдэс чулуулгийн нэр томьёонд жижиг талстуудыг нэрлэж, Бадмаарган гялтганцар ‘рубиновая слюдка’ (2), Зэсийн гялтганцар ‘медная слюдка’ (2), Нүүрст болронцор ‘кварцит углистый’ (2), Цэнхэр болронцор ‘кварцит голубой’ (2) зэрэг нэр томьёо бүтээжээ.

Б. Уг дагавар бүхий нэр томьёо нь тухайн юмтай адил төсөөтэй утга илтгэж нэр томьёоны үүргээр байгалийн ухааны салбарт хэрэгдэгдэнэ. Бараан мананцар ‘темные туманности’ (2), Гаригархуу мананцар ‘планетарные туманности’ (3), манинцар ‘гермафродитизм’ (3), Болронцор чулуу ‘кварцит’ (2), Албинцар ‘кобальтин (кобальтит)’ (2), Бөөлжүүлэх чулуунцар ‘рвотный камень’ (2), Москвагийн лийрэнцэр алим ‘грушовка московская’ (2), манан, болор, чулуу, лийр, манин шинжтэй төстэй учир эдгээр нэр томьёо үүссэн байна.

Мөн мөөг язгуурт *-нцөр* дагавар залгаж мөөгөнцөр ‘микоз’ (2) хэмээн нэг төрлийн нян болон энэ нянгаар үүссэн өвчний нэр томьёо бүтээжээ.

Бичил амь судлалын нэр томьёонд *-нцар*⁴ дагаврын тусламжтайгаар цоо шинэ нэр томьёо бүтээсэн байна. Жишээ нь, Гэдэсний иж савханцар ‘паракишечная палочка’ (3), Балнадын савханцар ‘тифозная палочка’ (2), Сүрьеэгийн савханцар ‘палочка туберкулёзная’ (3) гэсэн нэр томьёоны савханцар нь савх язгуурт *-нцар* дагавар залгаж бүтсэн үүсмэл нэр томьёо юм. Савх нь хоёр нарийн урт яс буюу хулс зэргээр хийж хоол хавчин этэж идэх хэрэгсэл [Цэвэл 1966: 458] хоолны хэрэгсэл бөгөөд түүний нарийн урт шинжийг тусган *-нцар*⁴ (багасгах утгатай) дагавар залган ийм хэлбэртэй олон зүйл нянгийн нэрлэлт буюу нэр томьёо бүтээсэн нь «Орос-монгол нэр томьёоны толь» 3 ботид 54 удаа янз бүрийн нийлмэл нэр томьёоны бүрэлдэхүүнд багтаж шинэ нэрлэлт үүсгэжээ.

В. Мөн олон бүрдэл хэсэгтэй эд эрхтний нэгэн хэсгийг нэрлэсэн нэр томьёо бүтээсэн байна. Тухайлбал, Элэгний хэлтэнцэр ‘долька печеночная’ (2), Уушигны хэлтэнцэр ‘легочные дольки’ (2), Уушигны хэлтэнцэрийн үрэвсэл ‘воспаление легких, лобулярная пневмония’ (2) гэх мэтээр элэг уушгитай холбоотой нэр томьёонд хэрэглэж байна.

Эрдэмтэн О. Адьяа *-нцар⁴, -цар⁴* дагавраар бүтсэн нэр томьёо нь ангаахын болон газар зүйн салбарт тугалганцар (бабит), цахиранцар (кремнезем), савханцар (палочка), мөөгөнцөр (грибки) гэх мэт. Эдгээр нэр томьёо нь зөвхөн багасгасан утгаас гадна доромж утга илтгэнэ. Ер нь орос монгол хэлнээ өчүүхэн, бяцхан, өчүүхэн, бичил гэсэн утга илтгэнэ [Адьяа 2011: 101] гэх буюу эрдэмтэн Т. А. Бертагаев уг дагавраар багасгасан утгатай нэр томьёо бүтээхээс гадна үүссэн нэр томьёо нь тухайн зүйлийн бүрэн бус шинжтэйг илтгэнэ [Бертагаев 1974: 195] гэсэн нь бидний авсан жишээтэй тохирч буй юм.

-гана⁴ дагавар

Энэ дагаврын утгын талаар Л. Болд «Энэ дагавраар ургамал, амьтны нэрийг заасан нэр үг үүсгэнэ. Жишээ нь: алтгана, харгана. Мөн бүтсэн ургамал, амьтны нэрийг авч үзвэл бас багассан утга илэрхийлдэг. Жишээ нь: хэдгэнэ — амьтан, зөгийн аймгийн нэгэн зүйл ялаа, батгана — амьтан нэгэн зүйлийн ялаа, улаалзгана — ургамал, бөөрөнхий улаан жимсгэнэтэй сөөг ургамал, гичгэнэ — ишгүй, газраар наалдан ургадаг олон наст ургамал гэжээ [Болд 1986: 92].

«Орчин цагийн монгол хэлний бүтээвэр судлал» бүтээлд уг дагаврын утгыг:

— Тухайн нэрийн дагуух ургамлын зүйлийн утга. Жишээ нь: харгана, алтгана, жимсгэнэ, зээргэнэ, хадаасгана, азаргана, улаагана, чөдөргөнө гэх мэт.

— Мөн идэвхгүй язгуураас энэ дагавраар үүссэн зэтгэнэ, зээргэнэ, гичгэнэ, хэдгэнэ, батгана, хулгана, долоогоно гэх мэт үгс буй [Чоймаа 1997: 170]. Тэрчлэн алтаргана, агширгана, балчиргана, зажилгана (хонин зажилгана), чацаргана гэх мэт ургамлын нэрийг ч үүнд хамааруулж болох юм [Мөнх-Амгалан, Кан Шин 2014: 32] хэмээн ойролцоо утгаар тодорхойлжээ.

А. Уг дагаврын үндсэн шинж нь нэр язгуур үндсэнд залгаж тухайн юмын дагуу нэр үг бүтээдэг онцлогтой. Энэ шинж дараах нэр томьёонд уламжлагдан ирсэн байна.

Улаагана ‘смородина красная лесная’ (3), Хонхорт харгана ‘чингиль серебристый’ (3), Тэмээн харгана ‘янтак’ (1), Алтгана ‘строение (стриж желтый)’ (3) гэж тухайн ургамал, загасны нэрэнд улаан, хар, алт гэсэн өнгө заасан тэмдэг нэрийн шинжийг тодотгож *-гана⁴* дагавартай нэр томьёо болжээ.

Харин Зээргэнэ (өвс) (3) ‘трава «эфедры»’ хэмээх нэр томьёог энэ ангилалд хамаарна хэмээн үзэхийн учир уг ургамал тод ногоон биш, хул шаргал өнгөтэй тул язгуур нь «зээрд» байсан байж болох юм. Хэлэхийн явцад «зээрд»-ийн *-д* гээгдэж «зээргэнэ»-тэй амьтан, ургамлын нэр үүссэн байж болох юм.

Морин зээргэнэ, Хошоон ‘донник’ (1), Намгийн зээргэнэ (ург) ‘хвош болотный’ (1),

Халимагт зээргэнэ ‘славка-черно-головка’ (3).

Б. Уг дагавраар амьтан ургамлын хэлбэр дүрсийг заан нэрлэсэн утгатай нэр томьёо бүтээжээ. Жишээлбэл: бутарсан, сархиатсан, гялтганасан шинжтэй ургамал, чулууг нэрлэх нь түгээмэл байна.

Бударгана ‘солянка’ (1), Өргөст бударгана (өргөст хамхуул) ‘солянка сборная мяснаяЧ (2), Сархитгана ‘полевка обыкновенная (серая)’ (2), Лобелийн агширгана, цагаан агширгана ‘чемерица лобеля’ (2), Гялгана (загас) ‘чебак’ (1), Гялгана (чулуу) ‘авгит’ (1) зэрэг нэр томьёо нь «Орос-монгол нэр томьёоны толь»-ийн I ботид «бударгана» давтагдсан тоогоор 18 удаа тохиолдох бөгөөд гарал нь «бут+р» хэмээх дүрслэх язгуураас үүсэлтэй.

Амьтны дуугарах дуу авиаг дууриан «цүүр цүүр хийх», «хэд хэд хийх» гэсэн язгуурт *-гэнэ* залгаж үүссэн Цүүргэнэ ‘саранча’ (3), Хэдгэнэ ‘шмели’ (3) гэдгээс өөр нэр томьёо тааралдсангүй.

В. Уг дагаврыг нэр үгэнд залгаж тухайн зүйлтэй төсөөтэй гэсэн утгатай нэр томьёо бүтээсэн байдаг. Тухайлбал: Буурцгана (шар буурцаг) ‘соя’ (1), Сүүгэнэ ‘молочай’ (1), Салаагана ‘хориспора’ (2) 5 удаа, Гичгэнэ ‘лапчатка гусиная’ (1), Шүүдэргэнэ (өвс) ‘трава «чистотел»’ (3), Жимсгэнэ ‘ягода’ (1), Жимс, жимсгэний дарс ‘вино’ (1), Бөөрөлзгөнийн жимсгэнэ ‘ягоды малины’ (3) зэргийн буурцаганд буурцагт ургамлын шинж, сүүгэнэд сүүтэй юм шиг цагаан шүүс, жимсгэнэд жимсний шинж цөм бий.

Г. Ургамал, загасны нэрэнд харь гаралтай үгээс үүсэлтэй *-гана⁴* дагавартай

үгс цөөнгүй байгааг Тавилгана (ургамал) ‘таволга’ (1), Суладай, нагана ‘нагана’ (раст.) (1) зэрэг нэр томьёоноос харж болох агаад монгол үг биш шууд хуулбарлан монгол мэт болгосон нэр байна. Мөн Адгана согос ‘чебак амурский’ (3), Явган тургана ‘шелковица белая’ (3), Ялам (мод), тургана ‘шелковица’ (3) зэрэг загас болоод модны нэр ч гарлын хувьд өөр хэлнийх бөгөөд цаашид судлан үзүүштэй.

Уг дагаврын монгол хэлний үгийн санд үг бүтээх чадамж нь нэр томьёог бодвол харьцангуй идэвхгүй шинжтэй. Нэр томьёонд идэвхтэй хэдий ч үгийн бүтцийг зөрчин идэвхгүй язгуур, үйл язгуурт *-гана*⁴ дагаврыг залгаж бүтээсэн нэр томьёо байгааг дурдвал, Зэржигэнэ ‘славка’ (3), Тарчигнаа зэржигэнэ ‘славка-завирушка’ (3), Булаагана, булаана ‘смородина темнопурпурная’ (3), Япон наймалтгана ‘фатсия японская’ (3), Ноорсгоно ‘пухонос дернистый’, Шигүү ноорсгоно ‘пухон’ зэрэг болно.

Бид судалгаандаа 120000 орчим нэр томьёог багтаасан «Орос-монгол нэр томьёоны толь» гурван боть толийг хэрэглэгдэхүүн болгож, улмаар TextStat программаар тооцоолон судалгаа хийхэд *-гана*⁴ дагавраар бүтсэн нэр томьёо давхардсан тоогоор 68 удаа тохиолдов.

*-лан*⁴ дагавар

«Орчин цагийн монгол хэл» бүтээлд *-лан*⁴ дагаврыг нэрийн үндсэнд залгавал малын нас шүдийг заасан жинхэнэ нэр үүсгэнэ. Жишээ нь: хязаалан, шүдлэн, соёолон гэх мэт. Мөн хийсвэр утга бүхий жинхэнэ нэрийг үүсгэж болно. Жишээ нь: Тариалан, хүрээлэн, дугуйлан гэх мэт [Орчин цагийн монгол хэл 1966: 80].

«Орчин цагийн монгол хэлний дагавар» бүтээлд уг дагаврыг Тухайн үйлийн үр дүнг, мөн уг үйлийн болох орон заасан үг үүсгэдэг. Жишээ нь: цагалан, өлсгөлөн.

*-лан*⁴ дагаврыг нэр үгийн ард залгаж малын нас, шүд заасан нэр мөн хийсвэр утгатай нэр үг бүтээдэг боловч тийм биш соёол, хүрээл мэтийн үйл үгийн үндсэнд *-н* дагавар залгаж тухайн үйлийн үр дүнг заасан нэр үг үүсгэжээ. Жишээ нь: шүдэл — шүдлэн, дугуйл — дугуйлан, хүрээ — хүрээлэн.

Тухайн үйлийн үр дүнг заасан хийсвэр нэр, мөн бэлэг тэмдгийг заасан нэр үүсгэнэ. Жишээ нь: баясгалан, жаргалан, амгалан, жавхлан.

Тухайн үйлийн болох байрыг заана. Жишээ нь: зуслан.

Үйлийн явц байдал, үр дүнг харуулсан нэр үг үүсгэнэ. Жишээ нь: исгэлэн, өсгөлөн, цагалан.

Үйлд өртөх зүйлийг заана. Жишээ нь: хадлан, орчлон [Болд 1986].

«Орчин цагийн монгол хэлний бүтээвэр судлал» бүтээлд уг дагаврын утгыг

- Үйлийн дагуух шинж, төлөв байдал заасан утга. Жишээ нь: амгалан, жаргалан, сэргэлэн, баясгалан, хүслэн, өлсгөлөн гэх мэт [Мөнх-Амгалан, Кан Шин 2014: 44].
- Үйлийн орны утга. Жишээ нь: зуслан, хадлан, орчлон гэх мэт гэжээ [Мөнх-Амгалан, Кан Шин 2014: 44].

*-лан*⁴ дагавраар дараах хоёр хэв шинжийн нэр томьёо бүтээнэ.

А. Нэр үгийн үндсэнд залгаж, үр дүнг заасан нэр үг бүтээнэ. Үүнд:

Газар тариалан ‘земледелие’ (1), Капиталист газар тариалан ‘капиталистическое земледелие’ (2), Газар тариалан ба ойн аж ахуй ‘земледелие и лесоводство’ (2), Таваарын газар тариалан ‘товарное земледелие’ (2), Тамхины тариалан ‘табачная плантация’ (2), Газар бодис зүйн хүрээлэн, геофизикийн хүрээлэн ‘геофизический институт’ (1), Хувийн газар тариалан ‘частное земледелие’ (2) гэсэн нэр томьёонд «тариалан» өндөр давтамжтай, Ногоолон ‘малахит’ (1).

Б. Мал, амьтны нас хүйсийн нэрэнд тохиолдоно.

Хуудай (хязаалан) ‘трехлетка’ (1), Шүдлэн азарга ‘жеребец двухлетний’ (2), Соёолон ‘четырёхлетка’.

В. Үйл үгэнд залгаж, түүний шинж төлөвийг заасан нэр томьёо үүсгэнэ.

Исгэлэн хурган чих, жижиг хурган чих (Дааган чих) ‘щавель малый’ (2), Исгэлэн орчин ‘среда кислая’ (2), Исгэлэн ус ‘вода кисловатая’ (2), Гүнзгий эсгэлэн ‘подрез глубокий’ (1).

Г. Үйл язгуурт залгаж үйлийн үр дүнг заасан нэр үг үүсгэнэ.

Хадлан ‘сенокос’ (1), Хадлангийн чичрэг ‘лихорадка жатвенная’ (1).

-ч, -чин дагавар

Л. Болд «Орчин цагийн монгол хэлний дагавар» (1986) бүтээлдээ «Монгол хэлний *-ч* дагавар нь *-чин* дагаврын хувилбар агаад тухайн зүйлийг байнга болон түр эрхэлсэн хүний ажил мэргэжлийг заасан нэр үүсгэнэ. Байнга буюу түр эрхэлсэн мэргэжлийг заасан нэр үг үүсгэдэг. Жишээ нь: хөгжимчин, тариачин, сумч, загасч.

Энэ дагавар угсаатан, ястны нэрийн бүтцэд нилээд оролцдог. Жишээ нь: хорчин „нум агсаж хоромсого зүүгчид“, захчин „анх овог, ястны нэр биш, торгууд зэрэг омгийн хэсэг иргэд харуулын алба гүйцэтгэж захаар нутаглаж явсан учир ингэж нэрлэх болжээ“.

-ч дагавар нь тухайн үйлийг эрхэлдэг, мөн уг зүйлд дур идэвхтэйн санааг илтгэсэн нэр үг үүсгэнэ. Жишээ нь: ажилч.

-ч дагавар нь нийгэм улс төрийн хэллэгт тухайн нэрийн дагуух онол үзлийг баримталсан утга илэрхийлнэ. Жишээ нь: хувьсгалч — хувьсгалын онол ухааныг хэлбэрэлтгүй баримтлан дэлгэрүүлэх ба тэр үйл хэрэгт буцаж няцашгүй зүтгэгч хүн, онолч — онолд мэргэжсэн хүн.

Монголын судлалын ном зохиолоос үзвэл энэ нь биеэ даасан хоёр өөр дагавар биш, нэг дагаварын хоёр хувилбар гэж үздэг. Гэтэл эдгээр дагавар нь нэгийнхээ тохиолдох газар нөгөө нь тохиолдож байгаагийн гадна яг адил утга илэрхийлэхгүй байна. Жишээ нь: ажилч — ажил үйлдвэрт шамдуу хичээнгүй, ажилчин — нийгмийн тодорхой ангийг заасан нэр. Иймээс монгол хэлний үг бүтээх дагаврыг судалсан зарим бүтээлд -чин, -ч дагаврыг биеэ даасан хоёр өөр дагавар болгон оруулж байна. Харин бид энэ удаад уул дагавруудыг нэг дор оруулахдаа уул дагаврыг авч үүссэн үгийн утга ойролцоо байдалд тулгуурлав» [Болд 1986: 14] гэсэн утга нь:

А. Байгалийн ухаан салбарт нэр үгэнд -чи, -чин дагаврыг залгаж ажил мэргэжил заасан нэр үүсгэнэ. Агтач (адуучин) ‘конюх’ (2), Агтчин, адуучин ‘табунщик’ (2), Аж ахуйн эрхлэгч ‘заведующий хозяйством’ (2) гэх мэт.

Харин Ажилчин зөгий ‘пчела рабочая’ (2) хэмээх нэр томъёог хүний ажил хөдөлмөр эрхэлдэг шинжтэй адил үүрэгтэй тул утга шилжүүлэн нэрлэсэн хэрэг юм.

Б. Тухайн амьтныг юунд дуртайгаар нь нэрлэхдээ -ч дагаврыг хэрэглэсэн тохиолдол байна. Жишээбэл: Алимны балч шавьж ‘медведка яблочная’ (2), Алимны хөрвөгч цох ‘жук златка яблочная’ (2), Алимны цэцэгч цох ‘жук цветоед яблочный’ (2), Азийн навчич цох ‘жук листоед азиатский’ (2) зэрэгт баланд, цэцгэнд, навчинд дуртайгаар нь ийнхүү нэрлэжээ.

В. Байгалийн ухааны галавын нэрэнд «гал» хэмээх язгуурт -чин дагавар залгаж «галчин» хэмээх шинэ нэр томъёо бүтээсэн байна. Энэ нь «Орос-монгол нэр томъёоны толь»-ийн нэгдүгээр ботид 20, хоёрдугаар

ботид 20, гуравдугаар ботид 13 давтагдсан тоогоор нийт 53 ийм нэр томъёо байна.

Атриашлын химмерийн галчин үе ‘киммерийская эпоха скаладчатости’ (2)

Мөстлийн дараах галчин үе ‘последниковая эпоха’ (2)

Тектоник өргөгдлийн галчин үе ‘эпоха тектонических поднятий’ (2)

Мөстлийн хожуу галчин үе ‘позднеледниковая эпоха’ (2) гэх мэт.

-ч дагавар нь -чин дагаврын хувилбар шинжтэй бөгөөд нэр томъёонд бүрэнхийч — бүрэнхийн багваахайн төрөл [Дэлэнтний ангилал зүй 2003: 11], үлийч- [Дэлэнтний ангилал зүй 2003:18] Мэхээрч оготно [Дэлэнтний ангилал зүй 2003:19] гэх мэтээр өргөн хэрэглэжээ. -С, -сйн дагавар нь байнга буюу түр эрхэлсэн мэргэжлийг заасан нэр үг үүсгэдэг хэмээн тэмдэглээд гол төлөв нэр үгээс нэр үг бүтээх үүрэгтэйг онцолжээ. Дээрх хоёр үгийн үлийч гэдэг нь үлий хийдэг гэсэн утга байдаг бол бүрэнхийч гэхэд бүрэнхий эрхэлдэг гэсэн утга илтгэх тул тохиромжгүй юм.

-ынх⁵, -ынхан⁵

«Орчин цагийн монгол хэлний бүтээвэр судлал» бүтээлд уг дагаврын утгыг «хураасан хам олны утгатай. Жишээ нь: ахынхан, шумуулынхан, хануурынхан гэх мэт» [Мөнх-Амгалан, Кан Шин 2014: 32] хэмээн тэмдэглэжээ.

Байгалийн ухааны нэр томъёо түүний дотор ургамал, амьтны нэр томъёонд зүйлийн ангиллыг нарийвчлан баримталж, үүний үрээр нэр томъёо нь дэлхийн ангилалтай дүйцэж явдаг онцлогтой. Энэ ангиллын ангийн нэрийг -ууд² нөхцөлөөр (дэлэнтнүүд), багийн нэрийг -тан⁴ дагавраар (туулайтан), овогийн нэрийг -ынхан, -ынхон, -ийнхэн төгсгөлөөр (зарааныхан) жигдэлж, төрлийг дан үгээр (хүдэр) байхаар жигдэлсэн байна.

А. Хөхтөн судлаач С. Дуламцэрэнгийн боловсруулсан «Дэлэнтний ангилал зүй, ангилбарын монгол нэр томъёо» (2003) бүтээлд овогийн нэрийг -ынхан, -ынхон, -ийнхэн төгсгөлөөр жигдэлж Зарааныхан, Чацуулиныхан, Жөвүүгийнхэн, Багваахайнхан, Огдойнхон, Хэрмийнхэн, Минжийнхэн, Шишгийнхэн, Хулганыхан, Унтаахайнхан, Хулганцарынхан, Алагдааганыхан, Баавгайнхан, Суусурынхан, Адууныхан, Тэмээнийхэн, Гайханхан, Тугайлмайтныхан гэх 18 овгийн нэрийг энэ дагавраар жигдлэн оруулсан байна.

Б. Мөн уг дагавраар нэг бүс нутагт хамаарах амьтан, хүн зэргийг заасан нэр томьёо бүтээнэ. Жишээбэл,

Ёроолынхон ‘бентос; донные животные и растения’ [БАМРС 2001: 140] (1), Азийнхан ‘азиаты’ (1), Суунга ёроолынхон ‘сиенит; магматическая плутоническая горная порода среднего состава’ (3), Уг нутгийнхан ‘туземец’ (2), Уугуул нутгийнхан ‘автохтоны’ (2) гэх мэтээр «Орос-монгол нэр томьёоны толь»-д 11 удаа байх 3 дэвтэрт яг адил нэр томьёог хэвээр авсан байна.

-цаг⁴ дагавар

«Орчин цагийн монгол хэл» (1966) бүтээлд энэ дагаврын талаар дурдаагүй бол эрдэмтэн Л. Болд «-цаг⁴ дагавар авч үүссэн шинэ үг нь багасгасан мөн үл тоомсорлосон утгатай нэр үг байна. Жишээ нь: оронцог — юмыг голон дооршоож өгүүлэх, довцог — ов төв өндөрхөн газар гэхдээ довоос арай жижиг. -цаг⁴ дагаврын тусламжтайгаар үүссэн шинэ үгүүдийг уул анхдагч үндэстэй нь харьцуулан үзвэл багассан биш, өөр утга илэрхийлэх нь олонтаа байна. Жишээ нь: бөмбөрцөг „жижиг бөмбөр гэсэн утга илэрхийлээгүй харин дэлхий, нарт гариг, газар гэсэн утгатай байна“, мөрөгцөг „газрын тохойрсон мөгүү эрэгцэг“» [Болд 1986: 87] гэжээ.

«Орчин цагийн монгол хэлний бүтээвэр судлал» (2014) бүтээлд

- Хэлбэр байдлыг багасган адилтгасан утга. Жишээ нь: эрэгцэг, довцог, мөрөгцөг, товцог гэх мэт.
- Юмын шинжийг адилтгасан утга. Жишээ нь: зээрэнцэг, бөөрөнцөг, бөмбөрцөг, хонхорцог, хэнхэрцэг, түнгэрцэг гэх мэт.
- Юмын шинжийг чамлан буруулсан баймж утга. Жишээ нь: оронцог, холимцог, гяланцаг, паланцаг, янгирцаг гэх мэт.
- Мөн идэвхгүй язгуураас үүссэн оорцог, аарцаг, долгомцог, тоорцог, хайрцаг, буурцаг гэх мэт олон үг байх бололтой [Мөнх-Амгалан, Кан Шин 2014: 32].

А. Аливаа юмыг төстэй шинжээр адилтган багасгасан утгатай нэр томьёо бүтээнэ. Жишээ нь:

- Үрийн довцог ‘семенной холмик’ (1)
- Бэрийн довцог ‘бэровские бугры’ (1)
- цетон, цуунцаг ‘ацетон’ (1)
- Довцог, болдруу, товгор ‘бугор’ (1)

Дөрвөн товцог ‘четырёххолмие’ (1)

Шүлтэнцэг, гистони ‘гистони’ (1)

Б. Шинж чанар бууруулж нэр томьёо бүтээсэн нь оновчтой бус байна. Холимцог гэхээр ямар ч хамаагүй юмыг хольсон гэсэн утга илтгэж байна. Тухайлбал: Махтай холимцог ‘винегрет мясной’ (1), Ногооны холимцог ‘винегрет из овощей’ (1) гэх мэт.

В. Мөн багасгасан утга бүхий Бакхардтын хонгорцог бөмт ‘стафилококковое импетиго’ (1), Хонгорцог хөгц ‘кладаспориум’ (1), Хонгорцог хөгц ‘плесень гроздевидная’ (1), Хонгорцог, Сүлжмэл сав ‘корзинка’ (1), Хонхолцог ‘термопсис ланцетолистный’ (1) зэрэг нэр томьёо бүтээсэн нь бий.

-ж, -жин дагавар

«Орчин цагийн монгол хэл»-д (1966) -ж / -жин дагавар нэрийн үндсэнд залгаж малын эм хүйсийг заан үзүүлсэн жинхэнэ нэр үүсгэнэ. Жишээ нь: Гуна — гунж, дөнө — дөнж гэх мэт [Орчин цагийн монгол хэл 1966: 79].

«Орчин цагийн монгол хэл» бүтээлд» (1997) -жин, -ж дагавар нь дунд үеийн монгол хэлэнд голдуу хүний нэр бас овог аймгийн нэрэнд хэрэглэгдэж байсан тусгай нэрийн дагавар, «-жин» нь эм хүйсийг, «-дай» нь эр хүйсийг илтгэж байжээ. Жишээлбэл: Баргужин гэвэл барга аймгийн эмэгтэйг, Баргудай гэвэл барга аймгийн эрэгтэйг заадаг байжээ. Орчин цагийн монгол хэлэнд малын эм хүйс заасан цөөн үгэнд үлдсэн бүтээлч бус дагавар юм. Жишээ нь: гуна — гунжин, дөнө — дөнөжин [Орчин цагийн монгол хэл 1997: 168].

Тус дагавар бол нэрээс үйл үүсгэх -ж дагавар дээр нөхцөл үйлийн «-н» нөхцөл залгаж бүтсэн нийлмэл дагавар бөгөөд голдуу цаг улирлыг заасан нэр үгээс тухайн цаг хугацааны турш гэсэн санааг илтгэх нэр үг бүтээнэ. Жишээ нь: өдөр — өдөржин, шөнө — шөнөжин, өвөл — өвөлжин гэх мэт.

А. -жин дагавраар үгийн сангийн утга болох эм хүйсийг илгэсэн утгаас огт өөр эрдэс чулуулгийн нэр томьёо үүсгэсэн нь өвөрмөц.

Амфиболт харлагжин ‘амфибовое габбро’ (2)

Анарт асмалжин ‘диорит гранатовый’ (2)

Андалузитын эвэржин ‘андалузитовый роговик’ (2)

Молибдений Анзанжин ‘молибдент Анзант’ (2)

Асмалжин порфир ‘порфир диоритовый’ (2)
 Асмалжин аплит ‘аплит диотривый’ (2)
 Асмалжин занар ‘сланец диоритовый’ (2)
 Асмалжин лимбургит ‘лимбургит диоритовый’ (2)
 Асмалжин, диорит ‘диорит’ (2)
 Асмалжины латерит ‘латерит диоритовый’ (2)
 Божин элсэн чулуу ‘песчаник аркозовый’ (2)
 Божин ‘аркоз (аркозовый песчаник)’ (2)
 Божин гнейс ‘гнейс аркозный’ (2)
 Божин хөрвөн ‘аркозовый конгломерат’ (2)
 Божин элсэн чулуу ‘аркозовый песчаник’ (2) +3
 Божмог шарилж ‘полынь сизая’ (2)
 Боржин трахит ‘трахит гранитовый’ (2)
 Боржин үйрмэг ‘дресва гранитная’ (2) +16
 Босоожин ‘змейка длинная’ (2)
 Бөөлжин чулуу ‘камень рвотный’ (2)
 Бүдүүн мөхлөгт хорголжин гялтага ‘блеск грубозернистый свинцовый’ (2)
 Ванадий, мөнгөлжин ‘ванадий’ (2)
 Висмут, ягаанжин ‘висмут (биесмит)’ (2)
 Гаваржин ‘камфорозма’ (2)
 Молоржин ‘топазолит’ (2)
 Ногооворжин, глауконт ‘глауконититы’ (2)
 Танан чулуу, эржин ‘арагонит’ (2)
 Тунгалаг шохойжин ‘прозрачный кальцит’ (2)
 Аранжин эрдэс ‘самородный минерал’ (3)
 Бөөн аранжин ‘самородок’ (3) гэх зэргээр «Орос монгол нэр томьёоны толь»-ийн хоёрдугаарт 45 удаа тохиолдож буй нь дагавраар жигдэрүүлэн нэр томьёо тогтоож болохыг харуулсан жишээ юм.
Б. Амьтны эм хүйс заасан утгаар мөн хэрэглэгдэнэ.
 Эм оймжин ‘кочедыжник женский’ (2), Оймжин ‘кочедыжник городчатый’ (2) гэсэн амьтны нэрээс өөр жишээ тааралдсангүй нь хангалтгүй байна.
В. Ургамлын нэрэнд нэг зүйлд багтах ургамлуудыг хооронд нь ялгахын тулд яргуйжин ‘ветреница’ (3), ацан яргуйжин ‘ветреница вильчатая’ (3), сэгсгэр яргуйжин ‘ветреница длиноволосая’ (3), оройн яргуйжин ‘ветреница лесная’ (3) гэж оноосон «яргуй» гэдэг язгуурт залгаснаас

өөрөөр тохиолдоогүй юм.

Байгалийн ухааны нэр томьёоны бүрэлдэхүүн дэх *-жин* дагавартай үгийг ажиглавал гол төлөв үүсмэл бус «шохой», «бор», «хоргол» зэрэг язгуурт *-жин* дагавар залгаж бүтээх нь түгээмэл агаад уг дагаврын өмнө зөвхөн тэмдэг нэрийн *-вор* дагавар тохиолдож «ногооворжин» хэмээх нэр томьёо бүтээжээ.

-лж, -лжин дагавар

Уг дагаврыг «Орчин цагийн монгол хэл» (1966) бүтээлд дурдаагүй. Л. Болд «-лжин (-лжи) гэсэн хэлбэртэй бөгөөд зарим ургамал, амьтны нэр үүсгэнэ. Шар — шарилж, бор — боролж, тэмээ — тэмээлж. Хэрэв энэ дагаврыг тооны нэрэнд залгавал хэмжих ухааны зохих дүрсийн нэр заасан тэмдэг нэр үүснэ, гурвалжин, дөрвөлжин. <...> Орчин цагийн монгол хэлэнд энэ дагавар бүтээц багатай хэрэглэгддэг. Энэ дагаврыг авч үүссэн үгийг утгын талаас нь нягтлан дор дурдсан хэсэгт хуваан үзэж болох юм. *-лж* дагаврыг нэрийн үндсэнд залгаж, ургамал амьтны нэр үүсгэнэ. Шарилж — цэцгийн язгуурын нэг төрлийн ургамлын нэр. Гурвалж — усанд ургадаг гурвалжин иштэй нэг зүйл өвс» [Болд 1986: 91].

Ц. Өнөрбаян «-лж (лжин) тонолж, шарилж, гурвалжин» [Өнөрбаян 2004: 26] гэсэн бол «Орчин цагийн монгол хэл»-д [Орчин цагийн монгол хэл 1997] «Нэрийн язгуурт залгаж, уг нэрийн хэлбэр шинж бүхий амьтан, юмыг заасан нэр үг бүтээнэ. Жишээ нь: улаан — улаалж, бор — боролж, өвөө — өвөөлж».

Ю. Мөнх-Амгалан, Кан Шин нарын «Орчин цагийн монгол хэлний бүтээвэр судлал» (2014) бүтээлд:

— Тоо, дүрс заасан юмын утга. Жишээ нь: гурвалж(ин), дөрвөлж(ин), тэвхэлж(ин), тавалж(ин), тонолж(ин), загалмайлжин, хорголж(ин), хошуулж(ин), сараалж(ин)... гэх мэт.

— Тухайн өнгө зүс, хэлбэр дүрс бүхий амьтны нэрийн утга. Жишээ нь: бүвээлж, бүвээлжин, өвөөлж, өвөөлжин.

— Тухайн өнгө зүс, хэлбэр бүхий ургамлын нэрийн утга. Жишээ нь: улаалж, шаралж, боролж, хургалж гэх мэт [Мөнх-Амгалан, Кан Шин 2014: 30].

А. Хэлбэр дүрсээр нь нэрлэж нэр томьёо бүтээсэн

Тонолжин цэцэгтэн ‘крестоцветные’ (2)

Сааралжин навчин цэцэг ‘марьянник дубровый (иван-да-марья)’ (2)

Ойн хөвхөлжин ‘лемминг лесной’ (1)

Хорголжин гялтгана ‘галенит (свинцовый блеск)’ (1)

Хорголжин хонд ‘свинцовый сурик’ (1)

Хорголжит урвалж цаас ‘бумага реактивная свинцовая’ (1)

Хорголжны давс (плумбат) ‘плумбаты’ (1)

Шоргоолжин хатиг ‘фурункулез’ (2)

Тэмээлжин хяруул ‘строкофил’ (3) гэх мэт.

Б. Тооны нэрэнд *-лжин* дагавар залгаж бүтээсэн

Шоо дөрвөлжин ‘кубовидный’ (2)

Гурвалжин бөөм ‘ядро треугольное’ (2)

Гарляндын гурвалжин ‘треугольник Гарлянды’ (3)

Зургаалжин ‘гексаго’ (2)

В. Өнгөөр нь нэрлэж нэр томьёо үүсгэсэн

Алтайн шарилж ‘полынь алтайская’ (2)

Ямаан шарилж ‘полынь метёлчатая’ (2)

Цагаалжин аврага загас ‘акула голубая’ (2)

Шөвгөр улаалж ‘белоус торчащий’ (2)

гэх мэтээр «Орос-монгол нэр томьёоны толь»-ийн хоёрдугаар дэвтэрт [ОМНТТ 1970] ээрэм, цагаан, царвант, хар хожуу, хонин, үхэр зэрэг тодотголтой шарилж 76 удаа тохиолдоно.

Галт хэмхдэст асмалжин ‘диорит порокластический’ (2)

Мөнгөлж, Мөнгөлжин, аргиназ ‘аргиназа’ (1)

Стронцгийн эржин ‘стронциевый арагонит’ (2) (моссотит)

Суурилаг асмалжин ‘диорит основной’ (2)

*-лзай*³ дагавар

Энэ дагаврын талаар орчин цагийн монгол болон бусад тусгайлан судалсан бүтээлүүдэд түүний утга, гарал зэргийг дурдаагүйгээс харвал үгийн санд төдийлөн идэвхтэй дагавар биш бололтой.

А. Өнгө зүс заасан бор, цагаан, ногоон, ягаан зэрэг тэмдэг нэрэнд уг *-лзай* дагаврыг залгаж тухайн өнгөтэй амьтан, ургамлын нэр томьёо үүсгэнэ.

Цагаалзай ‘нивяник, поповник’ (2)

Үүлэн боролзой болжмор ‘жаворонок полевой’ (2)

Царгиа шар ногоолзой ‘зеленчук’ (2)

Ногоолзой ‘чиж’ (3)

Дагуур цагаалзай хи лим ‘калуга дальневосточная’ (2)

Ягаалзай ‘брайя’ (2)

Боролзой нарсан өвс, зур өвс ‘пижма сибирская’ (1) гэж өвсийг нэрлэсэн бол Боролзой хайлгана ‘альбатрос дымчатый’ (2) гэж нэг зүйл цахлай шувууг «боролзой» хэмээх адил үгээр оноосон агаад шувуу болон өвсний өнгө нь төсөөтэй тул ийм нэр томьёо үүсчээ.

Б. Тухайн амьтан хэлбэр дүрсийн хувьд төстэй амьтныг тухайн нэрэнд нь *-лзай*³ дагавар залгаж нэр томьёо бүтээжээ. Шоргоолзтой төстэй амьтныг шоргоолзтой, могойтой төстэй шувууг моголзой гэж нэрлэх жишээтэй.

Шоргоолзтой тоншоохой ‘вертиголовка (или вертишейка)’ (2)

Моголзой шувуу ‘анхинга’ (2)

Балайлзай гуят царцаа ‘кобылка бахчевая’ (2)

Мөн уг дагавраар нэр томьёо бүтээсэн жишээнээс харвал үгийн язгуур нь тодорхой бус Нүцгэн үрт Шадалзай ‘рохелия голоплодная’ (3), Түмэлзэй чавга ‘спаржа клубеньковая (Спаржа кохинхинская)’ (3) зэрэг нэр томьёо байна.

«Орос-монгол нэр томьёоны толь» гурван ботид давхардсан тоогоор нийтдээ 27 удаа *-лзай*³ бүхий үг тохиолдоно. Түүний дотор цагаалзай гэдэгтэй нэр томьёо 7 удаа тохиолдоно.

Бидний судлан үзсэн эдгээр дагавар нь нэр томьёо бүтээхдээ үгийн сангийн утгын талаасаа өргөжсөн *-ийнхан*, мөн нэг л утгаар хэрэглэгдэх *-гана*, нэр томьёоны тусгай үүрэгтэй *-тан* болсон бөгөөд нэр томьёоны давтамжийг тодорхойлсноор хэрэглээний хүрээг тодруулан цаашид нэр томьёо зохиоход хэрэглэх боломжтой.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Адьяа 2011 — Адьяа О. Сопоставительное терминоведение. Улаанбаатар: Бемби сан, 2011. 173 х. [Adyaa O. *Sopostavitel'noe terminovedenie* [Comparative terminology]. Ulaanbaatar: Bembi San, 2011. 173 p. (In Rus. and Mong.)]

БАМРС II 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с. [*Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Vol. 2. Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Rus.)]

- Бертагаев 1964 — *Бертагаев Т. А.* Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении: Простое предложение. М.: Наука, 1964. 280 с. [Bertagaev T. A. *Sintaksis sovremennogo mongol'skogo yazyka v sravnitel'nom osveschenii: Prostoie predlozhenie* [Modern Mongolian syntax in a comparative perspective: the simple sentence]. Moscow: Nauka, 1964. 280 p. (In Rus.)]
- Бертагаев 1974 — *Бертагаев Т. А.* Лексика современных монгольских литературных языков. М.: Наука, 1974. 382 с. [Bertagaev T. A. *Leksika sovremennykh mongol'skikh literaturnykh yazykov* [Literary vocabulary of contemporary Mongolic languages]. Moscow: Nauka, 1974. 382 p. (In Rus.)]
- Болд, Цэвээнмядаг, Болдбаатар, Майнжаргал 2007 — *Болд А., Цэвээнмядаг Н., Болдбаатар Ш., Майнжаргал Г.* Монгол орны шувууны зүйлийн нэрийн арван хэлний толь бичиг. Улсын нэр томъёоны бичиг. № 2 (150), Улаанбаатар: УХУ, 2007. 180 х. [Bold A., Tseveenmyadag N., Boldbaatar Sh., Maynzharгал G. *Mongol орны шувууны зүйлийн нэрийн арван хэлний толь бичиг* [A ten-language dictionary: names of birds]. *Ulsyn ner tom'eony bichig* (National terminology papers). No. 2 (150). Ulaanbaatar: UKhY, 2007. 180 p. (In Mong.)]
- Болд 1986 — *Болд Л.* Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. Улаанбаатар: УХУ, 1986. 132 х. [Bold L. *Orchin tsagiyn mongol khelniy dagavar* [Modern Mongolian: word-forming affixes]. Ulaanbaatar: UKhY, 1986. 132 p. (In Mong.)]
- Дэлэнтний ангилал зүй 2003 — Дэлэнтний ангилал зүй, ангилбарын монгол нэр томъёо. Боловсруулсан С. Дуламцэрэн // Улсын нэр томъёоны комиссын мэдээ. № 148. Улаанбаатар: УХУ, 2003. 72 х. [Delentniy angilal зүү, angilbaryn mongol ner tom'eo. *Bolovsruulsan S. Dulamtseren* [Mongolian mammal classification terminology]. *Ulsyn ner tom'eony komissyn medee* (Bulletin of the State Terminological Commission). No. 148. Ulaanbaatar: UKhY, 2003. 72 p. (In Mong.)]
- Мөнх-Амгалан, Кан Шин 2014 — *Мөнх-Амгалан Ю., Кан Шин.* Орчин цагийн монгол хэлний бүтээвэр судлал. II боть. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2014. 382 х. [Mönkh-Amgalan YU., Kan Shin. *Orchin tsagiyn mongol khelniy byteever sudlal* [Modern Mongolian morphology]. Vol. 2. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2014. 382 p. (In Mong.)]
- ОМНТТ 1964 — Орос-монгол нэр томъёоны толь. I боть. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1964. 560 х. [*Oros-mongol ner tom'eony tol'* [Russian-Mongolian terminological dictionary]. Vol. 1. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1964. 560 p. (In Rus. and Mong.)]
- ОМНТТ 1970 — Орос-монгол нэр томъёоны толь. II боть. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1970. 1106 х. [*Oros-mongol ner tom'eony tol'* [Russian-Mongolian terminological dictionary]. Vol. 2. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1970. 1106 p. (In Rus. and Mong.)]
- ОМНТТ 1979 — Орос-монгол нэр томъёоны толь. III боть. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1979. 740 х. [*Oros-mongol ner tom'eony tol'* [Russian-Mongolian terminological dictionary]. Vol. 3. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1979. 740 p. (In Rus. and Mong.)]
- Орчин цагийн монгол хэл 1966 — Орчин цагийн монгол хэл. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1966. 336 х. [*Orchin tsagiyn mongol khel* [Modern Mongolian]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1966. 336 p. (In Mong.)]
- Орчин цагийн монгол хэл 1997 — Орчин цагийн монгол хэл. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1997. 440 х. [*Orchin tsagiyn mongol khel* [Modern Mongolian]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1997. 440 p. (In Mong.)]
- Өнөрбаян 2004 — *Өнөрбаян Ц.* Орчин цагийн монгол хэлний үг зүй. Улаанбаатар: УХУ, 2004. 235 х. [Önörbayan Ts. *Orchin tsagiyn mongol khelniy üg зүү* [Modern Mongolian morphology]. Ulaanbaatar: UKhY, 2004. 235 p. (In Mong.)]
- УНТКМ 1962 — Улсын нэр томъёоны комиссын мэдээ. № 50. Улаанбаатар: ШУАХ, 1962. Ургамлын зарим нэр томъёо. 15 х. [*Ulsyn ner tom'eony komissyn medee* (Bulletin of the State Terminological Commission). No. 50. Ulaanbaatar: ShUAKh, 1962. *Urgamlyn zarim ner tom'eo* [Some plant denoting terms]. 15 p. (In Mong.)]
- Цэвэл 1966 — *Цэвэл Я.* Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1966. 913 с. [Tsevel Ya. *Mongol khelniy товч тайлбар tol'* [A concise dictionary of Mongolian]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1966. 913 p. (In Mong.)]
- Чоймаа 1997 — *Чоймаа Ш. нар.* Орчин цагийн монгол хэл. (Их дээд сургуулийн оюутан, багш нарт зориулав). Үг бүтэх ёс. Улаанбаатар: МУИС-ын хэвлэх. 214 х. [Choymaa Sh. et al. *Orchin tsagiyn mongol khel. (Ikh deed surguuliyn oyuutan, bagsh nart zoriulav). Üg бүтэх es* [Modern Mongolian (a study book for university students and lecturers). Word-formation rules]. Ulaanbaatar: National University of Mongolia, 1997. 214 p. (In Mong.)].

Some Mongolian Term-Forming Suffixes: Frequency of Use and Application

*Gerelma Guruuchin*¹

¹ Ph.D. in Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics, Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences (54A, Zhukov Avenue, Ulaanbaatar, 13330, Mongolia).
ORCID: 0000-0001-53160233. E-mail: g_mgl2003@yahoo.com

Abstract

The article calculates the meanings and frequency use of some Mongolian term-forming suffixes by the aid of TextStat program.

The present paper deals with meanings, functions, frequency and application of some Mongolian term-forming suffixes, such as *-тан*⁴, *-нцар*², *-гана*⁴, *-лзай*³, *-ж*, *-жин*, *-ч*, *-чин*, *-ийнхан*². The study examines terms to denote plants, animals, minerals and geological objects related to natural sciences in the Russian-Mongolian Terminological Dictionary (editions of 1964, 1970, and 1979) containing 120,000 terms.

The study includes two main sections. Firstly, it summarizes works by scientists to have studied the meanings of the suffixes mentioned above, and examines which of the meanings are more frequently used to create terms. Among the scientists who have investigated the Mongolian suffix *-тан*, Т. А. Бертагэев described its meaning as follows: 1. ‘massive’, e.g., *цэргийн эрхтэн* ‘military authorities, militarists’; 2. ‘singular / plural’, e.g., *цагаантан* ‘white guardsman, white guardsmen’; 3. ‘singularity’, e.g., *сэхээтэн* ‘intellectual’. In term formation, *-тан*⁴ is commonly used to create terms denoting plant and animal species. For example, in animal names — *битүү тууртан* ‘odd-toed ungulates’ (1); in plant names — *Луулийн язгууртан* ‘Chenopodiaceae’; in names of microorganisms — *багц шилбүүртэн* ‘lofotrihi’ (1); in bird names — *жигүүртэн* ‘birds’, etc.

The suffix *-нцар* is primarily used to form terms with meaning ‘diminutive’, e. g., *үндсэнцэр* ‘small root’, *навчинцар* ‘leaflets’ (7); and meanings of similarity, e.g., *манинцар* ‘hermaphroditism’ (3), *болронцор чулуу* ‘quartzite’ (2), and the meaning ‘piece of a big thing’, e. g., *элэгний хэлтэнцэр* ‘hepatic lobule’ (2), etc. Thus, those are suffixes used for semantic extension of the vocabulary.

The study also reveals that the suffix *-гана*⁴ contains 5 different meanings when it comes to term formation: a) the suffix is mostly added to a noun to create one characterized by specific terminology of the subject. For example, *улаагана* ‘red currant’ (3), *хонхорт харгана* ‘cingil silver’ (3), *алтгана* ‘golden karagana’; b) it is used to create terms denoting shape and form. For example, *өргөст бударгана* (*өргөст хамхуул*) ‘*Salsola pestifera* Nels’ (2); c) it is added to onomatopoeic words imitating animal sounds, such as *tsuur tsuur*, *hed hed* to create corresponding terms. For example, *цүүргэнэ* ‘locust’ (3), *хэдгэнэ* ‘wasp’ (3), etc. d) it is used to create term with the meaning of similarity. For example, *сүүгэнэ* ‘*Euphorbia*’ (1), *салаагана* ‘chorispora’ (2), *гичгэнэ* ‘*Potentilla bifurca*’ (1), e) it is added to roots of loan words to create new plant and fish names. For example, *тавилгана* — (*tavolga* + *гана*) (1), *Суладай, нагана* — *Нагана* (*Suladai, Nagana* — *Nagana*) (1), etc.

The second section of the paper mainly focuses on the frequency of the suffixes *-тан*⁴, *-нцар*², *-гана*⁴, *-лзай*³, *-ж*, *-жин*, *-ч*, *-чин*, *-ийнхан*² in the Russian-Mongolian Terminological Dictionary analyzed using the TextStat corpus linguistic software. The study concludes the suffix *-тан*⁴ to be traced 292 times in the structure of single and compound terms; *-нцар* — 218; *-гана* — 68; *-ч*, *-чин* — 53; *-ж*, *-жин* — 45; *-ийнхан* — 11.

Keywords: word-forming suffixes, formative terms, frequency use of suffixes, applied linguistics, changes of meanings



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 39, Is. 5, pp. 166–173, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-166-173
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.21:821.512.3

Топоним *Алтай* в мотиве пути в эпосе монгольских народов

Людмила Санжибоевна Дампилова¹,

Евдокия Эрендженевна Хабунова²,

Заяасурэн Чулуун³

¹ доктор филологических наук, координатор проекта, отдел фольклористики и литературоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6). ORCID: 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

² доктор филологических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11). ORCID: 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

³ Чулуун Заяасурэн, доктор филологических наук, научный сотрудник, отдел фольклористики, Институт языка и литературы Монгольской академии наук (13330, Монголия, г. Улан-Батор, пр. Жукова, д. 54А). ORCID: 0000-0002-3245-7342. E-mail: zayasuren_ch@yahoo.com

Аннотация

В данной статье впервые в сравнительном аспекте рассматривается значение кодового слова *Алтай* в мотиве пути в эпических текстах монгольских народов. Актуальным представляется сравнительно-типологический анализ традиционных мотивов в эпосе монгольских народов для выявления сохранности и трансформации древних сюжетов и единых мотивов.

Целью работы является выявление специфики пространственного признака кодового слова *Алтай* как ключевой семантической характеристики мотива пути. Выявление функции мотива пути при помощи ключевого слова с ярко выраженным ментальным значением определяет этническую специфику эпических текстов монгольских народов.

Методы. Основным методом нашего исследования является семантико-герменевтический анализ традиционных мотивов в эпическом тексте монгольских народов. Сравнительно-типологический анализ с его методикой моделирования типовых мотивов дает возможность обобщить материал и выявить общие мотивы в эпосе монгольских народов.

Результаты. Можно констатировать, что транслируются во времени наиболее устойчивые ключевые кодовые слова, сохранившиеся в коллективной памяти обрядовых повторяющихся событий. Это касается и всего обрядового действия, связанного с почитанием священной горы Алтай. В мотиве пути ороним *Алтай* в эпосе монгольских народов однозначно обозначает свое, родное пространство, куда входят и земля, и гора. В монгольском эпосе в мотиве пути ключевое слово *Алтай* имеет наиболее широкое семантическое наполнение, в бурятских текстах более узкое употребление в формульных выражениях, и в этих случаях *Алтай* обозначает горизонтальное движение пути. В калмыцком эпосе *Алтай* употребляется чаще как сакральное пространство, и в движении пути обозначает вертикальный центр мира.

Выводы. В результате исследования мы пришли к выводу, что ороним *Алтай* как пространственный ориентир, многократно используемый в текстах, наиболее ярко высвечивает национальную специфику нарратива и уточняет традиционный мотив пути в эпосе монголь-

ских народов. В ходе анализа текстов выявлены основные инварианты мотива пути с целью военного похода или сватовства героя. Также нами уточнены варианты мотива пути: место охоты, пастбище для скота, пастбище для богатырского коня.

Ключевые слова: эпос, мотив, инвариант мотива, Алтай, пространство, сакральный locus, формула

В данной статье впервые в сравнительном аспекте рассматривается значение кодового слова «Алтай» в мотиве пути в эпических текстах монгольских народов. В современной отечественной фольклористике актуальным представляется компаративистский анализ традиционных мотивов с ключевыми формульными выражениями в эпосе монгольских народов для выявления сохранности и трансформации единых мотивов в разных локальных традициях. Целью работы является выявление специфики пространственного признака кодового слова *Алтай* как ключевой семантической характеристики мотива пути. Выявление функции мотива пути при помощи ключевого слова с ярко выраженным ментальным значением определяет этническую специфику эпических текстов монгольских народов. Основным методом нашего исследования является семантико-герменевтический анализ традиционных мотивов в сравнительном аспекте. «Первичной единицей при анализе мотива выступает не мотив как таковой (который является обобщенной единицей повествовательного языка), а его событийные реализации, или события, взятые в фабульно-сюжетных контекстах конкретных нарративов» [Силантьев 2004:126].

Тюркологи и монголоеды лексическое значение слова *алтай* определяли как ‘пестрые горы’, ‘возвышенность’, ‘высокие горы’, ‘золотоносные горы’. В словаре неперевоенных слов М. А. Демчикова отмечает широкое значение этого слова в алтайском языке: «Алтай — нарицательное слово, обозначающее какую-либо землю или местность» [Алтайские народные сказки 2016: 186]. Как в дальнейшем будет сказано, в этом значении слово зачастую употребляется и в фольклоре монгольских народов. Коннотативное значение подобных ключевых слов отображает древние этнические связи, сохранившиеся в локальной традиции. Следует при этом подчеркнуть, что «... коннотативная система есть система, план выражения которой сам является знаковой системой» [Барт 1975: 157]. Думается, что

формульные выражения со словом-знаком *Алтай* сохранились с общего тюрко-монгольского периода почти с неизменным семантическим составляющим. В мифологическом аспекте «алтайцы полагали, что окружающий их мир, Средний мир, населен духами и божествами, не имеющими такого значения, как Ульген и Эрлик. Дух неба именовался ими *кудай*, а дух земли — *дьерсуу* или *алтай*» [Пушкарева, Бурыкин 2011: 19]. Как и в алтайской мифологии, в монгольской устной традиции это слово обозначает именно землю, а в семиотическом аспекте — дух родной земли.

Вслед за обрядовыми традициями в эпической традиции почитаются мифологические и реальные географические объекты. В монгольской эпической традиции сакральная семантика оронима Алтай диктует особые правила ритуальных действий. Перед началом исполнения эпоса монгольские сказители поют вступительный гимн с восхвалением сакральной территории Алтай. Гимн «Восхваление Алтая» халхаские, баитские, дербетские, торгутские, захчинские, олётские и урянхайские сказители исполняют каждый по своим особым традициям, следуя тем обрядовым действиям, которые проводятся как обязательный ритуал восхваления возвышенностей как связующего звена с верхним небесным миром.

Прямым продолжением ритуального происхождения обряда почитания гор можно считать как предварительные гимны восхваления Алтая в эпических текстах, так и формульные выражения, связанные с темой Алтая, в которых «смутно ощущался еще не полностью выветрившийся аромат ее былой роли» [Лорд 1994: 103].

Из многочисленных исследований зарубежных и отечественных ученых по теории мотива в фольклорном повествовании в нашей работе мы придерживаемся точки зрения Б. Н. Путилова: «мотив есть не только элемент, слагаемое, конструирующее сюжет. В известном смысле эпический мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие. В мотиве, так или иначе, задано

это развитие. Мотив обладает моделирующими качествами» [Путилов 1975: 149].

Мотив как предикат тесно связан с главным героем эпоса, с пространством и временем, в котором он активно действует. Как отмечает И. В. Силантьев, «хронотоп, если под ним вслед за М. М. Бахтиным понимать сюжетогенное сочетание художественного времени и пространства, также обнаруживает структурную и функциональную близость к мотиву» [Силантьев 2009: 14]. В эпосе отличающим маркером пространственных передвижений героя является алтайский локус, имеющий как реальные, так и мифологические черты.

В бурятских текстах по ходу повествования данный ороним встречается с одним постоянным эпитетом ‘великий’ в разных вариациях. В монгольских текстах Алтай обозначен множеством эмоционально-ласкательных эпитетов: *Ийм л сайхан баян / Хүдэр, хүрэн / Хан Алтай Хангай / Хоёр нутаг минь* ‘Такие красивые богатые / Мощные, темные / Хан Алтай Хангай / две родины мои’ [Алтай Хангайн магтаал 2013: 12].

Как постоянные эпитеты также используются прилагательные ‘ценный’, ‘седой’, ‘широкий’, ‘привольный’, ‘бережливый’. Они характеризуют Алтай как с реальной, так и сакральной точки зрения, при этом наравне с реальным топонимом обязательно подразумевается и его мифологический хозяин. Необходимо отметить, что даже на уровне эпитетов в монгольских текстах Алтай как ориентир пути показан красочно и зримо. В мотиве пути это ключевое слово в первую очередь подчеркивает свое реальное пространство проживания. В развитии сюжета актуальное смысловое значение имеет мотив движения из алтайского или в сторону алтайского пространства.

В эпосах основные сюжетообразующие мотивы пути, связанные с оронимом Алтай, обозначают военный поход героя или поход с целью сватовства. И в этом походе собственное алтайское пространство противопоставляется чужому топониму: *Алтай өргөн нутгаасаа / Асар их хол газар гарч* ‘Из привольных алтайских кочевий / Отправился в очень далекие земли’ [Ойрад монголын ... 2011: 172].

В мотиве пути значимый ороним обозначает границу своего локуса, богатырь в итоге всегда возвращается в родное пространство. С оронимом Алтай тесно связано число тринадцать как один из марке-

ров сакрального локуса. В повествовании трафаретно идет характеристикой к Алтаю цифра тринадцать, в бурятских текстах упоминаются тринадцать маралов с алтайских пастбищ, дружащие с богатырским конем. В халхаском эпосе «Наран хан молодец» (*Наран хаан хөвүүн*) описаны тринадцать горных вершин: *Алтайн аянаа шар л замдань ороод / Ар талын арван гурван цаст л / Өндөр уулыг тэмцээд гардгийн энэ* ‘В пути на Алтайскую желтую дорогу перейдя, / С северной стороны с тринадцатью снежными вершинами гору достойно преодолевал’ [Наран хаан хөвүүн 2013: 107]. В первую очередь необходимо отметить, что гора Алтай только в монгольском эпосе используется как подлинный топоним, в свободном пересказе по ходу повествования он меняет свои очертания. Также в мотиве пути герой не только ориентируется на невидимый образ родины Алтай, но и путешествует по реальным горным массивам.

Хотя слово Алтай превалирует в эпических текстах, но зачастую встречается развернутая формула: *Алтай дайдая арааран, / Хүхэй дайдая хүбшөөрэн* ‘По северной стороне Алтая, / По южной стороне Хухэя’ [Еренсей 1968: 13]. Если в бурятских эпосах упоминаются только Алтай и Хухей, то эпосы других монгольских народов содержат и третий традиционный ороним — Хангай. Так, в эпических текстах ойратов говорится: *Алтай алтан сүмбэр уултай юм гэнэ / Хангай зүгийн / Хар шар адуутай юм гэнэ* ‘На Алтае имеется гора Сумеру, говорят, / На Хангае черные и желтые табуны пасутся, говорят’ [Ойрад монголын 2011: 30]. Хотя все три оронима в эпических текстах чаще равнозначно представляют реальную и сакральную родину героя, в монгольских вариантах Алтай может обозначать горную часть, а Хангай — степные просторы. По всей видимости, подлинные топонимы накладываются на традиционную древнюю формульную константу.

При описании мотива с учетом его дихотомической природы в работе выявляются его основные инварианты с точки зрения частотности вариантов по отношению к его инварианту [Силантьев 2009: 22]. Имея в виду особенность эпического мотива, по И. В. Ершовой, мы также утверждаем: «У каждого мотива в отдельной национальной традиции формируется некоторое количество вариантов-воплощений, которые непременно возникают во всяком эпическом

сюжете, дополняя основной сюжетобразующий мотив» [Ершова 2017: 18].

В данной работе наряду с общемировыми повторяющимися мотивами выявляются традиционные только для эпоса монгольских народов инварианты и варианты мотивов. Одним из традиционных инвариантов мотива, связанным с оронимом Алтай, является поход героя в горы. В пространственной схеме фабульного события, уточняя значение инварианта, мы используем вариативные формулы. В инварианте мотива пути в горы выявлено три варианта. В первом случае, если герой едет на охоту, в смысловом аспекте актуализируется формула: *Алтай мэни анхан / Сохо хорхой дли / Бисалажа ябагша блэй* ‘Звери на одном Алтае, / Словно черви и жуки, / Кишмя они кишели’ [Еренсей 1968: 31].

Во втором случае, если герой едет смотреть свои пастбища, то употребляется константа: *Арбан минган адууниин, / Хорин минган үхэриин / Алтайн арбан гурибадан / Атарлажа бэлишэжэ ябаба лэ* ‘Десять тысяч табунов, / Двадцать тысяч скота / В десяти алтайских нагорьях / Привольно пасутся’ [Абай Гэсэр 1995: 146]. И в третьем случае горное пространство Алтая маркируется как сакральное пространство, куда герой выпускает богатырского коня: *Одоо Алтай ехэ дайдадаа / Атар таргай таргалыт!* ‘Теперь на Алтае, / обширной земле, / жиру нагуляйте!’ [Еренсей 1968: 13]. Итак, прослеживаются характерные для эпических текстов, не выходящие за пределы основного инварианта вариации с уточняющим обстоятельством — ключевым словом Алтай. И это ключевое слово встречается только в эпосе тюрко-монгольских народов, выделяя вариант мотива как принадлежащий одной этнической традиции.

В эпосе монгольских народов не менее значимо, что алтайское пространство является маркером мифологического пространства. Двойственность значения оронима Алтай как сакральной и реальной территории проявляется в пространственно-временных координатах, и на коннотативное значение мотива пути героя влияет мифологический компонент оронима Алтай. Восхваление сакрального пространства предполагает его чудодейственные свойства: *Хуурай сайрнаас ус нь урсаад байдаг Алтай гэнэ* ‘Из сухих камней вода течет на Алтае, говорят’ [Монгол ардын ... 1982: 41]. Земля, где рождается эпический герой, приобретает черты

вечно существующего края с бесконечным временем и пространством. «Вообще применительно к наиболее сакральным ситуациям (а только они и образуют уровень высшей реальности) пространство и время, строго говоря, неотделимы друг от друга, они образуют единый пространственно-временной континуум» [Топоров 1983: 230].

В сюжете эпического повествования многократно повторяющаяся формула «великая земля Алтая» «в зависимости от контекста может менять свою семантику, фиксируя обобщенное пространство вселенной, всей земли, отдельного родного края, государства, горного массива» [Дампилова 2018: 178].

При сравнении бурятских и монгольских текстов мы пришли к выводу, что ключевое слово Алтай в бурятском эпосе используется более статично без конкретных реалий как родина героя, горный массив для охоты и пастбище для богатырского коня, скота. Необходимо отметить, что ороним Алтай сохранился в бурятском эпосе в основном в формульном варианте, и эти несколько формул используются в неизменном виде в ходе всего повествования.

В монгольских эпических текстах кодовое слово, употребляясь и в этих значениях, применяется намного шире и вне формульных клише. Алтай со всеми пространственными ориентирами разнообразно представлен как конкретное место проживания главного героя эпосов, чаще во вступительной части повествования красочно описаны достопримечательности края во все четыре времени года. Например, в халхаском эпосе «Алтан Гургалдай» ключевое слово используется как гора в родном краю: *Замбуутивийн амьтныг болгоохоор / Алтай сүмбэр уулынхаа орой дээр гарав гэнээ* ‘Чтобы обозреть живых существ вселенной / На вершину Алтая Сумбэр горы взобрался он’ [Халхтууль 2013: 30].

Во многих эпосах монгольских народов в мотиве пути по ходу повествования главный герой поднимается на вершину Алтая, чтобы наблюдать все четыре стороны света. Стоит обратить внимание, что в мотиве пути гора является маркером основной точки отсчета, откуда постоянно герой определяет свой путь продвижения. В халхаском эпосе интересно, что реальная гора Алтай как бы соединяется с мифологической горой Сумбэр, хотя в других текстах часто вселенская гора Сумбэр находится именно

на площади Алтая, представляющей земное пространство.

В калмыцких эпических текстах анализируемый ороним зачастую употребляется как эфемерный сакральный центр без конкретных действий в сюжете повествования, в нем, скорее всего, подразумевается родное пространство эпических героев «Джангара»: *Гандиг Алтн уулын наадъ бийе / Узенңиин өнчн Жаңһър гижи бээдег* 'По сю стороны гранитного Алтая пребывает Узюнга единственный сын, Джангар — его имя' [Джангар 1999: 178]. Стоит обратить внимание на эпитет 'гранитный', трафаретно употребляемый со словом Алтай в калмыцком варианте эпоса. По сравнению с монгольскими эмоционально-красочными эпитетами гора Алтай в данном случае приобретает оттенок далекого, недоступного пространственного ориентира. Возможно, и поэтому в эпическом тексте Алтай часто фиксируется как пограничный локус: *Гандиг Алтн улан давад / Чиг зүг уга жиңневе* 'Через гранитный Алтай свой перевалил / И исчез без следа и примет' [Джангар 1999: 178]. Для эпических текстов характерно привлечение образов мифологических персонажей или объектов при сравнении мощи или красоты героя. Недостигаемый образ гранитного Алтая как пример для сравнения еще раз подчеркивает его мифологическую отдаленность: *Гэгэндни үүле бэрме / Гэрелдени аду манмь / Гарх нарни сүүре дармь / Ганьдиг Алтн иллиин цогта* 'В сиянии её красоты шитьем и вышивкой заняться возможно, / В свете её красоты табуны стеречь возможно, / Сияющее величие её подобно гранитной громаде Алтая' [Джангар 1999: 80].

Образ Алтая в калмыцкой эпической традиции выглядит наиболее отстраненным, мифологическим сакральным локусом, явно не прописывается как конкретное видимое пространство. Если в бурятских текстах в мотиве пути ороним сохранился как маркер реального отсчета пути героя, то в монгольских повествованиях употребляется в широком аспекте с разных позиций. В бурятской и монгольской традиции Алтай представляет горизонтальный путь, постоянное место пребывания героя. В калмыцком нарративе ключевое слово скорее является обозначением мифологического эпического локуса, ассоциируемого «как ось, соединяющая три мира: верхний, средний и нижний; как пограничный локус, куда устремляется богатырь от погони; как

сакральное место, где смертельно раненый богатырь должен достойно принять смерть, как идеал совершенства» [Хабунова, Гедеева, Убушиева 2018: 248].

Итак, можно констатировать, что транслируются во времени наиболее устойчивые ключевые кодовые слова, сохранившиеся в коллективной памяти обрядовых повторяющихся событий. Это касается и всего обрядового действия, связанного с почитанием священной горы Алтай: «Наиболее существенные для жизни коллектива прецеденты, определяющие соответственно ключевые ситуации, воспроизводились в обряде» [Байбурин 2005: 15]. Сакральные обрядовые объекты переходят в эпические и другие фольклорные тексты, выявляя этнически ценные архетипы.

В итоге исследования приходим к выводу, что ороним Алтай как пространственный ориентир, многократно используя во всех текстах, наиболее ярко высвечивает национальную специфику нарратива и уточняет традиционный мотив пути в эпосе монгольских народов. В мотиве пути ороним Алтай однозначно обозначает свое родное пространство, куда входят и земля, и гора. В монгольском эпосе ключевое слово имеет наиболее широкое семантическое наполнение, в бурятских текстах наблюдается более узкое использование в формульных выражениях, и в этих случаях Алтай чаще обозначает горизонтальное движение в пути. Но также ороним Алтай в эпосе монгольских народов в мотиве пути может обозначать срединный мир во вселенной. В калмыцком эпосе Алтай употребляется чаще как сакральное пространство и в движении пути обозначает вертикальный центр мира. В ходе анализа текстов выявлены основные инварианты мотива пути с целью военного похода или сватовства героя. Также нами уточнены варианты мотива пути: место охоты, пастбище для скота, отдых для богатырского коня.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Аннотированный каталог традиционных мотивов эпоса монгольских народов» № 18-512-94006 МОКНМ_а.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Абай Гэсэр 1995 — Абай Гэсэр Богдо хаан. Улан-Удэ: Респ. типография, 1995. 519 с.

- [*Abay Geser Bogdo khaan* [Abay Gesar Bogdo Khan]. Ulan-Ude: Republ. Typography, 1995. 519 p. (In Rus. and Bur.)]
- Алтайские народные 2016 — Алтайские народные сказки / сост. М. А. Демчикова. Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2016. 352 с. [*Altayskie narodnye skazki* [Altaian folk tales]. M. A. Demchikova (comp.). Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskaya Tipografiya, 2016. 352 p. (In Alt. and Rus.)]
- Байбурин 2005 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с. [Bayburin A. K. *Zhilishche v obryadah i predstavleniyah vostochnyh slavyan* [The dwelling in rituals and beliefs of East Slavs]. 2nd ed., rev. M.: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2005. 224 p. (In Rus.)]
- Барт 1975 — *Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 114–163. [Bart R. *Fundamentals of semiology. Strukturalizm: "za" i "protiv"*. Moscow: Progress, 1975. Pp. 114–163. (In Rus.)]
- Дампилова 2018 — *Дампилова Л. С.* Семантика этноментальных оронимов в эпосе монгольских народов // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 1. С. 175–180. [Dampilova L. S. *Semantics of ethnomental oronyms in epos of the Mongolian people. Gumanitarnyi vektor*. 2018. Vol. 13. No. 1. Pp. 175–180. (In Rus.)]
- Джангар 1999 — *Джангар.* Малодербетовская версия / сводн. текст, пер., вступит. ст., коммент., словарь А. Ш. Кичикова. Элиста: КалмГУ, 1999. 272 с. [*Dzhangar. Maloderbetovskaya versiya* [*Jangar: the Baya Dorbet version*]. A. Sh. Kichikov (comp., introd., etc.). Elista: Kalmyk State Univ., 1999. 272 p. (In Kalm. and Rus.)]
- Еренсей 1968 — *Еренсей* / подготовка текста, пер. и примеч. М. Н. Хомонова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. 207 с. [*Erensey*. M. N. Homonov (prepr., transl., etc.). Ulan-Ude: Buryat. Book Publ., 1968. 207 p. (In Bur. and Rus.)]
- Ершова 2017 — *Ершова И. В.* К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. 2017. № 2(41). С. 18–20. [Ershova I. V. *To the issue of epic motive. Novyi filologicheskii vestnik*. 2017. No. 2 (41). Pp. 18–20. (In Rus.)]
- Лорд 1994 — *Лорд А. Б.* Сказитель. Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона; послесл. Б. Н. Путилова. М.: Вост. лит., 1994. 368 с. [Lord A. B. *Skazitel'* [The Taleteller]. Yu. A. Kleiner, G. A. Levinton (transl., comment.); B. N. Putilov (epilogue). Moscow: Vostoch. Lit., 1994. 368 p. (In Rus.)]
- Путилов 1975 — *Путилов Б. Н.* Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895–1970) / сост. и ред. С. Ю. Неклюдов, Е. М. Мелетинский. М.: Наука, 1975. С. 141–156. [Putilov B. N. *The motif as a plot-forming element. Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru*. Coll. papers to commemorate V. Ya. Propp (1895–1970). S. Yu. Neklyudov (comp., ed.), E. M. Meletinsky. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 141–156. (In Rus.)]
- Пушкарева, Бурыкин 2011 — *Пушкарева Е. Т., Бурыкин А. А.* Фольклор народов Сибири (культурно-антропологические аспекты). СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 390 с. [Pushkareva E. T., Burykin A. A. *Fol'klor narodov Sibiri (kul'turno-anthropologicheskie aspekty)* [Folklore of Siberian peoples: cultural and anthropological perspectives]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2011. 390 p. (In Rus.)]
- Силантьев 2004 — *Силантьев И. В.* Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с. [Silantiev I. V. *Poetika motiva* [Poetics of a motif]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2004. 296 p. (In Rus.)]
- Силантьев 2009 — *Силантьев И. В.* Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с. [Silantiev I. V. *Syuzhetologicheskie issledovaniya* [Studies of plots and typology]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury, 2009. 224 p. (In Rus.)]
- Топоров 1983 — *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284. [Toporov V. N. *Space and the text. Semantika i struktura*. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 227–284. (In Rus.)]
- Хабунова, Гедеева, Убушиева 2018 — *Хабунова Е. Э., Гедеева Д. Б., Убушиева Б. Э.* Топонимы в фольклорном контексте калмыков [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 242–258. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/800> (дата обращения: 28.10.2018). DOI: 10.25178/nit.2018.3.16 [Khabunova E. E., Gedeeva D. B., Ubushieva B. E. *Toponyms in the Kalmyk folklore. Novye issledovaniya Tuvy*. 2018. No. 3. Pp. 242–258. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 28 October 2018). (In Rus.)]
- Алтай Хангайн магтаал 2013 — *Алтай Хангайн магтаал* // Монгол тууль–I. Ред. Д. Цэрэнсодном. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д

- хэвлэл, 2013. X. 5–20. [Praising the Altai and Khangai. *Mongol tuul*'-I. D. Tsehrensodnom (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2013. Pp. 5–20. (In Mong.)]
- Монгол ардын ... 1982 — Монгол ардын баатарлаг тууль. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982. 166 х. [*Mongol ardyn baatarlag tuul*' [The Mongolian heroic tale]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1982. 166 p. (In Mong.)]
- Наран хаан хөвүүн 2013 — Наран хаан хөвүүн // Монгол тууль-I. Ред. Д. Цэрэнсодном. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д хэвлэл, 2013. X. 189–247. [The little Naran Khaan. *Mongol tuul*'-I. D. Tserensodnom (ed.). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2013. Pp. 189–247. (In Mong.)]
- Ойрад монголын ... 2011 — Ойрад монголын баатарлаг тууль (Баяд, дөрвөд, торгууд, захчин, урианхай тууль). Улаанбаатар: Арвай Бархан ХХК-д хэвлэл, 2011. 444 х. [*Oirad mongolyn baatarlag tuul*' [The Oirat-Mongolian heroic tale]. Ulaanbaatar: Arvay Barkhan, 2011. 444 p. (In Mong.)]
- Халх тууль 2013 — Халх тууль. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг ХХК-д хэвлэл, 2013. 408 х. [*Khalkh tuul*' [The Khalkha (Mongolian) tale]. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2013. 408 p. (In Mong.)]

UDC 398.21:821.512.3

The Epic Tradition of Mongolic Peoples: Toponym '*Altai*' in the Motif of the Way

*Liudmila S. Dampilova*¹,
*Evdokiya E. Khabunova*²,
*Chuluun Zaayaasuren*³

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Project Coordinator, Department for Folklore and Literary Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

² Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

³ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Research Associate, Department for Folklore Studies, Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences (54A, Zhukov Avenue, Ulaanbaatar, 13330, Mongolia). ORCID: 0000-0002-3245-7342. E-mail: zayaasuren_ch@yahoo.com

Abstract

Introduction: Comparative analysis of traditional motifs with key formulaic expressions in the Mongol epos to identify the preservation and transformation of a single motif found in different local traditions is urgently important to modern national folklore studies. The article for the first time ever examines the meaning of the code word *Altai* in a motif of the way within the Mongolic epic texts in a comparative context. In the Mongolic epic tradition, the sacred semantics of the oronym *Altai* predetermines some special rules for the execution of texts.

Goals: The work aims to reveal the specificity of the spatial characteristic of the *Altai* code word as a key semantic characteristic of the motif of way. The disclosure of the function of the motif of the way with the help of one spatial thematic image *Altai* as a repetitive and constant formula determines the ethnic specificity of the Mongolic epic texts. Connotative meanings of such key words reflect the cultural traditions of society. The paper suggests that formulaic expressions with the word-sign *Altai* have been preserved since the common Turco-Mongolian period almost with the same semantic components.

Methods: The paper presents an analytical description of the traditional motif in the epic text from a semantic perspective with due account of the intertextual nature of the motif. The comparative and typological analysis with a certain technique of modeling standard motives gives the chance to generalize the material and to reveal the general motifs in the Mongol epos.

Results: The motif as a predicate is closely connected with the *actant* (the hero and related characters of the narrative) and spatio-temporal features. Describing the motif based on its dichotomous nature, the paper reveals the main invariants and variants of the motif. In the spatial scheme of the plot event, specifying the value of the motif, variable formulas are used. The study concludes that the oronym *Altai* — as a spatial reference point repeatedly used in all texts — most clearly illumines the national specificity of the narrative and clarifies the traditional motif of the way in the epic of the Mongolian peoples. The oronym *Altai* retaining a common semantic area in the Mongolic epic patterns (in the motif of the way) identifies their native environment. In this context, the key word *Altai* has a widest semantic content; still, in the Buryat texts there is a narrower use in formula expressions, and in these cases *Altai* more often denotes horizontal movement. But the oronym can also mean the ‘middle world’ of the universe. In Kalmyk epic texts, the key word *Altai* is often used as an ephemeral sacred space without specific actions in the plot of the narrative, it most likely implies the native environment of the epic heroes of *Jangar*, and describing movement (the way) it denotes the vertical center of the world.

Conclusions: The analysis of the texts reveals the main invariants of the motif of the way for the purpose of military campaigns or matchmaking activities of the hero. The paper also specifies some variants of the motif of the way: a place of hunting, pasture for cattle, pasture for the hero’s horse.

Keywords: epic, motif, invariant of the motif, Altai, environment, sacral locus, formula



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 39, Is. 5, pp. 174–186, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-174-186
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.22

Синоптический анализ прологов «Джангара» (Багацохуровский цикл 1857–1862 гг.)*¹

Байрта Барбаевна Манджиева¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, Россия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8). ORCID: 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

Аннотация

Цель. Статья посвящена изучению прологов Багацохуровского цикла «Джангара» с целью выявления устойчивости эпического текста, определения основы и принципов сложения экспозиционной части эпоса.

Методы. При анализе записей двух прологов Багацохуровского цикла применяется метод полного синоптического сопоставления текстов, представленный В. М. Гацаком для эпоса.

Результаты. В результате синоптического сопоставления прологов песен-поэм «Дуут богд Жаңһр догһн Хар Кинесиг дөрэцүлгсн бөлг» ('О том, как славный богдо Джангар свирепого Хара Кинеса покорил') и «Догһн Замбл хаана һалзу долан бодһгиг Аср Улан Хоһһр Күнд Һарта Савр хойр дөрэцүлгсн бөлг» ('О победе Улан Хонгора Могучего и Тяжелорукого Савара над семью неукротимыми вепрями [-богатырями] свирепого Замбал-хана') Багацохуровского цикла образовалось 1 383 строчных позиций. Синоптическая «развертка по вертикали» и сопоставление паритетных стихов выявили 153 стиха, совпадающих текстуально и позиционно. Для 105 стихов соответствия нашлись не рядом, а в других местах. В 112 случаях стихи хотя и различаются в той или иной степени, но все же совпадают между собой, варьируя одну и ту же основу. Совпадающих текстуально и позиционно, но с долей синонимии в деталях нами обнаружено 205 стихов. Таким образом, в результате синоптического сопоставления двух записей пролога Багацохуровского цикла 575 строчных позиций целиком и частично тождественны, и мы можем утверждать, что джангарчи, зная принципы сложения эпоса, строит свое повествование по определенной схеме: 1) описание страны; 2) описание сооружения дворца; 3) описание Джангара, его оружия и коня; 4) описание местоположения персонажей; 5) подчинение богатыря Савара; 6) пир во дворце Джангара; 7) восхваление страны.

Выводы. Рассмотрение прологов подтверждает положение о том, что фольклорный текст в процессе многократного устного исполнения всегда варьируется. Во время исполнения сказитель использует готовые темы, общие места и поэтические формулы. Пролог, являясь важным композиционным слагаемым эпоса, способствует более полному восприятию эпической поэмы, героических подвигов богатырей, акцентирует внимание на величии самих событий, происходящих в Бумбайской стране, чем обширнее пролог, тем величественнее эпическое государство; присутствие пролога свидетельствует об устойчивости и формировании эпоса «Джангар в большом историческом времени».

Ключевые слова: эпос, традиция, пролог, рукопись, синоптический анализ, текст, сказитель, вариативность

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Фольклор монголоязычных народов: тексты и исследования (№ государственной регистрации АААА-А17-117030910099-8).

Калмыцкий героический эпос «Джангар» предваряется вступительной частью, которую джангарчи называет *орил* ('пролог'). В фольклористике экспозиционная часть эпоса остается малоизученной, обратились мы к данной проблеме в связи с изучением «Джангара». Вопросы изучения пролога калмыцкого эпоса «Джангар» освещены в трудах А. Ш. Кичикова [Кичиков 1992], Э. Б. Овалова [Овалов 1977], Б. Б. Манджиевой [Манджиева 2003; 2004а; 2004б; 2014; 2015], Д. В. Убушиевой [Убушиева 2009; 2012; 2016а; 2016б]. Предметом настоящего исследования является синоптический анализ прологов Багацохуровского цикла «Джангара» с целью выявления устойчивости эпического текста, определения основы и принципов сложения экспозиционной части эпоса.

Одним из первых, кто заметил повторяющуюся вступительную часть эпоса «Джангар», является Номто Очиров (1886–1960), записавший в 1908 г. полный эпический репертуар выдающегося рапсода Ээлян Овла. Во время записи Номто Очиров заметил, что джангарчи каждый раз начинает песнь одинаково, поэтому собиратель после записи четырех песен стал пропускать начало песни, сделав отсылку «Начало смотрите в первых двух листах». Таким образом, Номто Очировым были записаны прологи к следующим песням: «О том, как Мингъян пригнал табун Алтан Тюрэг хана» — пролог составляет 250 стихотворных строк; «О женитьбе Хонгора» — 280 стихотворных строк; «О пленении Хонгором Аля Монхули» — 278 стихотворных строк, и в неполной 11-й песне (Песнь не имеет названия) — 193 строки. К сожалению, прологи к остальным песням не были зафиксированы.

В калмыцкой эпической традиции пролог является важной традиционной частью «Джангара», о чем свидетельствуют циклы и эпические репертуары:

1. Малодербетовский цикл (1862 г.), включающий три песни-поэмы;
2. Багацохуровский цикл (1857–1862 гг.) — 3 песни;
3. Малодербетовский эпический репертуар Ээлян Овлы из 10 песен;
4. Икицохуровский малый цикл джангарчи Давы Шавалиева из 4 песен;
5. Малодербетовский эпический репертуар сказителя Насанки Болдырова — 1 песнь-поэма;

6. Донской эпический репертуар сказителя Бадмы Обушинова — 1 песнь-поэма.

У каждого цикла имеется свой пролог.

Багацохуровский цикл «Джангара», так же как и Малодербетовский, относится к наиболее ранней фиксации XIX в. и представлен тремя песнями:

1. «Хар Кинесиг дөрэцүлгсн бөлг» ('О покорении Хара Кинеса'),
2. «Догшн Шар Манһс хааг дөрэцүлгсн бөлг» ('О пленении свирепого Шара Мангаса-хана')
3. «Догшн Замбл хааг дөрэцүлгсн бөлг» ('О покорении свирепого Замбал-хана').

Эти три песни были зафиксированы в середине XIX в. разными собирателями, которые, к сожалению, не записали имя выдающегося джангарчи. Оригиналы рукописей этих песен хранятся в архивах Санкт-Петербурга под следующими шифрами: [Golstunsky Collection. 908 Incipit: Calm. C. 17, inv. No. 1770. Xyl. F 63. (1857), No. 2; НА РГО СПб. Оп. 1. Д. № 15].

Рукопись песни «О Замбал-хане» долгое время считалась утерянной. Оригинал этой песни был обнаружен только в 1979 г. аспирантом Института востоковедения АН СССР В. З. Цереновым. Наряду с десятью песнями рапсода Ээлян Овла данная песнь была опубликована в двуязычном томе «Калмыцкий героический эпос «Джангар» [Джангар 1990].

В 1862 г. под руководством К. Ф. Голстунского были зафиксированы песни «Джангара» — «О Шара Гюргю» и «О Хара Кинесе», которые впоследствии в 1864 г. ученый издал на ойратской письменности («тодо бичиг» 'ясное письмо') [Jangar 1864]. После этой публикации эпические песни не раз публиковались в различных изданиях.

В 1940 г. С. А. Козин в своей книге «Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии» [Козин 1940] объединил песни Багацохуровского цикла и издал их переводы вместе с песней «Шара-Гюргю», принадлежащей к Малодербетовскому циклу. «Не углубляясь в вопросы цикличности, „племенной принадлежности“ эпических песен, ученый не обратил внимания на сходство двух экспозиций песен «О Хара Кинясе» и «Шара-мангус хане» (см. табл. 1).

Таблица 1. Соотношение песен эпоса «Джангар»

I.	Песнь о битвах Джангара с Черным князем	II.	Песнь о победе богатырей Джангара над семью богатырями Желто-Мангусова хана
1.	Алтайская страна	1.	Алтайская страна
2.	Золотой терем Джангара	2.	Дворцы хана Джангара
3.	Джангар с дружиной	3.	Джангар и его дружина
4.	Копье и конь Джангара	4.	Супруга Джангара
5.	Стремянный, супруга и богатыри-сподвижники	5.	Богатырь Алтан-Цэджи
6.	Богатырь Алтан-Цэджи (Золотая грудь)	6.	Богатырь Улан-Хонгор
7.	Богатырь Улан-Хонгор, развеселый-хмельной	7.	Богатырь Эргю-Гомбо
8.	Богатырь Цусуни-Хара-Шорончи (Черно-красавый штык)	8.	Богатырь Савар
9.	Богатырь Савар Тяжелорукий	9.	Дверник Кей-Джилбанг
10.	Пир в Тереме Джангара	10.	Пир во дворце Джангара

Отсюда исходит заключение С. А. Козина, что все песни его перевода составляют торгудскую версию» [Манджиева 2004а: 26–27]. Опровержимым доказательством данного С. А. Козиным заключения служит найденный в 1966 г. А. Ш. Кичиковым текст двух песен Малодербетовского цикла. С этого времени стало очевидным, что песнь «Шара-Гюргю» относится к репертуару неизвестного джангарчи Малодербетовской школы. Одним из весомых доказательств является повторяющийся во всех трех песнях-поэмах пролог цикла.

В Багацохуровском цикле также присутствует единый и объемный по содержанию пролог: объем всей песни «О Хара-Кинесе» 3 015 стихотворных строк, ее вступительная часть — 911 стихотворных строк, объем песни «О Замбал-хане» составляет 1 929 стихотворных строк, а пролог состоит из 859 стихотворных строк. Исключением является экспозиция второй песни — «О Шара Мангас хане», которая состоит из краткого описания в 35 стихотворных строк.

«В песнях Багацохуровского цикла воспеваются величие страны Бумбы, героические подвиги, совершаемые богатырями во славу хана Джангара и во имя мира на его благодатной земле» [Убушиева 2016а: 254].

Прологи двух песен «О том, как славный богдо Джангар свирепого Хара Кинеса покорил» и «О победе Улан Хонгора Могучего и Тяжелорукого Савара над семью неукротимыми вепрями [-богатырями] свирепого Замбал-хана» представляют слушателям величие эпической страны Бумбы, главного героя эпоса — *богдо* Джангара, его супругу Ага Герензел, главных богатырей — Алтан

Чеджи, Улан Хонгора, Гюмбе нойона, Боро Мангна, Савара. Пролог песни «О том, как Улан Хонгор Могучий пленил и доставил живым свирепого хана Шара Мангаса» дается в сокращенном варианте, но описания горы Орог Йондон Орза, горы Цаган, океана Шартаг, сооружения дворца, дерева Дамба Зули и восхваления страны, имеющиеся в тексте самой песни, аналогичны описаниям двух прологов цикла. Данный факт говорит о том, что все песни составляют единый цикл, кроме того, они были исполнены одним певцом-джангарчи, имя которого, к сожалению, осталось неизвестным.

При анализе записей двух прологов Багацохуровского цикла мы воспользовались методикой полного синоптического сопоставления текстов, разработанной В. М. Гацаком для эпоса [Гацак 1989: 65].

«1. Тексты даются параллельными колонками в согласованной „вертикальной развертке“, таким образом, чтобы идентичные или сходные стихи оказались на одном уровне — это сразу обнаруживает существующие совпадения;

2. Путем „растягивания“ текста по вертикали в его подаче создаются просветы, или паузы, когда в данном тексте нет стихов, которые заключаются в одной или в нескольких других сопоставляемых записях;

3. Все получающиеся строчные позиции нумеруются;

4. Там, где в данном тексте (или в данной стиховой позиции) нет стиха, имеющегося в другом тексте, ставится прочерк;

5. Если соответствующий стих имеется, но в другом месте, то вместо прочерка дается отсылка см. (когда стих тот же) или

ср. (когда сходство неполное), с указанием номера позиции (два последних пункта важны тем, что выявляют неявные переклички и существенно дополняют фиксацию реального соотношения текстов);

6. При полном совпадении стиха в двух и более сопоставляемых записях стих располагается так, чтобы видна была его принадлежность соответствующим вариантам;

7. Когда в одном и том же стихе двух и более текстов различаются отдельные слова или их формы, это отражается при воспроизведении стиха» [Гацак 1989: 65].

Синоптическое сопоставление двух прологов Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» демонстрирует соотношение вербальных и композиционных компонентов. Приводимые текстологические таблицы являются «не просто иллюстрацией к доказываемым тезисам, а самое доказательство» [Гацак 1989: 66]. Более того, синоптический анализ этих записей является доказательством того, что обнаруженная в архиве Русского Географического Общества в 1979 г. аспирантом Института востоковедения АН СССР В. З. Цереновым эпическая песня «Догшн Замбл хаана халзу долан боднгиг Аср Улан Хонѳр Күнд Һарта Савр хойр дөрэцүлгсн бөлг» ('О победе Улан Хонгора Могучего и Тяжелорукого Савара над семью неукротимыми вепрями [-богатырями] свирепого Замбал-хана') относится к Багацохуровскому циклу калмыцкого эпоса.

В результате синоптического сопоставления пролога песни «Дуут богд Жаңһр догшн Хар Кинесиг дөрэцүлгсн бөлг» ('О том, как славный богдо Джангар свирепого Хара Кинеса покорил') и пролога песни «Догшн Замбл хаана халзу долан боднгиг Аср Улан Хонѳр Күнд Һарта Савр хойр дөрэцүлгсн бөлг» ('О победе Улан Хонгора Могучего и Тяжелорукого Савара над семью неукротимыми вепрями [-богатырями] свирепого Замбал-хана') Багацохуровского цикла образовалось 1 383 строчных позиций.

Синоптическая «развертка по вертикали» и сопоставление паритетных стихов выявили 153 стиха, совпадающих текстуально и позиционно. Для 105 стихов соответствия нашлись не рядом, а в других местах, на это указывает пометка *см.* с указанием номера строки, занимаемой в другом тексте тем же стихом. В 112 случаях стихи, хотя и различаются, но все же совпадают между собой, варьируя одну и ту же основу, в таблице у

них стоит пометка *ср.* Совпадающих текстуально и позиционно, но с долей синонимии в деталях нами обнаружено 205 стихов. Вывод: 575 строчных позиций целиком и частично тождественны. Таким образом, в результате синоптического сопоставления двух записей пролога Багацохуровского цикла мы можем утверждать, что джангарчи, зная принципы сложения эпоса, строит свое повествование по определенной схеме, потому как абсолютное запоминание большого по объему текста невозможно.

Прежде чем исполнять эпос, джангарчи продумывает основу песни, строит её схему, некий план в определенном порядке. Так, при разборе пролога на составные части мы выявили следующую структуру:

- 1) *магтал* ('восхваление') страны;
- 2) сооружение дворца;
- 3) описание Джангара, его оружия и коня;
- 4) описание местоположения персонажей;
- 5) подчинение богатыря Савара;
- 6) пир во дворце Джангара;
- 7) восхваление страны.

Эти темы в свою очередь состоят из более дробных частей:

Тема «*Магтал* ('восхваление') страны» состоит из подтем:

- а) гора *Орог Йондон Орза*;
- б) гора *Арслангин Алтай*;
- в) океан *Шартаг*;
- г) *бумбайские реки*;
- д) *косогор Самба*;
- е) *описание Зу*.

Тема «Описание местоположения персонажей» состоит из таких подтем-описаний, как:

- а) *богатырь Очир Герел* (только в песне «Замбал-хан»);
- б) *конюший Боро Мангна*;
- в) *ханиша Ага Герензел*;
- г) *богатырь Алтан Чеджи*;
- д) *богатырь Улан Хонгор*;
- е) *богатырь Гюмбе*.

Тема «Подчинение богатыря Савара» подразделяется на такие подтемы, как:

- а) *предсказание Алтан Чеджи*;
- б) *отправление богатырей в путь*;
- в) *обращение Ага Герензел к Улан Хонгору*;
- г) *отправление Хонгора в поход*;
- д) *побратимство богатырей Хонгора и Савара*.

Итак, синоптическое сопоставление текстов наглядно демонстрирует констант-

ность эпического текста, а также позволяет проанализировать его вариативность.

Для сравнения константных и вариативных частей пролога мы составили таблицу № 2, в которой песни обозначены как: I. «О

том, как славный богдо Джангар свирепого Хара Кинеса покорил»; II. «О победе Улан Хонгора Могучего и Тяжелорукого Савара над семью неукротимыми вепрями [-богатырями] свирепого Замбал-хана»).

Таблица № 2. Сравнение константных и вариативных частей пролога

№	Темы и подтемы	В а р и а н т ы	
		Количество строк	
		I	II
1	<i>Магтал</i> ('восхваление') страны:		
2	<i>а) Гора Орог Йондон Орза;</i>	2	2
3	<i>б) Гора Арслангин Алтай;</i>	3	3
4	<i>в) Океан Шартаг;</i>	9	7
5	<i>г) Бумбайские реки;</i>	10	4
6	<i>д) Косогор Самба;</i>	5	4
7	<i>е) Описание Зу.</i>	30	33
8	Сооружение дворца	63	50
9	Описание Джангара, его оружия и коня	132	195
10	Описание местоположения персонажей:		
11	<i>а) Богатырь Очир Герел</i>	—	34
12	<i>б) Конюший Боро Мангна;</i>	16	17
13	<i>в) Ханиа Ага Герензел;</i>	82	84
14	<i>г) Богатырь Алтан Чеджи;</i>	17	12
15	<i>д) Богатырь Улан Хонгор;</i>	58	49
16	<i>е) Богатырь Гюмбе.</i>	51	37
17	Подчинение богатыря Савара	324	239
18	Пир во дворце Джангара	62	34
19	Восхваление страны	47	46

В приведенной таблице мы видим, что уровень колебания текста в таких темах, как «*Магтал* ('восхваление') страны», «Сооружение дворца», «Восхваление страны», невелик. В песне «Хара Кинес» в теме «Описание местоположения персонажей» отсутствует подтема «*Богатырь Очир Герел*», в остальных подтемах наблюдается небольшое варьирование. Исключением является тема «*Подчинение богатыря Савара*»: абсолютно тождественны 30 стихов, совпадающих текстуально и позиционно, но с долей синонимии в деталях нами обнаружено 60 стихов, разница в 85 стихов объясняется тем, что в песне «Хара Кинес» присутствуют такие типические места, как «описание коня», «седлание коня», «одева-

ние богатыря», «выезд богатыря», тогда как в песне «Замбал-хана» эти описания сокращены, а в некоторых случаях отсутствуют вовсе.

В связи с невозможностью представить в данной статье таблицу полного синоптического сопоставления двух прологов Багацхуровского цикла, которая занимает более 120 страниц, ниже мы приводим лишь ее фрагмент (см. табл. № 2; перевод калмыцкого текста на русский язык осуществлен сотрудником Калмыцкого научного центра РАН Т. А. Михалевой). Приведенная ниже таблица синоптического сопоставления констатирует сохранность «поэтической фактуры» стихов с некоторыми изменениями типических мест и формул.

Таблица № 2. Сравнение двух прологов Багацохуровского цикла

	I. ДУУТ БОГД ЖАНЬР ДОГШН ХАР КИНЕСИГ ДӨРӨЦҮЛГСН БӨЛГ	II. ДОГШН ЗАМБЛ ХААНА ЫАЛЗУ ДОЛАН БОДҢГИГ АСР УЛАН ХОҢЬР КҮНД ЫАРТА САВР ХОЙР ДӨРӨЦҮЛГСН БӨЛГ
1.	Олн бум бурхн үд дунднь үдлгсн ‘Сотни тысяч бурханов в полдень пребывают в покое’	Бум олн бурхн / Үд дунднь үдлгсн ‘Сотни тысяч бурханов / В полдень пребывают в покое’
2.	Орг Йондн Орз гилэ. ‘[На горе] Орог Йондон Орза, говорили’.	
3.	Арслң Алта мөңгн Цаһан уул ‘Богатырского Алтая серебристая гора Цаган’	Арслң Алта мөңгн Цаһан уульнь ‘Богатырского Алтая серебристая гора Цаган’
4.	Һарх шар нарни көлд ‘В лучах восходящего жёлтого солнца’,	
5.	Һазр, теңгрин киисн болад, маңһаһад бээдгж. ‘Будто пупом земли и неба став, величаво высится’.	
6.	Өргн Шартг далань ‘Широкий океан Шартаг’	
7.	Өрү сөрү хойр урсх[у]лта, ‘Прилив и отлив — два течения имеет’,	
8.	Үлдән мөргәр (II. мөргн) дольгалдг (II. дольгата), ‘Обуху меча подобны волны его’,	
9.	Шур сувсн (I. хойр) күрлһтә, ‘Кораллами и жемчугами он богат’,	
10.	Элдв бадмин өңгтә. ‘Красивых лотосов цвет он имеет’.	
11.	Эн далан уснас уугсн күмн ‘Воду этого океана кто выпьет’,	Эрдн Шартг далань ‘Драгоценный океан Шартаг’,
12.	—	Манн болж туннал. ‘Дымясь туманом, покоится’.
13.	—	Эгц нээмн миңһн һолнь ‘Ровно восемь тысяч рек’
14.	Үкл уга мөңк, ‘Вовеки бессмертным становится’,	См. 1336
15.	Үксн цагтан ‘Но когда умрёт’,	См. 53
16.	Үрглж[д] һучн һурвн теңгрин орнд төрдг. ‘Непреренно в стране тридцати трёх <i>тенгриев</i> перерождается’.	См. 54
17.	Салгсн нээмн миңһн һолнь ‘Восемь тысяч рек, ответвленные [от океана]’,	Ср. 13
18.	Дөчн сай алвтнән үүдн болһнднь ‘Мимо дверей каждого из сорока миллионов подданных’,	Дөчн түмн алвтани үүдн болһарнь ‘Мимо дверей каждого из сорока <i>туменов</i> подданных’
19.	Көрл уга, мөңк дөрвн цагт ‘Не замерзая, в вечные четыре времени [года]’	Мөңк дөрвн цагт ‘В вечные четыре времени [года]’
20.	Элсн сээрһләр жиржннж гүүһәд, ‘По песчаным руслам, журча ручьём, текут’	
21.	Услур түгәж өдг (II. өгнәл) (I. гинә). ‘И поят водой, говорят’.	
22.	Эзн Жанһрин эврәни услурнь — ‘Сам владыка Джангар пьёт’	—
23.	Киитн Домб гидг һолнь — ‘Из студёной реки Домбо —’	Ср. 386

24.	Асрин улан энгэн хольв цокад, ‘Высокий красный яр подмывая,’	—
25.	Мөңкэн дөрвн цагт ‘В вечные четыре времени [года]’	См. 19
26.	Көрл уга бээдг гинэ. ‘Не замерзает [она], говорят.’	Ср. 19
27.	Өл Самбан ташу гидгнь — ‘Седой Самба [горы] склон,’	Өл Самбан ташуднь ‘На склоне седой Самба [горы]’
28.	Баатрмуднь агтан тэвдг, ‘Куда богатыри коней [пастись] отпускают,’	—
29.	Увл, зун уга Зимой и летом	
30.	Үрглж[д] хумха уга көк, ‘Покрыт неувядающей зелёной травой,’	Өвсни көк ‘Травы зелёные’
31.	Маанин аюһар һаңхдг болна. ‘Кольшущейся, будто вторя пению молитв’.	Үрглж[д] маанин аюһар һаңхнал. ‘Кольшутся, будто вторя пению молитв’.
32.	Зу талнь хэлэхнь, ‘Если в сторону Зу посмотреть,’	
33.	Зурһан миңһн шар алтн сүмнь ‘Шесть тысяч жёлто-золотистых храмов’	
34.	Зүүгин хар үүлнэс ивт юуһинь һар[h]ад, ‘Пронзая чёрные тучи, оттуда плывущие,’	
35.	Одта көк тенгрин аһарт (П.-нь), ‘В звёздного синего неба просторах,’	
36.	Орх шар нари (I. зун өнцг көл дорнь) көлднь ‘Левее лучей заходящего жёлтого солнца’	
37.	Бел белән түшв (II. түшч харгднал). ‘Вплотную друг к другу стоят’.	
38.	Шат болгсн (I. Бумб далан көвэднь) бумблва[д]нь ‘На берегу Бумбы-океана с уступами’	
39.	Шартг дөрвн далата, ‘Жёлтых четыре моря имеющие,’	
40.	Шарин дөрвн киидтэ, ‘Жёлтой веры четыре монастыря имеющие,’	
41.	Шагжмунин илтэ хувлһн бламта ‘Ламу — перерожденца Шакьямуни — имеющие’	
42.	Шагжмунин тоота долан түмн хувргнь ‘Шакьямуни последователи, семьдесят тысяч хувараков,’	Шажин тоота нээмн түмн шеврнрь ‘Священнослужители, восемьдесят тысяч шабинеров,’
43.	Шатр болгсн (II. бумблвадан) орд харшдан ‘Во дворце своём, шатру подобном,’	
44.	—	Шаңхлан хэлэж, ‘В свитки посматривая,’
45.	Шар улан хойрнь йилһрэд, ‘На жёлтых и красных разделившись,’	Шар, улань йилһрж, ‘На жёлтых и красных разделившись,’
46.	Увр-увр гилдвл. ‘[Молитвы] читают’.	
47.	Дун, бүрәһин дунь Звуки их раковин и труб’	
48.	Догшн хату дән нутгт ‘В жестокой вражеской стране,’	Дорд Замбан орнд ‘В восточной замбайской стране,’
49.	Күңкнж сонсгдв, ‘Эхом отдаваясь, слышались’.	Күңкнж жирһв. ‘Эхом отдаваясь, слышались’.

50.	Догшд номинин яцнь (II. ценггнь) Их духовные песнопения во славу докшитов'	
51.	Деер, теңгрин орнд жиржңнж соңсгдд болна. 'Наверху, в стране <i>тенгриев</i> , как журчание, слышались.	Һучн һурвн Хурмстын [теңгрин] аһартнь соңсгдв. 'В обители тридцати трёх [<i>тенгриев</i>] Хормусты слышались'.
52.	Үзл уга мөргсн (II. үнмгсн) күмн 'Кто, не видя [этого], молится,'	
53.	Үксн цагтан 'Когда умрёт,'	
54.	Үрглжд һучн һурвн теңгрин орнд (II. теңгрт) төрдг (I. гинә), 'Непреренно в стране тридцати трёх <i>тенгриев</i> перерождається, говорят,'	
55.	Үзэд, эргэд мөргсн (II. седклән тэвгсн) күмн 'Кто видит [это] и совершает обход [храмов],'	
56.	Эсрң теңгрин деер, миңһн берән һазрт, 'Тот в будущем на небесах, на расстоянии тысячи <i>беря</i> ,	Эсрң теңгрин деер, 'Тот в будущем на небесах,'
57.	Эрдни Ө бурхни таралңднь 'В обители благородного <i>бурхана</i>	Эрднь бурхни таралңд, 'В обители благородного <i>бурхана</i> ,'
58.	Эгц миңһн һалвд 'В тысячелетия раз	—
59.	Эрк биш төрдг андһарга (I. гинә). 'Непреренно переродиться судьбу имеет, (I. говорят)'	
60	Шат болгсн Бумб далан көвэд орулж авгсн 'На берегу Бумбы-океана с уступами	Ср. 1329
61.	—	Эзн деед богдын күрә, киидд 'Владыки верховного <i>богдо</i> монастыри и храмы'
62.	—	Нарга делкән орнд, 'На всём белом свете,'
63.	—	Нәэмн миңһн ик хаани нутгтнь һәэхүл болнал. 'Во владениях восьми тысяч великих ханов дивом являются'.
64.	—	Бумб далан '[Ответвленных от] Бумбы-океана,'
65.	—	Һучн һурвн һолын экнд орулж авгсн 'Покорённых у истоков тридцати трёх рек,'
66.	Шалдг дөрвн миңһн хан 'Покорённые четыре тысячи ханов-избранников	Шарин дөрвн түмн маңһс[и]нь 'Жёлтой веры четыре <i>тумена мангасов</i> ,'
67.	Алвтгаһан багтж ядв, 'С подданными своими не могли разместиться.	Шахж тулв. 'Притесняя, подавляли'.
68.	Эрцс Бумбан бум һолд (II. һолын экнд) 'На берегу извиистой Бумбы [реки] со ста тысячами притоков,'	
69.	Эзн Жаңһрин эврән меддг 'Владыке Джангару'	
70.	(II. Элвг) далн келн алвтнь 'Принадлежащие семьдесят племён подданных,'	
71	Долан сарин һазрт багтж ядад, 'На пространстве семи месяцев пути не поместившись,'	—

72.	Жаңһрин нерэр 'Джангара именем [устрашая],'	Эзн богд Жаңһрин нерэрнь 'Владыки <i>богдо</i> Джангара именем [устрашая],'
73.	Шарин дөрвн түмн орни һазринь 'Жёлтой веры сорок тысяч стран'	Шарин дөрвн түмн хааг 'Жёлтой веры четыре <i>тумена</i> ханов',
74.	Булаж авад, шахж генүлв. 'Захватив, притесняли [народ]'	Һазринь булаж авад шахж генүлв. 'Владения их захватив, притесняли'.
75.	—	Бумб далан живхлнднь, '[На берегу] величественного океана Бумбы,'
76.	Һарх шар нарни зүн өнцг көлднь, 'Левее лучей восходящего жёлтого солнца,'	
77.	Һандиг Алта ууланин ар тавцнднь, 'На северном склоне своей высокой горы Алтай,'	Һаслнта жирн зурһан теңгсин цутхлнднь, 'У слияния шестидесяти шести бурных морей,'
78.	Һаслнт жирн зурһан теңгсин цудхлнднь 'У слияния шестидесяти шести бурных морей'	Һандиг Алта уулын ар тавцн деернь 'На северном склоне высокой горы Алтай'
79.	Шахр алти бээшнгән шин делдүлв. 'Дворец из чистого золота только что [Джангар] воздвиг'.	
80.	Шарин дөрвн зүгин өргә 'Жёлтой веры ставками четырёх сторон'	Шажин нээмн түмн маңһсиг 'Верующих восемь <i>туменов мангасов</i> '
81.	Эврәһән кеж орулж авб. 'Завладел, себе он их подчинил,'	Номдан орулж авб, 'В веру свою обратил,'
82.	—	Дөрвн үзгин эзн болв, 'В четырёх сторонах владыкой он стал,'
83.	—	Дүүвр һәрдин нутган төвкнүлн тогтав, 'В его гордой стране покой воцарился,'
84.	Йиртмжин төриг хад мет бээһүлв, 'Вселенскую державу свою, как скалу, укрепил,'	
85.	Бурхни шажиг нарн мет мандлулв (П. делгүлв). ' <i>Бурханов</i> веру, как солнце, возвеличил [он]'	

Рассмотрение прологов подтверждает положение о том, что «каждый текст вбирает в себя и готовую, лексически устойчивую часть» [Гацак 1971: 46], и в вербальном воплощении, естественно, может варьироваться. Джангарчи, усвоивший эпос у своего предшественника, хранит в своей памяти готовый набор формул, типических мест и т. д. Но при устном воспроизведении рапсод строит свое повествование каждый раз по-новому, потому как «у певца не одна повествовательная возможность, а „пучок“ таких возможностей» [Гацак 1971: 45].

Таким образом, анализ текста обнаруживает варьирование при описании — Джангара и его коня, месторасположения

богатырей, подчинения богатыря Савара, пира во дворце Джангара (см. табл. № 2).

Варьирование словесной ткани текста наблюдается в следующих случаях:

а) изменяемость формул;

б) перестановка слов в стихотворной строке;

в) редукция и амплификация.

В результате анализа мы обнаружили, что основные различия наблюдаются в морфологических, фонетических изменениях, перестановках тем и подтем, смене времени, синонимической замене слов и других трансформациях. Отдельные слова, фразеологические сочетания заменяются синонимами, контекстуальными синонимами (см. табл. 3, табл. 4).

Таблица № 3. Примеры синонимической замены в двух прологах песен «Джангар»

I	II
хумха уга көк 'неувядающей зелёной травой'	өвсни көк 'травы зелёные'
Догшин хату дэн нутгт 'В жестокой вражеской стране'	Дорд Замбан орнд 'В восточной замбайской стране'
Куңкнжэ соңсгдв 'Эхом отдаваясь, слышались'	Куңкнжэ жсирһв 'Эхом отдаваясь, слышались'
теңгрин орнд 'в стране тенгриев'	теңгрин аһартнь 'в стране тенгриев'
Эрдни Ө бурхни таралднь 'В обители благородного бурхана'	Эрднь бурхни таралд 'В обители благородного бурхана'
багтн ядв 'не могли разместиться'	шахжэ тулв 'притесняя, подавляли'
Шарин дөрвн түмн орни һазринь 'Жёлтой веры сорок тысяч стран'	Шарин дөрвн түмн хааг 'Жёлтой веры четыре тумена ханов'
Эврәһән кежэ орулжэ авб 'Завладел, себе он их подчинил'	Номдан орулжэ авб 'В веру свою обратил'
Дөчн сай алвтинән 'сорока миллионов подданных'	Дөчн түмн алвтани 'сорока туменов подданных'
долан түмн хувргнь 'семьдесят тысяч хувараков'	нәэмн түмн шеврнь 'восемьдесят тысяч шабинеров'
Шалдг дөрвн миңһн хан 'Покорённые четыре тысячи ханов-избранников'	Шарин дөрвн түмн маңһс[и]нь 'Жёлтой веры четыре тумена мангасов'
Шарин дөрвн зугин өргэ 'Жёлтой веры ставками четырёх сторон'	Шајсин нәэмн түмн маңһсиг 'Верующих восемь туменов мангасов'

Приведенные синонимические параллели не являются тавтологическими сочетаниями и не синонимы в словарном смысле, они оказываются синонимами только потому, что функционально несут одинаковую смысловую нагрузку, выполняют функцию асимметричных синонимов, уподобленных и одновременно расподобленных. «Поэтическая же их функция в контексте не изображать, а обозначать нечто при помощи сопоставления этих выделенных качеств» [Чистов 1983: 169]. В сопоставляемых текстах синонимы представляют общеклассическую и общезыковую традиции.

Калмыцкие жангарчи придерживались традиции «петь, как старики пели», в силу консервативности эпической школы рапсоды не могли импровизировать и вносить что-то новое. Слушая эпос, певец перенимал у своего предшественника традиционный и стандартизированный набор сюжетов, стилистических и композиционных приемов, которые он использовал во время исполнения «Джангара».

Пролог, являясь гениальной находкой певцов эпоса, свидетельствует о высшем достижении эпического мастерства рапсодов, благодаря которым «Джангар» сохра-

нился и стал мировым художественным наследием.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Golstunsky Collection — 908 Incipit: (f. 1a) Olon bum burxan üde dumduni üdelegsen:... Calm. C. 17, inventory No. 1770. Old call number Xyl. F 63. Golstunsky Collection (1857), No. 2. / Библиотека Восточного факультета СПбГУ. [908 Incipit: (f. 1a) *Olon bum burxan üde dumduni üdelegsen*:... Calm. C. 17, inventory No. 1770. Old call number Xyl. F 63. Golstunsky Collection (1857), No. 2. Library of Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University.]

Jangar 1864 — Jangar: Dogshin Shara Gurguugiyin bolog; Dogshin Qara Kineesiyin bolog // Ubasi qun tayijiyin tuuji; Jangar; Sidiyitu kuuriyin tuuli / изд. К. Голстунский. СПб., 1864. С. 8–74. На старописьм. калм. [Jangar: *Dogshin Shara Gurguugiyin bolog*; *Dogshin Qara Kineesiyin bolog* // Ubasi qun tayijiyin tuuji; Jangar; Sidiyitu kuuriyin tuuli / К. Golstunsky (publ.). St. Petersburg, 1864. Pp. 8–74. (In Old Kalm.)]

НА РГО — Научный архив РГО СПб. Оп. 1. Д. № 15 «Песни и сказки калмыцкого народа Астраханской губернии Багацохуров-

- ского улуса». [*Nauchnyi arkhiv RGO SPb* [Scientific Archive of St. Petersburg Office of the Russian Geographical Society]. Ser. 1. File No. 15: 'Songs and tales of the Kalmyk people inhabiting Bagatsokhurovsky Ulus of Astrakhan Governorate'. (In Old Kalm.)]
- Джангар 1990 — Джангар: Калмыцкий героический эпос / сост., подг. текстов, коммент. и словарь Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова, Ц. К. Корсункиева и др.; прилож.: Калм. героич. эпос "Джангар". М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 474 с. На калм. и рус. яз. (Серия "Эпос народов СССР"). [*Dzhangar: Kalmytskiy geroicheskiy epos* [The Kalmyk heroic epic of *Jangar*]. N. Ts. Bitkeev, E. B. Ovalov, Ts. K. Korsunkiev et al. (comp., prep., etc.). Moscow: Nauka, 1990. 474 p. (In Kalm. and Rus.)]
- ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES**
- Гацак 1971 — Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М.: Наука, 1971. С. 7–46. [Gatsak V. M. The epic tale teller and his text. *Tekstologicheskoe izuchenie eposa* [Textological studies of epic texts]. Moscow: Nauka, 1971. Pp. 7–46. (In Rus.)]
- Гацак 1989 — Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с. [Gatsak V. M. *Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni: Istoricheskoe issledovanie poetiki* [The oral epic tradition in time: a historical study of poetics]. Moscow: Nauka, 1989. 256 p. (In Rus.)]
- Кичиков 1992 — Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1992. 320 с. [Kichikov A. Sh. *Geroicheskiy epos «Dzhangar»*. *Sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamyatnika* [The heroic epic of *Jangar*: a comparative and typological study]. Moscow: Vost. Lit., 1992. 320 p. (In Rus.)]
- Козин 1940 — Козин С. А. «Джангариада». Героическая поэма калмыков (введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии). М.; Л., 1940. 252 с. [Kozin S. A. «*Dzhangariada*». *Geroicheskaya poema kalmykov (vvedenie v izuchenie pamyatnika i perevod torgutskoy ego versii)* [The *Jangariada*: a heroic poem of the Kalmyks]. Moscow; Leningrad, 1940. 252 p. (In Rus.)]
- Манджиева 2003 — Манджиева Б. Б. Пролог Малодербетовской версии (1862 г.) (Синоптический разбор трех вариантов) // «Монголоведение в новом тысячелетии (к 170-летию организации первой кафедры монгольского языка в России)» Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2003. С. 140–141. [Mandzhieva B. B. The Baya Dorbet version (1862) of the *Jangar* epic: a prologue. «*Mongolovedenie v novom tysyacheletii*» [Mongol Studies in the New Millennium]. Conf. proc. Elista: Kalmyk State Univ., 2003. Pp. 140–141. (In Rus.)]
- Манджиева 2004а — Манджиева Б. Б. Пролог в поэтико-стилевой традиции «Джангара» (Малодербетовская версия 1862 г.): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004а. 159 с. [Mandzhieva B. B. *Prolog v poetiko-stilevoy traditsii «Dzhangara» (Maloderbetovskaya versiya 1862 g.)* [The epic of *Jangar*: a prologue in the poetic and stylistic tradition (Baya Dorbet version of 1862)]. A PhD thesis. Moscow, 2004a. 159 p. (In Rus.)]
- Манджиева 2004б — Манджиева Б. Б. Пролог в поэтико-стилевой традиции «Джангара» (Малодербетовская версия 1862 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004б. 19 с. [Mandzhieva B. B. *Prolog v poetiko-stilevoy traditsii «Dzhangara» (Maloderbetovskaya versiya 1862 g.)* [The epic of *Jangar*: a prologue in the poetic and stylistic tradition (Baya Dorbet version of 1862)]. A PhD thesis abstract. Moscow, 2004b. 19 p. (In Rus.)]
- Манджиева 2014 — Манджиева Б. Б. Роль пролога в композиции калмыцкого героического эпоса «Джангар» // «Epic Jangar and Beyond». Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Хобуксар, 16–17 июля 2014 г.). Хобуксар, 2014. С. 209–216. [Mandzhieva B. B. The role of a prologue within the structure of the Kalmyk heroic epic of *Jangar*. «*Epic Jangar and Beyond*». Conf. proc. (Hoboksar, 16–17 July 2014). Hoboksar, 2014. Pp. 209–216. (In Rus.)]
- Манджиева 2015 — Манджиева Б. Б. К вопросу изучения калмыцких богатырских сказок // XLIV Междунар. филолог. науч. конф. Тезисы докладов. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 741–742. [Mandzhieva B. B. Studies of Kalmyk heroic tales revisited. 44th Internat. philolog. conf. Conf. abstracts. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2015. Pp. 741–742. (In Rus.)]
- Овалов 1977 — Овалов Э. Б. Поэма о поражении свирепого Хара Киняса в эпосе «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. 79 с. [Ovalov E. B. *Poema o porazhenii svirepogo Khara Kinyasa v epose «Dzhangar»* [The epic of *Jangar*: a Song (poem) about the Defeat of Khara Kinyas the Fierce]. Elista: Kalm. Book Publ., 1977. 79 p. (In Rus.)]

- Убушиева 2009 — *Убушиева Д. В.* Багацохуровский цикл «Джангара» в записях XIX века (сюжетика и сохранность эпического текста): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2009. 21 с. [Ubushieva D. V. *Bagatsokhurovskiy tsikl «Dzhangara» v zapisyakh XIX veka (syuzhetika i sokhrannost' epicheskogo teksta)* [The Baya Tsokhor cycle of the *Jangar* epic: 19th century records]. A PhD thesis abstract. Elista, 2009. 21 p. (In Rus.)]
- Убушиева 2012 — *Убушиева Д. В.* Сохранность и вариативность эпического текста (материал трех разносюжетных песен Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Научное наследие профессора А. Ш. Кичикова и актуальные проблемы современной калмыцкой филологии и культуры. Мат-лы регион. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения профессора А. Ш. Кичикова. 2012. С. 133–135. [Ubushieva D. V. Integrity and variability of the epic text: a case study of three songs of the Baya Tsokhor cycle. «*Nauchnoe nasledie professora A. Sh. Kichikova i aktual'nye problemy sovremennoy kalmytskoy filologii i kul'tury*» [Scientific heritage of Prof. A. Kichikov and topical challenges of contemporary Kalmyk linguistic and cultural studies]. Conf. proc. 2012. Pp. 133–135. (In Rus.)]
- Убушиева 2016а — *Убушиева Д. В.* Пролог Багацохуровского цикла в записях XIX века // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования». Мат-лы III Междунар. науч. конф., посв. 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2016а. С. 254–256. [Ubushieva D. V. A prologue of the Baya Tsokhor cycle: 19th century records. «*Dzhangar» i epicheskie traditsii tyurkomongol'skikh narodov: problemy sokhraneniya i issledovaniya*» [The *Jangar* and epic traditions of Turco-Mongols]. Conf. proc. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016a. Pp. 254–256. (In Rus.)]
- Убушиева 2016б — *Убушиева Д. В.* Археографическое описание текстов песен Багацохуровского цикла XIX века // «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие». Мат-лы II Междунар. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2016б. С. 280–281. [Ubushieva D. V. An archaeographic description of texts of the 19th century Baya Tsokhor cycle texts. «*Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii: mezhdunarodnoe i regional'noe vzaimodeistvie*» [Humanities in Southern Russia]. Conf. proc. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016b. Pp. 280–281. (In Rus.)]
- Чистов 1983 — *Чистов К. В.* Вариативность и поэтика фольклорного текста // История. Культура. Этнография и фольклор славянских народов. М.: Наука, 1983. С. 143–169. [Chistov K. V. Variability and poetics of the folklore text. *Istoriya. Kul'tura. Etnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov* [History, culture, ethnography and folklore of Slavic peoples]. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 143–169. (In Rus.)]

The Baya Tsokhor Cycle of the *Jangar* Epic (1857–1862): a Synoptical Analysis of Prologues

Bayrta B. Mandzhieva¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, I. K. Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

Abstract

Goals: The article studies prologues of the Baya Tsokhor Cycle of the *Jangar* Epic to reveal sustained textual patterns, determine the fundamentals and principles of formation of the representational part of the epic.

Methods: The analysis of two prologues of the Baya Tsokhor Cycle involved the use of complete synoptical comparison of texts introduced by V. Gatsak for epic compositions.

Results: The conducted synoptical comparison of prologues to the songs *Duut Bogd Janγr Dogshin Khara Kinesig Dörätsülgsn Bölg* (About the Victory of Jangar Bogdo over Khara Kinyas the Furious) and *Dogshin Zambl Khaana Yalzu Dolan Bodngig Asr Ulan Khongor Künd Yarta Savr Khoir Dörätsülgsn Bölg* (About the Victory of Ulan Khongor the Mighty and Savr the Strong over Irrepressible Warriors of Zambal Khan the Fierce) of the Baya Tsokhor Cycle resulted in 1 383 line entries. The synoptical ‘vertical presentation’ and comparison of parity verses revealed 153 elements that coincided both textually and locally. Matches for 105 verses were discovered in some remote parts of the texts. And 112 verses differ to a certain extent but still coincide being invariants of the same source elements. As for verses to have coincided textually and locally with some fractional synonymies, those number 205. So, the synoptical comparison of the two prologues has revealed that 575 line entries are completely or partly similar, and it can be asserted that — being aware of the basic structural patterns of the epic — a *jangarchi* (Kalm. ‘epic taleteller’) would construct the narrative according to a certain reference sequence: 1) description of the country, 2) description of the construction of a palace, 3) description of Jangar, his weapons and war-horse, 4) description of the characters’ whereabouts, 5) Savar’s submission, 6) a feast in Jangar’s palace, 7) glorification of the country.

Conclusions: The investigation of the prologues attests to the fact that repeatedly recited folklore texts basically vary. During his performances the taleteller uses ready-made topics, common parts and poetic formulas. Being an important compositional element of the epic, a prologue facilitates a deeper perception of the epic poem, heroic deeds of the main characters, emphasizes the magnitude of the events described in the country of Bumba; so, the larger the prologue, the grander epic state looks; and the prologue as such attests to that the *Jangar* epic had sustainably developed in a wide historical context.

Keywords: epic, tradition, prologue, manuscript, synoptic analysis, text, taleteller, variability

CONTENTS

HISTORY

National History	<i>Samdan A.</i> The Increasing Political Influence of Russia and Administrative Reform in Tuva	2
	<i>Bashkuev V.</i> Mongolian Livestock Breeders in the 1920s – 1930s: Traditional Lifestyles and Health Problems (a Case Study of Archived Records of the RSFSR People’s Commissariat for Health)	14
	<i>Ochirov U.</i> Kalmykia’s Residents — Recipients of ‘Orders for Military Commanding Officers’	27
Sources Studies	<i>Grechkina-Pogrebniakova (Khvorova) I.</i> Peoples of Siberia in the 20 th Century: Documents on the History of Relations (a Case Study of Materials Contained in the State Archive of the Russian Federation and State Archive of Krasnoyarsk Krai)	48
	<i>Kozintsev M., Pochekaev R.</i> Revisiting the History of Russia’s Central Asian Customs Policy in the Mid-to-Late 19 th C. (V. P. Cherevansky’s Staff Report of 1872)	58
Ethnology	<i>Batomunkuev S.</i> National Identity and the Phenomenon of Civic Religion	79
	<i>Baiazitova R.</i> Bashkir Traditional Culture: Semiotic Functions of National Costumes	89
	<i>Zhukovskaya N.</i> Male and Female Shamans of Buryatia: Their Mystical Experiences and the Author’s Field Research. Part One	97

LINGUISTICS

Linguistics	<i>Khoninov V.</i> Kalmyk Homonymic Studies and the Challenge of Compiling a Homonymic Dictionary Revisited	110
	<i>Muratova R.</i> The Bashkir Colour Term <i>Кызыл / Qyžyl</i> (‘Red’): Genesis, Evolution and Lexical Semantics	120
	<i>Bembeev E.</i> Revisiting the Problematic Semantics of Some Lexical Units to Denote Whips (a Case Study of the <i>Jangar</i> Epic)	132
	<i>Gedeeva D.</i> The Word <i>Bičiq</i> in the Language of Official Kalmyk Writing: 18 th –19 th Centuries	145
	<i>Guruuchin G.</i> Some Mongolian Term-Forming Suffixes: Frequency of Use and Application	152

FOLKLORE & LITERARY STUDIES

Folklore Studies	<i>Dampilova L., Khabunova E., Chuluun Z.</i> The Epic Tradition of Mongolic Peoples: Toponym ‘ <i>Altai</i> ’ in the Motif of the Way	166
	<i>Mandzhieva B.</i> The <i>Baya</i> Tsokhor Cycle of the <i>Jangar</i> Epic (1857–1862): a Synoptical Analysis of Prologues	174

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES
(Vestnik of KIH RAS)

2018. № 5 (39)

Сдано в набор 13.09.2018. Подписано в печать 20.09.2018.
Формат бумаги 60x84¼. Усл. печ. л. 21,8.
Тираж 300 экз. Заказ 15-18.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр
Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).

ORIENTAL STUDIES

(Vestnik of KIH RAS)

Founded in 1963,
Published as a journal since 2008
ISSN 2619-1008 (online version)
ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on September 27, 2017.
Registration number PI No. FS77-71236

2018. Vol. 39. Iss. 5
Published six times a year

Editor-in-Chief:

Ph.D. in Philology *V. Kukanova*

Deputy Editor-in-Chief:

Ph.D. in History *E. Bakaeva*

Editorial Council:

Acad. of the RAS *G. Matishov* (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov* (Moscow, Russia), Ph.D. in History *M. Balzer* (USA),
Acad. *L. Bold* (Mongolia), Ph.D. in History *N. Bugai* (Moscow, Russia), Ph.D. in Philology *Chao Gejin* (China),
Ph.D. in History *V. Grayvoronsky* (Moscow, Russia), Corr. Member of the RAS *A. Dybo* (Moscow, Russia),
Ph.D. in Philology *V. Klyaus* (Moscow, Russia), Ph.D. in Philology *I. Kulganek* (Saint Petersburg, Russia),
Ph.D. in Philology *O. Mudrak* (Moscow, Russia), Ph.D. in History *I. Popova* (Saint Petersburg, Russia),
Ph.D. in History *N. Sukhbaatar* (Mongolia), Ph.D. in History *D. Schorkowitz* (Germany),
Ph.D. in Philology *A. Tsendina* (Moscow, Russia), Ph.D. in History *Wei Jian* (China)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov* (Makhachkala), Ph.D. in Philology *Chao Getu* (China),
Ph.D. in Philology *L. Dampilova* (Ulan-Ude), Ph.D. in Philology *B. Dugarov* (Ulan-Ude),
Ph.D. in Sociology *N. Dulina* (Volgograd), Ph.D. in Philology *S. Krylov* (Moscow),
Ph.D. in Sociology *D. Lushnikov* (Stavropol), Ph.D. in Philology *G. Pyurbeev* (Moscow),
Ph.D. in History *S.-Kh. Syrtyanova* (Moscow), Ph.D. in History *A. Sytdikov* (Kazan),
Ph.D. in Philology *E. Skribnik* (Germany), Ph.D. in History *V. Trepavlov* (Moscow),
Ph.D. in History *Ts. Vanchikova* (Ulan-Ude), Ph.D. in History *N. Zhukovskaya* (Moscow)

Ph.D. in History *E. Badmaeva*, Ph.D. in Philology *T. Basangova*,
Ph.D. in Philosophy *B. Bicheev*, Ph.D. in Philology *D. Muzraeva*,
Ph.D. in Philology *V. Mushaev*, Ph.D. in History *U. Ochirov*,
Ph.D. in History *M. Ochir-Goryaeva* (Elista)

Founding Institution – Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia.
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15; Fax No. (84722) 3-55-06.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

